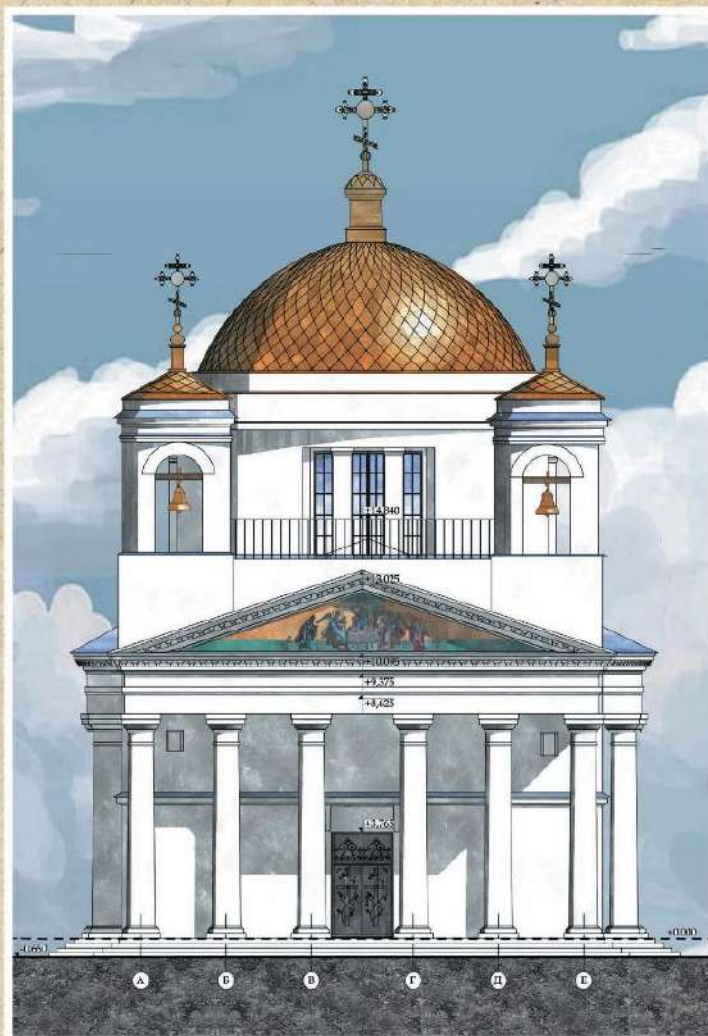

А.С. ШУМИЛКИН

КОНЦЕПЦИЯ РЕСТАВРАЦИИ

архитектурного наследия
в России XX – начала XXI вв.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»

*К 800-летию основания
Нижегорода*

А. С. Шумилкин

Концепция реставрации
архитектурного наследия в России
XX - начала XXI вв.

Монография

Нижегород
ННГАСУ
2021

ББК 85.11
Ш 96
УДК 72.01: 72.03

Печатается в авторской редакции

Рецензенты:

Вавилонская Т.В. – д-р архитектуры, заведующая кафедрой реконструкции реставрации архитектурного наследия ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»

Надырова Х.Г. – д-р архитектуры, заведующая кафедрой реконструкции, реставрации архитектурного наследия и основ архитектуры ФГБОУ ВО «Казанский государственный архитектурно-строительный университет»

Шумилкин А. С. Концепция реставрации архитектурного наследия в России XX - начала XXI вв. [Текст]: монография / А. С. Шумилкин; Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т – Н.Новгород : ННГАСУ, 2021. – 346 с. ISBN 978-5-528-00465-5

Монография посвящена обзору истории развития отечественной реставрации в России в XIX в. и в СССР в XX в. с выявлением обобщающих черт и тенденций в отдельные временные периоды. Анализируется роль архитектурно-реставрационных школ советского союза (Московской, Ленинградской, Новгородской, Владимиро-Суздальской, Псковской и других) в развитии научной теории и практики реставрационного дела в XX в. Нижегородская архитектурно-реставрационная школа, сформировавшаяся во второй половине XX в. и успешно развивающаяся в начале XXI в., рассмотрена в общей системе отечественной реставрационной школы. Определяются важные направления развития современной архитектурно-реставрационной парадигмы. Результаты исследования формируют новый взгляд на картину научной реставрации и сохранения памятников архитектуры в профессиональном и общекультурном контексте.

Использованы архивные материалы Государственного архива специальной документации Нижегородской области и Управления государственной охраны объектов культурного наследия Нижегородской области, проектная документация Горьковской специальной научно-реставрационной производственной мастерской, проектная документация реставрационных мастерских Нижнего Новгорода и других регионов страны.

Предназначена для студентов направлений подготовки 07.03.01 «Архитектура» профиль «Реставрационное проектирование» и 07.03.03 «Дизайн архитектурной среды», а также историков архитектуры, архитекторов-реставраторов и краеведов.

Табл. 35, библиограф. назв. 367

ISBN 978-5-528-00465-5

© А.С. Шумилкин, 2021
© ННГАСУ, 2021

Содержание

Введение	6
Глава I. Анализ формирования российской реставрации XIX – начала XX вв.	
Историко-культурные предпосылки возникновения отечественной реставрации в XVIII в.....	8
Влияние общественных организаций на развитие реставрационной науки XIX в.....	14
Формирование методологических подходов к реставрации объектов архитектуры в первой половине XIX в.....	21
Становление научной реставрации в конце XIX в. в контексте формирования интереса к отечественной культуре	29
Роль законодательных актов в становлении реставрации в дореволюционной России на рубеже XIX - XX вв.....	35
Становление методов реставрации. Обзор отечественной и европейской реставрационной практики XIX - XX в.	37
 Приложение 1. Таблицы 1-4.	
 Глава II. Анализ отечественной практики реставрации в советский период XX в.	
Трансформация идеологического подхода к сохранению наследия в первые десятилетия советской власти (1917 - 1940-е гг.).....	51
Обзор реставрационной практики в период становления СССР ...	58
Законодательная политика советского государства в довоенный период. Роль европейских законодательных актов в охране исторического наследия	71

Восстановление памятников архитектуры после Великой Отечественной войны как символ единения нации	74
Анализ влияния законодательных документов на реставрационную практику в СССР в послевоенный период (возникновение региональных реставрационных мастерских, активизация туризма)	80
Специфика различных подходов к сохранению историко-архитектурного наследия в Европе и России второй половины XX в	89
Эволюция подходов к реставрационной деятельности в 1960 - 1970-е гг. Охрана отечественного культурного наследия в контексте нормативно-правовой базы	95
Обзор советской реставрационной практики второй половины XX в	100
Приложение №2. Таблицы 5-10.	

Глава III. Особенности архитектурных реставрационных школ СССР и России в XX в.

Анализ архитектурных реставрационных школ центральной части России в XX в.....	107
Анализ архитектурных реставрационных школ северной части России в XX в.	120
Анализ архитектурных реставрационных школ южной части России в XX в.	134
Анализ архитектурных реставрационных школ Сибири в XX в.....	141
Особенности архитектурных реставрационных школ СССР и России XX в.	150
Архитектурная реставрационная практика в России на рубеже XX – XXI вв.....	153

Приложение №3. Таблицы 11-20.

Глава IV. Нижегородская архитектурная реставрационная школа в XX – XXI вв.

Анализ деятельности Горьковской специальной научно-реставрационной производственной мастерской (ГСНРПМ)	162
Анализ деятельности негосударственных нижегородских реставрационных мастерских на рубеже XX - XXI вв.	190
Особенности нижегородской архитектурной реставрационной школы в XX – XXI вв. Стратегия развития.....	195

Приложение №4. Таблицы 21-28.

Глава V. Концепция архитектурно-реставрационной деятельности на примере столичной и региональной реставрационной практики в постсоветский период рубежа XX - XXI вв. в России

Проблемы и особенности архитектурного реставрационного дела в России	218
Анализ предпосылок смены парадигмы современной реставрации рубежа XX - XXI вв. на основе теории временных циклов	226
Концепция перезагрузки архитектурно-реставрационной практики в России	239
Перспективы развития современной архитектурной реставрационной практики в России на основе концепции устойчивого развития архитектурно-исторической среды.....	248
Модель концептуального подхода к реставрации в аспекте сохранения региональной архитектуры. Стратегии развития архитектурного реставрационного дела в России	281

Приложение №5. Таблицы 29-35.

Заключение	291
Библиографический список.....	294
Список приложений	344

Введение

Сохранение культурного наследия сегодня представляет одну из наиболее серьезных задач, стоящих перед современным обществом в России и за рубежом. В процессе определения национальной идентичности наследию прошлого отводится роль связующего звена в преемственности традиций и базового ресурса устойчивого развития. Вместе с тем, на практике все более беспрецедентными становятся масштабы уничтожения объектов историко-градостроительной среды и ее целостных фрагментов, приводящие к утрате исторического облика городов. Исследователь архитектуры Д.О. Швидковский утверждает, что выработка отношения к историческому облику городов составляет не только проблему профессиональной реставрации. Данная задача «требуется много более сложного и обязательно долгого пути формирования нового понимания наследия предшествующих поколений, его роли в национальной культуре».

Сегодня одну из фундаментальных проблем отечественной архитектурной реставрации представляет отсутствие целостного объединяющего видения реставрационных подходов и задач на рубеже XX – XXI вв. Региональная информационная рассредоточенность затрудняет возможность эффективной коммуникации между различными специалистами в сфере сохранения культурного наследия. Поиск решения данной проблемы приводит к необходимости анализа базовых основ реставрационной науки, обобщения современного опыта практической деятельности и понимания приоритетов дальнейшего развития с позиций сохранения национальной культуры.

Актуальной задачей исследования является формирование концепции архитектурной реставрации XX – начала XXI вв. на основе сравнения региональных школ, разработка стратегии сохранения историко-культурного наследия России и модели подходов к практике реставрации на методологическом, практическом и законодательном уровнях.

В работе исследуется организация архитектурно-реставрационной деятельности в России и Европе, отечественная законодательная база и практический опыт в области реставрации памятников архитектуры в XX – начале XXI вв. Проводится анализ фундаментальных направлений, принципов, методов, базовых подходов, актуальных проблем и перспектив научной реставрации в аспекте сохранения объектов историко-культурного наследия.

Исследование базируется на обширной научно-теоретической базе по общим проблемам отечественной теории и истории архитектуры, проблемам консервации и реставрации памятников архитектуры в международном и российском контексте. Обобщаются актуальные вопросы реставрационной методики, проблематика развития подходов в отношении культурного наследия и современная региональная архитектурно-реставрационная практика. Анализируется законодательная специфика сохранения объектов культурного наследия в историко-культурной среде. Особенности формирования и развития нижегородской архитектурной реставрационной школы выявлены на основе анализа архивно-библиографического, научно-исследовательского и проектного материала.

Глава I. АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ РЕСТАВРАЦИИ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Историко-культурные предпосылки возникновения отечественной реставрации в XVIII в.

Вхождение России в эпоху Нового времени стало исходной точкой формирования принципиально нового отношения к наследию, связанного с зарождением исторического мышления – на почве которого, как особая область деятельности, возникла реставрация. Разграничение прошлого и настоящего в рамках нового мировоззрения, опирающегося на складывавшуюся европейскую культурную традицию, послужило импульсом к развитию на государственном уровне научного интереса к истории и старине. С началом XVIII в. связано формирование русского законодательства по сохранению древностей, происходившее под руководством Петра I. Впервые стремление к сохранению предметов старины законодательно было зафиксировано в 1722 г. и касалось «движимых» объектов – церковных и монастырских вещественных и письменных источников.

В силу реакционного отношения к национальной стилистике и восприятия объектов архитектуры как «фонового» окружения, к ним подобное отношение сложилось в более поздний период [168, с.15]. Последующие десятилетия были отмечены углублением интереса к сооружениям прошлого на фоне смятения противопоставления между

европейской и национальной культурной традициями, обусловившего их своеобразный симбиоз. Развитие научно-академического направления (формирование Академии Наук и Художеств) послужило целенаправленным исследованиям и накоплению материала по истории и географическим особенностям памятников в отдельных областях страны. Впервые с развитием интереса к живописи и коллекционированию произведений искусства была сформирована область их сохранения, обусловившая зарождение в середине XVIII в. реставрации живописи в России.

С 1740-х гг. проявление интереса к древней архитектуре, помимо научной области, вошло в сферу законодательства, определявшего сохранение памятников на практике. Законодательные распоряжения второй половины XVIII в., как правило, были направлены на накопление исторических сведений и графических материалов по древним памятникам (указ «О присылке планов в Синод на монастырские и церковные здания» для составления нового Атласа России, 1759 г.). Особая роль в формировании научного интереса к исследованиям древностей принадлежала В.Н. Татищеву. В спектре архитектурных объектов для исследовательских целей выделялись памятники, утратившие связь с современной жизнью и являвшиеся скорее объектами археологии (исчезнувшие городища, древние церкви, реликтовые места). Вместе с тем, данный период стал временем зарождения интереса к «живым» памятникам, прежде всего, к сооружениям, связанным с важнейшими историческими событиями и традиционными русскими святынями. Осознание их исторической роли обусловило новую специфику отношения к сохранению памятников – ремонт стал носить «реставрационный» характер, а ответственность за организацию и качество возлагалась на архитектора [168, с. 17]. Особую значимость приобрела проектная стадия работ, требовавшая внимания к изучению и точной фиксации состояния и степени разрушения древнего сооружения. В то же время, проблема отсутствия или недостатка средств сказывалась на качестве и ограничении восстановительных работ. Значительное число монастырских и церковных памятников, не получавших своевременного поновления, в этот период утрачивали своеобразие первоначальных форм.

Преобладающая роль в финансировании ремонтных работ отводилась собственным вотчинным доходам церковей и средствам частных пожертвований.

Спектр производимых ремонтно-реставрационных работ включал починку, укрепление, поновление, достройку, перестройку древних сооружений в связи разрушениями, причиняемыми пожарами, ветхостью, необходимостью в расширении. При этом традиционной оставалась ориентация на восстановление прежнего архитектурного облика.

Во второй половине XVIII в. в отношении к памятникам храмового зодчества, до этого почитавшимся исключительно как святыни, произошли изменения в сторону осознания ценности исторической древности церковных сооружений, особенно заметные на примере восстановления почитаемых национальных святынь (Успенский, Архангельский, Благовещенский соборы Московского Кремля). Первоначальный облик подобных сооружений при проведении ремонтных работ по возможности сохранялся или подвергался минимальным изменениям (восстановление шатра Воскресенского собора Новоиерусалимского монастыря, 1731 – 1742 гг., арх. И. Мичурин). Ремонтно-восстановительный характер работ обуславливал стремление к повторению старых форм и целостного архитектурного решения. Особая роль в развитии данных подходов принадлежала школе И. Мичурина, осуществившего во XVIII в. ряд значимых восстановлений в Москве (Московский Кремль, Собор Василия Блаженного, Сухарева башня, ансамбли Высоко-Петровского, Новодевичьего, Знаменского монастырей), Владимире (Рождественский монастырь), Костроме (Богоявленский монастырь), Ростове (Спасов монастырь) и др. Одной из предпосылок последующей реставрационной деятельности стало формирование в данный период ее натурно-исследовательского компонента (фиксация памятников в виде обмеров, чертежей, рисунков).

Помимо церковных зданий, ряд ремонтно-реставрационных работ в середине XVIII в. был связан с восстановлением утративших функциональное значение обветшавших крепостных сооружений и городских кремлей. При общей направленности на сохранение

типологических особенностей, габаритов и конструкций, существовала вариативность восстановительных подходов в части воссоздания утраченных объемов и элементов (Пречистенская башня Новгородского Кремля). На особо значимых сооружениях допускались перестройки в стилистических формах, отвечавших значению места. Таким образом, предпосылки реставраций XVIII в. были в значительной степени связаны с решением утилитарных задач, функциональным поновлением сооружений, а также приданием стилизованных форм, соответствовавший значению места на памятниках особой категории значимости.

Во второй половине XVIII в. преобладала практика перестройки древних сооружений в господствовавшей стилистике классицизма: в ряде случаев зданиям придавался новый облик на основе изменения структуры фасадов, введения элементов и деталей новой архитектуры (Рождественская церковь начала XVIII в. в Диканьке, проект перестройки арх. Н.А. Львов).

Вместе с тем, со второй половины XVIII в. отношение к поновляемым сооружением изменилось в сторону более достоверного восстановления прежних форм на основе графической фиксации. Разрушенные участки восстанавливались по натурным остаткам или аналогиям сохранившихся с прежними габаритами форм. Значимую роль в формировании научно-реставрационного понимания имели инициативы центрального управления, регламентировавшие проведение восстановительных работ с требованием повторения прежнего вида памятников (Указ Сената от 23 мая 1759 г. о стенах и башнях Московского Кремля) и служившие основным практическим руководством. Требование высочайшего указа о неповреждении старого строения при новом строительстве было повторено в инструкции, утвержденной Экспедицией кремлевского строения.

Восстановление отдельных особо значимых построек, представшее собой попытки прямой имитации ранних форм для воссоздания целостного образа, в целом, отвечало реставрационному подходу (восстановление башен, участков стен, Успенского собора Московского Кремля). В практику вошли полноценные примеры восстановления памятников в «прежнем виде», основанные на натуральных, инженерных и

исторических исследованиях (Ивановская колокольня Московского Кремля, восстановительные работы 1761 г.). Во многом сохранение «прежнего вида» определялось восприятием древних сооружений как национальной святыни, осознанием их особой идейной, художественной и градостроительной значимости, пиететом к святыням гражданской истории, а также особым почитанием древностей в народной среде. Более редким для конца XVIII в. был мотив сохранения памятника исключительно как «монумента древности» (церковь Св. Бориса и Глеба XI в. Новоторжского Борисоглебского монастыря, перестроена в 1785 г. в формах классицизма, арх. Н.А. Львов). Характерно появление первых примеров целенаправленного сохранения древних следов сооружений (Золотые ворота Киевской крепости, восстановительные работы 1750 г). Отдельные примеры восстановительных работ на древних зданиях демонстрировали предпосылки формирования консервационного метода (палаты царевича Димитрия в Угличе, восстановительные работы 1755 г.). При ремонте разрушенного Троицкого моста участку, подлежавшему восстановлению, предусматривалось возвращение как функциональных конструктивных элементов, так и деталей декора (1768 г., арх. В. Яковлев).

Формирование историко-научного и мемориального интереса к древностям послужило основой развития последовательного историзма по отношению к памятникам в последующие периоды.

Формирование художественного интереса к памятнику связано со временем наступления эпохи новой архитектуры классицизма и интереса к традициям античности во второй половине XVIII в. Критерий мемориальной ценности, существенный для первой половины XVIII в., уступил место эстетическому восприятию, характеризовавшемуся отсутствием историзма в его современном понимании и обусловленному антиисторизмом философии Просвещения [168, с. 28]. Значимым результатом данного периода стало формирование принципа натурального изучения древней архитектуры на основе воссоздания системы древних архитектурных правил. Соприкосновение с архитектурным опытом европейских стран (в рамках пенсионерских поездок русских архитекторов в Италию,

Грецию) расширяло отечественное представление о восприятии древних памятников. Развивавшиеся принципы исследования античной архитектуры явились предпосылками развития художественного направления архитектурной реставрации.

Ценностные ориентиры культуры Просвещения обусловили усложнение отношения к наследию прошлого в 1760 – 1770-е гг., связанное изменениями в понимании исторического процесса и представлений о своеобразии национальных культур отдельных народов. Характерным этапом стало возникновение интереса к неклассическому наследию, частично возникшее как реакция на разрушение старой архитектуры в связи с перепланировками городов провинции на регулярных началах (в широком смысле классическому наследию противопоставлялась готическая архитектура). Развивался эстетический интерес к фольклору, сопровождаясь развитием методов изучения и фиксации памятников древности. Отмечалось двойное восприятие памятников: у профессиональных архитекторов интерес к древней архитектуре носил эстетический характер, в среде непрофессионалов преобладал исторический интерес к памятникам, стремление его к трактовке как исторического свидетельства.

В целом, основной культурный контекст в рассматриваемый период задавался темой классицизма и античной традицией, отрицавшей значимость наследия, сформировавшегося вне данного направления. Вместе с тем, к концу XVIII в. отмечалось зарождение ценностных критериев наследия (неординарность, уникальность характера древних сооружений), появление «просветительского историзма» (Г.П. Макогоненко). На протяжении XVIII в. происходил процесс трансформации понимания древности сооружения, которое дифференцировалось от функционального назначения памятника. Если в XVIII в. характеристики «древности» идентифицировались с понятием «святости», то к началу XIX в. начало складываться понимание собственно «древности» вне зависимости от практических функций исторического памятника.

Таким образом, формирование в XVIII в. историко-научного и мемориального интереса к древностям, а также понимания эстетической и художественной ценности памятника, дало предпосылки

возникновения отечественной реставрационной науки в XIX в. Вклад в заложение фундамента будущей отечественной реставрации в XVIII в. принадлежал архитекторам И. Мичурину, Д. Ухтомскому, П. Никитину, К. Бланку, В. Яковлеву, И. Яковлеву, Р. Растрелли.

В целом следует отметить, что если в к. ХУШ в. в России приоритетным была историческая ценность объекта, то к середине XIX в. архитектурная ценность становится определяющей. Таким образом, процесс неуклонно развивался в сторону определения и эстетических качеств архитектуры.

Влияние общественных организаций на развитие реставрационной науки XIX в.

Общегосударственные и социально-культурные процессы первой половины XIX в., связанные с обращением к вопросам национальной исторической самобытности, дали импульс возникновению различных официальных научных обществ. Деятельность археологических обществ во второй половине XIX в. оказывала значительное влияние на дело охраны памятников, давая импульс развитию организационной системы и сферы законодательства. Большое распространение получала практика их консультативной и экспертной деятельности при проведении восстановительных работ на памятниках. Для решения принципиальных вопросов формировались специальные комиссии из представителей правительственных учреждений и научных обществ. Программы, разрабатывавшиеся в рамках данных комиссий, были направлены на усовершенствование структуры управления и обеспечение мер по сохранению памятников (проекты 1869 и 1876 гг.).

Силами научных обществ предпринимались шаги по формированию теоретической и методической базы восстановления древней архитектуры, принципы которой во многом основывались на теоретических работах крупнейших европейских исследователей, разрабатывавших понимание историко-эстетической ценности памятника (А. Ригля, М. Дворжака, В. Вельфлина). В практику входила передача полномочий по принятию решений о возобновлении древних сооружений отдельным обществам, а с конца 1870-х гг. ведущая роль

научных обществ в реставрации памятников была официально узаконена.

Первой организацией подобного рода стало Общество истории и древностей Российских при Московском университете (1804 г.). В 1846 г. было создано Императорское Русское археологическое общество (ИРАО, председатель с 1851 г. – гр. Д.Н. Блудов), с 1850-х гг. ориентированное на археологическое изучение и сохранение памятников отечественной древности. Значимая роль в формировании системы взглядов общества принадлежала помощнику председателя кн. Г.Г. Гагарину (с 1864 г.). В различные периоды видное участие в деятельности ИРАО принимали Н.И. Веселовский, И.И. Горностаев, П.И. Савваитов, П.С. Савельев, И.П. Сахаров, В.В. Стасов.

Научными обществами, впервые начавшими осуществлять целенаправленное исследование отечественных древностей, стали образованные в 1864 г. Московское археологическое общество (МАО) и Общество древнерусского искусства при Московском Публичном музее (ОДРИ). Одной из наиболее значимых сторон деятельности Общества древнерусского искусства во второй половине XIX в. являлось укрепление связей с западноевропейским научным миром.

Московское археологическое общество (1864 – 1923 гг.), благодаря просветительскому характеру своей деятельности, внесло принципиально новые черты в организацию охраны и реставрацию памятников. Значительный авторитет МАО был обусловлен фигурами его основателей и председателей: гр. А.С. Уваров (1864 – 1885 гг.); П.С. Уварова (1885 – 1917 гг.); Э.В. Готье-Дюфайе, А. М. Васнецов (1917 – 1919 гг.); Д. Н. Анучин (1919 – 1923 гг.). В состав общества входили представители отечественной науки, археологи, историки архитектуры, искусства и древнерусской культуры, художники: Н.А. Артлебен, Е.В. Барсов, К.М. Быковский, А.М. Васнецов, В.А. Гамбурцев, Ф.Ф. Горностаев, В.А. Городцов, Л.В. Даль, Н.П. Делекторский, А.К. Жизневский, И.Е. Забелин, З.И. Иванов, В.О. Ключевский, Н.П. Кондаков, А.А. Мартынов, И.П. Машков, С.Д. Милорадович, Н.В. Никитин, А.Л. Обер, И.С. Остроухов, А.М. Павлинов, М.П. Погодин, А.П. Попов, А.А. Потапов, Ф.Ф. Рихтер, В.Е. Румянцев,

И.В. Рыльский, С.У. Соловьев, И.Я. Спрогис, Н.В. Султанов, Д.П. Сухов, А.А. Титов, Г.Д. Филимонов, И.А. Шляков и другие (прил. 1, табл. 1, 2).

Научные положения общества в значительной степени опирались на опыт европейских государств в области развития национальной археологии. Консолидировав археологические силы страны, Московское археологическое общество инициировало организацию археологических съездов. На Первом Археологическом съезде (1869 г.) впервые в масштабе империи был рассмотрен вопрос о разработке мер сохранения памятников. В рамках данной задачи была предложена «целостная организационная система, комплексно охватывающая все стороны существования памятника в современной жизни» [168, с. 179]. Программой МАО предлагалось установление ценностных характеристик памятников, обуславливающих характер их контроля в рамках развитой на региональном уровне административной системы управления.

Деятельность Общества в значительной степени связала процессы развития реставрации и становления отечественной историко-архитектурной школы. «Комиссия по сохранению древних памятников», основанная в структуре МАО и ставшая в период 1878 – 1889 гг. наиболее крупным центром отечественной реставрации, не имела аналогов в других обществах. В период 1880-х – 1890-х гг. был заложен фундамент для качественного обобщения истории и типологии древнерусской архитектуры, что подняло на новый уровень требования к методологическим программам реставрации памятников.

Особую значимость представляла направленность общества на развитие интереса к древностям в провинции. В губерниях была организована сеть отделений МАО. География деятельности, помимо Москвы и Московской губернии, охватывала древние памятники на территории Закавказья, Литвы, в городах Владимире, Ростове и других. При этом представителями МАО определялась и согласовывалась общая программа реставрации, в то время, как разработкой деталей проекта занимались местные архитекторы.

К значимым объектам реставрации под руководством МАО можно отнести: Благовещенский собор с фасадными росписями в Московском Кремле (реставрация 1861 – 1867 гг., арх. Ф.Ф. Рихтер), палаты

Синодальной типографии (восстановление 1871 – 1874 гг., арх. Н.А. Артлебен), Коломенскую крепость (восстановление руин во второй половине XIX в., арх. М.Д. Быковский), Грановитую палату (восстановление 1882 г., арх. Г.Д. Филимонов), Георгиевский собор в Юрьеве-Польском (реставрация 1887 – 1888 гг., арх. В.В. Суслов), церковь Иоанна Богослова в Ростовском Кремле (реставрация 1888 г.; арх. Н.И. Поздеев, И.А. Шляков), Успенский собор во Владимире (восстановление 1885 – нач. 1890-х гг.; арх. И.Е. Забелин, Н.В. Никитин, И.О. Карабутов, губ. инж. Н.Д. Корицкий).

На примере деятельности МАО формировалась иерархическая модель отношений в области реставрации, ставившая в приоритет коллегиальность обсуждения, научный подход и ориентированная на задачи сохранения подлинных особенностей древнего памятника. Показательны примеры, когда МАО занимало альтернативную позицию в отношении восстановительных работ на памятнике, выдвигая собственную программу и определяя систему взглядов на методические подходы в реставрации (восстановление палат Синодальной типографии). В формах организации восстановительных работ сказывалось влияние научно-археологического подхода, альтернативного формам индивидуального архитектурного творчества и определявшего черты качественно новых принципов в реставрации. Деятельность Московского археологического общества, впервые наладившего систематический контроль за работами на памятниках, оставила наиболее значительный след в становлении реставрационной науки в 1870-е – 1880-е гг.

Шагом к формированию единой централизованной системы сохранения памятников стала организация правительственного научного учреждения – Императорской археологической комиссии (1859 – 1919 гг.). ИАК выполняла функции консультативного и контролирующего органа, заполнив соответствующее звено в организационной и законодательной системе охраны памятников древности. Став первой государственной организацией в данной области, ИАК обусловила направление в развитии реставрационного дела во второй половине XIX – начале XX вв.

Начало нового этапа деятельности Императорской археологической комиссии, повлиявшего на организацию реставрации с конца XIX в., было связано с передачей в 1889 г. ИАК исключительного права в осуществлении надзора за памятниками и решении вопросов, с ними связанных. Ранее имевшее лидирующую позицию в данном вопросе МАО сохраняло право на самостоятельное функционирование и собственный научно-фундаментальный подход к реставрационной деятельности. Вводилась дифференциация реставрационных работ: ИАК рассматривало «общие» реставрации, направленные на восстановление памятников в древнем виде; обществу отводилось ведение «частных» реставраций и вопросы охраны местных памятников.

В состав ИАК входили специалисты в области охраны памятников, практики-архитекторы, представители смежных областей: гр. С.Г. Строганов (председатель, 1859 – 1882 гг.), А.А. Васильчиков (председатель, 1882 – 1886 гг.), А.А. Бобринский (председатель, 1886 – 1917 гг.), М.П. Боткин, Н.И. Веселовский, Д.И. Гримм, И.Е. Забелин, Н.П. Кондаков, Г.И. Котов, Н.Е. Лансере, В.В. Латышев, Д.В. Милеев, Н.В. Покровский, П.П. Покрышкин, А.Н. Померанцев, М.Т. Преображенский, К.К. Романов, Е.А. Сабанеев, Ф.Г. Солнцев, А.А. Спицын, В.В. Стасов, Н.В. Султанов, В.В. Суслов, И.И. Толстой, Б.В. Фармаковский, М.А. Чижов, А.В. Щусев и другие (прил. 1, табл. 3, 4).

С 1901 г. при ИАК действовала Реставрационная комиссия, задачи которой были связаны с решением проблемы памятников архитектуры и охватывали большинство восстановительных работ в стране. Значительные работы ИАК в первые десятилетия XX в. были связаны с обследованиями древних памятников на территории Европейской части России.

Основные объекты, связанные с деятельностью ИАК: палаты царевича Дмитрия в Угличе (реставрация 1889 – 1890 гг., арх. Н.В. Султанов), Успенский собор во Владимире-Волынском (реставрация 1896 – 1900 гг., арх. Г.И. Котов), дворец Марли в Петергофе (восстановление 1898 – 1899 гг., арх. А. И. Семенов), Софийский собор в Новгороде (реставрация 1893 – 1900 гг., арх. В.В. Суслов), церковь Спаса на Нередице в Новгороде (реставрация 1902 – 1908 гг., арх. П.П. Покрышкин), церковь Бориса и Глеба в Гродно (восстановление 1890-

х гг., арх. Н.В. Романов), Троицкий собор Макарьевского Желтоводского монастыря в Нижегородской губернии (проект реставрации 1907 г., арх. П.П. Покрышкин), церковь Спаса на Берестове в Киеве XII в. (реставрация 1903 – 1904 гг., арх. П.П. Покрышкин), Сампсониевский собор в Санкт-Петербурге (реставрация 1909 г., арх. А.П. Аплаксин), Казанский собор в Санкт-Петербурге (реставрация 1911 г., арх. А.П. Аплаксин) и другие памятники.

Активная деятельность различных организаций, связанных с охраной памятников, была характерной особенностью первых десятилетий XX в. Заметная роль принадлежала Обществу архитекторов-художников (образовано в 1904 г.), направлявшему значительное внимание на борьбу против разрушений архитектурных памятников XVIII – начала XIX вв. и сохранение классицистической архитектуры Петербурга (А.Н. Бенуа, Н.Н. Врангель, М.В. Добужинский, В.Я. Курбатов, С. Маковский, О.Р. Мунц, Н.К. Рерих, Н.В. Султанов, П.Ю. Сюзор, И.А. Фомин, А.В. Щуко, А.В. Щусев и другие).

Альтернативную ИАК позицию занимало Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины (основано в 1910 г.) с провинциальными отделениями (в Вильно, Казани, Смоленске, Туле). Состав общества определялся участием в нем, помимо специалистов в области охраны памятников, представителей высшего аристократического круга (Великий кн. Николай Михайлович (председатель), А.П. Баратынский, А.Н. Бенуа, В.А. Верещагин, В.П. Добужинский, Е.Н. Волков, Н.Н. Врангель, С.К. Маковский, гр. В.В. Мусина-Пушкина, кн. О.А. Оболенская, С.В. Оболенский, Ю.А. Олсуфьев, Н.К. Рерих, кн. М.К. Тенишева, И.А. Фомин, А.В. Щусев и др.).

На региональном уровне в деятельность по сохранению памятников древности были включены провинциальные учреждения, археологические общества, губернские ученые архивные комиссии, церковно-археологические комитеты и общества. Удаленность от главных центров по реставрации и охране наследия древней архитектуры обуславливала их некоторое отставание в понимании

актуальности тех или иных тенденций в развитии научной реставрации.

Период действия в конце XIX – начале XX вв. в стране двух авторитетных органов контроля за сохранением памятников (ИАК, МАО) характеризовался определенными противоречиями в организации проведения работ. Вместе с тем, представляется, что данное обстоятельство было немаловажно с точки зрения того импульса, который оно давало в развитии передовых подходов в реставрации и совершенствовании ее научной методики. Значимая роль принадлежала общественным организациям, высказывавшим независимую от официальной линии точку зрения, активизировавшим внимание на защите памятников, их регистрации, методологии реставрации и совершенствовании системы регулярной охраны.

Анализ практики архитектурной реставрации в России выявил, что на рубеже XIX – XX вв. сформировался научный подход к памятникам на основе археологического (аналитического) метода, который предполагал:

- рассмотрение архитектурного памятника как научного документа и исторического источника;
- в основе восстановления – исследование, прочтение памятника и одновременное проведение ремонтных работ;
- основной принцип максимального сохранения памятника;
- отделение подлинных и вновь дополненных деталей памятника (цветом, фактурой и т.д.).

Таким образом, основными методическими принципами, формируемыми позицией профессиональных сообществ в области сохранения памятников, стали:

- приоритет сохранения поздней формы перед недостоверной реконструкцией;
- принцип выборочности: признание правомерности сохранения позднейших наслоений, имеющих художественную и практическую ценность;
- принцип недопустимости уничтожения подлинных следов аутентичных форм;

- формирование аналитического реставрационного метода, основанного на понимании единства подлинности формы и материала;
- развитие приемов частичной (фрагментарной) реставрации;
- формирование консервационного подхода как наиболее всеобъемлющего реставрационного метода, применяемого с целью сохранения памятника архитектуры с позднейшими историческими напластованиями и утратой некоторых первоначальных частей.

Подобное переосмысление взглядов на историческое наследие в конце XIX – начале XX вв. под влиянием общественных организаций обусловило развитие и обогащение подходов к охране и реставрации памятников по сравнению с предыдущим периодом.

Формирование методологических подходов к реставрации объектов архитектуры в первой половине XIX в.

Развитие отечественных культурных процессов первой половины XIX в. происходило на фоне обращения к дискуссионной проблеме исторической самобытности, народности, национального своеобразия. Общественный интерес к культурному наследию стал приобретать устойчивый характер, а военные потрясения 1812 г. внесли дополнительный патриотический колорит. Значимое влияние на формирование общекультурного интереса к национальным древностям, в частности, к памятникам отечественной архитектуры в отдельных провинциях страны, оказало развитие романтизма.

В начальный период XIX в. был очерчен круг древних памятников архитектуры, дававших почву для дальнейших исследований и реставрационных мероприятий. Шло развитие методов и принципов натуральных исследований и фиксаций. Силами архитектурно-этнографических экспедиций (А.И. Ермолаев, Д.И. Иванов, П.С. Максютин) формировался единый чертежный фонд памятников, делались попытки реконструкций. Значимая роль в этой деятельности принадлежала президенту Академии художеств А.Н. Оленину.

В наибольшей степени интерес к местному своеобразию русской традиционной архитектуры начал проявляться к концу 1820 – началу 1830-х гг., значимой фигурой этого периода стал министр народного

просвещения С.С. Уваров. К концу 1830-х вопросы национального наследия заняли определяющее место в формировании славянофильского и западнического направлений в русской культуре. Проблемы сохранения и воссоздания самобытных особенностей и форм в искусстве и архитектуре в контексте славянофильского направления частично затрагивались Н.В. Гоголем, И.В. Киреевским, В.А. Соллогубом, А.С. Хомяковым и др. В рамках западнического направления, напротив, преобладало негативное отношение к памятникам русской старины.

Устойчивый интерес к древностям давал импульс формированию профессионального опыта в исторических изысканиях, поддерживавшихся правительством. Организация исследований в отдельных местностях осуществлялась статистическими комитетами. Формировался корпус специальных историко-библиографических и научно-статистических трудов, описывавших и фиксировавших памятники отечественной архитектуры. Вклад в данные изыскания внесли К.И. Арсеньев, М.Ф. Берлинский, Н.А. Иванов, Г.Г. Гагарин, А.Г. Глаголев, В. Пассек, И.И. Пушкарев, В.А. Соллогуб, Ф.Г. Солнцев, К.Я. Тромонин.

Важнейшее значение в формировании охраны памятников на государственном уровне и последовательного становлении отечественного реставрационного дела имели циркуляры и законодательные акты (Указ 1826 г., запрещающий разрушение древних зданий и обязывающий их фиксацию, с последующими разработками и программами). К 1830 г. был создан первый свод памятников – Атлас с фасадами и планами отдельных древних построек. Высочайший интерес к защите памятников объяснялся их идеологическим значением с общегосударственной точки зрения, преобладавшим над утилитарными соображениями (характерно, что первые охранительные документы рассматривали в качестве памятников древности оборонно-крепостные сооружения) [168, с.50]. Последующие распоряжения в области охраны и реставрации древних построек были закреплены в Строительном уставе 1835 г.

Стоит отметить, что несмотря на общегосударственный интерес к сохранению памятников древней архитектуры, наблюдались отдельные

случаи уничтожения исторических построек в связи с их ветхостью и градостроительными нуждами (храм Николая Гостунского начала XVI в. в Московском Кремле; стены Белого города в Астрахани). Нередкими были примеры частичной или кардинальной перестройки памятников в соответствии с господствовавшими вкусами эпохи (Казанский собор на Красной площади в Москве). Вместе с тем, появление законодательной документации в первой трети XIX в. намечало официальный переход к систематической памятникоохранительной деятельности.

В первой трети XIX в. начало складываться понимание эстетической ценности, когда архитектурный образ памятника стал рассматриваться как символ древней традиции. Формировались основы системы оценки древних архитектурных сооружений, выраженные в критериях исторической («древность») и эстетической («красота») ценности. Важная роль в становлении архитектурной реставрации во второй половине XIX в. принадлежала археологии, развитие которой получило значительный импульс в связи с археологическими открытиями начала XIX в. и участием русских архитекторов-пенсионеров в изучении античных памятников (А.П. Брюллов, Д.Е. Ефимов, Н.Е. Ефимов, А.И. Мельников, А. Кудинов, Р.И. Кузьмин, Ф.Ф. Рихтер, М. Тамаринский, К.А. Тон). Данная деятельность оказала влияние на последующее формирование методики реставрационных исследований и проектирования древних сооружений (впервые было введено использование источников). В целом, реконструкция античных древностей во многом испытывала влияние романтизма, опираясь на фрагментарные сведения и развивая линию стилистической реставрации.

В практике работ первых десятилетий первой половины XIX в. на памятниках, признанных древностями, преобладающая роль отводилась ремонту с сохранением существующего вида (стены и башни Московского Кремля). Сооружения, не подлежавшие охране в качестве древних памятников, преимущественно разбирались или перестраивались в современном псевдогоготическом стиле (перестройка Потешного дворца XVII в., 1804 – 1807 гг., арх. И.В. Егоров). Характерными примерами работ на исторических сооружениях, охранявшихся в качестве древних памятников, также становились

работы с изменением стилистики и введением архитектурных добавлений в виде псевдоготических элементов и мотивов (Никольская и Боровицкая башни Московского Кремля, работы по возобновлению 1802 – 1807 гг., арх. И.В. Еготов). Принципиально новый метод, близкий к методам классической архитектурной реставрации, был применен при восстановлении Дмитриевского собора во Владимире в 1800-е гг. На древнем памятнике была предпринята попытка возвращения его ранних исторических форм, искаженных при поздних перестройках (восстановление позакомарного покрытия).

Послевоенный период 1813 – 1820 гг. характеризовался подъемом национального самосознания и углубленным вниманием к ценности древней архитектуры, подвергшейся существенным разрушениям. Данный этап обусловил переход к массовому восстановлению и реставрации памятников столицы. Задачи восстановления Московского Кремля решались специально созданной экспедицией (арх. А.И. Бакарев, И.В. Еготов, И.Д. Жилярди, Ф.К. Соколов). Помимо древних кремлевских строений, восстанавливались здания исторического центра, включая торговые, гражданские, дворцовые и жилые постройки.

Спектр восстановительных работ характеризовался сложным соотношением основных приемов и методов. Первоочередными работами стали мероприятия консервации пострадавших построек (Грановитая палата, Кремлевский дворец). При общем стремлении к достаточно точному сохранению и повторению прежних исторических форм, наблюдалась тенденция к стилистическим нововведениям (Никольская башня Московского Кремля, воссоздание 1813 г., арх. О.И. Бове). Нереализованный проект воссоздания колокольни Ивана Великого (1815 г., арх. А.И. Бакарев), звонница которой была разрушена практически до основания, наиболее ярко представил направление восстановления древних памятников в «готическом вкусе». Проект, осуществленный в натуре и достаточно достоверно восстанавливавший облик здания по известным графическим источникам, также допускал некоторые изменения в части отдельных форм и стилистического рисунка фасадов (1814 – 1815 гг., арх. И.Д. Жилярди, И.В. Еготов, Л. Руска). В целом, наиболее древние и значимые кремлевские

памятники реставрировались без существенных переделок, что отражало стремление сохранить наиболее характерные особенности и узнаваемость исторического облика. Вместе с тем, бытовавшее почитание памятников церковного зодчества как святыни, архитектурная форма которой имела второстепенное значение, давало основания для изменений объемно-планировочной структуры в виде различных пристроек к восстанавливаемому зданию.

Технически сложные работы были проведены при восстановлении взорванного Арсенала (1814 – 1829 гг., арх. А.И. Бакарев, И.Л. Мироновский, Ф.К. Соколов, И.Т. Таманский, Е.Д. Тюрин, А.А. Гамбурцев, В.В. Александров, Я.М. Алфеев). Здание восстанавливалось в прежних формах с отдельными малозначительными изменениями в пластике фасадов. В связи с прочностными требованиями была изменена форма отдельных сводов. Для исследования прочности фундамента проводились специальные инженерные исследования, в том числе, посредством шурфов. Принципиально обозначенной позицией стало условие соответствия работ правилам древнего зодчества, по которым была отделана сохранившаяся более прочная часть здания. Другой объект примечателен тем, что при исследовании его прочностных характеристик был впервые использован метод постановки маяков (Воспитательный дом в Московском Кремле, арх. И.Д. Жилярди, А.И. Бакарев, И.В. Еготов, Ф.К. Соколов).

При реставрации Грановитой палаты решалась задача восстановления разрушенного и поврежденного пожаром белокаменного декора. Архитектурные детали воспроизводились по образцам сохранившегося декора из исторического материала (белый камень), на сохранившихся элементах были проведены расчистка и укрепление (1815 г., арх. Е.Д. Тюрин).

Работы консервационной и ремонтно-реставрационной направленности в данный период велись и на памятниках городов провинции, в особенности, на древних крепостных сооружениях (Новгородская крепость, 1820 г., арх. А.И. Мельников; Нижегородский кремль, 1829 г.). При восстановлении кремлевских стен и башен наблюдался более свободный подход, нередко подразумевавший

добавление классицистических черт господствовавшего стиля без попыток возобновления исторических форм (Смоленская крепость, 1816 г., арх. К. Сусалин). Преобладали задачи поддержания прочности сооружений, при этом значительной была вариативность в отношении изменения особенностей древнего облика построек (Тульский кремль, работы 1825 – 1838 гг., губ. арх. Н.С. Тухачевский). Наблюдалось достаточно свободное использование аналогов, докомпоновки сочетались с воссозданиями разобранных подлинных конструкций (Псковский кремль, 1840-е – 1850-е гг., арх. К. Тон, инж. Новиков). Специфика крепостных сооружений обусловила однотипность в трактовке их составных элементов (башен, прясел стен). Вместе с тем, отдельные примеры реставраций в провинции демонстрировали подход, близкий принципам восстановления столичных построек и опиравшийся на сохранение исторических особенностей и форм древнего памятника (Золотые ворота во Владимире, 1823 г., арх. И.И. Шарлемань).

Значительные работы первой трети XIX в. были направлены на сохранение древних памятников на территории Крыма, что закреплялось высочайшим Указом 1822 г. Работы по исследованию и «возобновлению» древнейшей Десятинной церкви X в. в Киеве, начатые в 1820-х гг., внесли значительный вклад развитие научных методов реставрации первой половины XIX в. Впервые была составлена программа реставрации памятника зодчества (сост. А.Н. Оленин), предписывавшая проведение археологического исследования с выявлением характера древних конструкций и материалов. В круг реставрационных задач было включено аналоговое исследование памятников древнерусского зодчества с целью выявления общих архитектурных характеристик древних сооружений (арх. Н.Е. Ефимов). Вместе с тем, высочайше утвержденный проект предлагал реконструкцию канонического типа византийского пятиглавого храма без связи с особенностями древнего памятника (проект арх. В.П. Стасова). Типичный для данного времени подход был применен при восстановлении Спасо-Преображенского собора в Нижнем Новгороде (1827 г., арх. А.И. Мельников). Собор, имевший значительные повреждения фундамента, был восстановлен на новом

месте в графической системе и композиционных формах памятника XVII в., однако по существу являлся новым произведением.

Ремонтные работы, проводившиеся в первой половине XIX в. при восстановлении пришедших в ветхость культовых построек, нередко характеризовались значительными утилитарными реконструкциями и изменениями их древнего облика (церковь Св. Николая в Новоспасском монастыре, 1839 – 1840 гг.). При введении новых элементов наблюдалось применение классицистической, псевдоготической или византийской стилистики вне связи с древними частями сооружения (церковь Адриана и Наталии в Москве, работы 1833 г., 1848 г.).

Масштабные работы на постройках комплекса Ипатьевского монастыря в Костроме (1833 – 1840 гг., арх. К.А. Тон, М.М. Пправе) дают представление об основных методах восстановления древних сооружений. При реставрации Троицкого собора существующие полусферические покрытия глав были заменены на луковичные, как более соответствовавшие, по оценке архитектора, древнему облику. Изменения также коснулись формы завершения звонницы, которой были приданы готические черты. При восстановлении архиерейского корпуса XVII в. оказались удалены поздние ампирные формы, при этом проведенные перестройки и дополнения в русском стиле придали работам характер модернизации в «древнем вкусе». Схожая направленность, выраженная в ориентации на гипотетическое воссоздание древнего вида памятника, наблюдалась при проведении восстановительных работ на палатах царя Михаила Федоровича XVII в. В процессе восстановления памятник приобрел детали и формы в древнерусском стиле, не имевшие достоверного подтверждения и указывавшие, скорее, на принадлежность постройки определенной эпохе.

Крупнейшим объектом реставрации первой половины XIX в. стал Теремной дворец в Московском Кремле (1836 – 1848 гг., арх. К.А. Тон, П. Герасимов, И. Мироновский, Ф. Рихтер, Ф.Г. Солнцев). Работы, подобно предыдущим примерам, характеризовались достаточно вольным обращением с историческим материалом памятника, следуя направлению проектирования в древней стилистике и соединяя реставрационные работы с новым строительством. При восстановлении

дворца предполагалось изменение форм декора, а также дополнения в виде облицовки фасадов по художественным аналогам и устройства четырехугольной кирпичной башни. Помимо внешнего восстановления были осуществлены архитектурные работы в интерьерах, где наблюдалось столь же свободное введение новых элементов на основе художественных аналогий.

Формируясь на основе восстановительных работ, достаточно опосредованно опирающихся на представления о древнем виде конкретного памятника, реставрационная практика первой половины XIX в. не была лишена примеров крупных утрат подлинного исторического материала. При восстановлении Софийского собора в Новгороде (1830-е гг., арх. М.М. Праве) подлинные стены и сводчатые конструкции XI – XVI вв. оказались заменены новыми, произвольно повторявшими старые формы памятника. Неточность датировки и стремление к восстановлению полного объема древнего памятника – Дмитриевского собора во Владимире (1830-е гг., арх. Петров) – привели к утрате обстройки собора домонгольского периода, а также частичной замене подлинного белокаменного резного декора.

Вместе с тем, с 1830 – 1840-х гг. начался период интенсивного формирования практики и развития методов восстановительных работ на памятниках. По сравнению с предшествующим периодом, помимо ремонта (с сохранением существующего вида памятника) и модернизации (с совершенствованием утилитарных и эстетических свойств), более частым видом работ стало восстановление памятников в древнем виде – в достоверных исторических формах конкретного сооружения. В рассматриваемый период наметилась дифференциация характера восстановительных работ в зависимости от типологической принадлежности памятника (культовые здания, крепостные сооружения, жилые постройки, связанные историей царской династии).

В 1830 – 1840-хх появились предпосылки формирования нового для сферы восстановления памятников консервационного подхода. Впервые высказывались мысли о предпочтительности консервации руинированных памятников с большой исторической значимостью (С.С. Уваров). При восстановлении руин церкви Св. Параскевы Пятницы (XIVв.) в Вильно один из вариантов предполагал сохранение и

инженерное укрепление подлинных конструкций с включением их в структуру нового сооружения (проект 1840-х гг.).

На примерах крепостной архитектуры наблюдалось формирование подхода, основанного на выявлении и сохранении подлинных форм древнего памятника в сочетании с достоверным восстановлением его элементов. Уникальным примером консервации, свободным от попыток воссоздания облика памятника, стало инженерное укрепление руин Золотых ворот в Киеве (1849 г., арх. В. Беретти). Устройство контрфорсов и металлических связей послужило своеобразным приемом восстановления композиционной целостности руинированных частей. При восстановлении Ивангородской крепости и Гермейстерского замка в Нарве (1846 – 1849 гг., арх. М.Д. Резвый) впервые реставрационные подходы основывались на комплексном исследовании древних натуральных следов, подкрепленным достоверными архивными сведениями о памятнике. Воссоздание утраченных башен, выполнявших роль контрфорсов, обосновывалось целями конструктивного укрепления. Одной из существенных особенностей реставрационного решения стало стремление к созданию эстетической взаимосвязи старого подлинного материала и реставрационных дополнений. Данные примеры являлись исключительными для своего времени и опережали реставрационную практику первой половины XIX в., развивая идеи археологической реставрации и консервации. Складывалось понимание значимости достоверного сохранения подлинного материала памятника.

Таким образом, в первой половине XIX в. сформировались значительные предпосылки для развития отечественной охраны памятников и реставрационной науки: государственная законодательная политика, направленная на защиту древностей, развитие отечественной археологии, интерес к национальным особенностям, отождествлявшимся с древней архитектурой. Важным результатом развития реставрационной методики стало формирование новых подходов, выходящих за рамки традиционного ремонта и восстановления в древнем вкусе, и отражавших стремление к выявлению достоверных индивидуальных особенностей в памятнике.

Становление научной реставрации в конце XIX в. в контексте формирования интереса к отечественной культуре

Становление теории и методов научной реставрации в значительной мере определялось изменением отношения к достоверности восстанавливаемой формы и подлинности ее материала. Отличия в понимании этих ценностных критериев были связаны с различиями целей восстановления памятников, определявшимися особенностями культуры, в контексте которой протекала реставрационная деятельность. В целом, преимущественно в первой половине XIX в., сохранение памятника древности заключалось в повторении при реставрации облика архитектурного сооружения, вместе с тем, материал, а иногда и детали формы, не представлялись уникальными. Понимание ценности связывалось с традиционным для церковного искусства восприятием подлинного как подобия первообразу: повторение формы переносит на новое произведение сакральную значимость [49, с. 140]. Изменения в архитектуре культовых зданий производились при условии достижения стилового единства и художественной целостности. При этом, существовала возможность сознательного отступления от достоверности реконструкции первоначального облика.

Вторая половина XIX в. характеризовалась сближением России и Западной Европы в части философии и науки, распространения либеральной мысли. На фоне подобных явлений наблюдалось усиление консервативных идей, связанных с ориентацией на сохранение традиционной культуры, а к 1880-м гг. тема преемственности традиции стала доминирующей на государственном уровне. Особая роль в развитии основ национальной идентичности принадлежала почвенничеству. Эстетический кризис второй половины XIX в. сопровождался поисками в русле новой эстетики и ее связи с национальной идентичностью.

Происходила переоценка классицистической системы и официального искусства второй трети XIX в., обозначив новый этап в развитии художественной культуры на основе предшествующего опыта 1830 – 1850-х гг. Подчеркнуто выявлялась взаимосвязь функционального

назначения здания и его принадлежности определенной архитектурной стилистике, в данном случае, – национальному («византийскому» или «русскому») стилю. Памятники средневековой архитектуры стали восприниматься как наиболее верные источники выражения православной традиции и семантики православного храма, в связи с чем ключевое значение приобрело понятие первоначального облика.

Основная задача реставрации связывалась с восстановлением в искусстве гармонии формы и содержания, заключенной в древнем виде памятника и воспринимавшейся как образец для придания новым сооружениям церковной архитектуры обобщенного характера древнего зодчества. Реставрация, направленная на выявление древних сакральных форм памятника, приобретала программный характер, особенно в контексте задач укрепления церковных православных позиций на западнорусских территориях страны. Таким образом, ориентация на первоначальный облик древнего сооружения стала рассматриваться в значении эстетической категории, а древняя форма получала художественный приоритет перед поздними наслоениями [168, с. 157 – 158].

Вторая половина XIX в. характеризовалась значительным уровнем развития отечественной исторической науки, что существенным образом влияло на формирование научных подходов в реставрации. В 1850 – 1860-х гг. продолжала осуществляться экспедиционная деятельность, связанная с научными исследованиями и формированием описаний древних памятников с особым вниманием к выявлению их традиционного облика (П.Н. Батюшков, И.И. Горностаев, Ф.Ф. Рихтер, Д.М. Струков).

Развивались методы исследований памятников, направленные на определение стилевой принадлежности сооружения и позднейших изменений его первоначального облика для возможности реконструкции в стиле эпохи (программа гр. А.С. Уварова 1869 г.). Вследствие данного представления возникала проблема создания стилистически однородного памятника, подразумевавшего целостность его облика в единстве всех элементов (проект восстановления Успенского собора во Владимире, 1861 г.). В то же время, условие соответствия памятника древнему виду с отстранением искажающих его

элементов входило в компромисс с практической целесообразностью и подчинением сакральной традиции церковной жизни (реставрация Благовещенского собора с фасадными росписями в Московском Кремле, арх. Ф.Ф. Рихтер, 1861 – 1867 гг.).

Таким образом, в практике восстановления памятников основную реставрационную направленность формировала ориентация на первоначальный облик сооружений, наделявшийся особой художественной и содержательной ценностью. При этом, стремление к сохранению внешней формы в ряде примеров сопровождалось значительными перестройками основных конструкций и элементов композиции памятника с их последующим восстановлением по образцу «древнего вида» (собор Рождества Богородицы во Владимире). Подлинность материальной структуры памятника оказалась за границами принятой иерархии ценностей и существовавшего тогда понятия «древний вид», и подход к его сохранению с современной позиции реставрации условно назван «формальным» [168, с. 162]. Важным становился тип сооружения и его фактическое местоположение, а внешняя форма отождествлялась с характеристиками исторических черт. Тип материала памятника подлежал сохранению в той мере, в которой он соответствовал древнему облику (вплоть до замены подлинной кладки ее имитацией). В то же время, значимым становился признак патины времени, характеризовавший древность архитектуры.

Сложившееся во второй половине XIX в. в реставрации понимание исторической архитектурной формы, олицетворявшей определенную эпоху, наделяло памятник особой познавательной функцией. Ценность памятника в доминирующей степени, как и в первой половине XIX в., определялась его связью с общественно значимыми событиями в исторической летописи государства и жизни народа. Возвращение первоначальной формы памятника, являвшееся основной задачей архитектурной реставрации в исследуемый период, объединяло возобновление его познавательных и художественных свойств. Возможность такого восстановления, в свою очередь, методически опиралась на представление об однородном характере памятников одного временного периода. Граница между достоверным и

гипотетическим восстановлением утраченного была в значительной степени размыта.

Традиционность архитектуры давала почву развитию метода аналогий для восполнения утраченных элементов. Вследствие представления о возможности воспроизведения древних аутентичных форм была развита практика докомпоновок и замен исторических элементов. Таким образом, на протяжении второй половины XIX в. ценность сохранялась за подлинностью архитектурной формы, самодостаточность которой не связывалась с подлинностью материала. На практике это проявлялось в двух главных направлениях реставрационной деятельности: «поддержании» (предохранение от разрушений и сохранение «древнего вида», дошедшего ко времени «поддержания») и «возобновлении» (реконструкция первоначального облика). Подлинные материалы же нередко заменялись по экономическим соображениям (реставрация Рождественского собора во Владимире).

Важное значение приобрело научное обоснование и аргументированность реставрации: формировались методические принципы разработки научных проектов, тождественные европейским принципам и ставившие на первый план требование доказательности. «Археологизм» лег в основу художественной археологии, сформулировав новые критерии для оценки достоверности исследований в ее области, требования критического анализа и атрибуции [168, с. 169]. Со второй половины XIX в. поиск подлинных форм, дающих достоверное представление о древнем облике, приобрел особое значение и обусловил появление различных форм натурного исследования (реставрационные раскрытия).

В последней трети XIX в. наметилась дифференциация внутри понятия «памятник»: выявлялись художественная и археологическая стороны памятника, внутри которых различались «общие» и «единичные» оттенки (гр. А.С. Уваров). Преобладающая задача архитектурной реставрации характеризовалась стремлением к восстановлению «общих» черт памятника.

Наряду с этим, в исследуемый период начало утверждаться понимание значимости индивидуального характера деталей и

элементов древней архитектуры, что ставило под сомнение правомерность их воссоздания методом копирования. Складывалось представление о том, что разновременные подлинные части памятника, не связанные единой художественной системой, могут представлять большую ценность, нежели его целостный обобщенный облик. Данные представления давали импульс развитию новых реставрационных подходов во второй половине XIX в.

С реставрацией Благовещенского собора в Московском кремле была связана впервые поднятая в профессиональном кругу дискуссия о взглядах на методику восстановления памятника, инициированная высказываниями историка искусств Г.Д. Филимонова. Исследователь, высказывания которого в рассматриваемый период значительно опередили существовавшие теоретические положения реставрации, закладывал понимание метода фрагментарной реставрации. В высказываниях Филимонова нашла воплощение мысль о приоритете подлинной материальной формы перед ее гипотетической реконструкцией. Закладывалась идея дифференцированного подхода к реставрации. Внимание к аутентичности подлинных деталей памятника связывалось с мыслью о необходимости их музеефикации в случае невозможности сохранения. Другой дискуссионный момент, условно характеризующий изменения в развитии реставрационных принципов, был связан мнением кн. М.А. Оболенского о необходимости коллегиального подхода с учетом западноевропейского опыта при реставрации палат бояр Романовых в Знаменском монастыре.

Понимание подлинности как определенной категории, определяющей идеологию сохранения памятника, с наибольшей полнотой проявилось в реликварных реставрациях 1850-х – 1870-х гг. Поворотные точки (1866 г., 1873 г.), характеризовавшие изменение общих принципов архитектурной реставрации во второй трети XIX в. и заключающие в себе черты нового формирующегося подхода, во многом были связаны с влиянием тенденций развития историко-археологической науки.

Вторая половина XIX в. характеризовалась расширением взгляда на памятники древности и осознанием их исторической значимости в определенной части русского общества, в том числе, среди

представителей провинциальных властей. Больше внимание обращалось на руинированные памятники, в отношении которых наблюдалась возросшая осторожность в обращении с подлинным материалом (пример сохранения развалин княжеского замка в г. Остроге).

Особенностью последнего десятилетия XIX в. стал возросший интерес к художественной старине на фоне переосмысления духовной стороны культуры. Возникшие в данный период новые тенденции получили интенсивное развитие на рубеже столетий, при этом заметным стало ретроспективистское направление, связанное с тенденцией обновления традиционных ценностей. В то же время, противоположные импульсы были связаны с позицией отчуждения от процесса исторического развития, заключенной в философии декаданса. Особое значение на рубеже XIX – XX вв. приобрели политические воззрения (утопии, антиутопии), рассматривавшие ценности духовной культуры через призму политического и идеологического мышления. Характерным для данного периода стало противопоставление современных западной и отечественной культур с точки зрения их связи с культурной средой и традицией (фил. Н.А. Бердяев).

Усиление классицистической традиции в художественном мышлении в первом десятилетии XX в. дало импульс поискам творческого контакта с прошлым, национально-культурной преемственности. Происходило переосмысление древнерусского искусства, поиск и закрепление собственной традиции, складывался модернизированный взгляд на историческое прошлое с особым раскрытием «органичности» русской допетровской жизни (В.О. Ключевский). В рамках данных поисков развивался интерес к научной археологии, выделялись ее узкие специализации.

Подобное переосмысление в конце XIX – начале XX вв. взглядов на историческое наследие обусловило развитие и обогащение подходов к охране и реставрации памятников по сравнению с предыдущим периодом.

Роль законодательных актов в становлении реставрации в дореволюционной России на рубеже XIX – XX вв.

Государственный интерес к памятникам древности во второй половине XIX в. нашел отражение в формировании ряда законодательных документов, наиболее важные из которых были включены в Строительный устав (с 1842 г. – в составе свода законов Российской империи, с 1857 г. – новый Строительный устав). Устав утверждал запрет на деятельность по обновлению и произвольным поправкам древних памятников без Высочайшего разрешения. Высочайшим постановлением 1848 г. было законодательно закреплено требование к сохранению от разрушения крепостных сооружений. Введение понятия «древний» (приближенное к понятию «первоначальный» и зафиксированное в постановлении 1868 г. для церквей с верхней хронологической границей не позже начала XVIII в.) имело важное значение для развития основных направлений реставрационной деятельности. Общий надзор за сохранением памятников с 1854 г. осуществлялось губернскими строительными комиссиями МВД. Охрана и контроль за перестройками древних сооружений культовой архитектуры входили в сферу деятельности Синода.

Несмотря на сложившуюся ко второй половине XIX в. достаточно целостную организационную структуру, охватывавшую область сохранения памятников страны, отсутствие в законодательстве критериев для определения ценности древних построек существенно ослабляло их положение. Наблюдались тенденции, направленные на усиление контроля (составление списка отечественных памятников древности, стремление к централизации системы сохранения памятников за счет организации научных обществ и правительственных учреждений). Новое издание Строительного устава 1874 г. усилило действие устава 1857 г. в части понятия «древних церквей», впервые определив ценностные критерии (художественная и историческая ценность) для сохранения сооружений древности и, тем самым, устранив неточности предшествующего законодательства.

С конца 1870-х гг. в официальное законодательство было внесено право участия научных археологических обществ в реставрационной деятельности на памятниках (Указ Св. Синода №2236 от 20.12.1878 – 9.1.1879 г.). Данное нововведение послужило организационному развитию реставрационной сферы, а также ее профессионализации. Положение о правилах возобновления памятников утвердило ведущую роль археологических обществ в реставрации, предопределив коллективный характер архитектурно-реставрационной практики. Началось выделение реставрационной деятельности в самостоятельную область, в которой организационные, методические и практические задачи решались в рамках единой системы научно-профессионального руководства. Наиболее развитая организационная структура и система научно-методических работ в области сохранения памятников сформировалась в рамках деятельности Московского археологического общества (МАО).

Высочайшим распоряжением 1889 г. исключительное право на осуществление надзора и проведение работ на памятниках древности передавалось правительственной структуре – Императорской археологической комиссии. Дополнительное распоряжение по вопросу охраны древностей, вышедшее в 1893 г., было внесено в последующий Строительный устав 1900 г. С начала 1890 гг. отмечался период перехода от общественной формы охраны памятников к более систематической государственной организации. Проблема охраны памятников начала приобретать значимость в общероссийском масштабе. Центром локализации основных реставрационных сил становился г. Петербург.

Сложившиеся к рубежу XIX – XX вв. порядок и правила в отношении охраны памятников древности, демонстрировавшие эффективность в решении отдельных вопросов, все же не были лишены практических недостатков. В рассматриваемый период наметилась необходимость более совершенной системы поддержания памятников, которая требовала закрепления на законодательном уровне. К основным проблемам, наиболее остро требовавшим детальной проработки, относились проблемы разработки ценностных критериев отбора памятников и закрепления непосредственного механизма их охраны в юридической форме. В течение XIX в. в соответствии с

циркулярами Министерства внутренних дел предпринимались попытки регистрации древних памятников на территории страны (к началу XX в. список насчитывал 2456 памятников из 80 губерний), однако в силу проблем организационного характера данная деятельность не достигла достаточного уровня. Значительного внимания заслуживала проблема охраны памятников, находившихся в частном владении, в частности сооружений дворцовой и жилой архитектуры.

К началу XX в. на законодательном уровне назрела необходимость пересмотра действовавших постановлений в отношении древних памятников и сооружений архитектуры. Выработка основных положений и мер охраны памятников осуществлялась специально организованной в 1904 г. комиссией при Министерстве внутренних дел. Важным критерием при разработке положений по охране памятников стало рассмотрение западноевропейского опыта в сфере законодательства. В разработанных «Основных положениях по пересмотру действующих постановлений об охране древних памятников и зданий» предлагались меры по расширению перечня охраняемых памятников, определению минимального возраста памятника древности (150 лет), вводилась классификация памятников на группы. Выделялись особо ценные сооружения, вводилась дифференциация памятников по утилитарной функции на используемые и неиспользуемые.

Работа по законопроекту, вызвавшему обширную общественную дискуссию в 1911 – 1912 гг., была прервана военными и революционными событиями начала XX в. Законотворческая деятельность, получившая развитие во второй половине XIX – начале XX вв. и учитывавшая международный правовой опыт, подготовила преемственную почву для нормативного регулирования в сфере охраны памятников в первые годы советской власти.

Становление методов реставрации. Обзор отечественной и европейской реставрационной практики XIX - XX в.

В практике второй трети XIX в. область целенаправленной реставрации не являлась четко очерченной, находясь в тесной взаимосвязи со свободным архитектурным творчеством. Особенностью данного периода являлась ориентация на создание целостного стилистически однородного облика архитектурного произведения, представляющего эпоху, к которой принадлежал памятник. В случае восстановления древнего облика памятника реставрационная программа формировалась исходя из сохранности первоначальных форм, которые вписывались в общий историко-архитектурный, типологический и стилистический контекст времени его основания (Пречистенский собор XIV в. в г. Вильно, реставрация 1860-х гг., арх. А.И. Резанов).

Для памятников храмового зодчества значительное распространение получали работы по расширению существующего объема за счет вновь возводимых приделов, трапезных. Примером утилитарного расширения внутреннего пространства за счет постройки симметричного придела являются работы на церкви Николы в Кошелях (1875 г., арх. Г.П. Пономарев). Часть работ носила реставрационный характер: детали сохраняемых частей восстанавливались по существующим на памятнике аналогиям; в то же время, и новому объему придавалась эстетика древнего сооружения. Существовали примеры, когда усложнение структуры существующего памятника влекло за собой существенную трансформацию объемно-пространственной композиции постройки, вплоть до изменения типа храма (проекты церкви Неопалимой Купины конца XVII в. в Зубове, арх. П.А. Герасимов). Реставрационные мероприятия сочетались с проектированием новых форм на основе представления о гипотетическом художественно-целостном облике, которым мог обладать памятник, будучи отнесенным к определенному периоду древности.

Характерной чертой становилось использование принципов классицистического формообразования при создании целостного образа древней постройки: согласованность декора достигалась на основе симметрии, равномерности членений, единообразия элементов фасадного декора (церковь Спаса на Бору Московского Кремля,

реставрация 1855 – 1863 гг., арх. Ф.Ф. Рихтер). Активно использовался метод аналогий из стилистически или хронологически близкого круга памятников, позволявших воссоздать целостный облик сооружения, однако, с отделением подлинных сохранившихся форм от восполняемых (проект реставрации Рождественского собора во Владимире, арх. Н.А. Артлебен, Д.А. Корицкий). Вместе с тем, круг аналогий был весьма ограничен в силу неоднородной изученности архитектурно-типологических особенностей древних построек отдельных регионов, которые, кроме того, нередко имели следы поздних изменений. Распространенной практикой было использование в качестве аналогов памятников, восстановленных в древнем виде при осуществленных реставрациях.

Таким образом, практика первых десятилетий второй половины XIX в. в значительной мере демонстрировала развитие целостного подхода в реставрации в непосредственной связи с контекстом проектирования современного произведения профессиональной архитектуры.

В то же время, отдельные примеры восстановлений указывали на тенденции стремления к выявлению исторической достоверности и индивидуальности черт, непосредственно свойственных памятнику. Понимание нерационалистической природы формообразования в домонгольской архитектуре отмечало развитие подхода, опирающегося на максимальное использование материальных натуральных данных (Палаты бояр Романовых, проект реставрации 1856 г., арх. Ф.Ф. Рихтер). Значимым моментом в развитии научно-реставрационного проектирования стало формирование его последовательности и основных стадий («приблизительный проект», натурные исследования, окончательный проект). Данный механизм работы с памятником позволял достичь наиболее достоверных результатов в его детальном обследовании и в интерпретации археологического материала [168, с. 208]. Складывались критерии достоверности реконструкции, наиболее значимый из которых определялся возможностью восстановления утраченных элементов по сохранившимся на памятнике идентичным деталям. При этом реконструируемые на научной основе детали также воспринимались как аутентичные. Вместе с тем, в данный период еще не была сформирована граница между достоверным и гипотетическим

восстановлением, в силу чего аналогии также служили фактором достоверности реставрации.

Период 1850 – 1870-х гг. был отмечен формированием отношения к поздним наслоениям и выявлением критериев их значимости. В качестве основных критериев выделялась церковно-мемориальная и историческая ценность, а также целесообразность с точки зрения бытовых и утилитарных функций. Критерий древности наслоений определялся по верхней хронологической границе, заданной в официальных постановлениях для древних памятников. В отношении к поздним наслоениям в церковной архитектуре существовали признаки формирования фрагментарного подхода при их сохранении (реставрация Благовещенского собора Московского Кремля, арх. Ф.Ф. Рихтер). В то же время, при фрагментарном сохранении поздних пристроев, преобладающим было стремление к целостной реставрации первоначального облика как всего сооружения, так и его разновременных частей.

В рассматриваемый период отмечалось сближение исторической ценности памятника с пониманием его материальной подлинности. В качестве одного из уникальных явлений своего времени выделяется идея консервации руин, разработанная для памятника церковной архитектуры – Богоявленского собора в Остроге (1865 – 1870-е гг., арх. И.В. Штром). Реставрация древнего сооружения ставила задачу соединения выборочной консервации руин и восстановления сакральной значимости памятника.

Значительные работы 1850 – 1870-х гг. были связаны с реставрацией крепостных сооружений. Специфической особенностью, вызывавшей дискуссионность подходов к восстановлению памятников данной типологической группы, становилась утрата ими как черт первоначальной архитектуры, так и основных утилитарных функций. Дифференциация элементов на значимые, подлежащие сохранению, и менее значимые, формировала выборочный подход к реставрации отдельных частей, рассматривавшихся как самостоятельные типы сооружений. Одним из наиболее значительных реставрационных мероприятий этого направления стало восстановление руин Коломенской крепости (вторая половина XIX в., арх. М.Д. Быковский).

Проектное восстановление исторического облика памятника опиралось на фрагментарный подход, подразумевавший сохранение наиболее исторически и художественно ценных элементов (ворот, башен) с частичной разборкой крепостных стен. Вместе с тем, реставрация отдельных типичных элементов была по-прежнему ориентирована на целостное восстановление традиционных черт древней архитектуры. Альтернативный подход к реставрации Коломенской стены, сформулированный в 1870-е гг. и основанный на понимании археологической ценности памятника, подразумевал временные меры консервации руин (арх. Л.В. Даль).

Особый вид реставраций данного периода был связан с осознанием уникальной реликварной ценности древнего сооружения. Подобные реликварные реставрации были обусловлены специальной государственной программой восстановления памятников царствующей династии. Одной из наиболее значительных работ данного направления стало восстановление Палат бояр Романовых в Знаменском монастыре в Москве (1856 – 1858 гг., арх. Ф.Ф. Рихтер). Особый статус реставрации подчеркивался тем, что она проводилась под руководством специальной «Ученой комиссии по возобновлению Дома бояр Романовых (предс. кн. М.А. Оболенский, А. Вельтман, Б. Кене, А. Мартынов, Ф. Рихтер, И. Снегирев). На примере данного восстановления можно наблюдать, как складывались особые условия по обращению с материальной структурой памятника. Характерно появление требования тщательной фиксации не только типов перекладываемых конструкций, но и индивидуальных характеристик их формы.

Организация реставрации палат во многом была ориентирована на западноевропейский научный опыт восстановления памятников, впервые в ее основу была положена коллегиальность в принятии проектных решений. Примечательным с точки зрения последующего формирования реставрационных методов стало маркирование материала, акцентировавшее обновленные фрагменты древней ткани памятника. Близкими к типологии реликварных реставраций являлись работы по восстановлению Грановитой палаты (1882 г., арх. Г.Д. Филимонов), программа которых была ориентирована на

воспроизведение среды и быта определенного исторического периода. В реликварных реставрациях закладывался новый принцип отношения к историческому материалу, отвечавший их общей археологической направленности и исключительности памятника.

В целом, для всех типологических групп памятников в 1850 – 1870-е гг. отмечалась общая методологическая направленность реставрационных работ, ориентированных на восстановление стилистически и исторически целостного облика древней постройки. В тоже время, в рамках отдельных программных работ формировались альтернативные решения, обусловленные пониманием археологической значимости памятника и следовавшие фрагментарному и консервационному подходам.

В 1880-е гг. направленность реставраций, ориентированных на восстановление обобщенного древнего вида без учета подлинного материала памятника, уже встречалась профессиональным сообществом со значительной долей критики (проект восстановления церкви Марии Египетской Сретенского монастыря в Москве, 1880 – 1885 гг.). Изменение фасадов и планов воспринималось как недопустимая форма вмешательства в подлинную структуру памятника независимо от его типологической принадлежности. Данная позиция была сформулирована и закреплена в 1886 г. в виде методического правила, устанавливающего принципиальные требования МАО к сохранению памятников (запрет на расширение памятника с допустимостью возведения новых сооружений в отрыве от его объема; недопустимость визуального «сокрытия» деталей древнего убранства). Таким образом, отношение к памятнику в данный период демонстрирует особое понимание связи археологической и художественной ценности.

Сближение понимания ценности материала и ценности достоверной формы, начавшееся с 1880-х гг., в наибольшей степени было выражено на примере памятников с уникальной мемориально-сакральной значимостью.

В процессе приближения к принципам современной теории реставрации различные воззрения на достоверность формы и подлинность материалов нередко сосуществовали в одни и те же временные периоды, отражаясь в практике реставрационных работ

конца XIX – начала XX вв. Так, при реставрации Георгиевского собора XIII– XV вв. в Юрьеве-Польском (1887 – 1888 гг., арх. В.В. Суслов) работы, ориентированные на изложенный выше принцип МАО, предполагали уничтожение поздних частей XVIII – XIX вв. с целью восстановления визуальной целостности древнего объема и выявления его археологической значимости.

Значительные восстановительные работы, отразившие общую проблематику и реставрационные подходы рассматриваемого периода, проводились в 1880-е гг. на памятниках Ростовского кремля. Направленность работ определялась ориентацией на восстановление первоначального облика древних построек по сохранившимся археологическим следам и натурным остаткам конструктивных элементов и деталей декора (Белая палата, реставрация начала 1880-х гг.; церковь Иоанна Богослова, реставрация 1888 г., арх. Н.И. Поздеев, И.А. Шляков). Восстановление включало элемент реставрации по близким аналогиям, ограниченным не только хронологически, но и географически постройками региональной архитектурной школы (воссоздание шатрового завершения звонницы церкви Воскресения Господня, 1890 – 1891 гг., арх. И.А. Шляков). При значительных утратах следов первоначального облика памятник восстанавливался в соответствии с обликом более сохранившихся построек, приобретая собирательные типологические черты древнего сооружения (церковь Григория Богослова, реставрация 1884 г.). Программы реставрации во многих случаях предполагали помимо восстановления внешних архитектурных форм возвращение изначальных стенописей и деталей древнего внутреннего убранства. Для реставраций был характерен поиск компромиссных решений, учитывающих восстановление первоначального облика и современное использование памятника, нередко определявшееся его измененной функцией.

В конце XIX в. наметилось разделение категорий достоверного и гипотетического. Разделяется понимание восстановлений, произведенных на основе натуральных данных и по аналогиям, последние признаются фактором, снижающим безусловность реставрации [168, с. 268]. Данная принципиальная позиция проявилась при реставрации Дворца царевича Димитрия в Угличе (1888 – 1890-е гг., арх.

Н.В. Султанов), где архитектором было высказано сомнение в возможности реконструкции первоначальных интерьеров на основе научного подхода. Реставрация ориентировалась на восстановление облика памятника на «оптимальную дату» по наиболее достоверно известным археологическим данным конца XVI в., тем самым реализовывался принцип отказа от добавлений, основанных на предположениях. В условиях вынужденных, но малодостоверных реконструкций наметилась тенденция придания гипотетическим формам максимально нейтрального характера.

Одним из знаковых примеров реставраций конца XIX в. стало восстановление Успенского собора XII в. во Владимире (1885 – нач. 1990-х гг., арх. И.Е. Забелин, Н.В. Никитин, И.О. Карабутов, губ. инж. Н.Д. Корицкий). Значительная проблема данной реставрации была связана с вопросом интерпретации поздних наслоений. Предложения по восстановлению глав собора находились в рамках существовавшей дифференциации наслоений (границей между древними и поздними наслоениями служил XVIII в.).

Дискуссионным стал вопрос восстановления покрытия над сводами основного объема, сохранившего следы не первоначальных, но древних щипцов. В результате проведения работ вопрос был решен согласно принятому подходу в отношении наслоений – в пользу восстановления первоначального покрытия. Данная реставрация характеризовалась «дифференциацией деталей, восстанавливаемых на основе других сохранившихся элементов и не воссоздаваемых по аналогам». Детали, формы которых не были выявлены достоверно, предписывалось не восстанавливать во избежание произвольных докомпоновок. В отношении вычинки действовал принцип выборочности: разборка отдельных деталей предполагалась как крайняя мера, в целом же, материал древней кладки признавался ценностью и по возможности сохранялся. Реставрация уникального собора стала вехой в изменении общественного и профессионального отношения к памятникам древности в части признания неповторимости древней формы.

Таким образом, представление о возможности восстановлений по аналогиям в 1890-е гг. было заметно сужено критериями отбора и границами научного обоснования их использования. Основные

методические принципы, формируемые позицией профессиональных сообществ (ИМАО, ИАК), утверждали приоритет сохранения поздней формы перед недостоверной реконструкцией. Понимание неповторимости исторической формы и материала показывало, что здание переставало оцениваться с позиций его целостности как художественного произведения с точки зрения современных на тот момент эстетических воззрений.

При реставрации церкви Бориса и Глеба в Гродно в конце XIX в. произошло научно обоснованное разделение задач реставрации и восстановления памятника как культового здания: ради сохранения археологической ценности сооружения было решено отказаться от восстановления целостного облика храма. Окончательный вариант реставрации церкви Марии Египетской Сретенского монастыря также не предусматривал восстановление целостного первоначального облика, а восстановительные меры сводились к консервации памятника с сохранением древних следов его утраченной части. Более тактичный подход к руинированному историческому материалу памятника наблюдался и в отношении реставрации сооружений крепостного зодчества. При разработке мер предохранения от разрушения крепости в Старой Ладогe (1884 г., арх.-инж. В.Ф. Пруссаk) сооружение, в отличие от традиции предыдущего периода, рассматривалось как целостный памятник. Предложенные методы консервации разрушенных частей соответствовали принципу выборочности, вместе с тем предусматривая сохранение и временное предохранение всех элементов структуры памятника.

При реставрации Троицкого собора Макарьевского Желтоводского монастыря (проект 1907 г., арх. П.П. Покрышкин) первоначальный подход, предусматривавший возвращение памятнику исторического облика с разборкой поздней части, был изменен в сторону признания правомерности сохранения поздних элементов в виду их художественной и практической ценности, и, фактически, предполагал восстановление вида собора, который он имел непосредственно перед обрушением главы. Это свидетельствовало об изменившемся в начале XX века отношении специалистов в области охраны древностей к позднейшим наслоениям на памятниках. Возвращенный Троицкому

собору облик середины XIX в. соответствовал реставрации на «оптимальную дату» (также правомерно суждение о фрагментарном характере данной реставрации) [80].

Таким образом, к рубежу XIX – XX вв. сложились черты аналитического подхода в реставрации, основанного на понимании единства подлинности формы и материала, из которого она создана (основные мысли в пользу данного подхода во второй половине XIX в. были высказаны Н.В. Султановым, Г.Д. Филимоновым). Методические подходы, отличающиеся от установок стилистической реставрации, были сформулированы в рамках Первого съезда русских зодчих (1892 г., арх. Г.И. Котов). Недопустимым становилось уничтожение подлинных следов аутентичных форм. Обращение к аналитическому подходу давало обоснование консервации как основополагающему направлению научной реставрации.

К началу XX в. в российской теории и практике реставрации сложилось представление о консервации как об особом и наиболее всеобъемлющем реставрационном методе, применяемом с целью сохранения памятника архитектуры в дошедшем до нашего времени виде, с позднейшими историческими напластованиями и утратой некоторых первоначальных частей [148]. К данному периоду главная историко-художественная проблема реставрации, состоящая в выборе методической направленности работ (консервация или восстановление утраченного памятником облика), приобрела отчетливые контуры. В первые десятилетия XX в. начало формироваться понятие «реставрационный метод», однако законченное выражение в научных трудах оно получило позже.

В качестве примера из нижегородской практики можно привести комплекс мероприятий на Успенской церкви Дудина монастыря (1910-е гг. рук. арх. Л.Д. Агафонов, П.П. Покрышкин), который имел характер противоаварийных ремонтно-консервационных работ с элементами реставрации. Помимо инженерных укреплений церкви, особое внимание было уделено сохранению и консервации руинированных остатков монастырского корпуса, первоначально предполагавшихся к разборке. При этом вопрос об элементах стилизации под

первоначальный облик XVII в. был назван противоречащим приоритету сохранения внешнего вида древнего памятника.

Впервые теоретические принципы консервационного подхода нашли отражение в трудах академика П.П. Покрышкина. В них акцентировалась мысль о необходимости избегать «реставрирования» и ограничиваться простым осторожным ремонтом (в данном случае ремонт – в современном понимании консервации), что было связано с переосмыслением реставрационного опыта предыдущего периода. Подчеркивалась важность предварительного изучения памятника посредством точной фото- и графической фиксации и подробного описания состояния до начала ремонта. Возможность изучения истории памятника по его позднейшим наслоениям рассматривалась как важный аргумент в пользу недопустимости пренебрежения ими и необходимости их сохранения. Общий принцип данного подхода заключался в неприкосновенности прочного и замене ветхого в прежнем виде или в степени сохранности первоначального вида. В методических разработках затрагивался вопрос частичной (фрагментарной) реставрации в случае наличия на памятнике таких наслоений, которые необходимо удалять, и, если «первоначальное или вообще интересное в памятнике не всегда открывается в целостности» [172].

В европейской архитектурной реставрации в рамках традиционной парадигмы сформировалось два основных подхода, базировавшихся на определении историко-культурной ценности памятника.

Эстетический подход развивал методы стилистической реставрации, заложенной в XIX в. французским архитектором-реставратором, искусствоведом и историком архитектуры Э.Э. Виолле ле Дюком (в определенной мере воспринявшим «принцип предпочтения» Дж. Скотта). Это направление базировалось на концепции «единства стиля», возможности творческого воссоздания памятников на определенный период времени в формах, считавшихся наиболее ценными с точки зрения архитектора-реставратора. Субъективно-эстетический подход опирался на представление о памятнике как о произведении искусства, при восстановлении общего архитектурного решения которого утраченные элементы могут быть восполнены на основе исторических аналогов и в соответствии с

художественными приемами данного архитектурного направления [241]. Программа стилистической реставрации получила широкую реализацию в западноевропейской архитектурно-реставрационной практике ко второй половине XIX в. (восстановление церкви Сент-Мадлен в Везле, с 1840-х гг., арх. Виолле ле Дюк; реставрация собора Парижской Богоматери, 1840-е – 1860-е гг., арх. Виолле ле Дюк, Лассю).

В русле антикварного подхода, основа которого была заложена во второй половине XIX в. английским историком и теоретиком искусств Д. Рескином, развивался метод археологической реставрации. Исторической подлинности данный подход отдавал безусловный приоритет, а ее максимальное сохранение было названо принципиальным требованием к реставрации. Основанная на антикварном подходе теория консервации предполагала бережное отношение к историческим наслоениям, признаваемым ценными как отражение этапов бытования памятника. Концепция археологической реставрации, противопоставленная стилистическим реставрациям, находила поддержку в теоретических взглядах Дж. Ф. Бодли, К. Бойто, А.Н. Дидрона, В. Гюго, Г. Джованнони, Робера Де Ластейри, А. Леруа-Велье, Ш. де Монталамбера, У. Морриса, Лефевра Портали, А. Ригля, Дж. Стивенсона, Д. Стрита, Э. Фримена, последователей Общества охраны старинных зданий и др. Принципы археологической реставрации получили признание в европейской практике в первые десятилетия XX в. (реставрация сооружений Афинского акрополя, нач. XX в., арх. Н. Баланос).

При этом, как в международной, так и отечественной теории сохранения памятников древности период XIX – начала XX вв. характеризовался формированием матрицы основных категорий и понятий (памятник культуры, реставрация, консервация, подлинность, аутентичность и др.), ставших основой научно-реставрационной теории и формировавших поле нормативно-правового регулирования в данной сфере.

Характеризуя развитие европейской реставрации второй половины XIX в., исследователи отмечают неоднородность теоретических воззрений и их осуществления в практике отдельных стран. Формирование реставрационного опыта заключалось в диапазоне,

ограниченном рассмотренными полярными направлениями: от решительных переделок на основе принципа «единства стиля» до принципа сохранения исторически сложившегося облика памятника в неприкосновенном виде.

Методы Виолле ле Дюка составляли основу французской архитектурной реставрации в 1850 – 1880-е гг., находили в середине XIX в. последователей в Великобритании. Преобладающим направлением германской реставрации второй половины XIX в. являлось завершение памятников в стиле первоначальной архитектуры с докомпоновками (достройка Кельнского собора, 1842 – 1880 гг., арх. Э. Цвирнер, Р. Фойгтель). Практиковалось освобождение памятников от поздних наслоений (реставрация замка Вартбург, 1850 – 1880-е гг., арх. Х. фон Ритген). Для Италии также была характерна практика целостных воссозданий средневековых памятников (облицовки фасадов церкви Санта-Кроче во Флоренции, 1863 г., арх. Матас; собора Санта-Мария дель Фьоре, 1875 – 1887 гг., арх. де Фабрис).

К концу XIX в., с распространением в европейских странах влияния идей Рескина и усилением критической оценки стилистических принципов Виолле ле Дюка, архитектурная реставрация достигла более сбалансированного понимания в рамках археологического и архитектурно-реставрационного подходов.

Различия в развитии европейского и отечественного реставрационного дела во многом были обусловлены социально-политическими и культурно-религиозными предпосылками, сложившимися в конце XVIII – первой половине XIX вв. и обусловившими явления массового разрушения и последующего воссоздания памятников средневековой архитектуры. Исторически различные условия развития создавали поле самостоятельного формирования отечественных архитектурно-реставрационных процессов в условиях не вовлеченности в общеевропейский процесс. Тем не менее, со второй половины XIX в. наблюдалась тенденция упрочнения научных связей и овладения западноевропейским опытом, особенно заметная в деятельности Г. Филимонова, Ф.И. Буслаева.

Отечественная реставрационная школа второй половины XIX в. на пути освобождения от влияния классицизма демонстрировала

значительную приверженность методу стилистических реставраций, развитому идеями Виолле ле Дюка (выборочно переведенными Н.В. Никитиным в очерке «Реставрация древних архитектурных памятников»). Подходы отечественной реставрации во многом находили аналогии с программой французских реставраций 1860-х гг., где значительное внимание также уделялось обоснованию выбора аналогов, проблематике выбора между наслоениями и первоначальной формой.

Различие на фоне общего совпадения с российской практикой проявилось в отношении к выявлению реставрационными средствами форм разных периодов. Программа Виолле ле Дюка предусматривала сохранение различий между разновременными частями памятника, в то время, как среди русских архитекторов преобладала ориентация на подчеркнутое стилистическое единство произведения древности. Тем самым, развитие отечественной реставрации следовало общеевропейскому процессу с некоторым отставанием (во второй половине XIX в. в Европе отчетливо проявлялись тенденции отхода от стилистических реставраций), обусловленным принципиальной разницей изначальных условий. Новые тенденции российской реставрации, связанные отходом от стилистических принципов, были проявлены к концу XX в.

В процессе трансформации традиционного понимания по пути приближения к принципам современной теории реставрации, различные воззрения на достоверность формы и подлинность материалов нередко сосуществовали в одни и те же временные периоды, противоречиво отражаясь в практике реставрационных работ. К началу XX в. в российской теории и практике реставрации сложилось представление о консервации как об особом и наиболее всеобъемлющем реставрационном методе, применяемом с целью сохранения памятника архитектуры в дошедшем до нашего времени виде. Обращение к аналитическому подходу давало обоснование консервации как основополагающему направлению научной реставрации. Господствующей тенденцией, однако, оставалось стремление к целостным реставрациям, в случаях воссозданий подчеркивалась необходимость их обоснования и максимальной достоверности.

В соответствии с этим выявлено, что особенностью европейской практики реставрации было стремление возродить всю ткань города, что послужило основой формирования средового подхода в реставрации. В то время, как в СССР реставрация велась точечно на отдельных особо значимых объектах.

Цикличность развития реставрационной практики в Европе и в СССР отличалась именно в аспекте понимания временных циклов: европейское развитие представляло собой относительно плавное движение с одной болевой точкой (Вторая мировая война), в Советском союзе это движение было дискретное – с большими разрывами, обусловленными сложностями исторического развития.

Глава II. Анализ отечественной практики реставрации в советский период XX в.

Трансформация идеологического подхода к сохранению наследия в первые десятилетия советской власти (1917 - 1940-е гг.)

Весь довоенный период в области становления системы реставрации и охраны памятников принято условно разделить на три этапа: 1918 - 1920-е гг., 1921 - 1930-е гг., 1931 - 1940-е гг.

1917 – первая половина 1920-х гг. Государственная политика послереволюционного периода в области охраны культурного наследия характеризовалась общей стратегией на идеологизацию и укрепление партийной монополии. Впервые в 1918 – 1921 гг. возникли предпосылки создания целостной государственной и общественной системы по охране и использованию историко-культурного наследия, опиравшейся на формирующуюся новую законодательную базу [69]. В 1918 г. в стране был принят декрет «О регистрации и приеме на учет и сохранение памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц». По этому декрету в течение пяти лет оказалось поставлено на учет 2350 отдельных памятников и 520 усадеб.

Постепенно проблема национального культурного наследия заняла значительное место в государственных программах, став важнейшим инструментом контроля в области новой идеологии.

Первые годы советской власти ознаменовались рядом законодательных документов, направленных на сохранение художественного наследия прошлого, основываясь на которых, советское правительство с первых лет своей деятельности придало охране памятников общегосударственное значение [94, с. 9].

Возникла необходимость определения новых механизмов охраны сохранившегося колоссального объема национализированных памятников. Значительные усилия направлялись на систематизацию организационной структуры охраны памятников. Часть специалистов активно включились в дело сохранения памятников. В сложнейший период для реставрации в 1918 г. художник и исследователь И. Грабарь создал группу для обследования памятников, которая составила основу возникших под его руководством центральных реставрационных мастерских (прил. 2, табл. 5). Они обследовали значительное количество храмов Московского кремля, Владимира и Звенигорода и других городов.

Существовавшие в дореволюционный период структуры (Императорская археологическая комиссия, Московское археологическое общество) дополнялись вновь созданными комиссиями по охране памятников, в состав которых входили крупные деятели архитектуры и искусства: И.Э. Грабарь, Р.И. Клейн, А.М. Васнецов, В.Д. Поленов, С.И. Щукин, С.В. Бахрушин, А.Н. Бенуа, П.П. Покрышкин, К.К. Романов, С.Т. Коненков, В.Н. Бакшеев, К. Малевич, В.Н. Мешков, А.П. Удаленков, Н.Н. Померанцев, П.Д. Барановский и др.

К вновь созданным художественно-историческим комиссиям относились: Коллегия по делам музеев и охраны памятников искусства и старины в системе Народного Комиссариата просвещения в Петрограде (председатель Г.С. Ятманов), Комиссия по охране памятников искусства и старины в Москве (председатель П.П. Малиновский), Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины в Москве, с 1920 г. – Главмузей (Комитет по делам музеев и охраны памятников, председатель Н.И. Троицкая. Ее понимание охраны памятников вполне созвучно с современным: «От прошлого через настоящее – к будущему»). Московская и петроградская части составляли Всероссийскую Коллегию, являвшуюся административным и

руководящим органом. При Главмузее в 1924 г. были сформированы Центральные государственные реставрационные мастерские, сосредоточившие профессиональную деятельность по сохранению и реставрации памятников страны (прил. 2, табл. 7, 8).

Таким образом, к 1920-м гг. охрана памятников архитектуры в СССР получила первую государственную организацию в виде системы центральных и местных органов охраны, с аналогичной системой в союзных республиках (Туркомстарис (с 1924 г. – Средазкомстарис), Самкомстарис, Бухарстарис, Узбекомстарис). Вместе с тем, отмечалась избыточная пестрота вновь создаваемых и трансформировавшихся учреждений на различных уровнях административного управления. В первые послереволюционные годы сохранялась роль культурной общественности, объединявшейся в пользу охраны памятников («Комиссия Горького», Объединенный комитет по охране собраний и памятников искусства), краеведческим организациям и обществам («Старая Москва», «Общество изучения Русской усадьбы»), впоследствии в 1920-е – 1930-е гг. утраченная под влиянием идеологизации области сохранения наследия.

Приоритетным направлением государственной политики в отношении наследия прошлого являлась его музеефикация. Национализированные дворцы, особняки и усадьбы приспособлялись под музейные объекты и хранилища для свозимых экспонатов. Созданная система охраны памятников, в основном, осуществляла контролирующую, регистрационную и фиксационную деятельность в связи с массовым отчуждением памятников в послереволюционный период. Принципы охраны памятников находили закрепление на законодательном уровне в виде инструкций и декретов, на основе чего была проведена их первая государственная регистрация. Особую роль приобрела мемориально-историческая значимость памятника, связанная с революционными событиями и персоналиями. В первые послереволюционные годы в поле особого внимания оказались памятники деревянной архитектуры, тема разрушения которых приобрела резонанс в начале 1920-х гг. (выставка «Уходящая деревянная Москва» в 1921 г.).

Проведенная национализация сыграла значимую роль в решении противоречия между правом собственника распоряжаться памятником и необходимостью его сохранения как национального культурного достояния [69, с.34]. Вместе с тем, серьезная проблема, наносившая урон состоянию национализированных памятников, была связана с их содержанием, эксплуатацией, приспособлением под утилитарные функции, самовольными переделками и искажениями исторического облика (Чудов, Варлаамиево-Хутынский монастыри). Изъятие из церковного использования и превращение в музеи монастырских зданий и храмов приводило к утрате их семантики (Успенский и Дмитровский соборы во Владимире).

Инерционность первых послереволюционных лет в отношении к сохранению и реставрации культурного наследия проявлялась и в области финансовой политики. Средства на охрану и реставрацию централизованно продолжали выделяться на отдельные знаковые памятники, такие, как Московский кремль, – в весьма существенных масштабах [261, с. 66].

Вторая половина 1920-х – 1930-е гг. Государственная политика в отношении сохранения памятников характеризовалась ужесточением идеологизации. Одним из основных конфигурирующих факторов стал курс на обесценивание и деградацию традиционных культурных ценностей, в особенности, наследия провинции. Авторитет постановлений об охране памятников падал, общественная деятельность в области охраны и реставрации памятников утрачивала влияние на официальную позицию власти. Данный период характеризовался сменой парадигмы в официальном отношении к наследию – окончание периода музеефикации, сохранявшего лояльность к памятникам, и наступление периода формирования новой государственной идеологии, связанной с идеей использования памятников архитектуры как декорации социалистического города [261, с. 34]. Постановление ВЦИК 1921 г. об изъятии церковных ценностей на фоне борьбы с религией придало целенаправленный характер кампании по ликвидации церквей (закрытие, передача в утилитарное использование). К концу 1930-х гг. этот процесс вылился в беспрецедентные по масштабам сносы памятников культовой

архитектуры. Таким образом, в отношении памятников постепенно складывалось направление, вектор которого сдвинулся от музеефикации к уничтожению наследия.

Об изменении отношения к наследию на фоне общего ослабления государства свидетельствовало сокращение финансирования памятников до ничтожных размеров. Основной объем работ по их сохранению сводился к поддерживающему ремонту. На общегосударственном и региональном уровнях предпринимались попытки разрешения проблемы обеспечения ремонтных работ путем поиска новых форм финансирования: за счет возможности извлечения доходов от эксплуатации земель и строений, связанных с памятниками (Декрет о специальных средствах для обеспечения государственной охраны культурных ценностей 1923 г.), за счет средств арендаторов памятников (в Петрограде, Ярославле). Ввиду проблем финансирования, реставрационные работы проводились в минимальных объемах, причем специфика реставрации, связанная с углубленными научными исследованиями, утрачивала свое значение ввиду отсутствия поддержки на государственном уровне.

Вместе с тем, на фоне усиления негативистских тенденций в отношении к наследию со стороны государства, вторая половина 1920-х гг. была отмечена активными общественными дискуссиями о роли памятников, возможностях их сохранения и восстановления в первоначальном виде. Менялся принцип отношения к памятнику в сторону восприятия его как источника познания. Отдельные аспекты демонстрировали стремление к правовому регулированию вопросов наследия на государственном уровне (подготовка в 1930 – 1931 гг. списка объектов, требовавших охраны, не вступившего в силу как действующий документ). Принятые принципы учета памятников основывались на выявлении их социально-исторического значения, противопоставляясь дореволюционному «формалистическому» подходу.

Трансформация идеологического подхода в отношении культурного наследия во конце 1920-х – начале 1930-х гг. сопровождалась крупными реорганизациями и упразднениями в системе охраны памятников (в 1928 г. – закрытие Ленинградских

реставрационных мастерских и Государственной академии художественных наук, в 1929 г. – упразднение Главмузея, в 1934 г. – ликвидация Центральных государственных реставрационных мастерских).

В первой половине 1930-х гг. правительством предпринимались попытки восстановления системы государственного контроля над объектами культурного наследия на республиканском и всесоюзном уровнях. К данному периоду относится: формирование Комитета по охране исторических памятников при Президиуме ВЦИК РСФСР (1932 – 1938 гг.), воссоздание музейного отдела в составе Народного комиссариата просвещения РСФСР (1933 г.), формирование Комиссии по охране памятников Гражданской войны и Красной армии при ЦИК СССР (1933 – 1936 гг.), формирование Управления по охране памятников в составе Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК СССР (с 1936 г.), формирование института инспекторов местных отделов народного образования по музеям и памятникам старины (1934 – 1935 гг.). Несмотря на попытки усиления деятельности местных органов власти и управления в сфере соблюдения законодательства по охране памятников, государственная памятникоохранительная система до конца 1930-х – начала 1940-х гг. характеризовалась стагнацией, дальнейшим дроблением и кризисным состоянием на региональном уровне [222].

Вторая половина 1930-х – начало 1940-х гг. Изменение идеологии отношения к наследию прошлого к концу 1930-х гг. совпало с осложнением международной ситуации, на фоне чего возникли предпосылки укрепления патриотических настроений. Существенно новые черты в отношении к наследию наметились на рубеже 1930 - 40-х годов. В эти годы осложнилась международная ситуация. Угроза назревавшей войны с Германией потребовала изменения на идеологическом фронте. Актуальным стало воспитание патриотизма, что потребовало обращения к истории. Происходило возвращение исторической тематики в искусстве.

Культурное наследие оказалось востребованным для решения политико-просветительских задач [222]. Пик отрицательного отношения к памятникам периода 1920-х – 1930-х гг. был пройден, происходила их

частичная реабилитация в новой системе идеологизированного искусства [261, с. 13]. Изменения, происходившие в рамках государственного курса на охрану наследия, отразились и в области архитектуры: возникло понимание ценности архитектурного опыта и традиции. Менялось отношение к народной архитектуре. На организационном уровне изменения отразились в направленности на усиление системы охраны памятников: в 1939 г. при Всесоюзной Академии архитектуры была сформирована Комиссия по охране и реставрации памятников архитектуры, включившая авторитетных деятелей научно-реставрационной области (И.В. Рыльский, П.Д. Барановский, И.В. Жолтовский, И.Э. Грабарь, Д.П. Сухов и др.). В числе рассматриваемых появились вопросы реставрации памятников из союзных республик. Отмечалось, что изменения и практическая организация дела охраны памятников проходили с заметными региональными различиями: от инерции и неприязни на периферии до осознанного поддержания наследия как части национальной культуры.

Об изменении отношения к наследию на государственном уровне свидетельствовало расширение практической деятельности в области реставрации и исследований, которая пополнилась крупными реставрационными работами в 1935 – 1940-е гг. (укрепление Дмитриевского собора во Владимире, реставрация Софийского собора в Киеве, церкви св. Георгия в Коломенском, Покровского собора на Рву).

Подытоживая рассмотрение трансформации идеологического подхода к сохранению наследия в первые десятилетия советской власти, отметим его взаимосвязь с этапами процесса специфического развития культуры данного периода, выделенными А.С. Щенковым: 1921 – 1927 гг. (этап музеефикации), 1927 – 1934 гг. (этап театрализации), 1934 – 1940 гг. (этап мифологизации).

При исследовании особенностей данного исторического этапа отмечаются обусловленные коммунистической идеологией «дуализм» и «зигзаги» культурной политики периода формирования советского государства, что выразилось в разрыве между официальной государственной позицией и реальными действиями в области охраны памятников [261]. Дореволюционная традиция диалога государства и общества в сфере сохранения наследия, инерционно воспринятая в

первые послереволюционные годы, к 1920-м гг. оказалась разрушенной под влиянием тоталитарного характера государственной власти. В период 1920 – 1930-х гг. была деформирована система общественных и официальных памятникоохранительных организаций, созданная в первые послереволюционные годы, наблюдалось выраженное стремление государства к монополизации сферы охраны историко-культурного наследия на общесоюзном уровне.

В целом, формирование идеологии советского государства в отношении наследия в довоенный период шло по пути размывания представления о памятнике как о носителе исторической и культурной традиции, определения альтернативного социально-исторического значения памятников в системе искусства и культуры, что оказало существенное влияние на узкопрофессиональную область архитектурной реставрации [261, с. 44]. Формирование официальной государственной идеологии охраны памятников истории и культуры, выраженное в организационной и законотворческой деятельности в 1917 – 1940-е гг., сопровождалось падением авторитета памятникоохранительных органов и усилением негативных тенденций в отношении к наследию прошлого, вплоть до его физического уничтожения.

Обзор реставрационной практики в период становления СССР

Практика отечественной реставрации 1917 – 1920-х гг. продолжала руководствоваться теориями и профессиональными нормами, сложившимися в дореволюционный период,

Дискуссионный круг вопросов в 1920-е гг. составлял поиск единого понимания методов и подходов реставрации, связанных с определением границ вмешательства в ткань памятника. Спектр существовавших мнений варьировался от консервативной позиции – принципа минимального вмешательства в памятник (К. Романов, И.Э. Грабарь, А.П. Удаленков) до более свободного отношения к восстановлению утраченного облика (И.П. Машков, В. Витман, Н. Сычев), вплоть до полярной идеи целостных восстановлений с воссозданием утраченных

форм (И.В. Рыльский, П.Д. Барановский). «Основные положения реставрации памятников зодчества», обобщившие научно-методические итоги I Всероссийской конференции Главмузея по делам реставрации (1921 г.), подчеркнули приоритет консервационных подходов, а также важность сохранившихся остатков и следов для допустимого воссоздания. В последующие годы проблема допустимости докомпоновок и сохранения поздних наслоений на памятнике в теории отечественной реставрации снизила свою остроту, но основополагающими вопросами оставались достоверность реставрации и наглядность складывающегося художественного облика.

В ходе становления памятникоохранительной системы СССР с начала 1920-х гг. наметилась тенденция к централизации реставрационных сил, рассредоточенных в московской и петроградской частях. Главенствующую позицию занял московский Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса. В 1924 г. на базе реставрационного подотдела Главмузея и Всероссийской комиссии по делам реставрации (созданной при отделе в 1918 г.) были организованы Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ) объединившие крупных специалистов-реставраторов (И.Э. Грабарь, И.П. Машков, И.П. Марковников, Д.П. Сухов, И.В. Рыльский, Б.Н. Засыпкин, П.Д. Барановский), с филиалами в Ленинграде и Ярославле. Мастерские стали централизованным органом, сосредоточившим научно-методическую и практическую работу по исследованиям, учету, паспортизации, реставрации памятников архитектуры, состоящих на государственной охране. ЦГРМ были предприняты первые шаги по методическому освещению производившихся в стране работ посредством издания специальных сборников «Вопросы реставрации» (1926 г., 1928 г.).

Наиболее значимые ремонтно-реставрационные работы предпринимались в послереволюционный восстановительный период на памятниках Московского Кремля, важность восстановления которого в условиях общего упадка страны особо подчеркивалась советским правительством (Собор Двенадцати Апостолов, Архангельский собор, церковь Ризположения, звонница Ивана Великого, Никольская и Беклемишевская башни). Реставрационная практика 1920-х гг. включала

восстановительные работы в крупных исторических центрах и городах: Москве (собор Андроникова монастыря нач. XV в., церковь Покрова в Рубцове нач. XVII в., стены и башни Китай-города, здание Университета на Моховой ул.), Ленинграде (Зимний дворец, Эрмитаж, Михайловский дворец, пригородные дворцы в Детском Селе, Павловске, Петергофе, Ораниенбауме), Новгороде (церковь Спаса на Нередице XVII в.), Ярославле (ансамбль Спасского монастыря, церковь Николая Мокрого XVII в., церковь Рождества на Волге XVII в., Соборный дом на Стрелке конца XVII в., дом Иванова XVII в.), Пскове, Владимире, Суздале, Угличе, Старице, Смоленске, Вологде, Костроме.

Значительные реставрационные работы проводились в Средней Азии (минарет Калян, мечеть Магоки Аттари, мавзолей Исмаила Саманида в г. Бухаре; медресе Шир-Дор, Тилля-Кари, мавзолей Гур-Эмир в г. Самарканде; памятники в г. Хиве, Коканде, Термезе, Намангане), в Азербайджане (памятники в г. Баку, Нухе), в Армении (Ереруйкская базилика, храм Звартноц, кафедральный собор Эчмиадзин), на Украине (Софийский собор в г. Киеве), в Татарской АССР (памятники в г. Казани, Свияжске). По существующим сведениям, в период 1918 – 1927 гг. было реставрировано 224 памятника, преимущественно древнерусского зодчества [68].

Основные задачи реставрации связывались не только с механическим сохранением, но и предусматривали выявление эстетических сторон памятника. Следуя аналитическому принципу, освобождение памятников от позднейших наслоений допускалось в крайних случаях, а полное раскрытие с восстановлением первоначального вида методически имело отрицательную оценку. Подчеркивалась революционность фрагментарных методов реставрации.

Вместе с тем, несмотря на широкое признание данных методических принципов, в практике реставрации значительное распространение приобрели целостные раскрытия с удалением поздних наслоений. Предпосылками этого служили причины идеологического порядка, утверждавшего борьбу с ценностями прошлого. Национализация, давшая доступ к памятникам, открыла новые перспективы для реставрационных раскрытий, привлекавших возможностью исследования истории древних памятников архитектуры. Раскрытия становились

выигрышной составляющей реставрационных работ, проводившихся в связи с разрушениями 1917 – 1918 гг. [261, с. 96]. Отношение к поздним наслоениям во многом зависело от их стилистической принадлежности тому или иному историческому периоду, вкусовой оценки их историко-художественного интереса.

Методы раскрытия, ставшие популярными в 1920-е гг., преследовали основной целью выявление первоначальных черт памятника, и в большинстве случаев требовали одновременного восстановления утраченного. К значимым работам, связанным с практикой реставрационных раскрытий, относились работы по архитектурной реставрации церкви Двенадцати Апостолов, Патриарших палат, Архангельского собора в Московском Кремле (руководитель арх. И. Рыльский, И. Бондаренко, Н. Марковников). Фрагментарность отдельных реставраций была обусловлена неполнотой раскрытия древних форм и невозможной утратой информации о них (церковь Ризоположения). Значимой работой по раскрытию памятника стало удаление поздних объемов XVIII – XIX вв. (теплого собора, многоярусной классицистической колокольни, ризницы) Георгиевского собора в Юрьеве-Польском с фрагментарным восстановлением древнего облика храма (рук. арх. П.Д. Барановский).

Дополнения при раскрытиях, как правило, носили минимальный характер, строго следуя достоверным обоснованиям по точным данным. Проблемы докомпоновок, возникавшие при реставрации памятников различных периодов, были обусловлены необходимостью заполнения лакун с одной стороны, а с другой – стремлением показать древние формы [261, с. 145]. Значимыми работами данного направления на памятниках гражданского зодчества стали реставрации жилых палат XVII в. (Палаты Троекурова в Охотном ряду, реставрация 1923 – 1928 гг., арх. П.Д. Барановский; Архиерейский дом в Ярославле, реставрация 1920-х гг., арх. И.А. Тихомиров). Применение приемов реконструкции стесанных элементов декора (по «хвостам», отпечаткам профилей) с привлечением аналогов позволяло восстанавливать редкие декоративные мотивы, приближая работы к области целостной реставрации (реставрация дома Голицына, 1923 – 1928 гг., арх. П.Д. Барановский).

Методически безукоризненными были названы работы по раскрытию крылец и галерей Покровского собора в Москве (1921 – 1928 гг., арх. Д.П. Сухов). Основной задачей было стремление раскрыть первоначальный образ и художественное значение памятника. Несмотря на фрагментарность реставрации, ее, как и многие работы подобной направленности, отличало стремление к стилистической целостности. В одних случаях это достигалось за счет гипотетических воссозданий, в других – с помощью музейного приема соединения различных, но синхронных частей памятников [261, с. 154].

Определенной тенденцией в реставрационной практике в рассматриваемый период стало стремление к целостным реставрациям, усилившееся во второй половине 1920-х гг. Один из знаковых реставрационных примеров целостного восстановления – реставрация Казанского собора на Красной площади в Москве (реставрационные работы 1925 – 1928 гг., арх. П.Д. Барановский), в ходе которой решалась задача выявления собора как памятника XVII в. со сносом позднейшей колокольни. В ряду примеров целостных реставраций находится церковь Косьмы и Дамиана в Москве – памятник XVII в., восстановленный по сохранившимся фрагментам и стилистически близким историческим аналогиям со всеми характерными деталями древнерусской архитектуры. Вместе со стремлением к целостности восстановления облика, подчеркивалась важность воссоздания «неправильностей» древнего вида и максимального сохранения подлинного материала памятника.

Наряду с акцентированием вопросов раскрытия памятника, в послереволюционные годы звучали мысли о необходимости частичного воссоздания утраченной композиционной целостности. Тема воссозданий, активно обсуждаемая в 1919 – 1921 гг., обозначила формирование более гибкого подхода, характерного для петроградской реставрации (сначала в части воссоздания скульптурного убранства). В реставрационной практике проблема поздних наслоений нередко переплеталась с темой воссозданий (реставрация Английского клуба в Москве, Христорождественской церкви в Ярославле, церкви Рождества в Новгороде).

В практике послереволюционного периода обозначилось разделение памятников на «живые», продолжавшие функционировать в соответствии с назначением и требовавшие гибкого подхода, и «мертвые», допускавшие только консервацию. В целом, «живой» характер памятника в некоторых случаях приводил к мысли о допустимости его «современного развития», придания ему каких-то дополнительных черт, актуальных с точки зрения утилитарного использования. В рамках музеефикации памятников производились отдельные работы по приспособлению древних сооружений. Задачи приспособления подталкивали к компромиссным решениям для обеспечения функционального использования. Так, при приспособлении Сухаревой башне в Москве (1925 – 1926 гг.; инж. А.Ф. Зябкин, арх. З.И. Иванов, Д.П. Сухов) был пробит свод для внутренней лестницы, осуществлены частные изменения планировки.

Развивались принципиально новые методы конструктивного укрепления памятников, проводимого в рамках ремонтных работ при значительных разрушениях и деформациях (Успенский собор Рязани, реставрация 1927 г.; Введенская церковь Болдинского монастыря Смоленской области, арх. П.Д. Барановский). При реставрации памятников среднеазиатской архитектуры, в связи особенностями региона, в круге реставрационных вопросов значимое место занимало решение проблемы недолговечных строительных материалов, обусловившее тенденции отступления от археологического подхода. Специфическими мерами реставрации становилась разборка и последующая перекладка подлинных конструктивно необходимых частей в новом материале со специальной маркировкой (Медресе Шир-Дор в Самарканде, арх. Б.Н. Засыпкин), восстановление утраченных архитектурных фрагментов методом анастилоза (Южный мавзолей села Узгенч, реставрация 1928 г.).

Ограниченный объем реставрационных работ 1930-х гг. в основном проводился по принципам конца 1920-х гг. с ориентацией на раскрытие и восстановление первоначального вида памятника. Однако, в силу недостатка средств работы нередко сводились к фрагментарным раскрытиям или воссозданиям отдельных форм, хотя приоритетным методом оставалась целостная реставрация. В виду резкого сокращения

полноценных реставраций, реставрационные работы начала 1930-х гг. являлись редким исключением, лишь в отдельных случаях сопутствуя ремонтным мероприятиям. Особенно данная ситуация сказывалась на архитектурном наследии провинции, где реставрационные мероприятия могли затягиваться на продолжительный срок (реставрация стен Нижегородского кремля, 1936 г.). Большинство работ сводилось к обследованиям и фиксациям, связанным с предполагавшимися сносами или искажениями памятников, характерными для этого периода.

В качестве особого реставрационного подхода принцип фрагментарной реставрации был воплощен при проведении работ на Софийском соборе в Киеве – памятнике нескольких строительных периодов, определивших специфику его восстановления (1935 – 1936 гг., рук. проф. И.В. Моргилевский). Принцип состоял в открытии и консервации как древнейших частей, так и позднейших наслоений, если они не мешали видеть первоначальных и не могли быть удалены без ущерба для устойчивости здания. Для выявления многослойности памятника применялись приемы зондажей и частичных раскрытий для обзора древних кладок XI в. с фрагментами орнамента. При реставрации церкви Георгия под Колоколы в Коломенском в конце 1930-х гг. (арх. П.Д. Барановский) задача удаления поздних элементов и открытия первоначальных форм постройки дополнилась идеей демонстрации истории жизни памятника, то есть фрагментарного сохранения поздних наслоений.

Основным принципом в 1930-е гг. провозглашалось освобождение памятника от позднейших наслоений без добавлений, подчеркнутое научным и техническим значением исторического материала. Данное направление было противопоставлено прежним приемам реставрации в отечественной и европейской практике, когда памятник освобождался от поздних наслоений и реставрировался затем в первоначальном виде. Можно отметить, что методы архитектурной реставрации во многом были близки методам реставрации живописи, исходившим из отношения к архитектурному произведению как к памятнику искусства [54].

Внимание к эстетике новой ордерной архитектуры во второй половине 1930-х гг. обусловило расширение спектра реставрируемых объектов памятниками классицизма. Реставрационные подходы определялись задачей наиболее целостного восстановления прежнего вида в материалах-аналогах, близких к подлинным, в том числе, в части исторических художественных интерьеров (Останкинский дворец в Москве, реставрация 1935 г., арх. К.А. Соловьев).

Несмотря на общепризнанный приоритет основных положений реставрации, на практике существовало значительное расхождение во взглядах на возможность раскрытий, ценность поздних наслоений, допустимость воссозданий. Если в реставрационной практике 1920-х гг. стремление к целостным реставрациям прослеживалось как определенная тенденция, то к 1930-м гг. эта тенденция стала лидирующей, что было связано с желанием сделать архитектуру более доступной для массового понимания. Вместе с тем, практика 1930-х гг. показывает, что несмотря на данное стремление, тотальное отсутствие средств нередко заставляло реставраторов ограничиваться фрагментарными раскрытиями и восстановлениями [261, с. 187]. Также сугубо фрагментарный подход мог быть следствием отсутствия необходимых данных об изначальных формах памятника, обилием разрушений и недостаточным знанием аналогов (Ханский дворец в Баку, реставрация 1932 г., арх. Б.Н. Засыпкин).

В целом, научная реставрационная теория и практика первого десятилетия советского периода сохраняла зрелый уровень дореволюционной реставрационной школы, занимавшей самостоятельную позицию среди западноевропейских школ. Показателем ее самостоятельности стала способность к развитию в условиях полной изоляции от цивилизованного мира и жестокого идеологического давления. В дальнейшем, в 1930-е гг. этот разрыв стал проявляться в подчеркнутом противопоставлении новых перспективных советских реставрационных методов западным. Значительная дискуссионность вопросов советской реставрации способствовала формированию единого понимания методов и подходов, отразившегося в реставрационной практике периода становления советской власти.

Первые десятилетия советской власти характеризовались периодами отчетливо негативного отношения к наследию, связанными с формированием восприятия наследия как пережитка прошлого – олицетворения духовно-нравственных и культурных ценностей царской России. Послереволюционная борьба с религией создала предпосылки для развертывания в 1920-х гг. кампании по ликвидации церквей, подразумевавшей их закрытие, передачу в музейное ведомство или местным властям для утилитарного использования. С 1926 г. началась планомерная кампания по сносу церквей, к концу 1920-х гг. вылившаяся в массовое физическое уничтожение культовых зданий. Единственной мерой являлась их фиксация в виде обмеров и фотосъемки; научно-исследовательские работы, требовавшиеся на уникальных памятниках культового зодчества, часто оказывались неосуществленными. Сносы памятников XVII – XVIII в. предполагались в Москве, Нижнем Новгороде, Вологде, Владимире, под Псковом, в Кашине, Ростове.

Масштабные сносы преимущественно культовой архитектуры затронули Москву и Ленинград. В Москве в конце 1920-х – 1930-х гг. оказались уничтожены многие памятники, в том числе, древнейшие монастырские и церковные здания: постройки Симонова и Страстного монастырей, Чудов и Вознесенский монастыри XIV в., Малый Николаевский дворец втор. пол. XVIII в. на территории Московского Кремля, собор Спаса Преображения XVI в. на Бору, церковь Спиридона Тримифунтского пер. пол. XVII в., Церковь Флора и Лавра втор. пол. XVII в. у Мясницких ворот, церковь Космы и Дамиана втор. пол. XVII в. в Нижних Садовниках, церковь Николая Чудотворца втор. пол. XVII в. в Столпах, церковь Петра и Павла XVII в. на Якиманке, церковь Рождества Христова кон. XVII в. в Кудрине, церковь Николая Чудотворца «Мокрого» кон. XVII в., Казанский собор XVII в., церковь Успения Пресвятой Богородицы кон. XVII в. на Покровке, церковь Николая Чудотворца рубежа XVII – XVIII вв. в Кошелях, лютеранская церковь Св. Михаила XVIII в., церковь святых Бориса и Глеба рубежа XVIII – XIX в. на Поварской улице, церковь Спаса Преображения нач. XIX в. на Глинищах, церковь Троицы Живоначальной пер. пол. XIX в. в Полях, храм Христа Спасителя втор. пол. XIX в.

В Ленинграде в ходе кампании по сносу культовых зданий были разрушены: церковь во имя Святого Мученика Мирония сер. XIX в., церковь Ввения во Храм Пресвятой Богородицы рубежа XVIII – XIX в., церковь Христа Спасителя (Спас-на-Водах) нач. XX в., церковь Покрова Пресвятой Богородицы рубежа XVIII – XIX в., единовременная церковь Святителя Николая Чудотворца (Миловская) сер. XIX в., церковь во имя Воскресения Христова и Михаила Архангела (Малоколоменская) сер. XIX в., часовня Александра Невского втор. пол. XIX в., церковь Преподобной Марии кон. XIX в. (единовременная).

В 1930-е гг. были снесены значимые памятники культовой архитектуры в ряде регионов: Екатерининский горный собор и Богоявленский собор втор. пол. XVIII в. в Екатеринбурге; церковь Успения Божией Матери втор. пол. XVIII в., церковь Св. Николая пер. пол. XIX в., Александро-Невский собор кон. XIX – нач. XX вв., Скорбященская церковь кон. XIX в., Успенская церковь втор. пол. XIX в., храм Александра Невского кон. XIX в. в Ростове-на-Дону; церковь во имя св. Александра Невского пер. пол. XIX в., Воскресенский собор пер. пол. XIX в., Ильинская церковь сер. XIX в., церковь во имя Вознесения Господня нач. XX в. в Уфе; Князь-Владимирский собор нач. XX в. в Воронеже; Успенский собор XIX в. Успенского монастыря, церковь Николая Чудотворца рубежа XIX – XX вв. в Перми; Всехсвятская церковь пер. пол. XIX в. в Красноярске; Успенская церковь XVIII в., Свято-Троицкая церковь пер. пол. XVIII в. в Царицыне (Волгограде).

К массовому сносу культовых построек добавилось уничтожение гражданских сооружений с ярко выраженными особенностями национального зодчества (русский стиль), усадебной классицистической архитектуры. Постройки XIX в. являлись зримым свидетельством свергнутого режима, что становилось причиной их искажения и разрушения. Часто церковные постройки реконструировались для светских целей, утрачивая семантику культовой архитектуры (в значительном количестве – в г. Ленинграде). Множество переделок и искажений памятников производилось без разрешения и фиксации, вопреки указаниям органов охраны (церковь Воскресения в Гороховце, Успенский собор в Рязани, колокольня Успенской Боровской церкви в Архангельске).

Развитие с конца 1920-х гг. градостроительной идеи социалистического города, давшей импульс грандиозным социально-политическим преобразованиям и отраженной в градостроительных проектах 1930-х гг. (Москва, Ленинград, Харьков, Ярославль и др.), сопровождалась усилением нигилистического отношения к наследию. Раскрытие этой идеи можно увидеть на примере первого генерального плана «социалистического города Горького», разработанного в 1935 – 1937 гг. в Ленинграде. Проект подразумевал целенаправленное уничтожение исторической застройки и коренную ломку существовавшей планировочной структуры «купеческого Нижнего», а также уничтожение Дмитровской башни кремля [84].

Колоссальные утраты в связи с градостроительными идеями затронули Москву, которая получала расширение и спрямление основных улиц в парадные магистрали со сносом сооружений, попадавших на новые красные линии. Последовали постановления о сломке церквей и многочисленных памятников гражданской архитектуры, даже незадолго до этого реставрированных: в Москве – Сухаревская башня кон. XVII в., Красные ворота нач. XVIII в., стены и башни Китай-города XVI в., церковь Гребневской иконы Божией Матери XVI в., церковь Св. Архидиакона Евпла XVIII в., дом Анненковых втор. пол. XVIII в., в Ленинграде – собор во имя Святой Живоначальной Троицы сер. XVIII в., церковь во имя Входа Господня в Иерусалим сер. XVIII в., церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы сер. XIX в.

На основании идеи формирования города социалистического типа производились реконструкции городских центров с уничтожением целых ансамблей культовых зданий (так, в Ярославле к середине 1930-х гг. центральная эспланада была очищена от церквей). Идея социалистической реконструкции 1930-х – 1940-х гг. стала препятствием для поддерживающего ремонта сохранявшихся исторических зданий, в результате чего они достигали удручающего состояния в части конструктивных и санитарно-гигиенических характеристик.

Еще одной вехой борьбы с традиционными ценностями стал связанный с массовой коллективизацией 1929 г. разгром деревенской крестьянской культуры. Крестьянская архитектура, составлявшая

значительный пласт наследия регионов и неразрывно связанная с определенными бытовыми, религиозными, декоративно-художественными традициями, подвергалась третированию. Курс на обесценивание исторического наследия и деятельности по его сохранению имел особенно губительные последствия для архитектуры провинции.

Наряду с военными разрушениями 1940-х гг., в послевоенный период губительный ущерб уникальным памятникам наносила проблема их аренды и эксплуатации. Хозяйственное использование памятников, вопреки официальной памятникоохранительной политике, шло вразрез их сохранности. Остро проблема разрушения памятников ощущалась не только в городах провинции (Ярославле, Ростове, Тутаеве, где фиксировалось полное разрушение ряда памятников XVII в.), но и на примере крупных столичных ансамблей в связи с перестройками и искажениями их первоначального облика (Ново-Спасский, Андроников, Симонов, Высокопетровский, Новодевичий монастыри в Москве).

После подъема патриотического восприятия национальной архитектуры на фоне военных разрушений, идея уничтожения наследия вновь приобрела подавляющее значение во второе послевоенное десятилетие, когда со второй половины 1950-х гг. усилился негативизм по отношению к памятникам. В этот период вновь началось широкомасштабное наступление на религию, открытое постановлениями Совета Министров СССР о сокращении числа монастырей (1958 г.) и существенно повлиявшее на отношение к культурному наследию. В течение 1959 – 1961 гг. было закрыто 34 монастыря (60 % от существовавших в 1958 г.), к 1966 г. было отчуждено около 35 % православных храмов. Наряду с закрытием храмов создавались препятствия для проведения на них ремонтных работ.

Другой характерной чертой данного периода стало тотальное обобществление сельскохозяйственной области, что привело к проблеме масштабного вымирания «неперспективных» деревень с традиционной сельской культурой и гибели многочисленных памятников архитектуры (в особенности на Русском Севере, где течение 1950-х – 1960-х гг. оказались заброшенными почти 60% деревень). Кроме того, в 1950-е гг.

получили развитие идеи строительства гидроэлектростанций по всей территории СССР, создавшие предпосылки уничтожения исторических поселений и гибели их архитектурного наследия в зонах затоплений (в Поволжье (города Корчева, Калязин, Молога, Пучеж) Сибири и др.) [95].

В значительной степени на отношение к культурному наследию повлияло изменение образной направленности советской архитектуры и развитие массового индустриального домостроения. Государственная идеология практически отрицала использование форм исторической архитектуры и декоративных форм, названных «излишеством» (Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1955 г. «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве»). Структура исторической застройки подвергалась трансформации и разрушению строительством нового типа, утвердились принципы тотального сноса старых районов с сохранением отдельных домов-памятников. В среде архитекторов распространилось пренебрежительное отношение к стилевой архитектуре и произведениям прошлого. На фоне нового жилищного строительства у значительных слоев населения формировалось негативное отношение к сооружениям прошлого, достигшим в результате градостроительной политики 1930-х – 1940-х гг. удручающего состояния.

Музеефикация оставалась основным способом решения проблемы использования памятников. Вместе с тем, многие отреставрированные внешне памятники имели утилитарное использование под конторы, мастерские, складские помещения. Таким образом, памятник в большей степени имел значение как внешняя оболочка, составляющая городского пространства, что лишало его жизни и развития. Подобно предвоенному десятилетию, памятник вписывался в городскую культуру как декорация, входя в композицию целого в соответствии с существующей интерпретацией исторического сценария [261, с. 217].

Начало 1960-х гг. было отмечено кампанией по резкому сокращению числа памятников, охраняемых государством. Уничтожение наследия происходило как по антирелигиозным, так и по политическим целям. Большинство памятников деформировалось при их приспособлении для современного использования, лишь малая часть использовалась без искажения архитектурных форм. Политика,

направленная на сокращение памятников, проявила себя резким сокращением (в 1963 г. – на 50 %) бюджетного финансирования области охраны и реставрации памятников.

В Москве в период 1950-х – 1960-х гг. были снесены и разрушены: церковь Ржевской иконы Божьей матери втор. пол. XVII в. на Поварской улице, церковь Благовещения кон. XVII в. в Голутвинской слободе, храм Преображения Господня втор. пол. XVIII в. в Преображенском, храм Николая Чудотворца втор. пол. XIX в. на Ямах, «дом Фамусова» (дом Римских-Корсаковых) нач. XIX в., Александро-Невский собор нач. XX в. В Ленинграде были разрушены церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы (Спас-на-Сенной) сер. XVIII в., храм Покрова Пресвятой Богородицы нач. XX в. в Рыбацкой слободе, церковь Святого великомученика Димитрия Солунского (Греческая церковь) втор. пол. XIX в., дача Белосельских-Белозерских сер. XIX в. и др.

Крупные утраты в 1950-е – 1960-е гг. коснулись историко-архитектурного наследия Ростова-на-Дону (храм Всех Святых втор. пол. XIX в., церковь Михаила Архангела кон. XIX в., Греческая Благовещенская церковь нач. XX в., Собор Григория Просветителя нач. XX в.), Екатеринбурга (костел св. Анны втор. пол. XIX в.), Казани (Владимирский собор XVII в.), Воронежа (Благовещенский собор втор. пол. XVII в., дом купца Мысакова нач. XX в.), Красноярска (Воскресенский собор XVIII в.) и др. В период 1970 – 1980-х гг. на фоне градостроительных реконструкций вновь усугубилась проблема уничтожения исторической застройки, сносившейся в городах целыми массивами (церковь Косьмы и Дамиана XVIII в., церковь Успения сер. XIX в. в Ярославле, снесены в 1982 г.). В Калининградской области за годы советской власти было целенаправленно снесено 89 кирх, около 70 культовых построек оказались в руинах до изменения государственной политики после 1985 г. [51].

Таким образом, период становления советской власти на идеологическом уровне характеризовался формированием отношения к памятнику как пережитку прошлого, в той или иной степени определившего политику целенаправленного уничтожения наследия и особенно ярко проявившегося в кампаниях 1920-х – 1930-х и 1950-х – 1960-х гг.

Законодательная политика советского государства в довоенный период. Роль европейских законодательных актов в охране исторического наследия.

Базовые основы отечественной системы сохранения национального культурного наследия во многом являются результатом осмысления международных руководящих нормативно-правовых документов, формировавшихся в мировом законодательном поле в XIX – XX вв. Последствия военно-политических конфликтов XX в., разрушительные для памятников, часто олицетворявших историю целых народов, стали импульсом для формирования единой системы защиты наследия. С первой половины XX в. в европейском правовом поле начали разрабатываться законодательные меры по защите древних памятников, в основу которых были положены концептуальные теории ведущих представителей западноевропейской школы (Дж. Рескина, Э.Э. Виолле-ле-Дюка, К. Бойто, А. Ригля, У. Морриса, Г. Джованнони).

Фундаментальное значение в формировании международного права в сфере сохранения культурного наследия имела Афинская хартия по вопросам реставрации исторических памятников 1931 г. [14]. Афинская хартия, закрепившая на правовом уровне безусловную ценность культурного наследия, оказала влияние на организацию выделенной научно-профессиональной реставрационной сферы и создание условий для формирования национальной правовой защиты исторических мест и окружающих их территорий. Впервые определив фундаментальные принципы консервации и реставрации, Афинская Хартия способствовала развитию широкого международного движения, отчасти повлиявшего на национальную законодательную деятельность в данной сфере, деятельность профессиональных и общественных структур. Сформулировав основные международные принципы и понятийную базу в области реставрации и консервации памятников, Хартия подразумевала их реализацию в рамках собственной культурной традиции отдельных стран.

В основе Афинской декларации содержались принципы, ставшие основанием аналитической реставрации: принципы наименьшего

возможного изменения памятника архитектуры в процессе реставрационных работ, осуществляемых на бесспорных данных натурного исследования самого памятника, и прекращения реставрации там, где начинается гипотеза. Вместе с тем, Афинская хартия отразила стремление к общности позиций различных реставрационных школ в части археологического и художественного подходов, сформулировав задачу сохранения жизнеспособности памятника, которой суждено было получить свое развитие уже в послевоенное время [54, 55].

В целом, отечественная система охраны памятников базировалась на принципах, созвучных европейским принципам и нормативно-правовым документам, сформулированным на их основе. Принцип компромисса археологического и художественного подходов к сохранению памятников, выраженный в основных положениях Афинской Хартии реставрации и развивавшийся в ведущих представителях отечественной научной школы (П.П. Покрышкин, И.Э. Грабарь, Б.Н. Засыпкин, Ю.А. Олсуфьев, А.И. Анисимов, Н.А. Околович, К.К. Романов), обусловил общую направленность европейских положений и советских законодательных инициатив. Первые законодательные документы Советской власти основывались на понятийно-терминологическом аппарате охраны культурного наследия, развитом на базе научной методологии исторических дисциплин, археологии, архитектурно-художественных концепциях реставрации в конце XIX – начале XX вв. [137, с. 103].

Значительное влияние на формирование международных принципов охраны культурного наследия в первой половине XX в. оказал русский философ, ученый и художник Н.К. Рерих, которому принадлежала идея Международного «Договора об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников (Пакт Рериха)», поддержанного правительствами государств Европы и американского континента в 1935 г. Договор стал первым международно-правовым актом, посвященным охране культурных ценностей в военное и мирное время, и заложившим основы современной правовой системы защиты ценностей культуры [120].

Принципы государственной охраны памятников, положенные в основу нормативно-правовой документации, обозначившие идею неприкосновенности национального достояния, в целом, соответствовали европейской законодательной политике в рассматриваемой сфере. Основанием для мероприятий в области сохранения культурного и исторического наследия стали более чем 20 декретов и распоряжений советской власти. Значительными документами советской памятникоохранительной системы стали декреты «О регистрации, приеме на учет и сохранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» (от 5 октября 1918 г.), «Об охране научных ценностей» (от 26 ноября 1918 г.), «Об охране памятников природы, садов и парков» (от 16 сентября 1921 г.).

В рамках решения проблемы обеспечения контроля памятников в связи с их массовым отчуждением в послереволюционный период, законодательно предусматривалось проведение первой государственной регистрации всех монументальных и вещественных памятников, взятие на учет находящихся в ведении обществ, учреждений и частных лиц собраний предметов искусств, имеющих научное, историческое и художественное значение (всего первый список памятников архитектуры включил 2700 объектов).

Завершением данного цикла стал Декрет «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» (от 7 января 1924 г.), согласно которому регламентировалось право на ремонт, реставрацию, переделку, слом и использование памятников, допускавшихся только в соответствии с разрешением государственных органов. В «Инструкции об учете и охране памятников искусства, старины, быта и природы» (1924 г.), документально был закреплен комплекс мер, включавший их охрану от сломки, переделки и приспособления, изменяющего внешний или внутренний вид, пристройки и возведения сооружений, заграждающих памятник [101]. Вводилось понятие «групповых» памятников, к которым предъявлялись требования целостного сохранения. Формировалась новая система классификации памятников архитектуры по категориям, в отношении которых разрабатывались принципы охраны. В названной Инструкции 1924 г. вводилась

классификация памятников на три категории в соответствии с возможностями хозяйственного использования.

К основным правительственным инициативам 1930-х гг. в сфере культурными относятся постановления ВЦИК и СНК РСФСР «Об охране исторических памятников» от 10.08.1933 г. и «Об охране археологических памятников» от 10.02.1934 г. Существенное значение постановлений было связано с запретом на слом, переделку и использование памятников без соответствующего разрешения органов охраны, а также с использованием системы арендного финансирования работ по сохранению памятников. Впервые законодательную поддержку получила практика создания археологических музеев-заповедников.

Официальные законодательные инициативы советского государства в области охраны, реставрации и пропаганды памятников закрепляли его положительный образ на международной арене [137, с. 104].

Исследование позволяет сделать вывод о том, что законодательная база Европы имеет более древние корни, при этом отечественные правовые акты в сфере наследия по отдельным моментам стыкуются с европейскими, но, вместе с тем, имеют совершенно различные смыслы. Опираясь на существующие локальные акты, созданные Европой, Россия отличается тем, что в связи со сложным путем развития и наложением исторических событий, ее законодательная политика подвергалась частым изменениям, затруднявшим формирование четкой концепции в отношении охраны наследия.

Восстановление памятников архитектуры после Великой Отечественной войны как символ единения нации

Колоссальные масштабы ущерба, причиненного национальным памятникам в первые годы войны, привлекли особое внимание государства к вопросам сохранения и реставрации наследия архитектуры РСФСР и союзных республик (в числе наиболее пострадавших оказались Украинская, Белорусская, Молдавская, Эстонская, Латвийская, Литовская ССР). В 17 оккупированных областях

РСФСР полностью или частично было повреждено более 700 памятников.

Среди городов, в наибольшей степени пострадавших от военных действий, выделялись Новгород (разрушения получили 60 памятников), Ленинград с пригородными ансамблями (более 400 пострадавших памятников), Псков, Смоленск, Вязьма, Калинин, Калуга, Истра, Волоколамск и др. Полностью разрушенными и тяжело поврежденными оказались памятники, являвшиеся уникальным достоянием страны и олицетворявшие собой историю и культуру нации: церковь Спаса Нередицы XII в., Успения на Волотовом поле XIV в., Спаса на Ковалеве XIV в., Софийский собор XI в. в Новгороде; Эрмитаж, Зимний дворец, Русский музей, Адмиралтейство, Таврический дворец, Инженерный замок, Исаакиевский собор в Ленинграде; дворцы в Петергофе, Павловске, Гатчине; Успенский собор XI в. Киево-Печерской лавры; церковь Параскевы Пятницы нач. XIII в. в Чернигове и другие памятники. В этих условиях на уровень государственной значимости вышли задачи возрождения разрушенного наследия архитектуры, ставшего символом единения пострадавшей в войне нации.

Организация памятникоохранительной деятельности была начата уже с первых военных лет в виде создания специальных комиссий по обследованию и фиксации памятников на освобожденных территориях (Комиссия по охране и восстановлению памятников архитектуры (с 1940 г.), Чрезвычайная государственная комиссия для расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков (с 1942 г.), Комиссия по учету и охране памятников искусства (с 1942 г.)). В период 1942—1943 гг. в освобожденных районах было обследовано около 300 памятников, всего же в военные и первые послевоенные годы было обследовано около 4000 памятников архитектуры в РСФСР, на Украине, в Белоруссии, Карело-Финской АССР. Предпринимались действия по восстановлению разрушавшихся уникальных объектов. В период блокады Государственной инспекцией по охране памятников Ленинграда (под рук. Н.Н. Белехова) проводились аварийно-восстановительные работы. С помощью специально сформированных комплексных бригад реставраторов решались задачи восстановления поврежденных памятников в регионах: Новгороде, Пскове, Чернигове,

Смоленске, Владимире, Суздале, Гороховце, Муроме, Галиче, Солигаличе, на Соловецких островах и др.

Таким образом, в военные годы охрана памятников приобрела статус общегосударственного дела. Поддерживалась научно-методическая работа, проводилась деятельность по популяризации и освещению проблем сохранения культурного наследия. Наряду с обследованием архитектурных памятников, ставилась задача их фиксации для создания общесоюзных фондов с графическими материалами и широкой публикации. Публиковались материалы обследований, проведенных в городах Московской, Смоленской, Ленинградской, Калининской областей, Киеве, Новгороде. Комиссией по охране и восстановлению памятников с 1941 г. устраивались циклы докладов и семинары с обсуждениями научных методов реставрации объектов наследия. Актуальные вопросы реставрации решались путем коллегиальных обсуждений с участием ведущих специалистов в данной области [261, с. 231].

Задачи спасения разрушенного наследия обусловили необходимость восстановления централизованной научно-производственной системы страны для решения спектра теоретических, методических и практических задач реставрации. В рамках этого были восстановлены упраздненные Центральные государственные реставрационные мастерские, получившие форму Центральных проектно-реставрационных мастерских (ЦПРМ) (постановление Правительства ЦК КПСС 1944 г.).

Одной из задач возрождения реставрационного дела в военные и послевоенные годы стало формирование методологической базы реставрации. Единый порядок производства работ устанавливался специальной инструкцией с практическими рекомендациями по обследованию, первоочередным мероприятиям и разработке проектов реставрации памятников архитектуры (1944 г., автор П.Д. Барановский). Был составлен предварительный список первоочередных для восстановления памятников.

Принципиальной задачей первых послевоенных лет, преобладавшей над реставрацией памятников, стала их охрана и спасение (И.Э. Грабарь, совещание ГУОП 1945 г.). В последующей

«Инструкции к разрешению на право производства, исследования и реставрацию памятников архитектуры на территории СССР» (1946 г., авторы Ш.Е. Ратия, П.Д. Барановский) были сформулированы методические принципы ведения реставрационных работ и требования к отчетной документации по реставрации. «Временная инструкция по ремонту, реставрации и научному исследованию памятников архитектуры» (1948 г., автор П.Д. Барановский) подчеркивала необходимость глубокого профессионального подхода к производству работ. Фундаментальным документом, систематизировавшим накопленный реставрационный опыт и сформулировавшим задачи охраны и реставрации, стала «Инструкция о порядке учета, регистрации, содержания и реставрации памятников архитектуры» (1949 г.).

В 1944 г. ГУОП были определены первоочередные меры по сохранению пострадавших в войне памятников. В 1944 – 1945 гг. начались аварийно-укрепительные работы по наиболее выдающимся объектам на пострадавших территориях: Пятницкая церковь в Чернигове; Софийский собор со звонницей, церкви Спаса на Нередице, Николы на Липне, Параскевы Пятницы, Успения на Волотове, Федора Стратилата, Димитрия Солунского в Новгороде; церковь Николы со Усохи в Пскове. По отдельным объектам были начаты работы традиционного реставрационного характера: Петропавловская и Михаило-Архангельская церкви в Смоленске, Борисоглебский собор в Чернигове. Значительным масштабом отличались ремонтно-реставрационные работы в Ленинграде и пригородах, направленные на воссоздание в прежнем виде крупнейших дворцов и значимых памятников (Адмиралтейство, Русский музей, дворец Строгановых на Невском проспекте, особняк Половцева на Каменном острове, Эрмитаж, Мариинский дворец, комплекс Петергофского дворца и др.).

Правительственными постановлениями подчеркивалась важность осуществления спасательных мероприятий как в районах массовых разрушений, так и в отдельных регионах, не затронутых военными действиями. Проводились ремонтно-реставрационные работы на памятниках Владимира (собор Княгинина монастыря, Дмитриевский собор), Суздаля (собор Рождества Богородицы, памятники Спасо-

Евфимиева монастыря, Покровский монастырь, Косьмодемьянская и Предтеченская церкви), Москвы (собор Новоспасского монастыря, Данилов монастырь, трапезная Андроникова монастыря).

Вторая половина 1940-х гг. отмечена как переломный момент в деятельности реставрационной системы страны, связанный с переходом от аварийно-восстановительных мероприятий на разрушенных памятниках к полноценным реставрационным задачам. Проведение восстановительных работ на престижных ансамблях активно поддерживалось правительственными инициативами. Наблюдался существенный рост объема производимых реставраций (так, в период 1947 – 1949 гг. объем ремонтно-реставрационных работ возрос более, чем на 20 %). Значительное внимание уделялось проблематике научных разработок в области реставрации, которые охватывали широкий спектр проблем и прикладных вопросов, в том числе, связанных с укреплением памятников.

Ремонтно-восстановительными работами к концу 1940-х гг. были охвачены культовые и гражданские памятники Новгорода (стены и башни Новгородского Кремля, Георгиевский собор Юрьева монастыря, храм Спаса Преображения, церковь Петра и Павла в Кожевниках, Знаменский собор, церкви Георгия и Успения на Ярославском двореце, Климента и Рождества на Поле), Пскова (церкви Косьмы и Дамиана с Примостья, Косьмы и Дамиана с Гремячей горы, Успения с Пароменья, соборы Снетогорского, Спасо-Мирожского, Ивановского монастырей, Приказные и Паганкины палаты, стены Довмонтова города, Кром, дома Сутоцкого, Яковлева), Ленинграда (Юсуповский дворец, Инженерный замок, Шереметевский дворец, Исаакиевский собор, Меншиковский дворец в Ораниенбауме, Александровский дворец и Галерея Камерона в Пушкине, Таврический дворец, здание Главного штаба, здание Гостиного двора, Троице-Измайловский собор, здание Академии наук), Москвы (стены и башни Московского Кремля, Архангельская церковь Андроникова монастыря, церковь Трифона в Напрудном, Меншикова башня, собор Донского монастыря, интерьеры дома Пашкова), северных регионов страны (Преображенская и Покровская церковь в Кижях, Успенский собор в Кеми).

Значимыми были реставрационные работы в городах союзных республик: на Украине (Софийский собор, Кирилловская и Андреевская церкви, Выдубецкий монастырь в Киеве, Успенский собор Киево-Печерской лавры; Спасо-Преображенский собор, Борисоглебская и Елецкая церкви в Чернигове, Бернардинский монастырь в Львове), Белоруссии (Старый замок в Гродно, Петропавловский собор в Гомеле, Благовещенский собор в Витебске, храм Софии в Полоцке), Молдавии (Сорокская крепость), в Латвии (Елгавский дворец, Новый замок в г. Цесис), в Литве (костелы св. Николая и св. Анны в Вильнюсе), в республиках Закавказья (Грузии, Армении, Азербайджане) и др.

Практика реставрационных работ ориентировалась на восстановление знаковых объектов в том виде, который они имели до военных разрушений. Это диктовало приоритет целостных реставраций, поддерживаемых государственной политикой и выделением бюджетных средств.

Ведущим стало мнение о необходимости отказа в ряде случаев от прежнего (фрагментарного) подхода в целях сохранения и спасения памятника, и обращения к виду полной реставрации, еще в довоенный период методически неприемлемой (И.П. Машков, П.Д. Барановский, И.Э. Грабарь). С профессиональной точки зрения данный подход обосновывался технической необходимостью, связанной с невозможностью сохранения руин, с точки зрения государственной идеологии – наглядностью воссозданных памятников как символов возрождения страны.

Характерными в этом отношении стали примеры послевоенных восстановлений значительно пострадавших и руинированных памятников, ярко продемонстрировавших смену приоритета в пользу их целостной реставрации с раскрытием первоначального вида (Пятницкая церковь в Чернигове, проект реставрации 1944 г. – 1947 гг., арх. П.Д. Барановский; церковь Петра и Павла в Смоленске, проект реставрации 1944 г., арх. П.Д. Барановский). Важной задачей послевоенного периода стали вопросы градостроительного порядка. При реставрации учитывалось градостроительное значение памятников, восстанавливаемых как часть ансамбля или элемент городской ткани, что также поддерживало приоритет целостной реставрации (ансамбль улицы Бродского, «Дом Адамини» и казармы Павловского полка в ансамбле

Марсова поля, Биржа, Московские и Нарвские триумфальные ворота в Ленинграде).

Таким образом, период военных потрясений 1940-х гг., принесший массовые разрушения уникальных памятников архитектуры, стал мощным импульсом для становления памятникоохранительной и реставрационной системы страны. В данный период был осуществлен колоссальный задел для реставрационно-восстановительных работ, имевших беспрецедентное значение в мировой практике. Ориентация на целостное восстановление памятников, связанных с историческим ходом развития страны и свидетельствовавших о ее героическом прошлом, стала одной из отличительных черт культурной политики советского государства в сфере охраны наследия, наиболее ярко проявившихся в военный и послевоенный период [94, с. 17].

В спектре восстанавливаемых памятников были наиболее значимые сооружения, являвшиеся национальными святынями и символами становления российской государственности – древнейшие культовые постройки, монастырские ансамбли, памятники оборонного зодчества, дворцовые комплексы. Опыт восстановления памятников отечественной архитектуры после Великой отечественной войны, ставший символом единения нации, принес колоссальный вклад в формирование культурной идентичности страны и дал направление развитию культурной политики в русле сохранения национального наследия в последующие периоды.

**Анализ влияния законодательных документов на
реставрационную практику в СССР в послевоенный период
(возникновение региональных реставрационных мастерских,
активизация туризма)**

Послевоенный период стал временем формирования международной и отечественной законодательной базы, направленной на развитие подходов в сохранении наследия и реставрационном деле. Необходимость действий в отношении уцелевшего наследия послужила импульсом для развития государственной системы учета, охраны и реставрации памятников архитектуры в стране. В послевоенные годы

деятельность СССР в сфере сохранения культурного наследия приобрела характер целенаправленной долгосрочной государственной политики. Закладывались основные направления формирования региональной культурной политики в русле сохранения своеобразия региональных архитектурных школ.

Данный период был связан с совершенствованием законодательства и принятием нормативных актов, ставших общим руководством по охране и реставрации памятников истории и культуры в СССР и РСФСР с учетом международного опыта (прил. 2, табл. 10). С середины 1940-х гг. был разработан ряд значимых правительственных постановлений и проектов:

- законопроект об охране и консервации памятников архитектуры в районах разрушений в РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР;
- постановления об охране и реставрации памятников архитектуры Новгорода, Пскова, Владимира;
- постановления о мероприятиях по сохранению памятников Москвы и области и другой нормативной документации.
- постановление Совета Министров РСФСР «Об охране памятников архитектуры» (1947 г.).
- постановление Совета Министров СССР «О мерах улучшения охраны памятников культуры» от 14 октября 1948 г.

Специальные правительственные постановления поддерживали проведение реставрационно-восстановительных работ на престижных ансамблях (Московский Кремль, памятники Новгорода, Владимира).

Соответствующими нормативно-правовыми документами устанавливались перечни первоочередных памятников, подлежащих охране (Приказ Комитета по делам архитектуры при СНК СССР от 25.09.1945 г. «Об утверждении памятников архитектуры Всесоюзного значения и установлении особого надзора над ними» (250 объектов), Постановление Совета Министров РСФСР «Об охране памятников архитектуры» 1947 г., дополнительный список республиканского правительства 1948 г.). Для особо выдающихся памятников предусматривались правила охраны, хозяйственного использования и реставрации, налагался запрет на самовольную деятельность, влекущую искажения их архитектурного облика. Принятые в конце 1940-х гг. на

законодательном уровне документы с последующими дополняющими их подзаконными актами определили направление дальнейшего развития дела охраны и реставрации памятников истории и культуры в СССР.

Организационные изменения послевоенного десятилетия, коснувшиеся центрального руководства охраной и реставрацией памятников, стали импульсом для развития реставрационного дела в РСФСР. Значительные организационные изменения были связаны с началом деятельности Главного управления по охране памятников (ГУОП) (нач. М.И. Рзянин) при Комитете по делам архитектуры, консолидировавшего работу по охране памятников архитектуры в стране с 1944 по 1951 гг.

В союзных республиках функция охраны памятников принадлежала управлениям по делам архитектуры, в областях — отделам по делам архитектуры при облисполкомах и горисполкомах. Восстановление Центральных государственных реставрационных мастерских (с 1944 г. — Центральные проектно-реставрационные мастерские (ЦПРМ) Постановлением Правительства ЦК КПСС от 1944 г. имело важнейшее значение для развития реставрационной практики послевоенного периода. Приказом Управления по делам архитектуры в 1948 г. была организована Республиканская реставрационная мастерская, в программу работ которой были включены памятники Москвы, Московской области и ряда регионов (Нижнего Новгорода, Тулы, Смоленска, Астрахани).

В 1953 г. в связи с Законом «О преобразовании министерств СССР» произошла реорганизация общесоюзной системы управления, в рамках которой при вновь образованном Министерстве культуры СССР была создана Государственная инспекция по охране памятников истории и культуры. Сложившаяся в процессе сложных и многолетних трансформаций организационная структура органов охраны и реставрации памятников продолжала функционировать на протяжении 1950-х — 1960-х гг.

Особой задачей послевоенного периода стало формирование единого фундамента научно-методических принципов, систематизации мероприятий в области охраны памятников. В соответствии с постановлением 1948 г. в Академии наук СССР был образован Научно-

методический совет по охране памятников культуры (председатель И.Э. Грабарь) с функцией высшего научного надзора и научно-методического руководства по вопросам охраны памятников во всесоюзном масштабе. Первый пленум Научно-методического совета по охране памятников культуры 1949 г. стал первым в советской истории событием подобного масштаба, обозначив важнейшие направления развития реставрационного дела.

На основе принятых в конце 1940-х гг. нормативно-правовых документов законодательное закрепление получили формы и методы реставрационной деятельности. Инструкция Комитета по делам архитектуры при СМ СССР от 8 апреля 1949 г. «О порядке учета, регистрации, содержания и реставрации памятника архитектуры», помимо формулировки целей и задач реставрации, вводила разграничение ремонтно-реставрационных и реставрационных работ. Данная инструкция основывалась на ранее утвержденной Управлением по делам архитектуры при СМ РСФСР 20 января 1948 г. «Технической инструкции по эксплуатации памятников архитектуры, состоящих на государственной охране». Инструкция, определившая все процедуры учета и регистрации, сыграла большую роль в организации систематической и методической охраны памятников и заложила основы учета на десятилетия вперед. Выход этих документов стал шагом, после которого реставрационная деятельность обрела единую профессиональную форму.

С 1940-х гг. начала осуществляться последовательная государственная политика регулирования сохранения культурного наследия на уровне регионов страны. Начало деятельности Главного управления по охране памятников (ГУОП), возглавившего всю работу по охране памятников архитектуры в стране, стало импульсом для формирования новой разветвленной системы научно-реставрационных производственных объединений на территории СССР. В декабре 1944 г. состоялась организация Новгородской (начальник С.Н. Давыдов) и Псковской реставрационных мастерских (начальник Ю.П. Спегальский), в 1945 г. сформированы Ленинградские архитектурно-реставрационные мастерские (руководители проф. А.Д. Удаленков и проф. Н.П. Никитин), Владимирская мастерская

(начальник В.П. Киевский) с четырьмя бригадами: Владимирской (нач. И.А. Столетов), Суздальской (нач. А.Д. Варганов), Александровской (нач. П.С. Полонский), бригадой по научно-реставрационным работам по монументальной живописи (рук. Н.П. Сычев) (прил. 2, табл. 5).

Сложившаяся производственно-реставрационная система, позволившая во второй половине 1940-х гг. выйти на уровень решения принципиальных вопросов в охраны и реставрации памятников, тем не менее испытывала ряд проблем организационного, финансового, научно-методического и материально-технического характера. Отмечалось отсутствие четкого размежевания функций между отдельными структурами, согласованности в принятии решений по наиболее важным проблемам между ведущими организациями по охране памятников (ГУОП и Управление по делам архитектуры), неудовлетворительное положение содержания и использования памятников. К недостаткам методического характера относилось отсутствие научных методов постановки работ, систематизации научно- проектного материала и отчетной документации, недостаточность контроля за качеством производства реставрационных работ.

Программа восстановления отдельных объектов определялась правительственными постановлениями (постановление правительства от 24.07.1949 г. о восстановлении Новгородского кремля). Недостатком данной программы становились завышенные планы производства работ, не учитывавшие местных ресурсов и региональных особенностей. Отмечалось неравномерное распределение внимания по отдельным ценным памятникам (так, в 1947 г. план работ по Новгородскому кремлю был выполнен на 121 %, по другим памятникам города и пригородов – на 12,6 %). Существенной являлась проблема кадрового обеспечения специалистами (численность Новгородской реставрационной мастерской во второй половине 1940-х гг. составляла 5 человек, Псковской мастерской – 4 человека, Владимирской мастерской – 5 человек, Московской ЦПРМ – 9 человек). Несколько лучше было положение Ленинградской реставрационной мастерской, которая в 1947 г., располагала значительным штатом (30 сотрудников) и являлась научно-производственной организацией. Однако и для нее

существовала необходимость расширения производственного сектора по основным памятникам XVIII – XIX вв.

Постановление Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. «О мерах улучшения охраны памятников культуры» оказало значительное влияние на дальнейшее развитие сферы охраны наследия и отечественного реставрационного дела. Важнейшими стали содержащиеся в нем пункты об организации «в местах сосредоточения большого количества памятников архитектуры специальных научно-реставрационных производственных мастерских на хозяйственном расчете».

Постановление легло в основу программы реорганизации существовавших мастерских, в соответствии с которой в них предусматривалось создание проектного и производственного подразделений, увеличение штатов, укрепление материальной базы, организация подведомственных реставрационных участков. Реорганизация Республиканской реставрационной мастерской в 1948 г. предполагала образование 15 реставрационных участков в регионах РСФСР (в Нижнем Новгороде, Туле, Смоленске, Астрахани и пр.). Дальнейшим этапом работы становилось создание 15 – 20 научно-реставрационных производственных мастерских и 25 линейных реставрационных участков, с постепенным возрастанием их числа до 100 – 150 по стране. Таким образом, вся страна, включая союзные республики, должна была быть охвачена разветвленной сетью реставрационных мастерских, призванных с максимальной эффективностью использовать государственные средства, выделяемые для сохранения архитектурного наследия. К концу 1940-х гг. проблема организации реставрационного дела в регионах во многом сохранялась, мастерские находились в состоянии переустройств.

В 1950 г. был подготовлен и начал осуществляться план образования новых реставрационных мастерских в Костроме, Вологде, Горьком, Ярославле, Рязани, Казани, Молотове, а также по реорганизации существовавших мастерских в Ленинграде, Новгороде, Пскове и Владимире. Предпринимались усилия по налаживанию реставрационного дела в северных районах: при Управлении по делам архитектуры Совета Министров Карело-Финской ССР была создана

проектно-реставрационная мастерская, организовано три строительно-реставрационных участка (с. Кижы, г. Олонец, г. Кемь).

Шло образование реставрационных структур в других союзных республиках. В 1948 г. в Киеве была организована научно-реставрационная производственная мастерская (преобразованный строительно-реставрационный трест «Будмонумент», объединивший проектное и производственное подразделения) с четырьмя участками на территории Украины (и производственным подразделением в Молдавской ССР). С 1949 г. началось формирование мастерских в Чернигове, Львове и Полтаве. Как отмечалось, данная программа в РСФСР имела достаточно медленный темп реализации, в то время, как в союзных республиках (Грузии, Узбекистане, Карелии, Эстонии, Литве, Украине) укомплектование мастерских, начавшись с 1949 г., шло более успешно. В 1950-х гг. началось становление реставрационного дела в Татарской АССР [221]. К началу 1950-х гг. по Советскому Союзу насчитывалось 26 реставрационных мастерских (прил. 2, табл. 6).

Особая программа реорганизации с расширением функций и объединением отдельных направлений была предусмотрена для Центральной проектно-реставрационной мастерской ГУОП (ЦПРМ). К 1950 г. программа была выполнена лишь частично, не решив основной задачи превращения ее в научную проектно-производственную организацию. Последующее постановление Президиума Академии архитектуры СССР 1950 г. об объединении ЦПРМ с Экспериментально-строительной площадкой Комитета по делам архитектуры и превращении их в Центральные реставрационные проектно-производственные мастерские, было вскоре отменено. Вновь вопрос реорганизации ЦПРМ был поднят в 1957 г., когда утвержденным Положением они были переименованы в Центральные научно-реставрационные мастерские (ЦНРМ). В 1960 г. мастерские, выйдя из состава Академии строительства и архитектуры, были переданы в подчинение Госстроя РСФСР, что обусловило новые сложности в организации реставрационного дела. В 1964 г. ЦПРМ были переданы Министерству культуры СССР, а в 1968 г. реорганизованы во Всесоюзный производственный научно-реставрационный комбинат (ВПНРК).

В результате преобразований в первой половине 1950-х гг. произошел значительный рост коллектива ЦПРМ (до 130 человек) и объемов проектных работ. ЦПРМ (реорганизованные в ЦНРМ) в 1950-е гг. оставалась ведущей в стране научно-реставрационной мастерской, выполнявшей комплексные работы по консервации и реставрации наиболее значимых памятников архитектуры, в том числе для городов и регионов, где существовали собственные реставрационные мастерские (Новгородская, Псковская). В ее структуру входили научно-исследовательский сектор, проектно-реставрационная мастерская и производственные реставрационные мастерские со специализированными лабораториями.

Правительственное постановление 1948 г. предусматривало расширение существовавших мастерских (так, штат Ленинградской мастерской увеличивался с 30 до 72 человек, планировалось создание местных участков в двух районах Ленинграда, в Пушкине, Павловске, Петродворце, Ломоносове). Однако, мероприятия по реорганизации мастерских не всегда были планомерны и результативны. Например, из Псковской СНРПМ проектирование в начале 1950-х гг. было передано в ЦПРМ, что усугубило проблемы своевременной подготовки проектной документации и освоения финансирования.

Созданные в конце 1940-х – начале 1950-х гг. реставрационные мастерские на этапе становления испытывали в той или иной мере схожие проблемы, связанные с планированием, организацией и освоением финансирования. Известно, что за первую половину 1950 г. на реставрационные работы было использовано 34 % средств от запланированных по всем республикам Советского Союза [261, с. 276]. Отмечался слабый технический и организационный уровень исследовательской работы, нехватка квалифицированных кадров производственного состава мастерских, отсутствие качественных материалов. Мастерские систематически подвергались критике со стороны высшего государственного руководства.

С 1950-х гг. в работе реставрационных мастерских начался положительный сдвиг, связанный со значительным увеличением государственных средств, выделяемых на реставрацию, и, в целом, их положение оставалось стабильным до начала 1960-х гг. Старые

мастерские со сложившейся структурой довольно последовательно наращивали свои мощности. Отмечалось выделение Новгородской и Ленинградской реставрационных мастерских, уже имевших собственный практический опыт. Среди вновь созданных в 1950-е гг. мастерских Ярославская мастерская достигла наиболее значимых результатов, во многом, благодаря значительной государственной поддержке в связи с восстановлением пострадавших от урагана ростовских памятников. В тех городах, где мастерских не было, ситуация в отношении сохранения и восстановления памятников, складывалась наиболее неблагоприятно (Смоленск, Тула, где вопросы реставрации находились в ведении Республиканской мастерской).

Важнейшим направлением, получившим развитие в послевоенный период и оказавшим дальнейшее влияние на формирование авторитета региональных реставрационных школ, стала профессиональная подготовка квалифицированного кадрового состава специалистов-реставраторов (в Новгородской, Владимирской, Ленинградской областях).

Сложившаяся в 1940-е – 1950-е гг. реставрационно-производственная система с широким охватом регионов позволила вывести на новый уровень решение принципиальных вопросов охраны и реставрации историко-культурного наследия страны.

Эти события, безусловно, оказали значительное влияние на развитие внутреннего туризма в СССР. Важным этапом послевоенного восстановительного периода, связанным с активизацией системы туризма, стало развитие градостроительного направления памятникоохранительной деятельности, заданного правительственными постановлениями второй половины 1940-х гг. Опорная историческая структура городов, становившаяся основой для генерального планирования, подлежала особому надзору при перепланировке и застройке. Провозглашалась ориентация на музейный показ памятников – в рамках туристических маршрутов. Первоочередное внимание на памятники направлялось по принципу их перспективного использования как объектов туристического показа.

Особая государственная инициатива была направлена на организацию историко-архитектурных заповедников, формируемых на

основе ценных ансамблей и комплексов, фрагментов городской застройки с древней планировочной структурой («О выводах комиссии Комитета по делам архитектуры при СНК СССР по планированию и переустройству г. Суздаль и превращению его в город-музей», 1945 г.).

На основе Проекта положения о государственных архитектурных заповедниках на территории СССР, перерабатывавшегося в соответствии с местными условиями, разрабатывались проекты по наиболее ценным комплексам и ансамблям. В 1947 г. велась подготовка документации для формирования ряда заповедников на основе монастырских комплексов (Андроников монастырь в Москве, Борисоглебский монастырь около Ростова, Толгский и Спасский монастыри в Ярославле, Троице-Сергиева Лавра), кремлевских ансамблей (Казанский, Ростовский, Тульский кремли), древних городских структур (Бухара, Самарканд, «Старая Рига»). В 1948 г. заповедником был объявлен Кижский погост. Был утвержден список историко-архитектурных заповедников Москвы.

Инструкция «О порядке учета, регистрации, содержания и реставрации памятника архитектуры» (1949 г.) послужила дальнейшему закреплению идеи историко-архитектурных заповедников. Список государственных историко-культурных заповедников 1950 г. (не утвержден) включил 70 комплексов.

Согласно задаче единой территориальной локализации объектов, музеи-заповедники, чаще всего, создавались на основе кремлевских или монастырских ансамблей с включавшимися в их состав отдельными выдающимися памятниками. В 1958 г. были созданы Новгородский, Костромской, Владимиро-Суздальский, Горьковский историко-архитектурные музеи-заповедники, в 1959 г. – Ярославско-Ростовский, в 1961 г. – Тобольский музей-заповедник. Грандиозным масштабом отличался проект туристского центра в Суздале, подразумевавший значительный объем реставрации, реконструкции и музеефикации памятников и не имевший аналогов в СССР (Постановление Совета Министров СССР № 735 "О создании туристского центра в городе Суздале" от 1 августа 1967 г.).

Развитие данного направления стало существенным шагом в сторону градостроительной охраны памятников, а также выработки

современных принципов комплексного сохранения и реставрации памятников в историко-средовом контексте.

Специфика различных подходов к сохранению историко-архитектурного наследия в Европе и России второй половины XX в.

В европейской реставрации уже в первой половине XX в. началось формирование комплексного понимания памятника, интегрированного подхода к его сохранению на основе приспособления для современной жизни. Сложившиеся принципы охраны и реставрации памятников отражали формирующееся отношение к проблеме городской среды. Идеи спасения старого города реализовывались методами уподобления новой архитектуры историческому контексту, целостного восстановления со стиранием «неприятных исторических черт» [261, с. 115]. Особое значение приобрело понятие целостного стиля, который должен быть отражен в облике сооружения.

Последствия второй мировой войны, вылившиеся в массовые разрушения памятников архитектуры, послужили импульсом развитию принципов восстановления культурного наследия. Актуальным вопросом становится тенденция к воссозданию памятников, в отдельных странах получившая наиболее выраженные широкомасштабные формы (Франция, Италия, Польша). При воссоздании существовала ориентация на «исторический» облик, то есть вид памятника перед разрушением или его более раннее состояние. При этом, реставрационный подход реализовывался при восстановлении внешнего облика здания, в то время, как внутренняя структура трансформировалась в соответствии с новыми функциями (ансамбль Дома Корсаров в Сен-Мало во Франции).

Широкий спектр реставрационных подходов сложился в Италии, где идеи целостных реставраций нередко объединялись с приемами консервации, а также восстановления первоначальных форм памятника, освобожденных от поздних наслоений (собор в Модене, реставрация 1950-х гг., арх. Барбаччи).

Теоретическое осмысление новых принципов восстановления представляло значительную проблему в работах ведущих историков архитектуры. Высказывался принцип целостной реставрации, направленной на максимальное приближение вида памятника к первоначальному (Я. Захватович). Подчеркивалась индивидуальность подхода к памятнику в соответствии с мерой его разрушения. Градостроительные соображения становились важным аргументом, ориентирующим на сохранение рядовой исторической застройки, формирующей образ города (Д. Де Анджелис д'Оссат). Акцентировалось эстетическое значение памятника, подчеркнутое в противовес ранее выделявшейся исторической значимости.

Наряду с этим, конкретизировалась мысль об уместности модернистских включений в ткань памятника, возможности соединения старого и нового в рамках одного произведения (Д. Пика, М. Сальваде, Д. Культрера). В рамках осмысления образного единства памятника сформировалась концепция «критической реставрации», стремившейся к достижению баланса между его эстетическим и историческим восприятием (Ч. Бранди, Р. Пане, Р. Бонелли, П. Филлипо).

Общая тенденция в теории и методике реставрации в 1950-е гг. во многом отвечала направлению теории «потенциального единства» (Ч. Бранди), подчеркивавшей важность осознания диалектики критического анализа и творчества в реставрации. Подчеркивая, что реставрация представляет собой момент повторного вхождения памятника в мир, данной теорией выделялись важные аспекты его интерпретации – двойная историчность и потенциальное единство произведения. Существенными выводами для реставрации в русле теоретических построений Бранди стали принципы восполнения утрат, принципы недопустимости подмены материалов при восстановлении зримых частей памятника, но большая свобода в части скрытой технической структуры, компромисс при решении проблемы удаления поздних добавлений и переделок на памятнике, формулировка подходов консервации и интеграции в отношении материальных остатков руинированного памятника [269].

Таким образом, период 1940-х – 1950-х гг. показал общность проблем и спектра практических приемов реставрации архитектурного

наследия в Европе. Существенной особенностью стало теоретическое осмысление ситуации в отечественной и европейской практике. Тенденцией данного периода стало выделение региональных особенностей, связанных с особенностями культурной ситуации (в том числе, довоенной) в отдельных европейских странах. В период 1960-х гг. произошли изменения в отношении к методам реставрации, поставившие под сомнение теоретические наработки предыдущего периода. Выявилась полярность тенденций возможного воссоздания и его полной недопустимости, во многом продиктованных идеологических мотивацией, а также статусом отдельных стран как одержавших победу или проигравших в войне (так, в Германии данное противоборство имело особенно выраженный характер).

«Международная хартия по консервации и реставрации исторических памятников и достопримечательных мест» (г. Венеция, 1964 г.), ставшая наиболее авторитетным документом и зафиксировавшая нормы реставрационной деятельности, утвердила в качестве основного метода работы с памятником консервацию. При этом вводилось требование сохранения наслоений, ограничивалась возможность осуществления дополнений. В случае необходимости дополнений они должны были носить характер «нашей эпохи». Отрицательную оценку приобретали примеры, связанные с переносом памятников с их исторического местоположения. Итальянская реставрационная хартия (1972 г.) подчеркнула значимость Венецианской хартии, конкретизировав ее отдельные положения в условиях ситуации того времени, связанной с развитием и проникновением в реставрационную практику идей постмодернизма.

Проблемы интенсификации застройки в связи с ростом населения, уничтожения ценной средовой застройки, тенденции приспособления исторических зданий под функции современного использования вызвали актуализацию осмысления данных вопросов в контексте норм реставрации. Это нашло отражение в решении XV Генеральной конференции ЮНЕСКО по «охране культурного наследия, находящего под угрозой уничтожения в связи с осуществлением общественных или частных работ». В теоретических взглядах 1970-х гг. обнаруживалось противоречие в отношении к стилистическим реставрациям

(П. Гаццола, «Консервация и реставрация памятников и исторических зданий», 1973 г.). Высказывалось понимание реставрации как преобразование в противовес консервации, совмещаемое с вопросами модернизации и приспособления (П. Санпаолези).

При этом практические подходы к сохранению памятников в разных странах имели характерные различия. Так, в Западной Европе, изобиловавшей памятниками архитектуры, один из подходов рассматривал проблему поиска соответствующих путей приспособления здания как сопутствующую основной задаче сохранения памятника – его реставрации (итальянский подход). Другой подход (английский) проблему приспособления рассматривал как преобладающую идею, ради которой исторические сооружения могли подвергаться существенным трансформациям. В обоих случаях преобладало стремление к сохранению старой материальной субстанции памятника.

В странах Центральной Европы, в значительной степени лишившихся наследия архитектуры, в данный период с особой остротой проявилась проблема воссозданий. Причем, на практике реализовывались воссоздания целых комплексов, составлявших средовую застройку (комплекс Ремерберг во Франкфурте-на-Майне, Германия, 1983 г.). Отдельные работы по воссозданию утраченных сооружений демонстрировали связь с подлинной сохранившейся материальной основой памятника, проявляя следование положениям Венецианской хартии в части следования принципу достоверности реставрации, отделения нового материала от старого, использования методов анастилоза (Дом Штайпе, «Красный дом» в Трире, Германия, арх. Г. Мюллер-Менкенс). Одним их недостатком реставраций, выполненных с формальным соблюдением принципов хартии, являлось невнимание к образным характеристикам памятника. Помимо памятников, разрушенных в военный период, практика воссозданий включила более широкий круг сооружений, которые становились копиями или принимали вид фантазий на тему утраченной архитектуры (прил. 2, табл. 9).

В целом, по ряду сопоставлений, круг проблем реставрации в Западной Европе и в СССР в XX в. во многом был общим, что

объяснялось в большей степени параллельным развитием, нежели взаимным влиянием (точки «смыкания»). К 1960-м гг. наблюдалось сближение как в развитии теоретической мысли, так и в практической деятельности. Более широкий спектр взглядов и подходов европейской реставрации определялся разнообразием внутри региональных школ, обусловленным местными традициями и социально политическими условиями. Европейская реставрационная методика развивалась, вбирая широкую палитру взглядов, в том числе полярных, формируя тем самым самую большую вариативность методов их отражения [261, с. 116].

Процесс становления отечественной архитектурно-реставрационной школы имел характерные черты, отличавшие его от развития западноевропейской школы реставрации. Формирование реставрационных принципов и методов, в своей основе опиравшихся на принципиальные положения базовых европейских руководящих документов, сопровождалось влиянием специфических местных факторов: идеологических, территориально-географических, политических, социально-экономических. К значимым факторам, повлиявшим на данный процесс, традиционно относят специфику климатических условий, недостаток прочного строительного материала и низкие строительные технологии, обусловившие недолговечность русской архитектуры. Особенностью строительной истории древних сооружений становились многократные перелицовки, в результате чего они имели искаженный первоначальный облик с поздними наслоениями, в отличие от западноевропейской архитектуры, не подвергавшейся столь значительным перестройкам [105].

Характер памятников и их состояния обусловил формирование спектра методологических подходов в отечественной научной реставрации, развивавшихся на протяжении XX в. с расширением реставрационной практики. В определенной степени, практика и обобщение опыта работы с памятниками формировали реставрационную мысль, наиболее прогрессивные концепции которой излагались в методических изданиях [152, 153] и учитывали рекомендации руководящих международных документов.

Вместе с тем, развитие отечественной реставрационной мысли испытывало значительное влияние государственной идеологии,

выступавшей в отдельные периоды в качестве фактора, формирующего определенные тенденции и противоречия. Так, при общей ориентации на целостные реставрации памятников, в определенные периоды наблюдалось усиление тенденций фрагментарного восстановления. Отношение к проблеме сохранения поздних наслоений формировало специфический спектр реставрационных подходов (компромиссная, синтетическая реставрация), в том числе в рамках различных архитектурно-реставрационных школ.

В рамках осмысления европейской реставрационной мысли формировались полярные тенденции, определявшие палитру подходов в отечественной реставрации: с одной стороны, приверженность принципам Венецианской хартии для сохранения культурного наследия и проведения реставрационных работ (Е.В.Михайловский), с другой – отрицание так называемого «реставрационного догматизма» и обоснование права на реставрационные дополнения к памятникам (Л.А. Давид, А.В. Ополовников). Таким образом, в части дополнений отечественная реставрация демонстрировала большую степень свободы, выходящую за рамки принципов Международной хартии. Подобные тенденции наблюдались и в отношении перемещения памятников, идеи которого получили активное развитие в рамках формирования музеев-заповедников.

В период всплеска воссозданий в европейской реставрационной практике в 1960-е – 1980-е гг., обусловленных послевоенной проблемой дефицита наследия, отечественная реставрация практически не имела примеров полных воссозданий. Данная практика в России получила развитие в начале 1990-х гг. в виде так называемых компенсационных воссозданий памятников культовой архитектуры, разрушенных в советский период. В части целостных реставраций поврежденных памятников наблюдалась определенная близость отечественных взглядов с реставрационными подходами немецкой школы второй половины XX в. Общей тенденцией в отечественной и западноевропейской реставрации в данный период стала актуализация проблемы современного использования памятника. Наблюдалось формирование спектра подходов к приспособлению, в определенной

степени отразивших концептуальные тенденции постмодернизма в части обращения с образными характеристиками памятника.

Сближение в послевоенный период международных и отечественных реставрационных принципов, как в части понимания основных теоретических концепций, так и в правовом регулировании на государственном уровне, дало значительный импульс развитию отечественной реставрации во второй половине XX в.

Эволюция подходов к реставрационной деятельности в 1960 - 1970-е гг. Охрана отечественного культурного наследия в контексте нормативно-правовой базы

Реставрационная деятельность на начальном этапе 1960 – 1970-х гг., в определенной мере, испытала негативные последствия периода ужесточения отношения к наследию со стороны государственной идеологии, наблюдавшегося с середины 1950-х – 1960-е гг. на фоне антирелигиозной политики. В значительной степени на сферу охраны и реставрации памятников повлияло изменение образной направленности советской архитектуры в период развития массового индустриального домостроения. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1955 г. «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» практически накладывался запрет на декоративно-художественные формы исторической архитектуры. Это в значительной степени лишало памятники возможности реставрационного вмешательства и восстановления утрат целостного исторического облика.

На фоне гонений на храмовую архитектуру, ориентации на программу максимальной экономии средств в проектировании и строительстве, проблемы научно-методического характера в архитектурной реставрации приобрели выраженный политический характер. Первая половина 1960-х гг. характеризовалась кампаниями по сокращению числа объектов, охраняемых государством, уничтожением памятников по религиозным и политическим целям, сокращением государственного финансирования области охраны и реставрации памятников.

Вместе с тем, на законодательном уровне провозглашалась политика, направленная на усиление памятникоохранительной деятельности. В соответствии с Постановлением Совета Министров РСФСР 1960 г. «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры РСФСР», пользователям памятников было запрещено выполнять самовольные ремонтно-реставрационные работы на памятниках архитектуры без профессионального участия специалистов-реставраторов [11].

Документом, послужившим определенным положительным изменением в организации и целенаправленного финансирования реставрационной деятельности, стало постановления Совета Министров РСФСР «О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории и культуры в РСФСР» 1966 г. Данное постановление послужило важным мерам для дальнейшего развития памятникоохранительного и реставрационного дела: созданию Государственной инспекции по охране памятников, провозглашению ориентации на пропаганду культурной значимости памятников и на их музейный показ, формированию туристического направления культурной политики [12]. Важнейшим событием рассматриваемого периода стало формирование общественной системы охраны наследия в виде создания Всероссийского общества по охране памятников истории и культуры ВООПИК (президент – В.И. Кочемасов).

С середины 1960-х гг. наступил перелом в сторону «реабилитации» культурного наследия. Этап второй половины 1960-х – 1970-х гг. в деле реставрации памятников приобрел степень значимости, сопоставимую с послевоенным периодом. Существенный перелом в общественном отношении к проблеме сохранения культурного наследия во многом был обусловлен реакцией на массовое распространение панельной застройки, искажившей облик исторических городов. В противовес всеобщему отрицанию исторического наследия предыдущего периода, в 1960-е гг. начало формироваться активное меньшинство сторонников охраны памятников культуры, взявших на себя задачу «реабилитации» наследия (Н.Н. Воронин, Д.С. Лихачев, А. Алтухов). В дальнейшем, с усилением роли общественных организаций их требования об охране наследия начали учитываться официальными властями. Таким образом,

период 1960-х – 1970-х гг. характеризовался сближением официальной и общественной позиций по проблемам сохранения и реставрации наследия архитектуры.

Значительное влияние на эволюцию реставрационных подходов в рассматриваемый период оказало изменение внешнеполитической ситуации, характеризовавшейся расширением контактов с Западом, и как следствие, имплементацией принципиальных международных положений в отечественную научно-методическую и законотворческую деятельность. В основе нормативно-правовых документов, развивающих принципы охраны и реставрации культурного наследия в международном правовом поле, содержались: положения Гаагской конвенции 1954 г. «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» [15]; «Международной хартии по вопросам сохранения и реставрации памятников и достопримечательных мест» (Венецианская хартия 1964 г.) [20]; «Флорентийской хартии», дополнившей Венецианскую хартию (1981 г.) [29]; «Конвенции об охране Всемирного культурного и природного наследия» ЮНЕСКО (1972 г., ратифицирована СССР в 1988 г.) [24], «Нарского документа о подлинности» (1994 г., Япония) [22].

Другим аспектом изменений стало развитие процессов и общественных движений, связанных с поиском национальной идентичности, началом церковного возрождения, ростом интереса к православной традиции и древнерусскому искусству, формированием представления о крестьянской культуре как об оплоте отечественных традиций и аутентичности.

Реконструктивные преобразования городов в последней трети XX в. дали импульс активизации борьбы за сохранение культурного наследия, объединившей культурную и профессиональную общественность. Необходимо подчеркнуть, что в этот период сложилась четкая и грамотная государственная политика, обусловившая основные реставрации в 1960 – 1970-х гг. Основой ее стал государственный заказ, который не только гарантировал защиту памятников, но и давал необходимые средства на их поддержание и реставрацию.

Важным шагом в формировании взаимодействия между проектировщиками и деятелями в области охраны памятников стало

создание в 1973 г. Комиссии по сносам в исторической части города при Главном архитектурно-планировочном управлении, что в дальнейшем принесло ощутимые плоды в деле сохранения наследия.

В 1970-е гг. произошло оформление государственной политики в области охраны памятников на законодательном уровне. Важнейшим событием стал выход первого Союзного закона об охране памятников культуры (1976 г.), за которым последовали Закон Литовской ССР (1977 г.), Законы Украинской ССР и РСФСР (1978 г.). Закон РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» основывался на современных требованиях к охране памятников и учитывал основные международно-правовые положения об охране историко-культурного наследия. В 1980-е гг. правовое поле пополнилось следующими нормативно-правовыми документами: Положением об охране и использовании памятников истории и культуры (1982 г.), Приказом Министерства Культуры СССР «Об организации зон охраны недвижимых памятников истории и культуры СССР» (1986 г.), Инструкцией о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры (1986 г.).

Новое законодательство вносило изменения в систему управления охраны и реставрации, закрепляло положение о вновь выявленных памятниках, отражало вопросы градостроительного порядка и сохранения историко-культурной среды в виде требования обязательной для градостроительных проектов разработки зон охраны памятников. Так, в Генеральном плане Москвы 1970-х гг. был выделен целый ряд крупных районов городского центра, названных «заповедными зонами», где историческая ткань города должна была сохраняться полностью [234, с. 152].

Следствием изменения отношения к наследию на законодательном и общественном уровнях стало существенное расширение в 1970 – 1980-х гг. числа выявленных объектов наследия, частично взятых на государственную охрану. На основе тотального обследования исторических городов и поселений страны формировался реестр памятников архитектуры, который, несмотря на отсутствие юридической силы, учитывался при составлении проектной

документации по реконструкции исторических районов. В Инструкции 1986 г. закреплялся спектр возможных работ с разграничением отдельных видов работ по сохранению памятников (консервация, реставрация, воссоздание, ремонт, приспособление).

Значимой и достаточно новой тенденцией 1970 – 1980-х гг. в организации реставрационного дела стал процесс централизации реставрационных сил, происходивший за счет укрупнения реставрационных мастерских посредством объединения проектных и производственных секторов. В 1973 г. было создано объединение «Росреставрация» – реставрационный центр республиканского значения, объединивший к середине 1980-х гг. значительное число областных мастерских. В 1977 г. был создан центральный институт «Росреставрации» – Спецпроектреставрация. Происходило расширение всей реставрационной системы, что существенно сказалось на повышении объемов и освоении бюджетного финансирования реставрационных работ. Поиск новых механизмов охраны памятников на отдаленных территориях послужил, отчасти, импульсом для развития идей локализации памятников и формирования музеев под открытым небом.

Таким образом, эволюция подходов к реставрационной деятельности в 1960 - 1970-е гг. приобрела механизмы нормативно-правового урегулирования на законодательном уровне, что отмечается как достаточно позднее явление на фоне международной культурной политики в области охраны наследия [94, с.18]. В основу данных механизмов были заложены ранее отработанные принципы функционирования отечественной системы охраны памятников, а также принципы, связанные с имплементацией международных норм в области реставрации и сохранения культурного наследия. Данные положения закрепили охрану материального культурного наследия в Конституции СССР 1977 г. и заложили направление дальнейшего развития принципов государственной политики в области отечественной культуры в постсоветский период.

**Обзор советской реставрационной практики
второй половины XX в.**

Развитие научной методики и законодательства в области охраны памятников дало значительные практические результаты в реставрации, во второй половине XX в. занявшей полноценное место в культурной политике государства. Реставрационное дело получало целенаправленную поддержку в виде материальных и кадровых ресурсов, адресного финансирования, целевого снабжения материалами. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. в РСФСР восстанавливалось более 1500 памятников [261, с. 272].

Значимыми для становления научной методики реставрации стали работы послевоенного восстановительного периода 1940-х – 1950-х гг. на древнейших объектах культовой и гражданской архитектуры. Согласно официальной инструкции 1949 г., ориентация на восстановление знаковых объектов в довоенном виде диктовала приоритет целостных реставраций. Вместе с тем, наиболее значимые работы демонстрировали поиск и совершенствование приемов и методов исследований по обнаружению натуральных остатков подлинных элементов, дававших основу для наиболее полного достоверного восстановления утраченных частей памятников в рамках фрагментарных реставраций по аналитическому принципу (прил. 3, табл. 16).

Значительную роль в развитии методики исследований, анализа, решения вопросов укрепления и реставрации памятников сыграли работы конца 1940-х – начала 1950-х гг. по восстановлению белокаменных памятников. Работы традиционной направленности в рамках аналитического подхода сопровождалась разработкой и усовершенствованием технологий конструктивного укрепления (Дмитриевский собор XII в. в г. Владимире, реставрация 1940-х – 1950-х гг., арх. А.В. Столетов).

Спектр реставрационных методов расширялся новыми концептуальными подходами, обусловленными анализом характера памятника, степени понесенных утрат и поздних наслоений. В практику вошел вид синтетической реставрации, основанной на сочетании аналитического и стилистического подходов с воссозданием отдельных утраченных элементов памятника (Архиерейские палаты XV – XVIII вв. в г. Суздале, реставрация 1950 – 1954 гг., арх. А.Д. Варганов). Практикой

начала 1950-х гг. были заложены основы компромиссных реставраций, восстанавливавших на многослойном памятнике формы нескольких периодов по аналитическому принципу (церковь Дмитрия Солунского в г. Новгороде, реставрация 1947 – 1950 гг., арх. Л.М. Шуляк; Лазаревская церковь XVII в. в Суздале, реставрация 1950-х – 1970-х гг.).

Приоритетным направлением в послевоенное десятилетие оставались целостные реставрации с восстановлением полного первоначального облика (Благовещенский собор XVI в. и Спасская церковь XVII в. Благовещенского монастыря в Киржаче, реставрация нач. 1960-х гг., арх. И.А. Столетов, М.М. Субботина). На памятниках со значительными масштабами военных разрушений, требовавших комплексного восстановления, работы нередко приобретали направленность «сотворчества» с мастерами прошлого, гранича с новым проектированием «в стиле» эпохи и представляя собой вид стилистических реставраций (Большой дворец в Петергофе, реставрация 1948 – 1958 гг., рук. В.М. Савков, Е.В. Казанская).

Период ужесточения отношения к наследию со стороны государства в период с середины 1950-х – 1960-е гг. обострил проблемы научно-методического характера в реставрации, отчасти придав им политический характер. Особую остроту приобрел вопрос о приоритете консервационного подхода, сохранявшийся и на протяжении последующих десятилетий. В практике архитектурной реставрации заметную роль приобрели фрагментарные подходы (реставрация Успенского собора XVI в. Княгинина монастыря во Владимире, 1958 – 1969 гг., арх. И.А. Столетов). В исследованиях и проектных работах сохранялась основа преемственности с научно-методическими наработками предыдущего периода. Актуализация фрагментарных методов с середины 1960-х гг. связывалась с усилением влияния западных принципов архитектурной реставрации, закрепленных в Венецианской хартии 1964 г.

Период конца 1960 – 1980-х гг. стал временем достижения заметных успехов в реставрации и охране наследия. Существенно возрос объем реставрационных работ: реставрировались как уникальные памятники, так и объекты культурного наследия, расположенные в структуре рядовой исторической городской застройки. Работа с памятниками в

эти годы приобрела более комплексный характер. При этом основной метод состоял в объединении тенденций целостной и фрагментарной реставрации: восстановление целостности общей композиции сочеталось с фрагментарной реставрацией деталей и элементов. Происходило снижение значимости региональных особенностей реставрационных школ, ставших использовать полный спектр реставрационных подходов. В практику входили принципиально новые вопросы, связанные с расширением диапазона приемов, методов и задач реставрационной деятельности, обусловленных требованиями времени. Появилось стремление придать памятникам современное использование, преемственное первоначальному назначению. Помимо развития реставрационно-методических подходов, работы сопровождались решением сопутствующих вопросов инженерно-технологического обеспечения памятника (Крестовая палата XVII в. Архиерейского комплекса в Суздале, реставрационно-восстановительные работы 1968 г., арх. А.Д. Варганов, Е.М. Караваева, инж. В.В. Пластинин).

Существенным образом на архитектурно-реставрационную практику второй половины XX в. повлияло развитие градостроительного подхода в связи с реконструктивной работой в исторических городах. Характерным принципом практики реконструкции было стремление к ансамблевой упорядоченности, учитывавшей традиционные принципы. Наиболее выигрышными с градостроительной и семантической точки зрения оказывались крепостные ядра старых городов, являвшиеся памятниками гражданской и военной истории. В этой связи, масштабные работы второй половины XX в. были направлены на восстановление древнейших оборонных комплексов – кремлевских ансамблей и крепостей, пострадавших в довоенный период или в период разрушений военного времени. Работы преимущественно ориентировались на целостную реставрацию первоначального вида памятников, восстанавливаемого на основе текстовых свидетельств и иконографических материалов.

Реставрация Новгородского кремля XI в. (1952 - 1970-е гг., арх. А.В. Воробьев, О.Д. Савицкая, Н.С. Кривулина), продолжившаяся после

аварийных укреплений, предполагала максимальное приближение стен и башен к первоначальным формам конца XV в. с устройством шатров по аналогии с шатровыми завершениями Соловецкого монастыря. Реставрация значительно пострадавшего ансамбля Псковского кремля XIII в. (1960 - 1990 гг., арх. А.И. Хамцов) следовала по пути полного восстановления стен и башен в формах XVII в. на полную высоту с включением подлинных сохранившихся частей, используя в качестве аналога сохранившиеся участки сооружения. Реставрация существенно утраченных частей была выполнена со значительной степенью условности, на отдельных фрагментах крепостного сооружения выполнялась консервация. Реставрация Ивангородской крепости XV в. (1964 - 1994 гг., институт «Спецпроектреставрация»), лишившейся во время войны шести башен и значительных участков стен, ориентировалась на воссоздание архитектурно-художественно облика памятника, сложившегося к середине XVIII в. Работы рационально сочетали приемы консервации (в том числе, руин) с реставрацией и воссозданием элементов стен и башен в зависимости от их сохранности, градостроительной значимости и степени документального обоснования докомпоновок (в случае недостаточного обоснования работы были ограничены консервацией утраченных ярусов на высоте сохранившихся объемов).

Реставрация Староладожской крепости IX–X вв. (1945 - 1971 гг., арх. А.А. Драги, Г.Г. Носков, А.Э. Экк), пришедшей в руинированное состояние уже к началу XX в., включали значительную долю воссоздания разрушенных башен и стен. При реставрации Шлиссельбургской крепости конца XV — начала XVI вв. (1945 - 1960 гг., арх. В.М. Савкова) был применен прием консервации фрагмента северной стены и Воротной (Государевой) башни. Реставрация Астраханского кремля XVI в. (1950-е - 1958 гг., рук. А.В. Воробьев), поврежденного стихийным бедствием в 1949 г., включала восстановление прясел крепостных стен и устройство тесовых шатров, а также предусматривала элемент воссоздания полностью разрушенной башни Красных ворот. Схожие реставрационно-консервационные работы были проведены при восстановлении Казанского кремля середины XVI - XIX вв. (1960-е - 1994 гг., арх. Айдаров С.С., Козлова С.А.),

Тулеского кремля XVI в. (1951 - 2000-е гг., арх. Г.Ф. Сенатов, А.В. Воробьев), Коломенского кремля XVI в. (1938-1977 гг.) [202].

В рамках идей развития туризма, а также решения задачи локализации и охраны памятников на единых территориях, особый импульс во второй половине XX в. получило направление организации музеев деревянной архитектуры под открытым небом. Всплеск данной деятельности произошел в конце 1950-х – начале 1960-х гг., когда при государственной поддержке были начаты разработка и проектирование музеев этого типа в Ленинграде, Пскове, Новгороде, Вологде, Костроме, Горьком, Перми, Суздале, Новосибирске, Иркутске, Улан-Удэ, Тюмени, Кирове, Палехе и других городах. Основной период пришелся на 1950-е – 1969-е гг.: в стране было создано более десятка музеев, представлявших собой новые искусственно созданные образования из перевезенных памятников. Особенности организации музеев определялись историко-культурными и этнографическими зонами конкретного региона, при этом главным критерием отбора построек являлись архитектурно-художественные достоинства и типологическая представительность. При воссоздании объектов на новом месте, как правило, производилась целостная реставрация их архитектурно-художественного облика, наиболее близкого к первоначальному.

В основе Архангельского музея народного зодчества «Малые Корелы» (1962 – 1966 гг., арх. Б.В. Гнедовский, ЦНРПМ) лежал принцип структурной организации посредством секторов с постройками различного функционального назначения (культовыми, жилыми, хозяйственными), отражающими традиции местных школ народного зодчества. Принципиально новый подход к организации музейного комплекса был применен в музее-заповеднике в Шушенском (1968 г., арх. Б.В. Гнедовский, Л.А. Петров, К.М. Губельман), основной идеей которого стало восстановление историко-бытовой среды части старого сибирского села. В контекст сохранившейся исторической застройки добавлялись подлинные объекты, отобранные по фотоснимкам села начала XX в. и представлявшие местные особенности крестьянской архитектуры.

В основу экспозиции проекта архитектурно-этнографического музея Коми АССР был положен этнографический принцип

зонирования (1978 г., арх. И.Н. Шургин, Е.А. Шутов). Принцип построения музея деревянного зодчества в Суздале (конец 1960-х – начало 1970-х гг., арх. В.М. Анисимов) был обусловлен спецификой экспозиционного материала, состоявшего из объектов, восстановленных в сложившейся градостроительно-планировочной системе. Заповедник, организованный на свободном участке городской территории в районе бывшего Дмитриевского монастыря, позволил воссоздать целый утраченный район исторической застройки древнего Суздаля с традиционной планировочной структурой суздальских слобод и большинства сел Владимирской области [62]. Способ установки перевозимых зданий на фундаментах ранее существовавших построек, близких к ним по функциям и основным габаритам, стал своеобразным приемом воссоздания силуэтов утраченных памятников Суздаля. При создании архитектурно-этнографического музея народного зодчества «Витославицы» в Великом Новгороде был применен принцип воспроизведения характерных планировочных структур старых новгородских деревень (1964 г., арх. Л.Е. Красноречьев). В основу музея закладывалась идея зонирования на сектора крестьянских усадеб с возможно полным набором всех построек, представлявших главные архитектурно-типологические особенности регионов области [122].

Таким образом, отечественная архитектурно-реставрационная практика второй половины XX в. приобрела значительный объем и спектр направлений, импульсом которым послужили задачи послевоенного возрождения материальной и духовной культуры страны. Существенным образом на ее развитие влияло формирование законодательно-нормативной базы, развернутых государственных долгосрочных программ по реставрации памятников истории и культуры. Возобновление контактов государства в мировом пространстве стало существенным вкладом в расширение научной картины и развитие архитектурно-реставрационной практики в русле общеевропейской политики сохранения и реставрации культурного наследия.

В практику вошли новые виды реставрации, связанные с расширением трактовки памятника, понимания его исторической и художественной ценности, отношения к поздним наслоениям,

восприятия его как части градостроительного контекста. Задачи обеспечения функционального использования памятника обусловили формирование приемов комплексной реставрации и приспособления. Важным аспектом формирования новых видов архитектурно-реставрационной деятельности (скансенологическое направление, градостроительная реставрация) стало выделение в отдельное направление культурной политики отечественного внутреннего и международного туризма. Значимые результаты имело развитие градостроительных подходов, на основе которых складывалась практика комплексной градостроительной реконструкции с учетом историко-культурного зонирования городской ткани. Значительное влияние на практику сохранения и реставрации памятников оказало формирование в последней трети XX в. общественной системы охраны памятников.

Практика архитектурной реставрации 1990-х гг., испытывавшая существенное влияние социально-политических и экономических процессов постсоветского периода, находит освещение в следующей главе.

Глава III. Особенности архитектурных реставрационных школ СССР и России в XX в.

Одним из аспектов развития отечественной архитектурной реставрации в XX в. стало выделение и формирование региональных архитектурно-реставрационных школ, которому послужила необходимость масштабного восстановления уникального историко-градостроительного наследия регионов страны в послевоенный период. Создание к началу 1950-х гг. сети реставрационных мастерских в крупных исторических городах обусловило дифференциацию общегосударственной реставрационной деятельности с выделением отдельных реставрационных школ, развивавшихся в русле собственной архитектурной практики. Анализ библиографического, научно-исследовательского и практического материала по данной проблематике позволяет выделить особенности крупных реставрационных школ и их практической деятельности в регионах страны в XX в. В то же время, данная проблематика обладает неравномерной степенью освещения в отечественной науке. Так, значительное освещение получили реставрационные школы центральной и северо-западной части России, в то время, как для школ южной части страны, Сибири и Дальнего Востока значительных обобщающих исследований не проводилось. Одной из задач настоящей работы является восполнение указанного пробела на основе

систематизации, а также аналитического обобщения имеющегося материала.

Анализ архитектурных реставрационных школ центральной части России в XX в.

Развитие Московской реставрационной школы основывалось на традиции, заложенной Московским археологическим обществом (А.С. Уваров), Комиссией по сохранению древних памятников (К.М. Быковский, И.П. Машков, Н.В. Никитин, Л.А. Обер, А.М. Павлинов, Н.В. Султанов), Императорской археологической комиссией (П.П. Покрышкин, Д.В. Милеев, К.К. Романов, М.Т. Преображенский). В послереволюционный период развитие отечественной школы реставрации связано с работой Центральных государственных реставрационных мастерских (рук. И.Э. Грабарь), сконцентрировавших реставрационные силы нескольких учреждений страны (архитекторы Д.П. Сухов, И.В. Рыльский, И.П. Марковников, И.П. Мешков, И.П. Засыпкин, Д.П. Барановский).

Развитие московской реставрационной школы получило новый импульс с созданием в 1947 г. Центральной проектной реставрационной мастерской (ЦПРМ, с 1957 г. – Центральные научно-реставрационные мастерские (ЦНРМ), ставшей ведущей реставрационной организацией страны. Подобная база формировала особенности московской реставрационной школы, ее практические подходы в сочетании с развитием научно-методического направления и фундаментальными исследованиями. Московской мастерской разрабатывались основные методологические подходы и реставрационные приемы, впоследствии распространявшиеся в региональные школы (прил. 3, табл. 11, 12).

Весомый профессиональный вклад в формирование и развитие реставрационной школы в довоенный период внесли И.Э. Грабарь, И.П. Мешков, И.П. Марковников, Д.П. Сухов, И.В. Рыльский, Б.Н. Засыпкин, П.Д. Барановский; в послевоенный период – С.И. Акулянц, А.С. Алтухов, Б.А. Альтшуллер, В.И. Балдин, Г.Б. Безсонов, Г.П. Белов, О.А. Белова, А.В. Воробьев, Н.Н. Воронин, Б.В. Гнедовский, О.С. Горбачева, Л.А. Давид, Н.С. Дроздовская, Г.Е. Духанина, М.В. Дьяконов, О.Л. Забицкая, И.В. Ильенко, М.А. Ильин, И.В. Калугина, Л.А. Кальнинг-

Михайловская, Т.Е. Каменева, И.А. Киселева, А.М. Климанов, С.С. Кравченко, И.И. Кроленко, В.Н. Крылова, З.Б. Крылова, В.Я. Либсон, Г.А. Макаров, Н.А. Маколов, П.Н. Максимов, В.Н. Меркелова, М.Г. Милославский, Е.В. Михайловский, Б.А. Огнев, Г.Г. Оранская, О.И. Осьмова, Л.А. Петров, А.И. Петухов, М.А. Плужникова, С.С. Подъяпольский, Е.Н. Подъяпольская, Н.Н. Померанцев, Т.М. Постникова, Е.А. Приступа, О.Д. Савицкая, И.Г. Сахарова, Л.С. Сахарова, Н.В. Сибириков, Б.Т. Сизов, В.П. Синяков, В.В. Скопин, Н.Н. Соболев, Л.А. Соболева, О.М. Сотникова, Т. Сухман, Н.В. Травин, В.И. Федоров, А.И. Хамцов, С.А. Шаров, И.Н. Шургин, Е.А. Шутов, Е.П. Щукина, В.И. Якубени и другие специалисты.

Реставрационные работы на московских памятниках традиционно характеризовались повышенной дискуссионностью, сопровождавшейся противоборством взаимоисключающих методологических подходов. Общей тенденцией московской реставрации становилась нацеленность на выявление первоначальных форм, сочетавшаяся с вниманием к отдельным историческим наслоениям, стремлением к минимальному нарушению гипотетическими переделками сложившейся структуры.

Памятники преимущественно имели сложный комплексный характер: многие постройки состояли из первоначального древнего ядра и более поздних пристроек различных периодов. Состояние памятников, не подвергавшихся разрушениям в военный период, к моменту реставрации нередко было крайне тяжелым в силу недопустимых условий их эксплуатации. Значительное число культовых построек имели утраты и разрушения венчающих частей (барабанов, глав), что снижало их архитектурно-композиционное значение и искажало семантический облик. При реставрации решался вопрос «рекомпозиции» завершений на основе анализа пропорциональных соотношений, сопоставления остатков подлинных фрагментов, привлечения возможных аналогов (церковь Трифона в Напрудном, 1947 – 1953 гг., арх. Л.А. Давид).

Неоднозначным было отношение к поздним наслоениям различных периодов, историко-культурная и художественная значимость которых трактовалась в зависимости от степени их древности. Так, при восстановлении церкви Зачатия Анны (XVI в.)

позднейшие пристройки XVII в. были сохранены и реставрированы, в то же время наслоения XVIII – XIX вв. удалены как элементы, нарушающие целостность композиции памятника (реставрация 1954 – 1958 гг., арх. Л.А. Давид). В целом, реставрационные подходы 1940-х – 1950-х гг. на памятниках древнерусской архитектуры Москвы отражали установку воссоздания на определенную оптимальную дату, преимущественную ориентацию на восстановление первоначальных форм, стилистическую общность древнего ядра и поздних наслоений.

Аналогичные принципы, направленные на открытие и восстановление первоначальных форм с обширным использованием воссозданий по аналогам, применялись и при реставрации памятников классицизма. Понятие «аналог» на практике трактовалось весьма широко, допускались воссоздания деталей в общем стиле памятника или типологических аналогов (Дом А.С. Грибоедова в Москве, реставрация 1950-х гг., арх. М.Ф. Фехнер). Особой тщательностью отличались работы по реставрации интерьеров памятников, где также руководствовались художественным фактором (Останкинский дворец, реставрация 1950-х гг., рук. К.А. Соловьев).

В практике московской реставрации 1960-х гг. значительную роль приобрели фрагментарные подходы, предполагавшие соединение в облике памятника ранее никогда не открывавшихся одновременно элементов. При общей нацеленности на полное восстановление первоначального вида памятника, при проведении углубленных исследований и реализации работ выбор нередко делался в пользу фрагментарных реставраций (Рождественский собор начала XVI в. Рождественского монастыря, реставрация 1968 г., арх. Н.В. Ильенкова). Данный метод признавался целесообразным в случаях, когда характер построения отдельных форм памятника (гульбищ, лестниц, галерей) оставался неясным и достоверное восстановление его первоначального облика не представлялось возможным (Церковь Николая XVII в. на Берсеневке, реставрация 1950 – начало 1960-х гг., арх. Г.В. Алферова).

В то же время, при главенстве фрагментарных подходов, в части гипотетических реконструкций существовала ориентация на более целостное восстановление памятника (Палаты Аверкия Кириллова XVII в. в Москве, реставрация начала 1960-х гг., рук. Г.В. Алферова).

Основным принципом оставалось стремление к минимальной замене древнего материала новым в части белокаменного и кирпичного декора, кладки, металлических элементов. Тем не менее, для восстановления художественного облика памятника на место отдельных утраченных деталей вводились новые элементы, разрабатывались оригинальные методы их крепления (церковь Воскресения в Кадашах конца XVII в., реставрация 1957 – 1958 гг., рук. Г.В. Алферова).

В 1960-е гг. появились сложные образцы работ московской школы, отступающие от принципа реставрации на оптимальную дату и соединяющие фрагментарную реставрацию с сохранением поздних наслоений, включающие докомпоновки по аналогии (Собор XVII в. Знаменского монастыря, реставрация 1966 г., арх. Е.П. Жаворонкова) [261]. Приоритет функционального использования также становился важным аргументом в пользу фрагментарных восстановлений без изменения характера эксплуатации памятника, но дававших представление о его первоначальном облике (Палаты Симона Ушакова XVII в. в Ипатьевском переулке, реставрация 1960-х гг., арх. И.И. Казакевич, Е.П. Жаворонкова).

Сложный подход характеризовал реставрацию древних памятников Троице-Сергиевой лавры. При реставрации Духовской церкви под Колоколы работы были ориентированы на возвращение памятнику первоначального вида XV в., в то же время, из-за неимения достаточных обоснований для достоверного восстановления, сохранен поздний купол XVIII в. (реставрация 1960-х гг., рук. В.И. Балдин). Реставрация Троицкого собора XV в. была ориентирована на оптимальную дату (начало XVI в.) с восстановлением элементов более позднего облика без гипотетических добавлений (завершающий этап реставрации 1966 г., рук. В.И. Балдин). Наряду с этим, в данный период существовали примеры целостных реставраций, ориентированных на приближение к первоначальному виду памятника с восстановлением утраченных форм по древним образцам (Церковь Троицы XVI в. в Хорошеве, реставрация 1960-х гг., арх. Б.Л. Альтшуллер).

В практике московской реставрационной школы 1970-х гг., на фоне общей ориентации на целостные реставрации с сохранением разновременных наслоений, развивались фрагментарные приемы, а

также проявились новые по сравнению с предыдущим периодом тенденции. Реставрационные решения включали гипотетические воссоздания значительных фрагментов памятников, вплоть до полных воссозданий. В целом, работы приобретали более комплексный характер, расширив спектр технических возможностей и исследовательских средств. В круг сохраняемых объектов были включены объекты гражданской архитектуры (палаты, особняки), составлявшие рядовую застройку (Белые палаты XVII в. на Пречистенке, реставрация 1972 г., арх. Д.П. Василевская).

При реставрации палат Старого Английского двора работы ориентировались на восстановление целостной структуры и законченного вида при фрагментарности приемов в части реставрации деталей (реставрация 1969 – 1972 гг., арх. И. Казакевич, Е. Жаворонкова). Неоходимость гипотетических дополнений была связана с восстановлением высоких тесовых кровель древнерусских палат. Реставрация церкви великомученика Георгия на Псковской горе, имевшая фрагментарный характер, включила неординарный прием маркировки разновременных частей храмового комплекса (реставрация 1970-х гг., арх. Е. Дейстфельдт). Сложный разновременный характер памятника и наличие ценных следов нескольких строительных периодов обусловили приоритет метода фрагментарной реставрации Крестовой палаты Крутицкого подворья, соединившей не существовавшие единовременно фрагменты (реставрация 1971 – 1981 гг., арх. В.А. Виноградов, О.И. Журин).

Восстановительные работы на областных и региональных объектах в большей степени демонстрировали направленность на целостные реставрации, тем не менее, отчасти допуская фрагментарные подходы [205, с. 618]. Период деятельности московской реставрационной школы 1970 – 1980-х гг. был связан с широко развернувшейся практикой восстановления крупных знаковых архитектурных ансамблей (Новоиерусалимский монастырь в Истре, Саввино-Сторожевский монастырь в Звенигороде, Кирилло-Белозерский монастырь в Кириллове).

В процессе целостной реставрации Воскресенского собора Новоиерусалимского монастыря были воспроизведены аутентичные

детали керамического убранства (второй этап реставрационных работ 1977 – 1984 гг., рук. М.Б. Чернышев). Резонансным событием стало восстановление полностью утраченного шатра Воскресенского собора. На основе геодезических методов расчета для определения высоты шатра было выполнено его воссоздание с помощью объемных блочных металлических конструкций и крупных панелей (1970-е гг., арх. А.М. Климанов, Б.Л. Малхасов). Вызвавшая негативную реакцию схематичность данного подхода стала поводом для беспрецедентного решения о демонтаже шатра. Выполненный в 1980-е гг. новый шатер был возведен на основе каркасной радиально-стержневой системы с восстановлением барочного декора (инж. Н. Канчели).

Работы по восстановлению памятников XV – XVIII вв. Кирилло-Белозерского монастыря выполнялись аналитическим методом с ориентацией на фрагментарные реставрации с сохранением разновременных наслоений (Успенский собор, церковь Сергия Радонежского, реставрация 1970 – 1980-х гг., арх. С.С. Подъяпольский). Гипотетические дополнения утраченных элементов по аналогам в рамках целостной реставрации производились в случае, когда их отсутствие нарушало архитектурно-композиционный образ (Преображенская церковь над Святыми воротами, реставрация 1970-х гг., арх. С.С. Подъяпольский).

Значительные работы московской реставрационной школы касался восстановления архитектурного комплекса Соловецкого монастыря (реставрация 1970 – 1980-х гг., рук. О.Д. Савицкая). Работы, направленные на формирование композиционно целостного облика уникальных сооружений, сочетали достоверное восстановление изначальных и подлинных поздних форм, включив элемент гипотетических воссозданий в части завершений (Преображенский собор, реставрация 1980 – 1990-х гг.) [219].

Научная реставрация памятников Ярославля в довоенный период осуществлялась филиалом Государственных центральных художественно-реставрационных мастерских (значимый вклад в ярославскую реставрацию на довоенном этапе развития внесли краевед И.А. Тихомиров, архитекторы С.В. Князев, П.Д. Барановский).

Послевоенное развитие ярославской архитектурно-реставрационной школы связано с деятельностью Ярославской специализированной научно-реставрационной производственной мастерской (прил. 3, табл. 16). Основателем мастерской являлся С.Н. Давыдов, до этого возглавлявший новгородскую мастерскую и признанный одним из главных организаторов реставрационного дела в России [265, с. 103]. Можно предположить, что принципиальные методические подходы, выработанные в период послевоенного восстановления колоссального объема новгородских памятников, были привнесены и в ярославскую практику. Вместе с тем, общая направленность работ ярославской школы во многом была связана с характером наследия, составлявшего достаточно поздний, в сравнении с другими школами (Новгородской, Владимиро-Суздальской, Псковской), пласт архитектуры. Наиболее ранние памятники относились к XVII в. Отсюда отмечается художественная направленность реставраций, допускавших в более значительной мере гипотетические добавления, чем в тех школах, где характер сохранившегося наследия диктовал большую очевидность их недопустимости.

Профессиональный вклад в развитие реставрационной школы внесли: В.И. Балдин, В.С. Баниге, П.Д. Барановский, Е.А. Богородицкая, Л.С. Васильев, Э.Д. Добровольская, Б.В. Гнедовский, С.Н. Давыдов, В.Н. Захарова, Е.М. Караваева, Е.А. Криулин, С.Е. Новиков, А.В. Покровский, И.Б. Пуришев, С.А. Разживин, Л.К. Россов, А.И. Суслов и другие специалисты.

При реставрации церкви Богоявления в Ярославле конца XVII в. (реставрация с 1951 г., архитектор С.Н. Давыдов, В.Н. Захарова) был восстановлен первоначальный вид памятника с луковичными главами. Достоверных сведений об их изначальной форме, замененной в XVIII в. на барочную, не имелось, поэтому в качестве основания были исследованы типологические аналоги – завершения ярославских культовых памятников того же периода (методы исследования памятника были подробно освещены С.Н. Давыдовым в сборнике «Практика реставрационных работ» в 1958 г.).

При реставрации разрушенных ураганом покрытий сооружений Ростовского Кремля сохранялась ориентация на наиболее достоверно

известный по архивным чертежам древний вид начала XVIII в., с корректировкой по аналогам и с использованием приемов пропорционального анализа архитектурных форм (реставрация с 1953 г., архитектор В.С. Баниге). Весьма широкий круг аналогов кремлевских башен включал покрытия церквей и монастырских построек Ярославской области, башен Московского Кремля, купольных украинских церквей. В части восстановления покрытий кремлевских храмов удалось добиться значительной степени достоверности в силу сохранности остатков подлинников первой половины XVIII в. При реставрации применялись аналитические методы исследования натуральных остатков, их сопоставление с формами и конструкциями близких типологических аналогов. Основная направленность данной реставрационной работы, не всегда следовавшей принципу достоверности, определялась стремлением к формированию целостного композиционно-художественного образа ансамбля кремля – градостроительной доминанты древнего Ростова [261, с. 432 – 436]. При реставрации памятников Ростовского кремля был введен опыт применения новейших разработок реставрационной практики. На основе лабораторных исследований осуществлялось возрождения старинных ремесел: древнего метода золотистого лужения, восстановления керамики, изготовления и установки лемеховых пластин [74].

В работах, ориентированных на целостную реставрацию с максимальным восстановлением и раскрытием древних форм памятника при недостаточности достоверных данных о них, расширялись методы исследования аналогий. Анализ близких по времени и типологическим признакам аналогов использовался для выявления закономерностей модульного членения и построения пропорций, что давало возможность более целенаправленных и щадящих натуральных исследований непосредственного материала памятника, скрытого поздними наслоениями. Стремление к выявлению индивидуального характера архитектуры также совмещалось с исследованием аналогий, но в рамках одного памятника, используя анализ технологий изготовления материала, конструктивные особенности и геометрию сохранившихся подлинных остатков (Спасо-

Преображенский собор в Ярославле XVI в., реставрация конца 1950-х гг., архитектор Е.М. Караваева).

Отдельные работы, в целом направленные на воссоздание изначальных архитектурных форм, допускали характерные идеи фрагментарного подхода: консервация фрагментов разрушенных стен, сохранение поздних элементов архитектурного ансамбля (крепостные стены и башни Никитского монастыря в Переславле-Залесском, реставрация с 1956 г., архитекторы И.Б. Пуришев, Л.К. Россов, Е.А. Криулин). Ряд реставрационных проектов и работ на памятниках сопровождался непосредственным участием специалистов ЦНРМ, что, вероятно, расширило картину ярославской практики реставрации методами московской архитектурно-реставрационной школы (собор Никитского монастыря в Переславле-Залесском XVI в., реставрация 1958 – 1960-е гг., архитектор В.И. Балдин).

При общей ориентации на восстановление первоначального вида памятников, реставрационную практику ярославской школы характеризует стремление к наиболее полному аналитическому обоснованию на основе углубленного подхода при использовании аналогий. Характерно внимание к информативным методам исследования подлинного материала (анализ конструктивных и технологических особенностей кирпичной кладки, фигурного формованного кирпича) и проблеме его сохранения.

Владими́ро-Суздальская школа реставрации была одной из ведущих в Советском союзе. Именно здесь разрабатывались и применялись уникальные методики работы на памятниках древнерусского белокаменного зодчества. Владимиро-суздальские памятники архитектуры составляют самое древнее и особо ценное наследие отечественного зодчества. Внимание к ним началось уже на рубеже XIX - XX столетий, когда работы на памятниках велись столичными архитекторами.

Становление Владимиро-Суздальской архитектурно-реставрационной школы началось в послевоенные годы с созданием в 1945 г. Владимирской специальной проектно-реставрационной мастерской (с 1950 г. – Владимирская специальная научно-производственная мастерская). Профессиональный вклад в развитие

реставрационной школы внесли: В.М. Анисимов, Л.В. Анисимова, Е.А. Архипов, Л.В. Анисимова, Н. А. Архипов, А. Д. Варганов, О.Г. Гусева, Б.И. Камаев, Е.М. Караваева, В.Н. Корниенко, М.И. Красильников, А. П. Некрасов, П.С. Полонский, М.В. Рудько, Н.В. Сибиряков, А. В. Столетов, И.А. Столетов, М.М. Субботина, Н. П. Сычев, Л.С. Филиппова, М.А. Фирсов, М. М. Шаронов, специалисты-каменщики И.И. Архиереев, Ф.И. Герасимов, Е.Н. Григорьев, А.А. Егоров, В.Ф. Климычев, С.Н. Мариев, И.И. Семенов, Д.В. Таракалин.

Важными для развития владими́ро-суздальской школы стали работы 1940-х гг. на Дмитриевском соборе XII в. во Владимире с применением уникальных методов инженерного укрепления (прил. 3, табл. 16). Работы по Дмитриевскому собору и другим белокаменным памятникам области сыграли значительную роль в создании методики исследований, анализа, решения вопросов укрепления и реставрации памятников в конце 1940-х – начале 1950-х гг. (архитекторы А.Д. Варганов, А.В. Столетов). Методика основывалась на совершенствовании приемов и методов археологических исследований по обнаружению натуральных остатков подлинных элементов, давших основу для наиболее полного достоверного восстановления утраченных частей памятников в рамках фрагментарных реставраций по аналитическому принципу.

Работы 1950-х гг. преимущественно являлись примерами фрагментарных реставраций с использованием аналитического метода (Воскресенская церковь в Суздале 1720 г., реставрационные работы 1950 г., арх. Е.М. Караваева). Аварийное состояние памятников и их частей требовали значительных укрепительных мероприятий (Дом Сапожникова XVII в. в Гороховце, реставрационные работы 1952 г., арх. М.А. Фирсов). Отдельные работы представляли собой вид синтетической реставрации, основанной на сочетании аналитического и стилистического подходов с воссозданием полностью утраченных частей памятника по типологическим аналогам (ансамбль Архиерейских палат XV – XVIII вв. в Суздале, реставрация 1950 – 1954 гг., арх. А.Д. Варганов). В основу реставрационных работ 1950-х гг. закладывался принцип восстановления памятников в комплексе как единого ансамбля (комплекс памятников архитектуры Успенского монастыря в г. Александрове, арх. Н.В. Сибиряков).

Одной из сторон практической деятельности стало совершенствование методики реставрации и укрепления памятников владими́ро-суздальского белокаменного зодчества XII – XIII вв. Важнейшим в ней являлось изучение конструктивных особенностей сооружений, что позволяло найти как причины их разрушений, так и способы его сохранения. Выявлялась непосредственная связь прочностных характеристик древних сооружений с их объемно-пространственной организацией. Решение вопроса о степени вмешательства при реставрации памятника учитывало случаи, когда позднейшие переделки придавали ему большую долговечность, что говорило в пользу их сохранения. Одним из условий научно-методического и практического подхода к инженерному укреплению было максимальное сохранение древних частей здания, минимум вскрытий и разборок в сочетании с повышением прочности и устойчивости укрепленных конструкций. При усилении использовались строительные приемы, традиционные для древних построек: введение в конструкции скрытых связей из металла и железобетона в тех местах, где они, как правило, устраивались у памятников определенного типа.

С 1960-х гг. происходит заметный переход к более полным целостным реставрациям с восстановлением первоначального облика памятников (Ризположенский собор в Суздале XVIII в., реставрация 1962 г., арх. О.Г. Гусева). В то же время обострилось понимание несостоятельности подхода, ограничивающегося фасадной реставрацией без приспособления здания, что дало мотивацию к активному включению сооружений древнерусского периода в современную жизнь. Период 1965 – 1975-х гг. связан с обращением к масштабным комплексным реставрациям (Рождественский кремлевский собор Суздаля XI – XII вв., XIII в., реставрация 1964 г., арх. И.А. Столетов, М.М. Субботина). Задачи приспособления памятников для туристического использования актуализировали направленность на целостные реставрации. Более полно вводился элемент воссоздания утраченных объемов памятника (переход из Архиерейских палат в колокольню и галереи в Суздальском Кремле, реставрация 1966 – 1967 гг., арх. А.Д. Варганов).

Масштабный объем работ мастерской был связан с реставрацией и приспособлением архитектурного комплекса Спасо-Евфимиева монастыря. Работы были направлены на комплексное восстановление построек монастырского ансамбля с сохранением его разновременных элементов (больничная Никольская церковь XVII в. с кельями, реставрация с 1968 г., арх. И.А. Столетов, М.М. Субботина, В.М. Анисимов, Л.В. Анисимова; Успенская церковь с трапезной и архимандритские палаты XVI – XVII вв., реставрация с 1971 г., арх. И.А. Столетов, М.М. Субботина; и другие постройки).

Реставрация Спасо-Преображенского собора в Спасо-Евфимиевом монастыре, имевшего разновременные пристройки и поздние наслоения, была направлена на восстановление фрагментов сооружения, перестройка которых в позднее время лишила их первоначальной художественной формы (растесанные окна, закомары, скатная кровля). Перестройки, отражавшие определенную эпоху в строительной истории собора, сохранялись (реставрация с 1978 г., арх. И.А. Столетов, М.М. Субботина). Отмечено, что к памятникам культовой архитектуры в большей степени применялся целостный подход, в то же время, в отношении жилой архитектуры, имеющей фоновую роль в ансамбле, использовались фрагментарные методы (Корпус братских келий XVII в., реставрация 1968 – 1969 гг., арх. И.А. Столетов, М.М. Субботина, В.М. Анисимов, Л.В. Анисимова) [261, с. 636].

Комплексные работы 1980-х гг. были связаны с консервацией, реставрацией и сложным технологическим обеспечением крупнейших древних памятников белокаменного зодчества (церковь Покрова на Нерли XII в, реставрация 1981 – 1989 гг., арх. И.А. Столетов, М.М. Субботина; Георгиевский собор XVIII в. в Юрьеве-Польском, реставрация с 1979 г., арх. И.А. Столетов, М.М. Субботина, М.С. Гладкая).

Важнейший вклад владими́ро-суздальской реставрационной школы связан с возникновением и развитием процессов по сохранению исторической среды древних городов в связи с созданием в Суздале международного туристического центра [62, с. 144]. Значительные работы этого направления осуществлялись при восстановлении и реконструкции суздальских Торговых рядов (работы 1974 – 1977 гг.,

арх. О.Г. Гусева, В.И. Рыжов). Уникальной для своего времени работой стала реконструкция исторического ядра г. Владимира (работы 1975 – 1980-х гг., авт. коллектив И.А. Столетов, К.С. Лимонова, К.Е. Кудрявцев, В.С. Петров), отразившая формирование качественно новых принципиальных подходов к решению комплексных задач сохранения и реконструкции исторической среды древних русских городов. Опыт музеефикации памятников в системе музеев деревянной архитектуры под открытым небом был применен при создании Музея деревянного зодчества в Суздале (формирование с 1969 г., арх. В.М. Анисимов, Л.В. Анисимова).

Таким образом, особая роль Владимирской реставрационной школы в развитии методических подходов исследования и аналитической реставрации заключается в формировании принципов построения архитектурной формы памятников владими́ро-суздальского белокаменного зодчества XII – XIII вв., выявленных на значительном исследовательском материале. Данный принцип позволил осуществить реконструкцию первоначального облика искаженных поздними перестройками сооружений и их утраченных частей (Георгиевский собор XIII в. в Юрьев-Польском, церковь Бориса и Глеба XII в. в Кидекше, Успенский собор XIII в. Княгинина монастыря).

В практике научно-проектных работ владимирской реставрационной мастерской заметно обращение к проблеме выявления первоначальных форм древних сооружений методом построения единовременных и однотипных памятников архитектуры на основе метрологического и пропорционального анализа. В целом, уникальный характер архитектурного наследия, связанного с домонгольским периодом владими́ро-суздальской школы, определил реставрационные подходы с более очевидной недопустимостью гипотетических добавлений [261, с. 432] и приверженностью к аналитическим методам реставрации.

**Анализ архитектурных реставрационных школ
северной части России в XX в.**

Начало развития Ленинградской реставрационной школы связано с этапом качественно новой по масштабу и методам работы по воссозданию облика поврежденного города в послевоенный период, не имевшей аналогов в отечественной практике. В отличие от других регионов страны, в Ленинграде с первых послевоенных лет были широко развернуты реставрационные работы (прил. 3, табл. 13, 14).

Значительное влияние на становление и развитие ленинградской реставрационной школы в послевоенный период оказали систематически проводившиеся натурные работы, осуществлявшиеся в годы войны и после освобождения Ленинграда и его пригородов. С созданием в 1945 г. Ленинградской архитектурно-реставрационной мастерской (ЛАРМ) во главе с Л.М. Аноликом, позже преобразованной в Специальные научно-реставрационные мастерские (СНРМ), начались крупные реставрационные работы на памятниках и разработка методики комплексного восстановления памятников архитектуры XVIII – XIX веков.

Профессиональный вклад в развитие реставрационной школы внесли: Л.М. Анолик, О.К. Аршакуни, И.Н. Бенуа, А.Э. Гессен, В.К. Галочкин, Г.Г. Гримм, С.Н. Давыдов, А.И. Зеленова, Е.В. Казанская, А.А. Кедринский, М.Г. Колотов, Д.Б. Красовский, И.В. Крестовский, Л.А. Медерский, Г.В. Михайлов, М.М. Налимова, Ф.Ф. Олейник, А.Н. Петров, Е.Н. Петрова, В.И. Пилявский, М.М. Плотников, А.В. Победоносцев, С.В. Попова-Гунич, А.Л. Ротач, В.М. Совков, П.И. Трубников, Н.М. Уствольская, К.Д. Халтурин, инженеры А.Б. Рийконен, А.И. Веснухов, Е.П. Севастьянов, П.Ковалевский, искусствоведы М.А. Тихомирова, Н. В. Калязина, скульпторы В.Л. Симонов, А. Е. Громов, художники-реставраторы Н. В. Перцев, Р.П. Саусен, А.В. Трескин, скульпторы И.В. Крестовский, Н.И. Оде, Э.П. Масленников, Г.Л. Михайлова, Л.М. Швецкая, Л.Стрижова, Г.Ф. Цыганков, С.Г. Лебедева, живописцы Я.Казаков, В.Г. Корбан, Л.А. Любимов, В.А. Никифоров, Б.Шитов, позолотчики В.Слезин, Н.К. Рогозина, П.П. Ушаков, резчики Кочуев, Базанов, Б.К. Гершельман и другие специалисты.

По окончании войны в Ленинграде одновременно восстанавливались более 200 памятников и все работы носили реставрационный характер. На первых этапах задачи реставрации

сводились к укреплению и консервации (дом Лавалая, Михайловский (Инженерный) замок, Шуваловский дворец на Итальянской улице, Юсуповский дворец на Мойке, Горный институт). Арсенал средств, кроме консервации и реставрации обогатился воссозданием, что позволило решить судьбу уникальных ансамблей (Петродворец, Павловск, Пушкино, Гатчина), которые получили статус историко-художественных музеев. В ходе исследований и реставрации разрабатывались новые методы воссоздания деревянной скульптуры, керамики, живописи, освоены старые методы золочения. Все это стало возможным при создании специального объединения «Реставратор», которое в течение нескольких десятилетий трудилось над возрождением утраченных ценностей.

Большую роль в формировании направленности реставрации центра Ленинграда сыграл тезис «градостроительные традиции», который позволил производить комплексную реконструкцию не только отдельных домов, но и массовой застройки. Для Ленинградской школы реставрации характерны научный подход и скрупулезное внимание к деталям. Поэтому постепенно сложился еще один специфический термин «ленинградская школа реставрации», предполагающий не просто реставрацию и ремонт здания, а воссоздание декоративного убранства зданий.

Обращаясь к типологии ленинградской архитектуры, можно отметить особую специфику принадлежности основного ее пласта наиболее древних сооружений начала XVIII в. ко времени поиска и создания принципиально новых форм градостроительства, освоения зарубежного строительного и архитектурного опыта. Руинированный памятник терял свое значение в общем ансамбле сложившегося архитектурного окружения. Консервация как реставрационный метод, в данном случае, не была применима. Это создавало предпосылки для расширения границ узкой специализированной реставрационной деятельности на отдельных видах памятников, включения элементов реставрации в единый архитектурно-градостроительный процесс. Впервые в российской практике был обозначен принцип ансамблевости, состоявший в том, что восстанавливаемый архитектурный объект рассматривался не обособленно, а как элемент окружающей среды в ее

естественной исторической изменчивости. Восстановительные работы в историческом центре представляли собой род градостроительной реставрации, сохранявшей облик городской среды в виде, сложившемся до военных разрушений. К концу 1940-х гг. особую значимость приобрели комплексные мероприятия по завершению восстановления исторических городских ансамблей (реконструкция улицы Бродского, Строгановский, Таврический, Зимний дворцы, здание Главного штаба).

Актуальной задачей ленинградской послевоенной реставрации стало восстановление полностью утраченных художественно и исторически ценных памятников архитектуры, а также возрождение единого стиля разрушенных архитектурных ансамблей и комплексов. Именно данные задачи дали импульс формированию принципа целостной реставрации как ведущего послевоенного принципа ленинградской школы. Особенности и состояние архитектурного наследия Ленинграда в послевоенный период обусловили развитие методов полного или частичного воссоздания, частичной реконструкции. Воссоздание руинированных памятников архитектуры Ленинграда было признано радикальным путем сохранения подлинного, когда мельчайшие подлинные детали формировали ткань воссоздаваемых объектов. Наличие типологических аналогов, соответствующих определенным хронологическим границам и вписывающихся в рамки одной архитектурной школы, давало возможности частичного или полного воссоздания утраченного наследия.

На памятниках, отличающихся разнообразием и кажущейся неповторимостью декоративных деталей, исключавших, возможность воссоздания и применения метода аналогий (памятники середины XVIII в.), углубленное изучение творческих методов мастеров позволило раскрыть ряд приемов и научно обоснованно возрождать утраченные в военный период здания и ансамбли. Выявление основных принципов и характера решений, «типовых» для каждого из мастеров систем построения архитектурного декора (профилировок, тяг), открывало дорогу более уверенному применению метода аналогий. Использование различных техник и материалов, исключаящих точность воспроизведения (резьба по дереву, намазная лепка, вырубка в блоках

мягкого известкового камня) в архитектуре раннего периода, при реставрации требовало совершенного овладения художественным почерком мастеров прошлого. Существенным отличием ленинградской реставрационной школы стало развитие традиции реставрации декоративно-художественного убранства зданий, декоративно-прикладного искусства. На практике были разработаны методы реставрации и воссоздания деревянной резной скульптуры, каменной скульптуры, монументальной живописи, керамики, техника и технология лаковых «китайских» росписей, художественных изделий из янтаря, возрождены старые методы золочения. Создание школы мастеров-реставраторов является важнейшей задачей, решенной ленинградской реставрационной школой [111, с. 169].

Восстановительные работы ленинградской реставрационной школы послевоенных лет охватывали широкий спектр памятников. В отношении памятников дворцовой и усадебной архитектуры XVIII – XIX вв. формировалась методика их комплексной реставрации как сложных и целостных произведений синтеза искусств – архитектуры, скульптуры, живописи, садово-паркового и прикладного искусства. Значительная роль отводилась восстановлению парков и водных систем: водопроводов, каналов, тоннелей, фонтанов.

Практика послевоенных лет ориентировалась преимущественно на целостные реставрации. Существенную часть работы занимало восстановление интерьеров с научной реставрацией значительных объемов живописи, декоративной лепнины, скульптуры, произведений из ценных пород дерева (Русский музей, реставрация 1945 – 1946 гг.; арх. Л.М. Анолик, Г.А. Гринберг, К.Д. Халтурин). Масштабная уникальная деятельность была связана с воссозданием интерьеров пригородных дворцов (Павловский дворец, реставрация 1950-х гг., рук. С.В. Попова-Гунич; Екатерининский дворец в Царском Селе, реставрация 1960-х гг., арх. А.Э. Гессен). Восстановление дворцовых пригородов носило столь обширный и, часто, гипотетический характер, что его правомерно определить как вид «художественной реставрации».

Одной из особенностей ленинградской реставрации названа сложившаяся в ней весьма широкая трактовка понятия «аналог». Это объяснялось рядом факторов: спецификой сложнейших форм

художественного декора памятников, ориентацией на целостное восстановление. При реставрационных работах с большими объемами воссоздания существовало стремление к сохранению подлинных фрагментов живописи и отделки на прежних местах, как исторических экспонатов и образцов качества для новых материалов при восполнении утраченных деталей (Зимний дворец, Горный институт). При полной утрате отдельных деталей необходимым признавалось воссоздание по аналогиям, выбор которых, прежде всего, обуславливался творчеством зодчего – автора реставрируемого памятника на других объектах. Однако нередко привлекаемые аналоги восходили к другим видам искусства, в том числе европейского (реставрация барельефов в интерьере павильона «Верхняя ванна» в Екатерининском парке г. Пушкина, выполненная при помощи сопоставления с рисунками античных барельефов «Золотого дома» Нерона в Италии). В качестве аналогов также применялись нереализованные проектные материалы, не имевшие отношения к подлинному виду памятников (реставрация плафона Тронного зала Павловского дворца по нереализованным эскизам Пьетро Гонзаго). Широко использовался прием включения в интерьеры «трансплантированных» художественных произведений из других зданий.

Развитие традиции ленинградской реставрационной школы, заданной опытом послевоенных восстановлений, сопровождалось углублением методов исследований и расширением практических возможностей, палитры технологических приемов и реставрационных материалов. С одной стороны, развивалось бережное отношение к подлинному материалу, использование его информативных свойств и стремление к максимальной достоверности (бастионы Петропавловской крепости, реставрация 1963 г., арх. И.Н. Бенуа). Другое направление обусловила тенденция смелых докомпоновок по аналогам в случае отсутствия информации о подлинном характере памятника (Летний дворец Петра I, реставрация 1957 – 1960-е гг., арх. А.Э. Гессен).

Особую задачу на разрушенных памятниках представляло определение предела допустимого восстановления утрат. В отдельных случаях методы воссоздания выходили за рамки широкого использования аналогов, приобретая более свободный характер

«сотворчества» с мастерами прошлого. В таких случаях процесс восстановления прежних форм граничил с новым проектированием «в стиле» эпохи, которой принадлежал памятник.

При восстановлении Большого дворца в Петергофе, имевшего более 60 % разрушений основного объема, внешний облик памятника воссоздавался в максимальном приближении к тому виду, который он имел в результате осуществленного проекта Растрелли (реставрационные работы 1948 – 1958 гг., рук. В.М. Савков, Е.В. Казанская (первоначальный проект: арх. Е.В. Серебряков, Р.И. Китнер, А.А. Оль)). Восстанавливаемые по сохранившимся документам старые формы дополнялись элементами нового проектирования. Сложная шатровая кровля с надкровельными декоративными элементами восстанавливалась методами графической реконструкции по довоенным снимкам. При этом прежнее утраченное пятиглавие над дворцовой церковью было заменено куполом с одной главой, восстановленным по одному из ранних вариантов проекта Растрелли, что могло быть объяснено причинами идеологического характера [261, с. 351].

Существовали тенденции совмещения в восстанавливаемом многослойном памятнике элементов разных эпох, документированную реставрацию и гипотетическое воссоздание на основе многочисленных аналогов и иконографических материалов, что приводило к неожиданным методическим решениям (Кикины палаты XVIII в., реставрация 1953 – 1956 гг.; арх. В.М. Савков, И.Н. Бенуа).

На фоне традиционных с методической точки зрения работ незначительными были отдельные дискуссионные случаи. Проект реконструкции здания Кунсткамеры I-й трети XVIII в. (проект 1946 г., арх. Р.И. Каплан-Ингель) не согласовывался с методикой реставрации на первоначальный вид или на оптимальную дату, соединив никогда не существовавшие элементы [261, с. 352] и приближаясь к идее «синтетической» реставрации. Предложение по реконструкции башни оценивалось как «результат освоения комплекса всех исторических документов и творческих предложений» [208, с. 130].

В целом, метод фрагментарной реставрации на памятниках Ленинграда не имел широкого распространения и применялся в

случаях, когда неполное восстановление утраченного не нарушало общей композиции целостного ансамбля (первоначальный проект реставрации дворца в Павловске, рук. Ф.Ф. Олейник). Реставрация дворца Меншикова – многослойного памятника, претерпевшего значительное число перестроек на раннем этапе и существенно изменившего первоначальный облик, имела ориентацию на фрагментарную реставрацию с демонстрацией разновременных архитектурных составляющих (арх. А.Э. Гессен). Однако к реализации был принят вариант целостной реставрации первоначального вида памятника (реставрация с 1974 г., рук. Г.В. Михайлов, В.К. Галочкин).

Особую проблему в практике ленинградской реставрации представлял вопрос о применении новых материалов. При воссозданиях, трактованных как визуальная имитация утраченных форм, новые прочные и эффективные материалы использовались достаточно широко (Келейный корпус Смольного монастыря, реставрация 1954 г., арх. И.Н. Бенуа). При восстановительных работах на сохранившихся объектах проблеме воспроизведения старых технологий и материалов придавалось более существенное значение. При выполнении декоративно-художественных отделок докомпоновка утраченных элементов по возможности проводилась в старой технике. Особым достижением стала разработка специальных технологий укрепления, консервации и восстановления естественного камня при реставрации важнейших памятников градостроительного наследия (Исаакиевский собор, реставрация 1954 – 1963 гг., рук. А.Л. Ротач).

Дискуссионный характер имело реставрационное решение, реализованное при восстановлении дворца Меншикова – памятника нескольких строительных периодов, сложно сочетавшего поздние наслонения. Вариант фрагментарной реставрации (арх. А.Э. Гессен) уступил идее целостного подхода, включившего недостаточно достоверные гипотетические воссоздания (реставрация 1970-х гг., арх. Г.В. Михайлов, В.К. Галочкин). Стремление к сохранению разновременных элементов интерьеров обусловило поиск оригинальных решений по их экспонированию (система экспонирования потолочных плафонов).

К 1980-м гг. в связи с завершением восстановления основного объема памятников города и пригородов, вектор ленинградской реставрации сместился в сторону комплексной реставрации, инженерного укрепления и приспособления. В значительной мере встал вопрос сохранения исторических интерьеров памятников и их адаптации к современным функциям. Специфика развития Санкт-Петербургской архитектурной реставрации к концу XX в. определялась активным включением в современное использование большинства памятников города и пригородов. Острой проблемой стало оптимальное сочетание задач сохранения наследия и его приспособления, включения памятников и комплексов в ткань развивающегося города.

Особое значение для Санкт-Петербурга приобрела колористическая регламентация, распространяющаяся не только на отдельные памятники, но и на целые панорамы и районы. Необходимым условием сохранения уникального облика города стало использование традиционных материалов в сочетании с высочайшим уровнем реставрационных технологий, развившее традиции ленинградской школы архитектурной реставрации. Одной из сложнейших задач, вставших при реконструкции и развитии ядра города в конце XX в., стала необходимость раскрытия и расчистки ансамблей, искаженных внедрением поздних диссонирующих построек. Задачей, продолжившей ландшафтное направление ленинградской реставрации, стало восстановление равновесия зеленых массивов с ансамблями и панорамами памятников [111, с. 166].

Таким образом, деятельность ленинградской реставрационной школы была отмечена широким спектром направлений: собственно реставрация поврежденных памятников архитектуры с большим объемом реставрации декора традиционными научно-реставрационными методами; воссоздание разрушенных дворцовых ансамблей в пригородах; градостроительная реставрация, в значительной мере включавшая работы реконструкционного характера в центральной части города. Исследователем А.С. Щенковым отмечается пестрота и неоднородность картины послевоенной ленинградской архитектурной реставрации [261, с. 341], не достигшей в своей основе выраженной научной методологии.

Тем не менее, основным итогом послевоенного периода реставрационной деятельности стали небывалые по сложности и масштабам реставрационно-восстановительные работы на городских памятниках и дворцово-парковых ансамблях пригородов, разрушенных военными действиями. Для их осуществления была сформирована научно-техническая база, разработана методика воссоздания и реставрации памятников XVIII – XIX вв., восстановления декоративно-художественного убранства. Помимо этого, значительный научно-методический вклад был сделан в реставрацию, воссоздание и частичную реконструкцию памятников ландшафтной архитектуры.

Достижением ленинградской реставрации стало формирование условий преемственности в рамках единой методической школы, связавшей различные области научной и практической реставрационной деятельности и действовавшей до начала 1970-х гг. – периода ослабления сложившейся реставрационной системы (конец 1990-х гг. в некоторой мере были возрождены элементы системы подготовки кадров). Базируясь на традиционном опыте довоенной реставрации, реставрационно-восстановительная деятельность ленинградской школы значительно расширила границы ее методов, отчасти сблизив их с принципами современного проектирования.

Зарождение Новгородской школы архитектурной реставрации приходится на начало XX в. – период проведения важнейших восстановлений, когда на новый уровень была поднята методика исследовательских и проектных работ. В 1900 – 1910-х гг. Новгород являлся одним из главных центров научной реставрации архитектуры. Этап 1920 – 1930-х гг. связан с деятельностью известных архитекторов и исследователей, представителей петербургской и московской научных школ (П.П. Покрышкин, Н.П. Сычев, Л.А. Мацулевич, К.К. Романов, А.П. Удаленков, И.Б. Михайловский, Д.П. Сухов, П.Д. Барановский). Подъем 1930-х гг. характеризовался расширением спектра объектов, появлением местных специалистов-реставраторов. Предвоенный период можно рассматривать как фундамент, на котором выросла блестящая послевоенная новгородская реставрация, достигшая своего «золотого века» в 1950 – 1960-х гг. (прил. 3, табл. 15).

Послевоенный этап развития новгородской школы связан с деятельностью Новгородской специализированной научно-реставрационной производственной мастерской, основанной в 1944 г. Профессиональный вклад в развитие реставрационной школы внесли: архитекторы-реставраторы Т.В. Гладенко, С.Н. Давыдов, В.Н. Захарова, Л.Е. Красноречьев, П.Н. Максимов, И.Г. Сахарова, А.Н. Петров, Е.Н. Петрова, В.В. Кувырдин, Н.Н. Кузьмина, Ю.Э. Крушельницкий, Г.П. Никольская, С.И. Сивак, Д.М. Федоров, Г.М. Штендер, Л.М. Шуляк, Н.А. Чернышев, инженер М.И. Никольский и другие специалисты.

Новгородский опыт реставрации отличался от ленинградского стремлением к сохранению подлинного материала, большей ориентацией на исключительно древний характер наследия. Новгород имел более значительные разрушения относительно других оккупированных городов, что предопределило консервационный характер работ 1940-х гг. Приоритетными были наиболее значимые или пострадавшие памятники в пределах города, преимущественно с ценными художественными интерьерами. Главные работы сосредоточились в Новгородском Кремле на укреплении прясел и башен. В связи с основным направлением консервационной деятельности разрабатывались оригинальные инженерные решения и конструкции восстановления и укрепления древних памятников (реставрация дома при Звоннице, 1945 г., арх. В.Н. Захарова).

К началу 1950-х гг. были осуществлены первые полноценные работы, заложившие практику компромиссных реставраций, когда на одном памятнике восстанавливались формы нескольких периодов (церковь Дмитрия Солунского, реставрация 1947 – 1950 гг., арх. Л.М. Шуляк). Этап 1950 – 1960-х гг. связан с переходом к полноценным комплексным реставрациям наиболее известных памятников. Большинство работ относилось к типу аналитических реставраций, основанных на анализе натуральных данных. Часть работ демонстрировала пример синтетических реставраций, основанных на синтезе научного анализа и художественного метода (церковь Петра и Павла на Славне XIV в., реставрация 1955 – 1956 гг., арх. В.В. Кувырдин). Наиболее плодотворными признаны реставрации многослойных памятников, в которых наблюдается отход от принципа «оптимальной даты» в пользу

сохранения и раскрытия всех ценных элементов различных периодов (Церковь Иоанна Предтечи на Опоках XII - XVII вв., реставрация 1952 – 1953 гг., арх. Т.В. Гладенко, Л.М. Шуляк).

Фундаментальной чертой новгородской реставрации является стремление к достоверности. Характерно широкое применение новой методики аналитической реставрации «с экспозицией» – устройство экспозиционных зондажей для демонстрации древних форм (Церковь Михаила Архангела на Торгу XIV в., реставрация 1957 – 1961 гг., арх. Л.Е. Красноречьев). Впервые применялось раскрытие фрагментов древних элементов, а не полного их объема, полное раскрытие неоштукатуренной кладки, свойственной новгородским храмам (церковь Петра и Павла в Кожевниках XV в., реставрация 1955 – 1958 гг., арх. Л.М. Шуляк, Г.М. Штендер).

Многие работы 1960-х гг. относились к прорывным, опередившим развитие отечественной реставрации и заложившим основы новых методических концепций (церковь Петра и Павла на Сильнице XII в., реставрация 1960 – 1963 гг., арх. Г.М. Штендер; церковь Благовещения на Мячине XII - XVII вв., реставрация 1959 – 1961 гг., арх. Л.Е. Красноречьев). В работах с применением фрагментарных методов просматривалось влияние западных принципов архитектурной реставрации, усилившееся с середины 1960-х гг. (положения Венецианской хартии 1964 г., точки соприкосновения с теорией «критической реставрации») [261]. Уникальным характером, в котором проявился яркий индивидуальный подход архитектора-реставратора, отличалось восстановление церкви Параскевы Пятницы на Торгу начала XIII в. (реставрация 1954 – 1962 гг., арх. Г.М. Штендер).

Фрагментарные подходы во многом задавали вектор новгородской реставрации 1970-х гг., активно использовались приемы экспозиционного подхода – демонстрации фрагментарно раскрываемых элементов памятника (Новгородский Софийский собор, реставрация 1970-х гг., арх. Г.М. Штендер) [237]. Прием выделения разной окраской сохраняемых в рамках фрагментарной реставрации различных стиливых форм памятника был применен при восстановлении Троицкой церкви в Ямской слободе (реставрация 1970-х гг., арх. Л.Е. Красноречьев).

Примером противоположного подхода, ориентированного на целостное гипотетическое воссоздание, стала реставрация Прокопьевской церкви (реставрация 1970-х гг., арх. Т.В. Гладенко). При восстановлении церкви Спаса на Ковалеве, утратившей большую часть первоначального объема, решение о целостном воссоздании памятника было продиктовано его градостроительной значимостью как элемента культурного ландшафта (реставрация 1972 – 1975 гг., арх. Л.Е. Красноречьев). Оригинальным приемом стало выделение специальным швом в наружной обмазке фасадов границы подлинной части здания.

Первые работы псковской мастерской на значимых памятниках в послевоенный период носили аварийно-ремонтный (церкви Косьмы и Дамиана с Примостья, Косьмы и Дамиана с Гремячей горы, Успения с Пароменья, соборы Снетогорского, Спасо-Мирожского, Ивановского монастырей) и реставрационный характер (церкви Николы со Усохи и Михаила Архангела). На данном этапе в значительной мере определились основные принципы псковской реставрационной школы, которая, при сходстве исторического материала с соседствующей новгородской школой, приобрела ряд характерных особенностей (прил. 3, табл. 15).

С момента организации Псковской специализированной научно-реставрационной производственной мастерской в 1944 г. существенное влияние на формирование подходов псковской реставрации оказали научные взгляды Ю.П. Спегальского – организатора и руководителя мастерской. Профессиональный вклад в развитие реставрационной школы внесли: В.Д. Белецкий, А.В. Воробьев, О.В. Давыдова, В.А. Лебедева, М.И. Семенов, Б.С. Скобельцын, В.П. Смирнов, Ю.П. Спегальский, Ю.В. Сусленников, А.И. Хамцов и другие специалисты.

Практика псковской реставрации была сходна с новгородской по исходному историческому материалу и также ориентировалась на целостную научную реставрацию. Работы, которые проводились под руководством Ю.П. Спегальского, отличались исключительной точностью и стремлением сохранить все уцелевшие фрагменты старинных построек. По терминологии, введенной А.С. Щенковым, происходило «вылущивание» из каждого объекта старинного ядра.

Спегальский определил два направления реставрации, применяемые в зависимости от степени повреждения памятника: в случае незначительных утрат целостного облика – ремонт и сдержанные добавления; при существенных разрушениях – стремление к художественной реставрации первоначальных особенностей архитектуры древних сооружений.

Удачным примером первого направления является реставрация в древних формах церкви Михаила Архангела XIV в. с надвратной шатровой колокольней XVII в., выполненная с минимальными раскрытиями и дополнениями (реставрация 1946 – 1951 гг., рук. Ю.П. Спегальский). Консервация, осуществленная на Гремячей и Михайловской башне Окольного города, была обусловлена сравнительно хорошей сохранностью крепостных сооружений, позволившей восстановить архитектурно завершенный облик без массивных докладок и крупных гипотетических реконструкций (1945 – 1947 гг., рук. Ю.П. Спегальский).

Особый пласт реставрационных работ был связан с восстановлением псковской гражданской архитектуры – каменных жилых палат XVI – XVII вв. Работы, в основном, были ориентированы на частичную реставрацию с минимальными изменениями сложившегося вида, тактичное восполнение утраченных частей по достоверным источникам и сохранившимся фрагментам (реставрация Поганкиных палат, 1952 – 1953 гг., арх. О.В. Давыдова, В.А. Лебедева; реставрация Вторых палат Меншикова, 1946 – 1947 гг., рук. Ю.П. Спегальский). Допускаемые воссоздания при реставрации жилых палат, носившие гипотетический характер, касались, в основном, утраченных форм крылец, навесов (реставрация Дома ксендза, 1953 г., рук. Ю.П. Спегальский).

Сочетание стремления к достоверности выявления первоначального облика памятника и не всегда обоснованного восполнения утраченных элементов определило противоречивую тенденцию псковской реставрационной практики 1940 – 1950-х гг., особенно прослеживавшейся в проектной деятельности (проект реставрации церкви Богоматери Одигитрии, 1952 – 1953 гг., арх. ЦНРМ А.И. Хамцов).

Однако, основным вектор развития Псковской реставрационной школы определялся преобладающим стремлением к целостным воссозданиям – художественным реставрациям. Отчасти на это влияли местные условия, связанные с недостаточной стойкостью и недолговечностью основного материала памятников. Работы 1950-х – 1960-х гг. были отмечены нацеленностью на восстановление первоначального ядра памятника в подлинных формах или в формах, соответствовавших периоду наивысшего расцвета.

Данный подход был реализован на ряде древних памятников церковного зодчества, отличавшихся сложной многообъемной пространственной композицией с наслоениями различных исторических периодов (двойная церковь Рождества и Покрова Богородицы XV в., автор проекта реставрации В.П. Смирнов). Дискуссионным моментом являлось стремление к восстановлению единовременной цельной архитектурно-художественной композиции памятника, освобождению его от поздних фрагментов (церковь Николы со Усохи, реставрация 1964 – 1966 гг., автор проекта Ю.П. Спегальский, арх. Б.С. Скобельцын). Добавлялся элемент гипотетических воссозданий по аналогам при восстановлении звонниц, деревянных щипцовых покрытий (церковь Петра и Павла с Буя XVI в., реставрация 1962 г., рук. В.А. Лебедева). Принцип композиционной целостности лег в основу реставрации церкви Богоявления с Запсковья – памятника, последовательно сложившегося в результате нескольких эпох (XV, XVI, XVII вв. и позднейших наслоений), и восстановленного на период наивысшего расцвета (XVI в.) (реставрация 1948 г., рук. Ю.П. Спегальский).

Реставрационные работы на древнем памятнике оборонного зодчества – Псковском кремле – сочетали сохранение облика, сформировавшегося в результате поздних наслоений и реставраций (восстановление южной приступной стены Крома, 1953 – 1954 гг., 1960 – 1962 гг., арх. ЦНРМ А.И. Хамцов) и полное гипотетическое воссоздание отдельных элементов, продиктованное важнейшей ансамблевой ролью памятника в композиции города (башня Кутекрома и Плоская башня, 1959 – 1960-е гг.; восточная стена 1962 – 1968 гг., арх. А.И. Хамцов). Особую задачу представляло сохранение и инженерное укрепление

фрагментов подлинного материала, имевшего значительную тенденцию к разрушению.

Масштабные работы, ориентированные на художественное воссоздание памятника, были осуществлены при реставрации крупнейшего сооружения крепостного зодчества – Печерской монастырской крепости (реставрация 1960 – 1968 гг., авторы проекта М.И. Семенов, В.П. Смирнов). Воссоздание стен и башен крепости в полный профиль было обусловлено не только спецификой строительного материала (известняка), но и характером их функционирования как сооружений действующего монастыря. Выраженная тяга к художественным реставрациям диктовалась стремлением к сохранению самобытной псковской архитектуры, выявлению ее стилевой цельности, приоритетной по отношению к исторической информативности отдельных частей.

Противоположная консервационная тенденция в псковской реставрационной практике проявилась при раскрытии остатков каменных памятников Довмонта города – семнадцати церковных и гражданских построек XII – XVI вв. (реставрация 1962 г., рук. В.Д. Белецкий). Ряд консервационных мероприятий с частичной реставрацией, позволивших вывести из катастрофического состояния и сохранить древние руины от разрушения, был проведен на крупных памятниках монастырского зодчества области (собор Иоанна Богослова и трапезная церковь XVI – XVII вв. Крыпецкого монастыря, реставрация 1962 – 1964 гг., рук. Б.С. Скобельцын). Опыт сохранения Изборской крепости XIV – XVI вв. (реставрация 1962 г., автор проекта Ю.В. Сусленников) с бескровельной консервацией стен из известняка показал результат, выявивший недостатки данного метода для каменных исторических конструкций. Это в какой-то степени дало обоснование гипотетическим воссозданиям покрытий, ставшим применяться на памятниках крепостного зодчества [261, с. 502].

**Анализ архитектурных реставрационных школ
южной части России в XX в.**

Формирование архитектурно-реставрационных школ на южных территориях страны приобрело значительный импульс с производством массовых послевоенных обследований, а затем – восстановительных работ на значимых пострадавших памятниках в бывших оккупированных городах. Памятники южных территорий страны, оказавшиеся в районах массовых разрушений, были включены в объем первоочередных послевоенных восстановлений (постановление Совнаркома СССР от 1.11.1945 г. № 2722 «О мероприятиях по восстановлению разрушенных немецкими захватчиками городов РСФСР»). К наиболее пострадавшим относились памятники Ростова-на-Дону, Новороссийска, Севастополя, Воронежа, Краснодара.

Значительный вклад в формирование киевской архитектурно-реставрационной школы внесли послевоенные обследования, проводившиеся с 1943 г. после освобождения бывших оккупированных территорий специалистами ГУОП (арх. П.С. Полонский, П.Д. Барановский, М.И. Рзянин, А.В. Щусев). Помимо Киева, в спектр данных обследований входили памятники архитектуры Каменец-Подольской и Черниговской областей, имевшие тяжелую степень повреждений. В настоящем исследовании понятие киевской архитектурно-реставрационной школы обобщает спектр наиболее значимых работ данной направленности в городах на территории Украины (Киеве, Чернигове, Львове, Каменец-Подольске, Полтаве, Судаче, Керчи и пр.).

Основными центрами послевоенной реставрации стали специализированные научно-реставрационные мастерские (СНРПМ) в Киеве, Чернигове, Львове, Полтаве. Профессиональный вклад в развитие реставрационной школы внесли: Ю.С. Асеев, П.Д. Барановский, М.М. Говденко, Н. Кресальный, Е.И. Лопушинская, И.Р. Могытыч, Ю.А. Нельговский, Е.М. Пламенеца, А.Д. Тюпич, Н.В. Холостенко и другие специалисты.

Восстановления послевоенного периода стали основополагающим этапом, заложившим фундамент архитектурной реставрации на Украине. Первые послевоенные годы характеризовались недостатком собственной теоретической и практической базы, в связи с чем объем восстановительных работ осуществлялся централизованными

реставрационными силами. Отмечалось, что в послереволюционный период собственно методика реставрации на Украине не развивалась (П.Д. Барановский). Можно сделать вывод, что на начальном этапе формирования реставрационных подходов в украинской практике был задействован опыт московской реставрационной школы.

Работы послевоенных лет, как правило, имели консервационную направленность. На территории Украины в первые послевоенные годы работы велись в ограниченных объемах, представляя собой противоаварийно-укрепительные мероприятия на значимых объектах, находившихся в катастрофическом состоянии. Работы преимущественно сводились к укреплению руинированных конструкций и устройству (ремонту) покрытий (Успенский собор Киево-Печерской лавры, Киевский Софийский собор, Борисоглебская и Елецкая церкви в Чернигове; 1944 г.). Ставился вопрос о проведении раскопок руин наиболее ценных разрушенных памятников (Великая Лаврская церковь в Киеве XII в.), проводились обследования для разработки проектов реставрации выдающихся памятников Киева, Чернигова (арх. П.Д. Барановский).

К концу 1940-х гг., несмотря начавшееся формирование научно-реставрационных производственных мастерских (в Киеве, Чернигове, Львове, Полтаве), реставрация еще не имела благоприятных условий для развития и оставалась преимущественно на уровне ремонтных работ. Основные производственные работы, в основном небольшого объема, велись на памятниках Чернигова и Черниговской области, Каменец-Подольска, Киева, Полтавы.

К укрепительным и ремонтно-реставрационным мероприятиям относились работы на Андреевской церкви XVIII в. (1949 – 1952 гг.), Софийском соборе в Киеве (1952 – 1955 гг., арх. Н. Кресальный). При реставрации Софийского собора было выполнено спрямление контуров и уменьшение площади экспозиционных раскрытий, примененных при реставрации 1930-х гг., что говорит о преобладающей ориентации на придание памятнику целостного облика. Значимые работы реставрационной направленности проводились на Кирилловской церкви, Выдубецком монастыре в Киеве, Коллегиуме и Спасо-Преображенском соборе в Чернигове, Бернардинском монастыре во

Львове. Для первых работ послевоенного времени характерен методологический поиск, выраженный в вариативности реставрационных подходов от фрагментарной реставрации до полного восстановления отдельных памятников. При этом предпочтение отдавалось целостным реставрациям (прил. 3, табл. 17).

Руинированное состояние памятников во многом давало возможность для выявления и раскрытия их первоначального характера, часто существенно отличавшегося от облика, приобретенного в ходе сложной строительной истории с перестройками позднейших периодов. Так, при аварийном укреплении Пятницкой церкви в Чернигове исследование остатков памятника (около 40 % сохранившихся конструкций) дало необходимый материал для полной реставрации. При консервационных работах был применен анастилоз в виде цементации остатков в монолитные элементы и установки на прежнее место. Использовался прием, ранее известный по ярославской практике реставрации: возведение временных консервирующих конструкций, примерно соответствующих будущим формам отреставрированного сооружения (1944 – 1946 гг., арх. П.Д. Барановский, Асеев).

Последующее восстановление Пятницкой церкви (1955 г., арх. П.Д. Барановский) стало знаковым с точки зрения изменения методической направленности в сторону полной (целостной) реставрации. Основанием для целостной реставрации стали своеобразие и сложность конструктивных характеристик, сохранность крупных фрагментов, позволяющих путем установки на прежнее место восстановить разрушенные части в подлинном виде.

По аналогичному пути производилось восстановление изначальных форм Борисоглебского собора XII в. в Чернигове (реставрация 1949 – 1954 гг., арх. Н.В. Холостенко). В результате многократных перестроек храм стал сочетать в себе черты классицизма и барокко, а в военное время понес значительные повреждения. Целостная реставрация, обоснованная достаточно детальным натурным материалом об изначальной архитектуре, тем не менее потребовала частичного проектирования утраченных элементов по аналогам (апсиды, закомары, покрытие купола).

Среди объектов восстановления 1950-гг. преимущественно были крупные объекты светской архитектуры: общественные здания в Киеве, Каменце-Подольском, Одессе, Полтаве. На памятниках, имевших значительные разрушения, производилось восстановление утраченного декора по сохранившимся аналогичным деталям фасадов (здание Присутственных мест в ансамбле Круглой площади в Полтаве; реставрация 1945 – 1957 гг.). Методологически сложными были работы на памятниках с насыщенной строительной историей, включавших наслоения нескольких строительных периодов (Ратуша в Каменце-Подольском, реставрация 1954 – 1955 гг., арх. Ю.А. Нельговский). В данном примере при общей ориентации на целостную реставрацию с восстановлением композиции XVIII в., на фасадах и в интерьере было фрагментарно раскрыто наследие других периодов. Произвольные моменты реставрации обуславливались стремлением к композиционной целостности (воссоздание завершения в виде купола со шпилем). Вместе с тем, для данной работы характерно стремление к минимизации необоснованных гипотетических добавлений.

В работах 1950-х – 1960-х гг. при восстановлении руинированных памятников отмечалось расширение палитры реставрационных средств методами консервации и фрагментарной реставрации. Работы по консервации руинированной Великой Успенской церкви XI в. Киево-Печерской лавры (1962 – 1963 гг., арх. Н.В. Холостенко, М.М. Говденко) сохранили облик руин, дополнив памятник незначительными докладками для укрепления сохранившихся частей, а также демонстрационными фрагментами раннего слоя росписи. Реставрационные работы на келейных постройках комплекса XVII – XVIII вв., имевших достаточную степень сохранности, были направлены на более полное восстановление утрат (1958 – 1963 гг., арх. М.М. Говденко, Е.М. Пламенецакая).

Реставрационным результатом работ на Спасском соборе в Чернигове стали фрагментарные экспозиционные раскрытия, передающие пластику первоначальной кладки памятника (1966 г., арх. Н.В. Холостенко, М.М. Говденко). Таким образом, была сохранена поздняя объемно-композиционная структура с перестройками XIX – XX вв., и в то же время показана первоначальная эстетика собора.

Спектр реставрационных работ 1960-х гг. включал памятники деревянной архитектуры, при восстановлении которых преобладающей тенденцией было сохранение композиционной целостности и образных характеристик постройки, в том числе, с сохранением разновременных наслоений в общей композиции (Никольская церковь XV – XIX вв. в с. Колодное, реставрация 1968 – 1971 гг., арх. И.Р. Могытыч). При реставрации церкви XVII в. в с. Поморяны (1970 г., Львовская СНРПМ) памятнику деревянного зодчества был возвращен архитектурный облик, близкий к первоначальному с восстановлением отдельных утраченных деталей. Своеобразным элементом модернизации стало остекление аркады, восстановленной над центральным куполом храма.

При реставрации древнего памятника оборонного зодчества – руинированной крепости в Судаче X – XVIII вв. основные подходы варьировались исходя из степени сохранности и особенностей сооружений комплекса (с 1968 г., арх. Е.И. Лопушинская). При восстановлении верхнего пояса обороны реставрационные работы включали существенный объем воссозданий утраченных элементов первоначального облика, в значительной степени гипотетических. Консервационный подход с выявлением планировочной структуры периметра памятника за счет выравнивания верха сохранившейся стены был применен при восстановлении храма «на консолях», имевшего вид руин. Работы по реставрации мечети XIII – XIX вв. в структуре крепости опирались на принцип сохранения сложившейся многослойности памятника, включив при этом элемент воссоздания по аналогам акцентной формы минарета.

Опыт реставрационных работ на другом памятнике оборонной архитектуры – крепости Каменца-Подольского демонстрировал сбалансированность методических подходов, включивших элементы консервации, фрагментарной реставрации и частичного воссоздания (1960-е – 1970-е гг., арх. Е.М. Пламенецакая, А.Д. Тюпич). При реставрации башни Рожанки, несмотря на расхождение с гипотетической реконструкцией облика памятника на XV в., был сохранен каменный конический шатер. Восстановленные элементы (докладки зубцов боевого хода, аркады бойниц, первоначальные формы

проемов) вошли в органичное сочетание с древним массивом сооружения, раскрыв его историческую и художественную значимость.

Опыт целостной реставрации был реализован при восстановлении древнейшей церкви Иоанна Предтечи VIII–IX вв. в Керчи (1970-е гг., арх. Е.И. Лопушинская). Памятник, имевший перестройки, был реставрирован с сохранением позднего объема, но с применением аналогий при восполнении утраченных деталей. Неоднозначную оценку снискало восстановление Золотых ворот в Киеве, представлявшее собой целостную реставрацию памятника на основе сохранившихся подлинных руинированных фрагментов боковых стен (вторая половина 1970-х гг., арх. Е.И. Лопушинская). Памятник XI века представлял собой руины и был законсервирован еще в прошлом веке как священные остатки Древней Руси. Возникла идея целостного воссоздания памятника. Формально новое сооружение должно было представлять собой футляр над древними остатками в натуральную величину. Однако, достоверных материалов не сохранилось, поэтому опирались только на аналоги, в частности Золотые ворота во Владимире. В результате проведенных работ памятник приобрел вид сооружения-макета в натуральную величину, созданного с использованием широкого круга аналогий и гипотетических реконструкций. В соответствии с этим, данная реставрация была воспринята как неудачная.

Таким образом, методическая направленность киевской архитектурно-реставрационной школы в значительной степени была ориентирована состоянием памятников, многие из которых имели значительные разрушения. Древний характер построек, определивший их многослойность, а также военные повреждения вплоть до руин, составляли особенность архитектурного наследия Украины. В спектре реставрационных подходов широко использовались приемы консервации и фрагментарной реставрации, в основном применявшиеся на сооружениях с многослойным характером и сильными разрушениями. Один из наиболее существенных вопросов киевской реставрационной школы составлял поиск архитектурно-композиционной целостности памятников, при восстановлении получивших консервацию или фрагментарную реставрацию.

К наиболее успешным относились работы, направленные на достижение фрагментарными методами и методами частичных воссозданий органичного сочетания восстановленных элементов с подлинным древним массивом памятника. Раскрытия, в основном, осуществлялись в виде экспозиционного показа пластики кладки. Значительное внимание уделялось определению допустимой степени зондажного экспонирования кладки в границах сохранения целостности памятника. Целостные реставрации 1960-х – 1970-х гг., в основном, имели гипотетический характер и признавались недостаточно обоснованными для сохранения эстетики древнего наследия. При общей аналитической направленности работ, тем не менее, отмечалась склонность к воссозданиям. Вводился элемент модернизации [261].

Анализ архитектурных реставрационных школ Сибири в XX в.

Формирование иркутской школы архитектурной реставрации связано с достаточно поздним этапом 1960-х – 1980-х гг., когда было положено начало сохранению и восстановлению памятников Иркутска. Ключевая роль в формировании иркутской школы принадлежала архитектору-реставратору московских ЦНРМ Г.Г. Оранской, поднявшей работу в данной области на высокий профессиональный уровень, сделавшей неоценимый личный вклад в реставрацию уникальных памятников и в изменение отношения властей к сохранению наследия.

Профессиональный вклад в развитие реставрационной школы внесли: Е.А. Ащепков, Е.Ю. Барановский, А.П. Бельский, Л.С. Васильев, Г.А. Вязунова, Л.И. Гурова, В.И. Колпиков, Б.И. Оглы, Г.Г. Оранская, А.В. Поликарпочкин, В.И. Сотников, А.В. Субботин, Е.В. Хохрин, В.Т. Щербин, А.В. Яковлев и другие специалисты (прил. 3, табл. 17).

Первый опыт профессиональной реставрации в г. Иркутске был осуществлен на доме декабриста С.П. Трубецкого (ул. Дзержинского, 64) – памятнике деревянной архитектуры федерального значения с особой мемориальной ценностью и не менее весомыми архитектурно-художественными достоинствами. В объемно-пространственной

композиции и декоративном оформлении здания сочетались традиции классицизма и русского стиля, декор фасадов не имел аналогов в деревянном зодчестве Предбайкалья. Памятник, имевший несколько строительных периодов, ряд перестроек, утрат и приспособлений, ко времени реставрации достиг тяжелейшего технического состояния. Архивные и графические материалы по строительству, касающиеся первоначального облика и характера поздних перестроек, практически отсутствовали.

При реставрации памятника (1965 – 1970 гг., коллектив ЦНРМ, рук. Г.Г. Оранская) были сохранены те формы, которые здание приобрело к началу реставрации, при этом удалены поздние очевидные и грубые наслоения, искажившие общий объем (тамбуры, веранды, лестницы). По возможности были оставлены без изменения конструкции (в том числе, ранние деревянные конструкции фундамента) и формы, по которым на момент проведения реставрации не имелось достоверных сведений (не были воссозданы сдвоенные пилястры). Отдельные элементы позднего декора восстановлены по натурным остаткам не в изначальных известных формах, а в приобретенных в более поздний период (эркер мезонина). Внутри здания было восстановлено характерное для классицистических особняков функциональное зонирование с парадной анфиладой и помещениями, назначение которых воссоздано по историческим аналогам. В целом, проведенные работы можно охарактеризовать как фрагментарную реставрацию. При второй реставрации 2007 – 2011 гг. был восстановлен облик здания начала XX в. [129].

Принцип целостной реставрации лежал в основе восстановления дома и мемориальной усадьбы С.Г. Волконского в Иркутске (реставрация 1974г. – 1985 г., авторы проекта Л.С. Васильев, Е.Ю. Барановский, г. Москва). Дом имеет примечательную историю: построенный в 1838 г. в с. Урик и в 1847 г. перевезенный в Иркутск, он до конца 1850-х гг. считался одной из лучших городских построек. Впоследствии здание получило ряд перестроек и перепланировок. При реставрации усадьбы был восстановлен комплекс надворных построек. Дому возвращен первоначальный вид, восстановлена планировка и основное назначение комнат.

Одной из первых была проведена масштабная реставрация церкви Спаса Нерукотворного Образа XVIII в. – древнейшей в Иркутске каменной церкви, выстроенной в формах древнерусского посадского храма и со стилистическими чертами самобытного «сибирского барокко» (реставрация 1960 – 1970 х гг., ВСРПО «Союзреставрация», архитектор Г.Г. Оранская). В ходе реставрации были несколько изменены первоначальные габариты, композиционный, декоративный характер постройки, спорный характер данных реставрационных решений отмечен при проведении повторной реставрации 2000-х гг. К изменениям относился снос двухэтажного северного придела второй половины XVIII в., увеличение высоты стен четверика с воссозданием объемных кокошников, появление декоративных кокошников над проемами. Вероятно, часть элементов облика церкви были воссозданы по аналогиям. После проведения реставрационных работ в здании были размещены выставочные залы Иркутского областного краеведческого музея. В ходе повторной реставрации храму был возвращен известный по историческим фотографиям XIX в. целостный облик с криволинейной кровлей над четвериком, демонтированы «реставрационные» дополнения (объемные кокошники по верху стен четверика) (проект 2008 – 2010 гг., институт «Иркутский Промстройпроект», гл. архитектор В. Полутчева, науч. руководитель А. Чертилов).

Комплексный характер носили реставрационные работы 1980-х – 2000 гг. на ряде культовых памятников. Реставрация каменной церкви Казанской иконы Божией Матери конца XIX в. с оградой – одной из немногих сохранившихся в иркутской архитектуре церковью русско-византийского стиля – осуществлялась по сохранившимся деталям-аналогам (реставрация 1988 – 1993 гг., автор Л.И. Гурова, ТПО «Лад»). Восстановление памятника ориентировалось на целостную реставрацию первоначального вида. Реставрация каменной церкви во имя Равноапостольного Князя Владимира конца XIX в. также подразумевала восстановление первоначального облика (по оригинальным авторским чертежам архитектора В.А. Кудельского) с воссозданием утраченных завершений (реставрация 1990-х – 2000-х гг., автор А.В. Яковлев).

К периоду 1990-х гг. относится ряд проектов, послуживших основой для проведения реставрационных работ на культовых памятниках с конца 1990-х – начала 2000-х гг. При реставрации Покровской церкви начала XX в. в г. Тулуне. Особой задачей при восстановлении первоначального объемно-пространственного решения являлось определение геометрических параметров утраченных четверика с центральным барабаном и колокольни (проект 1993 – 1996 гг., НПРМ «Традиция», автор Л. Гуревская). Подобные реставрационные приемы реализованы при восстановлении с элементами воссоздания венчающих частей церкви Успения Божией Матери Иркутского Вознесенского монастыря (проект 1997 г., НПРМ «Традиция», руководитель В.В. Полутчева).

Отдельные работы красноярской архитектурно-реставрационной практики реализовывались в военный период при восстановлении шатрового завершения часовни Параскевы Пятницы XIX в. на Караульной горе (реставрация 1943 г., арх. А.Ф. Лыткин; второй цикл реставрационных работ проведен в 1970 – 1972 гг., арх. А.С. Брусянин). Реставрационные работы послевоенного времени были связаны с восстановлением и приспособлением объектов историко-мемориального характера (усадебный комплекс В.И. Сурикова в Красноярске, первый этап реставрации 1947 – 1948 гг., арх. В.А. Климушин; второй этап реставрации 1970 – 1971 гг., арх. Л. Лапкина).

Реставрационные работы 1960 – 1970-х гг. касались сохранения и реставрации культовых памятников. Отдельные работы были связаны с их приспособлением под общественно-культурные функции (реконструкция с приспособлением под выставочный зал интерьеров Покровской церкви XVIII в. в Красноярске, 1977 – 1978 гг., арх. Э.М. Панов; реставрация и приспособление под концертный зал здания костела начала XX в., 1980 – 1983 гг., арх. Э.М. Панов, А.И. Соловьев). В 1980 – 1990-х гг. спектр реставрационных работ расширился, распространившись на объекты промышленной, гражданской типологии, в том числе памятники деревянной архитектуры (особняк Гадалова начала XX в., арх. Г.Ф. Андреев, В.Н. Пирогов; деревянный особняк начала XX в. по ул. Ленина, 66, арх. Г.Ф. Андреев, В.Н. Пирогов). Практика воссозданий была реализована

при восстановлении Благовещенской церкви в Красноярске (арх. В.А. Чукреев, А.В. Скрипальщиков, Е.П. Зыль, А.Г. Лавров и др.) [199, с. 189 – 190].

Важнейшее направление сибирской архитектурной реставрации было связано с исследованием и сохранением деревянного зодчества, составляющего уникальный пласт наследия обширной территории Сибири. С конца 1960-х гг. проблема сохранения элементов традиционной народной культуры получила всеобъемлющий охват в масштабах страны, что выразилось в формировании нового типа музеев деревянного зодчества. Еще раньше, 1950-х гг., предпосылки проблемы обозначились в Предбайкалье, когда в регионе началось интенсивное строительство гидроэлектростанций с затоплением территорий и ликвидацией ряда старожильческих сел [217, с. 93].

Регионы Сибири получили импульс для развития деятельности по исследованиям, переносу и реставрации уникальных памятников архитектуры. Значительный объем научно-исследовательской работы и реставрационной практики был связан с развитием скансенологического направления, комплексного восстановления и сохранения элементов историко-культурной среды.

Оставшаяся после затопления Усть-Илимским водохранилищем территория Тальцинского урочища в Иркутской области стала местом, где с 1966 г. началось формирование первого в области транслоцированного музея народного зодчества под открытым небом «Тальцы». Руководство работой осуществлялось московским архитектором Г.Г. Оранской.

В основу музея был положен принцип полномасштабного историко-культурного зонирования Иркутской области, экспозиционно представивший семь историко-культурных зон: четыре русских зоны – ангаро-илимскую, верхоленскую, витимскую, центральную (тракново-подгородную); а также три национальных зоны – бурятскую, эвенкийскую, тофаларскую (к 2010 г. было выделено десять историко-культурных зон). Первые работы по организации целостного комплекса деревни-малодворки включили вывоз и реставрацию усадеб Непомилуева (конец XVIII – начало XIX в.), Серышева (середина XIX в.) и Прокопьева (конец XIX в.) из Нижнеилимского и Братского районов

(1972 – 1980 гг., архитектор Г.Г. Оранская). В экспозицию музея вошли уникальные памятники из зоны затопления (Спасская проезжая башня (1667 г.) и Казанская привратная церковь (1679 г.) Илимского острога).

Принципиальным моментом при реставрации Спасской башни (1982 – 1987 гг., арх. Г.Г. Оранская) стал отказ от идеи воссоздания тыновых стен, показанных фрагментарно (руководствуясь основным принципом архитектора, малые хозяйственные объекты в музее показывались полностью, крупные – фрагментарно). На более позднем этапе идея гипотетического воссоздания была реализована в виде фрагмента Илимского острога – ряда башен, соединенных тыновыми стенами (1990-е – начало 2000-х гг., арх. Е.А. Шутов, А.А. Субботин) [158].

Реставрация Казанской привратной церкви была осуществлена с некоторыми изменениями в части оригинальной конструкции наклонного потолка, который в соответствии с проектом был выполнен накатным (1989 – 1990 гг., арх. Г.Г. Оранская). Комплекс работ включал реконструкцию каскада водяных мельниц второй половины XIX в. Оригинальные мельницы были вывезены из д. Владимировки Братского района и отреставрированы на территории музея (1982 – 1984 гг., арх. Г.Г. Оранская). К оригинальным вывезенным и отреставрированным постройкам также относятся: церковно-приходская школа (1885 г.) из д. Кеуль Усть-Илимского района (реставрация 1990 – 1992 гг., автор А.В. Субботин), дом-одноколок из с. Кеуль Усть-Илимского района (реставрация 1994 г., автор А.В. Субботин), дом Московского из д. Антоново Братского района (реставрация 1994 г., автор А.В. Субботин), дом Зарубиных из д. Ёдарма Усть-Илимского района (реставрация 1990 – 2000 г.), две избы и амбар покосной заимки острова Куренного Красноярского края (реставрация 1992 – 2000 гг., автор А.В. Субботин), мангазея Савиновского Кежемского района Красноярского края (реставрация 2000 – 2010 гг., автор А.В. Субботин) и другие объекты.

Этническая экспозиция, реконструирующая материальную культуру предбайкальских бурят, построена на основе вывезенных из улуса Алагуевский восьмистенных юрт (реставрация 1990 – 2000 гг., авторы А.В. Субботин, А.П. Бельский). В виде резервата восстановлено с элементами реконструкции одно из сохранившихся после ликвидации

пос. Тальцы кладбищ, по аналогу реконструирована деревянная часовня. Восстановление перевезенных памятников проводилось с максимальной точностью, сохранением подлинного материала и оригинальных конструкций, следованием технологии строительства.

Помимо восстановления внешнего архитектурно-художественного облика, особую задачу представляло сохранение и реконструкция традиционного внутреннего убранства построек. Направление, связанное с проблемой сохранения памятников городской деревянной архитектуры, также нашло отражение в формировании музея. Здесь представлено пять объектов городской застройки, с 1991 г. вывозившихся из Иркутска и частично собранных во временной сборке.

Принципиально новый подход к организации музейного комплекса был осуществлен при создании старейшего в Сибири историко-этнографического музея-заповедника в Шушенском в 1968 г. (арх. Б.В. Гнедовский, Л.А. Петров, К.М. Губельман). Его основной идеей стало восстановление историко-бытовой среды части старого сибирского села. В контекст сохранившейся исторической застройки добавлялись подлинные объекты, отобранные по фотоснимкам села начала XX в. и представляющие местные особенности крестьянской архитектуры Шушенского и других сел Минусинского района Красноярского края. Созданный архитектурно-этнографический комплекс представил собой тип резервации с элементами транслоцирования, воссоздавшей естественную историко-культурную среду данной местности конца XIX – начала XX в. (около 200 построек на 6,6 га) Музей-заповедник «Шушенское» в наибольшей степени воспроизвел мировые концептуальные основы создания архитектурно-этнографических комплексов [215, с. 61].

Архитектурно-этнографический музей транслоцированного типа «Ангарская деревня» (г. Братск) на берегу Братского водохранилища, сформированный на основе этнического зонирования, территориально музеефицировал северо-западную часть Предбайкалья (1976 – 1977 гг., науч. руководитель А.В. Ополовников). В экспозиции русского сектора из шести крестьянских усадеб XIX в. ретроспективно-фрагментарно воссоздана однорядная сибирская деревня среднего течения р. Ангары. Основное экспозиционное ядро представлено перевезенными и

восстановленными в 1970-х – начале 1990-х гг. строениями (усадьба Скрипова второй половины XIX в. из д. Подъеланка, усадьба Погодаева второй половины XVIII в. из д. Гарманка, усадьба Пастухова первой трети XIX в. из с. Старо-Батурино, усадьба Непомилуева второй половины XIX в. из д. Нижняя Шаманка, торговый амбар конца XIX в. из д. Климово Усть-Илимского района, кузница конца XIX в. из д. Христофорово Жигаловского района, мангазея конца XIX в. из д. Тушама Братского района Иркутской области, юго-западная башня Братского острога XVII в.).

Отдельные постройки полностью или частично воссозданы в новоделе по аналогам (однодворная усадьба с домом-связью по аналогу дома Каморникова из д. Подъеланка, церковь Михаила Архангела XIX в. из деревни Нижнекарелина Киренского района Иркутской области со звонницей на столбах, выполненной в новоделе по аналогу звонницы постройки 1910 г. (восстановлена в первоначальных формах в 1987 – 1991 гг., арх. С.М. Колесников). Постройки эвенкийского этнического сектора воссозданы по аналогиям, единственным строением-оригиналом является русский лабаз, перевезенный с р. Каты [215, с. 63].

Формирование основного ядра Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока (создан в 1968 г.) происходило на основе перевезенных и реставрированных уникальных памятников сибирского деревянного зодчества: Спасо-Преображенской церкви XVIII в. из Зашиверска с отдельно стоящей звонницей, вывезенный из Тюменской области фрагмент Казымского острога XVIII в., отреставрированный в виде двух башен и части стены.

Опыт томской реставрации был реализован при создании в 1988 – 1995 гг. природного парка-музея «открытого типа» «Томская писанина». Основной задачей его создания стала консервация единственного в Сибири памятника-резервата древнего наскального искусства 4 – 1 тыс. до н. э. Архитектурно-этнографический комплекс представлен экспозициями, ретроспективно-фрагментарно моделирующими историко-культурную среду начала XX в. малой народности России шорцев в виде жилого поселка с транслоцированными постройками. Основные объекты представлены восстановленными оригиналами,

часть объектов вспомогательной инфраструктуры выполнена в новоделе.

Таким образом, значительное место в отечественной архитектурно-реставрационной практике занимают реставрационные школы Сибири, при этом с 1960-х гг. особое развитие получила иркутская реставрация. К ранним объектам восстановления относились объекты каменного культового городского зодчества XVIII – XIX вв., особое направление составила реставрация памятников городского деревянного зодчества, связанных с сибирской ссылкой декабристов. Восстановление памятников ориентировалось на принципы целостной реставрации с элементами воссоздания по аналогиям (в основном, в части утраченных в советский период элементов завершений). Примеры фрагментарной реставрации демонстрировали стремление к сохранению облика памятника в достоверных формах позднего периода. При реставрации памятников деревянной архитектуры (мемориальных усадеб декабристов) особой задачей являлось восстановление внутренней объемно-планировочной структуры и интерьеров, проводившееся по аналогиям.

В целом, уникальный архитектурно-этнографический материал территории Сибири, представленный, в основном, памятниками традиционной деревянной архитектуры XVII – начала XX в. (культовыми постройками, усадебными комплексами с жилыми и хозяйственными строениями) определил во второй трети XX в. приоритет обширного развития скансенологического направления. Его основные принципы следовали концептуальным идеям организации архитектурно-этнографических комплексов, разработанным в московской архитектурно-реставрационной практике с ориентацией на мировой опыт в данной области. Подходы формирования музеев-заповедников подчеркивали региональные особенности за счет экспонирования подлинного материала и ретроспективно-фрагментарной реконструкции среды, уникальной для различных регионов. Вектор подчеркнутой мемориально-политической значимости, давший импульс созданию ряда музеев, во второй половине XX в. снизил свою актуальность, уступив место ценности традиционной составляющей культуры.

Реставрационная практика, как правило, была ориентирована на методы целостной реставрации при восстановлении транслоцированных памятников деревянной архитектуры. В спектр приемов входило частичное и полное воссоздание объектов по аналогиям (особенно в части воссоздания целостных архитектурных комплексов), создание объектов-макетов в натуральную величину, что соответствовало задачам ретроспективно-фрагментарного моделирования историко-культурной среды. Особую архитектурно-реставрационную задачу представляло максимальное сохранение подлинного материала, оригинальных конструктивных и архитектурно-художественных особенностей, точное воспроизведение технологии и культуры строительства памятников деревянного зодчества.

Значительные результаты 1970 – 1990 гг. в области создания этнографических музеев обусловили развитие скансенологической практики регионов Сибири, ее пополнение новыми исследованиями и методами. Так, в Иркутской области на сегодняшний день сформировано 7 из 24 этнографических комплексов под открытым небом, созданных на территории России во второй половине XX – первых десятилетиях XXI в. Помимо транслоцированных комплексов регионального масштаба, развивается деятельность по созданию локальных (усадебных) этнографических музеев резервационного типа, направленных на комплексное сохранение памятников деревянной архитектуры на их существующей исторической территории («Усадьба голендра Гимборга – переселенца периода столыпинской аграрной реформы», 2013 г.) [216, с.246].

Особенности архитектурных реставрационных школ СССР и России XX в.

В ходе исследования ведущих школ архитектурной реставрации позволяет сделать вывод о том, что их формирование происходило на территориях с выделившимися архитектурными школами, обладавшими яркими особенностями и представляющими отдельные пласты развития русской культуры. Типологический и региональный архитектурно-художественный контекст оказывал непосредственное

влияние на особенности становления архитектурно-реставрационной деятельности. Формирование реставрационных школ происходило на основе преемственности традиций довоенной реставрации. Направленность реставрационных работ определялась совокупностью характера и мерой утрат памятника, а также традиций сложившейся реставрационной школы, личного авторитета архитектора-реставратора в части определенных технических и методологических подходов (прил. 3, табл. 18).

Общность отечественных подходов в рамках отдельных реставрационных школ определялась идеологией, сформулированной в СССР в Инструкции 1949 г. Инструкцией провозглашалась ориентация на целостные реставрации, направленные на восстановление первоначального облика памятника или его облика на «определенную дату», период предполагаемого расцвета. Тем не менее, практика региональных реставрационных школ демонстрировала примеры как целостного, так и фрагментарного подходов, в некоторой степени сохраняя приверженность тому или иному методу в различные периоды.

В большинстве случаев выбор реставрационной направленности работ опирался на архитектурно-типологические характеристики памятника, характер поздних наслоений, степень и качество его сохранности. Так, при восстановлении памятников, имевших значительный процент разрушений вплоть до руинированного состояния, оказывался применим более широкий спектр реставрационных средств в рамках консервации, фрагментарной реставрации. В то же время, на памятниках с незначительными повреждениями преимущественная направленность работ определялась ориентацией на целостные реставрации с воссозданием утраченных элементов.

В целом, во второй половине XX в. сложилось преобладающее направление, свойственное работам ведущих реставрационных школ и демонстрировавшее стремление к целостным реставрациям, формированию художественно осмысленного облика памятника, максимально достоверной интерпретации сохранившегося архитектурного материала. При этом отмечалась неоднородность

взглядов на допустимость гипотетических добавлений и проблему сохранения поздних наслоений, формировавшая палитру консервационных и фрагментарных подходов. В практике отдельных школ развивались новые методы и концептуальные подходы, а прорывные работы, выходявшие за рамки официальной Инструкции, поднимали на качественно новый уровень развитие отечественной реставрации (работы новгородской архитектурно-реставрационной школы). С распространением принципов Международной Венецианской хартии 1964 г. [20] в общероссийской реставрационной практике отчетливо обозначился вектор направленности в сторону фрагментарных методов.

Отличия в подходах отдельных реставрационных школ, во многом, были связаны с неоднородным характером и степенью сохранности архитектурного материала, а также с возможностями архивно-библиографических исследований (исторических источников, авторских чертежей), позволявших представить первоначальный облик памятника. Так, при многослойном характере памятника (определяемом степенью древности и многочисленными поздними добавлениями различных исторических периодов, формировавших его уникальность) значительное развитие получали принципы реставрации, основанной на аналитическом подходе (Московская, Новгородская, Владимиро-Суздальская школы). На территориях бывшей оккупации с тяжелыми послевоенными разрушениями наследия, имевшего, как правило, древнейшую строительную историю с наслоениями разных эпох, практика реставрации была ориентирована на фрагментарные принципы (работы Новгородской, Киевской архитектурно-реставрационных школ).

Самобытный облик памятника, принадлежность определенной архитектурной школе, яркие архитектурно-художественные и объемно-композиционные особенности обуславливали приоритет художественных реставраций, направленных на восстановление целостного первоначального облика (или облика на период предполагаемого расцвета памятника) гипотетическими методами (Псковская, Ярославская школы). Сравнительно поздний архитектурный материал (XVIII – начало XX вв.), отсутствие ценных

исторических наслоений в большей степени давало обоснование для целостных реставраций первоначального облика.

Ансамблевый характер памятников, имевших значительные разрушения композиционной структуры, формировал развитие особых принципов, направленных на целостное восстановление в масштабе градостроительного комплекса (работы Ленинградской школы по восстановлению дворцовых пригородов). Развитие идей музеев-заповедников и ориентация на туристический показ памятников поддерживали методы целостной реставрации, направленные на ретроспективно-фрагментарное моделирование историко-культурной среды. Так, при восстановлении транслоцированных объектов деревянной архитектуры в практику вошли приемы частичного и полного воссозданий по аналогиям, комплексного воссоздания, создания сооружений-макетов в натуральную величину (архитектурно-реставрационные школы Сибири).

К последней трети XX в. произошло определенное нивелирование особенностей региональных реставрационных школ. Работа с памятником в целом стала приобретать более комплексный характер, расширяя спектр различных реставрационных подходов и технических приемов. К концу XX в. методы реставрации стали ориентироваться на функцию памятника и его приспособление для современного использования. Принципы, характерные для отдельных реставрационных школ и связанные с состоянием наследия в определенный исторический период, приобрели более универсальный характер. Отдельные принципы оказали значительное влияние на развитие реставрационных методов в позднейший период. Так, практика воссозданий, особо развивавшаяся как вид целостной реставрации в рамках ленинградской школы, на рубеже XX – XXI вв. получила повсеместный охват в общероссийской реставрации [149].

Сформировавшиеся в послевоенный период ведущие отечественные архитектурно-реставрационные школы осуществили значительный вклад в развитие научной теории и практики реставрационного дела в XX в., а также повлияли на архитектурно-реставрационную практику конца XX – начала XXI вв. Развитие региональных реставрационных школ в XX в. оказало значительную

роль в сохранении архитектурно-градостроительного облика российских исторических городов.

Очевидно, настало время воспользоваться тем опытом, который уже существовал в нашем государстве в рамках целостной реставрационной системы, изучить опыт великих реставраторов и применить его в современных условиях.

Архитектурная реставрационная практика в России на рубеже XX – XXI вв.

Российская архитектурно-реставрационная практика рубежа XX – XXI вв., унаследовав опыт советской реставрации, тем не менее, приобрела существенно новые черты в постсоветское время.

Практика реставрационно-восстановительных работ пополнилась за счет расширения типологического спектра памятников, приспособляемых под современное использование (культовые постройки, крупные монастырские ансамбли, жилые и общественные здания, комплексы промышленной архитектуры). Палитра реставрационных методов и приемов в контексте новых условий восприятия памятника, его первоначального назначения и приоритета предполагаемой функции, также менялась. Методологические трудности при приспособлении исторических зданий к новому функциональному использованию во многом были связаны с проблемой утраты подлинности памятника.

Общие негативные тенденции в части разрушения и утрат многих памятников в данный период были связаны как с особенностями русской архитектуры (ее недолговечностью, «многослойным» характером памятников, конструктивными особенностями и спецификой циклических климатических воздействий на материалы), так и с влиянием сложившегося в предыдущие годы отношения к наследию (недостаток финансирования и снабжения реставрационными материалами, внедрение новых строительных материалов, уход от древних технологий производства работ) [62].

Ограниченными были возможности прямого использования реставрационного опыта предыдущих периодов, в том числе,

зарубежной практики консервации объектов культурного наследия; в условиях финансовых ограничений – затруднено проведение полноценного комплекса изыскательских и восстановительных работ на памятниках, что часто приводило к грубым нарушениям реставрационной методологии (реставрация Спасской церкви в Канске). Многие памятники оказывались в средовом окружении, снижавшем их градостроительную и социокультурную значимость. Кризис отношения к наследию в виде утраты объектов культурного наследия, искажения исторического облика и деградации историко-градостроительной среды коснулся как столичного градостроительства, так и регионов (утрата Гостиного двора в Енисейске, усадьбы Земен в Калининградской области, повсеместное уничтожение объектов деревянной архитектуры и т.д.).

Вместе с тем, рассматриваемый период характеризовался и положительной динамикой в развитии реставрационной сферы. Так, ряд примеров из реставрационной практики конца XX – начала XXI вв. демонстрирует опыт успешной комплексной реализации задач сохранения и приспособления объектов культурного наследия в контексте их актуального функционального использования.

Значительные объемы комплексных реставрационных работ с сохранением подлинных уникальных элементов и конструкций, а также восстановлением декоративного убранства интерьеров, выполнялись на московских усадьбах и городских особняках (городская усадьба А.Н. Саймонова на Малой Дмитровке; главный дом городской усадьбы в 1-м Кадашевском переулке, 14/13, ЦНРПМ, рук. О.Г. Белова). Значимым объектом полномасштабной научной реставрации стала усадьба Лопухиных в Малом Знаменском переулке, получившая приспособление под Центр-Музей имени Н.К. Рериха (восстановительные работы с 1993 г.; ЦНРПМ, арх. И.Д. Любимова). Особенности реставрационных подходов определялись многослойным характером архитектуры здания, сформированным стилевыми напластованиями XVII, XVIII и XIX вв. Комплекс реставрационных работ включил инженерные укрепления, реставрацию деревянной стропильной системы и перекрытий, восстановление художественной отделки интерьеров (парадная дубовая лестница, наборные паркетные,

изразцовые печи, подлинный искусственный мрамор отделки откосов, росписи). Работы предполагали раскрытие части порталов древнерусских палат XVII в., включенных в классицистические интерьеры, а также воссоздание «красного» крыльца (на сохранившихся белокаменных фундаментах XVII в. по натурным остаткам). Последующий цикл работ (2000 – 2010-е гг.) предусматривал восстановление исторической планировки и завершение облика архитектурного ансамбля с воссозданием усадебных построек.

Реставрация дома Трубецких-Бове в Москве сочетала раскрытие элементов различного периода – преобладавшего в памятнике наследия классицизма и фрагментов декора палат XVII в., восстановленного без докомпоновок крупных утрат и с сохранением целостной классицистической структуры. В целом, для ряда памятников определяющим принципом работ по восстановлению элементов исторической внутренней структуры и интерьеров стало стремление к сохранению подлинных материалов с минимальной разборкой конструкций и деталей (в том числе, аутентичных конструкций, находившихся в остро аварийном состоянии) (реставрация церкви Покрова Пресвятой Богородицы Марфо-Мариинской обители, ЦНРПМ, арх. С.В. Демидов, 2000-е гг.; реставрация главного дома городской усадьбы в 1-м Кадашевском переулке, 14/13; ЦНРПМ, 2000-е гг.).

Уникальные реставрационные работы были проведены на крупных культовых памятниках в Московском кремле (Архангельский собор, ЦНРПМ, рук. Ю.П. Мосунов; Благовещенский собор, ЦНРПМ, арх. И.В. Калугина, Г.С. Евдокимов, Е.И. Рузаева). При восстановлении Покровского собора на Рву, помимо традиционных реставрационных и укрепительных работ, памятнику были возвращены исторические формы открытой галереи 1680-х гг. (рук. Н.С. Романов, арх. Т.П. Никитина). Значимое место в спектре проводимых работ на культовых объектах заняли традиционные мероприятия консервации и укрепления (реставрация церкви Вознесения в усадьбе Коломенское (ЦНРПМ, рук. Е.В. Скрынникова). К уникальным работам можно отнести использование метода анастилоза при восстановлении разрушенных белокаменных элементов с фрагментами наружной

резьбы (Благовещенский собор Московского Кремля; ЦНРПМ, арх. И.В. Калугина, Г.С. Евдокимов, Е.И. Рузаева) [220, с. 56 – 63] (прил. 3, табл. 19).

Масштабные реставрационно-восстановительные работы с приспособлением для современного использования были проведены на постройках гражданской архитектуры дворцового типа (Потешный дворец, 2000-е гг., 2007 г., рук. Е.Г. Одинец, С.В. Демидов, арх. И.Д. Любимова, Г.Б. Меньшикова; реставрация Большого Кремлевского дворца), крупных общественных зданиях (реставрационные работы в здании Московского Художественного театра, с 2004 г., ЦНРПМ, рук. О.Г. Белова; восстановление памятника советского конструктивизма Клуба рабочих Дорхимзавода, ЦНРПМ, арх. И.М. Смирнова, Н.А. Стуколова, Е.Г. Игнатьева).

Восстановление памятника федерального значения «Дом Пашкова» конца XVIII в. в Москве, проведенное в 2004 – 2008 гг., включило полный комплекс работ по реставрации и приспособлению здания под помещения «Российской государственной библиотеки». Приоритет сохранения исторического архитектурного облика и художественных интерьеров XIX в. был совмещен с бережным включением современных инженерных систем и коммуникаций, большинство которых было размещено в специально устроенном дополнительном подземном пространстве.

Масштабными реставрационными работами были охвачены сооружения ансамбля «Петровский путевой дворец» XVIII в. в Москве (1998 – 2008 гг., ЦНРПМ, ООО «Фирма «МАРСС», ЗАО «Геосистема»). Отдельной реставрационной задачей являлось максимальное сохранение оригинальных инженерных конструкций и их отдельных элементов (полное раскрытие конструкций в процессе производства работ вызвало корректировки проекта). Проведенные уникальные операции с элементами консервации позволили сохранить оригинальные деревянные конструкции купола, восстановлены деревянные междуэтажные перекрытия; с помощью традиционных реставрационных методов осуществлено выпрямление подлинной конструкции стены. Часть восстановленного по старым изображениям фасадного убранства вернула памятнику первоначальные формы – щипцы, декоративные элементы над кровлями [220, с. 56].

Архитектурные дополнения (световой колпак-пирамида, фонари со скрытыми системами электропитания) введены для создания современной инфраструктуры на памятнике [72].

Реализация реставрационных подходов, основанных на стремлении к сохранению образной индивидуальности памятника, его оригинальных особенностей и элементов, как правило, связана с трудоемкими, дорогостоящими и уникальными по технологии исполнения работами. Примером подобных работ служит реставрация здания Св. праведных жен Марфы и Марии в Марфо-Мариинской обители милосердия (ООО «ЭКОБАУ», 2008 г.), в котором были восстановлены выпуклые оконные стекла по редкой, практически утраченной в России, технологии. В процессе работ на «Доме управления железных дорог» были проведены реставрация и восстановление подлинной альфрейной живописи под дерево – техники росписи, популярной в начале XX в. и имитирующей различные виды натуральных материалов [128].

Восстановление Христорождественской церкви в городе Слободском Кировской области включило в себя раскрытие и реставрацию подлинной кирпичной кладки фасадов XIX в., декоративная фактура которой составляла характерную особенность сооружения (ремонтно-реставрационные работы 2017 г., ООО «Асгард»). Данный пример интересен с точки зрения взаимодействия традиционного аналитического подхода и современных технологий, позволившего вернуть памятнику его историческую уникальность и сохранить «патину времени».

Опыт актуализации архитектурного наследия путем консервации и дизайнерского оформления руин дает пример уникальных решений, важных для включения памятника в современную развивающуюся городскую среду. Так, музеефицированные белокаменные конструкции Воскресенского моста в Москве стали основой экспозиции вновь созданного комплекса подземного археологического музея на Манежной площади (1994 – 1997 гг.). Подлинные руинированные фрагменты Зачатской башни Нижегородского кремля были сохранены в качестве музеефицированного архитектурно-археологического объекта (2000-е гг.). Распространен прием устройства экспозиционных

зондажей (сохранение зондажей исторической кладки павильона «Монбизу» XVIII в. при реставрации павильона «Арсенал» в Александровском парке в Царском Селе, 2014 – 2016 гг., проект «НИИ СПЕЦПРОЕКТРЕСТАВРАЦИЯ»).

К уникальным работам рубежа XX – XXI вв. можно отнести возрождение из руин Церкви Успения на Волотовом поле Новгородской области (XIV в.) – памятника мирового значения с неповторимой росписью. С 1950-х гг. памятник, разрушенный не менее чем на 70 %, находился в состоянии консервации. Работы по архитектурной реставрации с воссозданием утраченных частей в первоначальных формах (реставрация 2001 – 2003 гг.), отличались сложностью архитектурных и инженерных задач. Исключительной особенностью работ на памятнике стало воспроизведение материала и техники кладки, применявшихся в XIV в. [124].

Значительные достижения реставрационной науки связаны с развитием и совершенствованием в конце XX в. сферы технологий архитектурно-реставрационного проектирования. Впервые в российской практике начали применяться принципиально новые методики проектирования, связанные с детальным компьютерным моделированием архитектурного облика и внутреннего пространства памятников на основе сохранившихся архивных фотографий (воссоздание Александровского зала Большого Кремлевского дворца, 1994 г., научно-реставрационный центр «Реставратор-М»), перевод методом ректификации изображений на архивных фотоснимках во фронтальный вид, технологии трехмерного анализа по историческим фотографиям (воссоздание колокольни Новоиерусалимского монастыря) [207, с.71]. Развитию реставрационных методов способствует внедрение высокотехнологичных эффективных инженерных исследований (использование комплексных методов инженерной геофизики при изучении и реставрации дома Пашкова, здания Сената в Кремле, Большого театра).

Применение комплексных реставрационных методов, позволяющих сохранять подлинные исторические элементы фасадов, внутренней структуры и конструкций, составляет основу значительного объема восстановлений исследуемого периода. В нижегородской

реставрационной практике комплексные ремонтно-реставрационные работы были осуществлены на значимых объектах гражданской архитектуры (реставрация городского особняка А.В. Маркова, 2008 – 2009 гг.; реставрация Здания областного суда, 2007 – 2010 гг. и др.).

Многочисленным культовым сооружениям в ходе первичного или повторного циклов реставраций был возвращен целостный архитектурно-художественный облик, утраченный в советский период (реставрация церкви Спаса Нерукотворного Образа в Иркутске, 2008 – 2010 гг., Алексеевская церковь Благовещенского монастыря в Нижнем Новгороде, 2000-е гг.). Повторный цикл реставрационных работ на Архиерейских палатах Нижегородского Печерского монастыря (первоначальные работы имели характер консервации с элементами фрагментарной реставрации, 1960-е гг.) предполагал реализацию варианта, основанного на графической реконструкции памятника рубежа XIX – XX вв. (2003 г.). Данный выбор, наиболее документированный и известный по архивным фотографиям, во многом был обусловлен необходимостью приспособления здания под настоятельскую резиденцию. При восстановлении были воспроизведены поздние наслоения XVIII – XIX вв., не связанные с первоначальным декором в духе узорочья.

Таким образом, рубеж XX – XXI вв. характеризовался общим сложным состоянием архитектурно-реставрационной сферы и практики, на фоне которого проявлялась положительная динамика по преодолению кризиса в отношении к наследию. В настоящее время значителен рост объемов реставрационно-восстановительных работ как в столице, так и в регионах. Существенная доля реставраций объектов культурного наследия Москвы приходится на памятники гражданской архитектуры: городские усадьбы, особняки, доходные дома XIX – начала XX вв. (Главный дом городской усадьбы В.Ф. Колесникова – Саргиных – М.Е. Шапатиной кон. XVIII – нач. XX вв. на Таганской площади, реставрация 2017 г.; усадьба А.П. Сытина кон. XVIII – пер. пол. XIX в. в Сытинском переулке, реставрация 2019 г., ЦНРПМ).

Среди объектов реставрации – крупные общественные здания (Театральное училище имени Б.В. Щукина в Большом Николопесковском переулке), памятники промышленной архитектуры

(ансамбль строений Миусского трамвайного депо на ул. Лесной, ткацкий корпус золотоканительной фабрики Алексеевых XVIII – XIX вв. на ул. Волочаевской). Важнейшее значение имеет реставрация уникальных памятников с декоративной отделкой интерьеров (Павильон «Грот» в усадьбе Кусково XVIII в. с отделкой из раковин моллюсков и перламутра). Комплексные научно-реставрационные работы охватывают крупные историко-архитектурные ансамбли (Петровский путевой дворец, комплекс Донского монастыря; выставочный комплекс ВДНХ). Восстановлено значительное число памятников храмового зодчества (церковь Иоанна Златоуста XVII в. в Рождественском монастыре).

В Санкт-Петербургской реставрации большое значение приобретает проблема ревитализации исторических ансамблей в структуре городского центра (прил. 3, табл. 19). Сложные комплексные работы, представляющие собой вид градостроительной реставрации, включают широкий спектр методов: от реставрации фасадов с расчисткой от поздних диссонирующих элементов до восстановления и развития объемно-пространственной структуры памятников градостроительного искусства, регенерации историко-культурной среды (Апраксин двор с Мариинским рынком (б. Щукиным двором), реставрация и приспособление под современные функции, проект 2015 г., арх. бюро «Студия 44»; Реставрация и реконструкция внутренних корпусов по Перинной линии Большого Гостиного двора, проект 2018 – 2019 гг., арх. бюро «Студия 44»).

Актуальна практика приспособления объектов наследия под современные функции с реставрацией исторического вида и созданием внутреннего многофункционального пространства (Отель в "Доме Форша", проект 2015 г., арх. бюро «Студия 44»). Значительное внимание уделяется реставрации подлинных интерьеров и конструкций зданий, сохранению их исторической аутентичности (Реставрация и приспособление особняка Ю. К. Добберт под нужды Академии танца Б. Эйфмана, проект 2014 г., арх. бюро «Студия 44»).

В Калининградской области на рубеже XX – XXI вв. проводились реставрационно-восстановительные работы на замках (Прейсиш Эйлау (Багратионовск)), сохранившихся усадьбах и их хозяйственных

комплексах (имения Веедерн (Суворовка, Озёрский район), Локенен (Яблочкино)). Имеются примеры консервации и восстановления переданных в религиозное использование кирх (средневековая кирха XIV в. в Гурьевске (Нойхаузен), Зальцбургская кирха в Гусеве (Гумбинен) и др.). В начале 2000-х годов в историческом виде было восстановлено разрушенное здание кирхи в Тимофеево (Sandkirchen), воссоздана из руин кирха в Краснолесье (прил. 3, табл. 20).

В регионах Сибири последнее десятилетие характеризуется как время начала выхода из проблемного периода рубежа XX – XXI вв. (прил. 3, табл. 20). В деятельности по сохранению и приспособлению объектов культурного наследия видны положительные тенденции (Драматический театр имени А.С. Пушкина нач. XX в. в Красноярске, реставрационные работы 2012 – 2016 гг.; Усадьба мещанина Тропина в Красноярске, ремонтно-реставрационные работы 2005 – 2008 гг., 2019 г.). Осуществляются важные шаги в сохранении исторического культурного ландшафта региона и его архитектурной самобытности (Церковь Вознесения нач. XX в. в г. Минусинске, реставрационные работы 2020 – 2021 гг., ООО «Асгард»).

В целом, в реставрационных подходах конца XX – начала XXI вв. выявляется стремление к целостным восстановлением, наиболее полно отражающим облик памятника на определенном этапе его существования. Возвращение памятнику композиционной полноты и традиционного облика рассматривается как превалирующая задача, допускающая относительно достоверную реконструкцию утраченных элементов и стилистически близкие дополнения. Данный принцип нивелировал подходы к реставрации памятников различной типологии (культовых, гражданских, промышленных сооружений) в столичной и региональной архитектурно-реставрационной практике. Современные тенденции в области обеспечения сохранности и эффективного использования объектов культурного наследия направлены на реализацию комплексного подхода на исторических территориях: создание системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников, музейно-туристических комплексов.

Глава IV. Нижегородская архитектурная реставрационная школа в XX – XXI вв.

Анализ деятельности Горьковской специальной научно-реставрационной производственной мастерской (ГСНРПМ)

Работа горьковской реставрационной мастерской, по словам исследователя нижегородской архитектуры профессора, доктора архитектуры О.В. Орельской, составила «золотой» период в развитии нижегородской реставрации» [163].

Следует отметить, что Нижегородская земля обладает колоссальным историко-культурным наследием, поэтому изучение Горьковской реставрационной практики по сохранению памятников архитектуры имеет важнейшее значение для понимания современных проблем реставрации.

В развитии нижегородской реставрации выделено три основных этапа: 1950 – 1960-е гг., 1970 – 1980-е гг., 1990 – 2000-е гг. [252]. Начальный ее этап непосредственно связан с формированием Горьковской специальной научно-реставрационной производственной мастерской, определившей вектор формирования реставрационно-методических подходов и особенностей практики нижегородской реставрационной школы вплоть до начала 1990-х гг.

Образованию Горьковской специальной научно-реставрационной производственной мастерской содействовала программа организации в местах сосредоточения большого количества памятников архитектуры специальных научно-реставрационных производственных мастерских на хозяйственном расчете, разработанная Главным управлением охраны памятников на основе Постановления Совета Министров РСФСР от 30 января 1949 г. Горьковская специальная научно-реставрационная производственная мастерская (ГСНРПМ) сформировалась в 1957 г. на базе реорганизованного Горьковского участка Республиканской специальной научно-реставрационной производственной мастерской, действовавшей с 1949 г. (прил. 4, табл. 21, 22).

Первые работы мастерской проводились под руководством И.В. Трофимова. В период 1957 – 1966 гг. ведущим архитектором мастерской стал С.Л. Агафонов. Руководителем (директором) мастерской в период 1958 – 1978 гг. являлся К.И. Рязанов (инженер-реставратор), в 1978 – 1990 гг. мастерскую возглавлял Н.И. Колчин (инженер-реставратор). Деятельность мастерской включала проектные и производственные реставрационные работы. Штат мастерской насчитывал более 100 сотрудников (в архитектурном секторе состояло 7 специалистов, квалифицированный состав мастеров насчитывал 55 человек). Производственная база мастерской, в определенный период занимавшей корпус келий Печерского монастыря, включала ряд реставрационных подсобных помещений (реставрационную мастерскую, столярный цех и сушилку, кузнечно-сварочный цех, деревообрабатывающий лесопильный цех), что характеризовало ее как развитую комплексную реставрационную организацию. Опыт комплексного изучения архитектурного наследия дал основу для формирования собственных научно-методических принципов и подходов к организации и проведению научно-исследовательских, проектных и производственных работ в отношении различных категорий памятников.

Работы, последовательно включавшие этапы исследовательского и проектно-реставрационного комплекса, как правило, были ориентированы на полную реализацию проектных решений. Однако нередко стадия практической реализации осуществлялась по

прошествии значительного времени, проблемы организации и финансирования затягивали работы, а в отдельных случаях оставляли реставрационные разработки в стадии проекта. Данные работы также имеют важное значение для исследования принципиальных научно-реставрационных подходов, осуществлявшихся мастерской на различных этапах деятельности. Материалы обширных натурных исследований, обмерные чертежи, фотофиксация, рабочая проектная документация по реставрации объектов культурного наследия, осуществлявшейся Горьковской специальной научно-реставрационной производственной мастерской, составляют значительный документальный материал фондов ГУ ГАСДНО, представляющий научный интерес и практическую ценность при проведении последующих реставраций.

Результатом деятельности мастерской стало более 70 восстановленных памятников истории и культуры в г. Горьком и Горьковской области, определивших «золотой» период в развитии нижегородской реставрации [163].

Практика Горьковской специальной научно-реставрационной производственной мастерской 1950 – 1960-х гг. Данный этап стал значимым периодом нижегородской реставрации, характеризующимся включением в ее сферу крупных архитектурных объектов, как правило, союзного значения, относящихся к XVI – XVII вв. Приоритетное положение занимала реставрация Нижегородского кремля, включавшая большой комплекс архитектурных и технических задач. В 1960-е гг. спектр реставрируемых объектов расширился, в него были включены наиболее ценные культовые и гражданские постройки Нижнего Новгорода: Архангельский собор Нижегородского кремля (1631 г.), Рождественская (Строгановская) церковь (кон. XVII – нач. XVIII вв.), Успенская церковь на Ильинской горе (1672 г.), палаты Пушкикова (Дом бургомистра Пушкикова, кон. XVII – нач. XVIII вв.), палаты А.Ф. Олисова (кон. XVII – нач. XVIII вв.) и Чатыгина (кон. XVII – нач. XVIII вв.). В Нижегородской области реставрировались Никольская церковь (1552 г.) и Спасская церковь 1668 г. в Балахне, главный дом усадьбы Пушкиных в Большом Болдине (пер. пол. XIX в.). С данным периодом связано начало исследований и реставрации крупных нижегородских

монастырских комплексов: Благовещенского, Макарьевского монастырей.

Значимый вклад в практику нижегородской реставрации на данном этапе внесли архитекторы С.Л. Агафонов, Е.А. Окишев, В.В. Орельский, В.Д. Пегов, Л.И. Пименов, И.Б. Потапов, В.Я. Чащин, В.А. Широков, инженеры-конструкторы Е. Бойко, Н.Г. Дыньков, В.М. Костомарова, В.В. Раевский, Б.С. Сперанский и другие. К участию в отдельных работах по инженерному укреплению конструкций привлекались московские инженеры и реставраторы.

Важнейшей реставрационной работой ГСНРПМ, положившей начало формированию Горьковской архитектурно-реставрационной школы, стало восстановление Нижегородского Кремля (прил. 4, табл. 21). Реставрационные работы, продолжавшиеся в течение 1949 – 1880-х гг., осуществлялись в три реставрационных периода. До 1956 г. были осуществлены консервационно-реставрационные мероприятия по кремлевским стенам, восстановлены завершающие ярусы с деревянными кровельными покрытиями на Белой, Часовой (воссоздание деревянной «часовой избы»), Северной, Тайницкой башнях. Период дальнейшей активизации реставрационных работ 1958 – 1961 г. был связан с музеефикацией Нижегородского кремля в рамках организации Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника (Распоряжение Совета Министров РСФСР от декабря 1958 г.) В данный период было сформировано целостное видение реставрационных подходов на этапе эскизного проекта реставрации кремля (арх. С.Л. Агафонов).

Задачей третьего этапа 1962 – 1969 гг. стало воссоздание наиболее достоверно обоснованного и приближенного к первоначальным характеристикам архитектурного облика кремля. Проводились раскрытия бойниц и древних проемов, восстановления первоначальных форм зубцов, покрытий стен и башен. Проведено полное воссоздание Борисоглебской башни и прилегающих прясел. Работы осуществлялись с сохранением древних элементов, при восстановлении поврежденных конструкций применялись специальные реставрационные материалы, идентичные подлинным. В силу подвижности грунта реставрационные работы потребовали значительных геолого-укрепительных

мероприятий. Восстановительные работы данного периода были ориентированы на целостную реставрацию первоначального облика. Использовались приемы гипотетических добавлений и элементы воссозданий в части утраченных элементов, восстанавливающих художественно-композиционную целостность древнего памятника оборонного зодчества, в сочетании со стремлением к исторической достоверности и обоснованности реставрационных решений.

Вместе с тем, при исследовании результатов реставрации Нижегородского кремля было выявлено несоответствие отдельных элементов (шатров башен) первоначальному облику, известному по исторической иконографии. Некоторое понижение шатров произошло, вероятно, по причине недостаточного финансирования реставрационных работ. Нереализованные в советский период проектные решения демонстрировали поиски вариантов художественной выразительности в части отдельных башен и их деталей. В работах 2000-х гг. при воссоздании Зачатской башни реставрационные наработки второй половины XX в. были в значительной мере осуществлены.

Основные работы по восстановлению памятников Нижнего Новгорода начались с 1960-х гг., что совпало с периодом подъема в отечественной архитектурной реставрации. Значимый пример реставрационных работ был осуществлен на Архангельском соборе Нижегородского кремля (1631 г.), одном из самых древних храмов Нижнего Новгорода (реставрация 1960 – 1962 гг., арх. С.Л. Агафонов). В ходе археологических раскопок оказались найдены остатки фундамента и полов древнего предшественника собора – храма XIII в., которые были законсервированы и представлены в виде экспозиционных шурфов. Итогом реставрационно-восстановительных мероприятий стало укрепление собора и возвращение ему первоначальной объемной композиции XVII в. (сильно разрушенный и утративший историческую ценность одноэтажный придел 1672 г. был разобран). Сохранившиеся натурные следы послужили основой для восстановления первоначальной формы окон, по аналогии с сохранившимся восстановлен перспективный портал в западном притворе. Выполнено воссоздание древнего черепичного покрытия кровли.

Наряду с воссозданием ряда элементов первоначального вида предпочтение отдавалось сохранению поздних наслоений (завершение колокольни XIII в., поздний портал). Оставлялись те формы, которые нельзя было достоверно заменить более ранними, и при этом, не мешавшие формированию целостного композиционного образа первоначальной постройки [261, с. 542]. В данной работе сложно сочетались тенденции фрагментарной и целостной реставрации с вниманием к разновременным составляющим памятника и, в то же время, с ориентацией на раскрытие первоначальной композиции постройки. Примененные экспозиционные зондажи для демонстрации древних фундаментов развивали перспективную методику аналитической реставрации «с экспозицией», характерную для работ новгородской школы этого времени.

Значимым объектом работ мастерской стала Успенская церковь на Ильинской горе – уникальный и замечательный по своеобразиею памятник русской архитектуры XVII в., известный как единственный в отечественном каменном зодчестве храм с верхом в виде крещатой бочки в четыре лица (реставрация 1965 – 1967 гг., арх. С.Л. Агафонов, Е.А. Окишев). Яркой особенностью декора являлись поливные изразцы. Первоначальный облик храма был изменен в первой половине XIX в. (кровля заменена на восьмискатную, перестроены трапезная и колокольня, позже возведена новая колокольня в ложновизантийских формах и расширен алтарь, утрачены древние декоративные наличники), в XX в. разобраны завершения (луковичные главы и верх колокольни), искажена внутренняя структура. Наличие достоверных данных позволило аналитическим методом восстановить завершение с главами, портал северного входа, карнизы фасадов (восстановлены по сохранившемуся аналогу). Поздние трапезная и основание колокольни, находившиеся в аварийном состоянии, разобраны.

Проект предусматривал элементы консервации (раскрытие и консервация остатков западной стены древней трапезной и первого яруса колокольни внутри помещений позднейшей трапезной). Восстановлена фактура фасадных поверхностей и детали декоративно-художественного убранства (изразцовые вставки, покрытие глав осиновым лемехом). Таким образом, работы демонстрировали тенденции целостной реставрации первоначального облика памятника в рамках аналитического метода при

восстановлении подлинных декоративно-художественных форм с максимальным обоснованием их исторической достоверности (по натурным следам, материалам фотофиксации до разрушения). При этом отмечалось стремление к целостной архитектурной композиции и завершенному облику, к раскрытию древних частей зданий от поздних пристроек [323].

К моменту начала реставрационных работ на Рождественской (Строгановской) церкви – выдающемся памятнике «нарышкинского барокко» конца XVII – начала XVIII вв., ее состояние внушало серьезные опасения (реставрация 1960 – 1964 гг., рук. С.Л. Агафонов, арх. В.Я. Чашин). Наблюдалось интенсивное разрушение уникального белокаменного декора, многочисленные трещины, ранняя реставрация в значительной мере искажала первоначальный облик колокольни и фасадов памятника. Для реставрации белокаменного декора был разработан специальный способ казеиновой расчистки, показавший эффективный результат при раскрытии поверхности камня от наслоений. Однако применить его в полной мере, как и восстановить подлинную орнаментальную фасадную роспись, не удалось.

В ходе реставрационных мероприятий были проведены работы по замене кровли над трапезной, чешуйчатого покрытия глав. Восстановлены утраченные детали и завершающие элементы, первоначальный интерьер трапезной (воссозданы распалубки свода, белокаменные картуши, раскрыты заложенные проемы). В силу влияния конъюнктурных условий целостная реставрация, ориентированная на максимальное приближение облика памятника к первоначальному, не была осуществлена в полной мере, хотя авторы проекта высказывались в ее пользу [228]. Проведенные мероприятия можно отнести к категории реставрационно-консервационных работ (фрагментарная реставрация) [287].

Подобный характер консервационно-реставрационных работ был применен при восстановлении облика церкви Смоленской иконы Божией Матери в Гордеевке – памятника конца XVII в. с уникальным белокаменным декором (1964– 1967 гг., арх. С. Л. Агафонов, В. Я. Чашин). Были проведены работы по реставрации кирпичных стен, укреплению белокаменных деталей парапетов на восточном и северном фасадах, восстановлению утраченных деталей оконных наличников и венчающего

карниза. Ввиду отсутствия белого камня белокаменные детали отливались из белого цемента с установкой на известковом растворе. Утраченные элементы восстанавливались по шаблонам-подлинникам. Выполнена реставрация черепицы на малых главах церкви и колокольне из цементного раствора, покрыта металлом центральная глава, проведен ремонт кованых крестов [106].

Большое значение в работе мастерской имело восстановление памятников древнерусского каменного зодчества XVII – начала XVIII вв. Палаты А.Ф. Олисова в Крутом переулке – редкий образец древнерусской гражданской архитектуры с выразительным кирпичным декором, характерным для построек конца XVII – начала XVIII вв. Первоначальная квадратная в плане жилая часть дома с подклетом имела поздние добавления в виде каменного и деревянного двухэтажных пристроев, перекрывались поздними двускатными кровлями. К моменту начала реставрационных работ памятник, разделенный на квартиры и использовавшийся под жилье, находился в аварийном состоянии. На первом этапе реставрации (1960 – 1972 гг., арх. С.Л. Агафонов, В.А. Широков, Л.И. Пименов, инж. Е. Бойко) было осуществлено детальное исследование памятника с выявлением подлинных элементов, проведено раскрытие от поздних, искаживших его исторический облик, наслоений. Проведены мероприятия консервации (отбивка поздней штукатурки, выявление трещин, перекладка аварийных участков стен и сводов). Осуществлена реставрация оконных проемов и кирпичного архитектурно-художественного декора [313].

Первый этап реставрационно-восстановительных работ был проведен на древних палатах Чатыгина конца XVII – начала XVIII вв. (реставрация 1960 – 1961 гг., арх. С.Л. Агафонов, Е.А. Окишев, инж. Н.Г. Дыньков). В результате раннего проекта реконструкции (1890 г., арх. Н.П. Иванов) облик памятника был стилизован под древнерусскую каменную постройку. На месте деревянной галереи был возведен пристрой с чугунной лестницей, выстроена лестничная клетка с каменным крыльцом в подражание формам русских парадных крылец XVII века, искажившая характер памятника. Заменен древний кирпичный декор, растесаны и прорублены вновь проемы, стены

усилены контрфорсами. К началу первого этапа ремонтно-восстановительных работ здание достигло аварийного состояния. В 1960 – 1961 гг. были восстановлены связи, удален поздний декор, разобраны контрфорсы, проведена реставрация северного фасада. Мероприятия первого этапа можно охарактеризовать как инженерно-укрепительные работы с фрагментарной реставрацией [312].

В 1960-е гг. ГСНРПМ были проведены работы по консервации с элементами фрагментарной реставрации Архиерейских палат XVII – XVIII вв. в ансамбле Нижегородского Печерского Вознесенского монастыря. Памятник со сложной строительной историей, искаженный пожарами и ремонтами, имел значительные утраты первоначальных частей и поздних наслоений (утрачены первоначальный верхний деревянный этаж с обходной галереей и заменившая его каменная надстройка, пристрой XIX в., искажена историческая внутренняя структура). В ходе восстановительных работ мастерской (1963 – 1964 гг., арх. В.Я. Чашин, инж. Н.Г. Дыньков, Б.С. Сперанский) были произведены раскрытия сохранившихся конструкций, выполнены мероприятия по инженерной реставрации (устройство монолитного железобетонного перекрытия между подклетом и первым этажом, вычинка фасадов), проведена реставрация оконных проемов и рамочных наличников с килевидными кокошниками. Один из проектных вариантов подразумевал воссоздание архитектурного облика памятника на XVII в. с верхним этажом и деревянной обходной галереей, шатровой крышей с полками, с каменным крыльцом южного фасада. На этапе работ 1960-х гг. данный вариант не был осуществлен [306, 307, 308].

Восстановление палат Пушникова (Дом бургомистра Пушникова) конца XVII – начала XVIII вв. проводилось как минимум в два этапа. Памятник, состоящий из двух разновременных двухэтажных кирпичных объемов конца XVII в. и начала XVIII в., в процессе строительной истории подвергался неоднократным переделкам и ремонтам. К моменту реставрации были утрачены первоначальные крыльца-всходы, верхний деревянный жилой этаж, кровли, детали внутреннего убранства, нарушена планировочная структура здания. Формирование реставрационных подходов было отражено в двух

проектных вариантах (архитекторов В.Я. Чашина (1966 г.), Л.И. Пименова, А.А. Захарычевой (1972 г.)). В результате реставрационных работ (1960 – 1970-е гг., арх. С.Л. Агафонов, В.Я. Чашин, Л.И. Пименов) было восстановлено местоположение и габариты древних окон, выполнена реставрация архитектурного декора, воссозданы крутые четырехскатные кровли с коньками и полицами, деревянные крытые крыльца на резных столбах, светелки с бочкообразным покрытием, врезанные в кровлю. Реставрационный метод можно отнести к категории синтетической реставрации, при которой совмещается аналитический и художественно-стилистический подходы. Работы, проведенные в духе целостной реставрации на оптимальную дату, характеризуют переход ко второму периоду нижегородской реставрации [314].

В 1950-х – 1960-х гг. в спектр реставрационной деятельности мастерской вошли крупные памятники архитектуры Нижегородской области.

Никольская церковь Покровского монастыря (1552 г.) в г. Балахне – шатровый одноглавый храм по типу восьмерик на четверике на высоком подклете, с трехапсидным алтарем и каменным притвором, с крыльцом по оси западного фасада. Памятник имел ряд утрат и поздних перестроек: первоначальная звонница на северо-восточном углу четверика утрачена, окружавшая его деревянная галерея разобрана в XVIII в., порталы превращены в окна, пробиты новые оконные проемы, над карнизом надстроены ложные кокошники, устроен западный притвор и отдельно стоящая шатровая колокольня. Укрепительно-реставрационные работы мастерской предусматривали приведение облика Никольской церкви к наиболее раннему периоду (реставрация 1958 – 1963 гг.; арх. С.Л. Агафонов, Е.А. Окишев, инж. В.В. Раевский).

Реставрационные работы включали три основных задачи: восстановление древней формы покрытия перехода от четверика к восьмерику, разборку поздней западной паперти, восстановление деревянной галереи-гульбища и наружных лестниц для обеспечения подхода к первоначальным порталам церкви. При реставрации была разобрана поздняя парапетная стенка четверика с закомарами-кокошниками, вследствие чего раскрылась нижняя часть восьмерика, по периметру четверика воссоздан деревянный резной подзор. Каменное

крыльцо с лестницей, ведущее к паперти, подлежало сохранению и включению в объем гульбища. Восстановлены формы проемов входных порталов и первоначальных окон. Реставрировано покрытие шатров поливной черепицей. Характерно введение новых материалов: в рамках инженерного укрепления памятника в интерьере под шатер была подведена тонкая железобетонная оболочка.

Некоторые из мероприятий проекта реставрации не удалось осуществить (не были восстановлены деревянная галерея с наружными лестницами, первоначальная звонница). Участок в районе алтарной стены оставлен в законсервированном виде, что не дало возможности восстановить эту часть сооружения [82]. Таким образом, осуществленные работы были ориентированы на целостную реставрацию памятника на первоначальный период с раскрытием его от поздних наслоений, проведенную в рамках аналитического метода [328].

Спасская (Никитская) церковь (1668 г.) в г. Балахне, первоначально представлявшая собой каменный пятиглавый храм с трапезной и трехапсидной алтарной частью, в начале XVIII в. приобрела объемно-пространственную композицию типа «корабль» за счет пристройки западной трехъярусной колокольни с высоким каменным шатром. К началу XX в. облик церкви претерпел изменения: южный портал церкви был заложен и превращен в окно, окна трапезной и малые окна растесаны, арочные оконные проемы получили прямоугольную форму. Килевидные завершения двух ярусов кокошников на своде церкви оказались сбиты. Ремонтные работы начала XX в. предусматривали подведение контрфорса к цоколю алтаря для защиты от подмыва основания церкви, зачеканку трещин, замену покрытия, изменение формы глав. Облик церкви к началу реставрационных работ был искажен, а техническое состояние достигло аварийного.

В программу реставрационных работ включалось производство неотложных мероприятий для предохранения памятника от разрушения и подготовка к развернутой реставрации (1957 – 1959 гг.; арх. С.Л. Агафонов, В.В. Орельский). В результате реставрационных работ был восстановлен цоколь, произведены вычинки и закладки разрушенных участков сводов и стен. Восстановлена центральная глава и завершения, воссозданы кокошники. В местах древних деревянных связей установлены

железобетонные стяжки, охватывающие сплошным кольцом стены здания. По натурным следам и аналогиям восстановлены изначальные формы и размеры проемов, выполнена реставрация входных порталов. Таким образом, проведенные работы характеризовались как целостная реставрация на оптимальную дату (начало XVIII в.) на основе аналитического метода. Применен принцип инженерного укрепления с включением новых материалов в местах разрушений [286, 329].

Крупные реставрационные работы мастерской начала 1960-х гг. были связаны с восстановлением построек мемориальной усадьбы А.С. Пушкина в селе Большое Болдино, объявленной в 1945 г. государственным заповедником.

В ходе обследования деревянного усадебного Господского дома были установлены основные строительные периоды, выделена одноэтажная с центральным мезонином первоначальная часть дома первой половины XIX в. с возможностью достоверного восстановления ее внутренней планировки. Существенные трудности вызвало определение первоначальной основы композиции фасадов, имевших поздние наслоения различных периодов. В качестве типологических аналогов для реставрации были привлечены деревянные жилые городские дома Горьковской области и литературные описания данного типа построек первой четверти XIX в. Детализировка фасадов выполнена с известной степенью схематичности. За оптимальную дату реставрации фасадов главного усадебного дома принят период 1830 – 1840 гг., наиболее приближенный ко времени пребывания в Болдино А.С. Пушкина. В рамках осуществленных работ проведена целостная реставрация (на оптимальную дату) с восстановлением внутренней планировки старой части дома, объемно-пространственной композиции, первоначальных форм архитектурного декора фасадов (1960 – 1961 гг., арх. С.Л. Агафонов, И.Б. Потапов). Поздний одноэтажный корпус, примыкавший с запада к старой части дома, сохранен. Позднейшие пристройки демонтированы [346].

Успенская церковь в с. Большое Болдино (1789 – 1799 гг.) – неотъемлемый элемент усадьбы, ставший достоверным памятником пушкинского времени. Представляет собой сооружение, вытянутое по оси запад-восток «кораблем», включающее высокий ярусный храм типа «восьмерик на четверике», завершенный куполом с фигурной главой, и

колокольню со скругленными гранями ярусов. К моменту проведения реставрационных работ здание церкви сохранялось лишь в виде части нижнего яруса (около 40% основного объема): элементы фасадов, завершения храма и колокольни были утрачены. Проектом предполагалась фрагментарная реставрация сохранившейся части здания в существующих габаритах без полного воссоздания завершений и прежнего исторического архитектурного облика (реконструкция 1961 – 1962 гг.; арх. С.Л. Агафонов, В.Я. Чащин). В рамках модернизации здание предполагалось приспособить под новое функциональное использование в виде библиотеки [321].

Рассматриваемый период отмечен началом крупных реставрационно-восстановительных работ в Макарьевском Желтоводском монастыре (1957 – 1980 гг.; арх. Агафонов С.Л., Окишев Е.А., Широков В. А., Чащин В.Я) – едином архитектурном ансамбле XVII в., представляющем собой мощную крепость регулярной планировки [294]. К середине XX в. лишь одна из четырех угловых башен находилась в исправном состоянии, стены имели многочисленные трещины осадочного происхождения. Состояние надвратной церкви Михаила Архангела угрожало полным разрушением [39].

Серьезные восстановительные работы начались с конца 1940-х гг. и были связаны с ремонтом каменного откоса. Непосредственно реставрационные работы на комплексе, начавшиеся в 1957 г., продолжались свыше двадцати пяти лет. Первоочередные реставрационно-консервационные работы 1958 г. на ансамбле были связаны с ликвидацией аварийного состояния объектов, проводилось изучение технического состояния и основные натурные исследования. Надвратная церковь в результате пожара имела повреждения и разрушения кирпичной кладки стен, карнизов, аркатурных поясов барабанов, сводов, покрытий апсиды, переходной галереи и свода основного объема. Отсутствие покрытия являлось основной причиной разрушения верхних частей кирпичной кладки. В результате реставрационных работ был восстановлен венчающий карниз, вычинены своды алтаря, переходной галереи и основного объема церкви (реставрация 1960 – 1965 гг., арх. С.Л. Агафонов, Е.А. Окишев). Восстановлены утраченные части кокошников, срубленные детали выступающих профилированных частей и аркатурных поясов барабанов.

Над основным объемом, алтарем и переходной галереей восстановлены кровельные завершения.

В целом, многие работы мастерской на данном этапе носили характер инженерно-укрепительных мероприятий (консервации) с фрагментарной реставрацией, что связывалось с недостатком условий для проведения полноценных реставрационных работ. Ориентация на целостную реставрацию первоначального облика памятников, как правило, осуществлялась в рамках аналитического метода с максимальным обоснованием (по натурным следам, материалам фотофиксации до разрушения), при этом отмечалось стремление к раскрытию древних частей зданий от поздних пристроек (Успенская церковь XVII в. на Ильинской горе).

Характерной чертой стало сложное сочетание тенденций фрагментарной и целостной реставрации с вниманием к сохранению значимых разновременных частей памятника. В то же время, отмечалась ориентация на раскрытие первоначальной объемно-пространственной композиции (Архангельский собор Нижегородского Кремля). Элементы гипотетических добавлений и воссозданий, восстанавливающих художественно-композиционную целостность памятника, применялись, в основном, при реставрации древнейших объектов (Ансамбль Нижегородского Кремля). Идеи воссозданий на оптимальную дату методом стилистических аналогий не всегда оказывались реализованными, оставаясь в проектах, и осуществлялись уже в более поздний период (Архиерейские палаты ансамбля Печерского монастыря (XVII – XVIII вв.) [244]. Развивалась практика применения новых материалов в рамках инженерного укрепления памятника (Никольская церковь в Балахне).

Основной спектр работ по сохранению наследия на данном этапе включал раскрытие, консервацию (инженерную реставрацию), ремонтно-реставрационные работы, реставрацию. Отдельные работы представляли собой реконструкцию с приспособлением для новых функций, в ограниченном объеме применялось частичное воссоздание объектов. Мероприятия по сохранению памятников, как правило, были ориентированы на функциональное использование в качестве музеефицированных объектов. В связи с этим, восстановительные работы предполагали реставрацию внешнего архитектурного облика памятника и

его конструктивных особенностей, не затрагивая проблему восстановления внутренней структуры и интерьеров (прил. 4, табл. 21, 22).

Практика Горьковской специальной научно-реставрационной производственной мастерской 1970 – 1980-х гг. Второй этап развития нижегородской реставрации характеризовался расширением спектра реставрационно-восстановительных работ, включением большего числа объектов XVIII – XIX вв. в Нижнем Новгороде и Нижегородской области. Проводились отдельные работы по реставрации стен и башен Нижегородского Кремля. Завершились циклы реставрационных работ на древнейших памятниках гражданского зодчества конца XVII – начала XVIII вв., начатые в предыдущий период деятельности мастерской (Дом бургомистра Пушникова, палаты А.Ф. Олисова, палаты Чатыгина).

В спектр реставрируемых объектов Нижнего Новгорода вошли памятники культовой и гражданской архитектуры XVIII – XIX вв. (Петропавловская церковь, Собор Александра Невского на Стрелке, Нижегородский острог). Проводились работы по восстановлению памятников в комплексе как единых архитектурно-градостроительных ансамблей (крупные монастырские ансамбли Печерского, Благовещенского и Макарьевского монастырей XVII в.). В Макарьевском монастыре были проведены работы по реставрации стен с башнями и келий, Троицкого собора, Успенской трапезной церкви с колокольней. В Благовещенском монастыре реставрация коснулась Благовещенского собора, Успенской трапезной церкви, Сергиевской церкви, корпуса келий. В Печерском монастыре были отреставрированы церковь Евфимия Суздальского, Вознесенский собор, кельи и больничная церковь (прил. 4, табл. 23, 24).

С 1980-х гг. отмечалось некоторое сокращение масштабов реставрационных работ на объектах города и увеличение объемов работ в области. Значимыми объектами реставрации стали областные памятники культовой архитектуры XVIII – XIX вв.: церковь Богоявления Никольского монастыря, Ильинская церковь, Рождественская церковь в городе Арзамасе, Вознесенская церковь в городе Лысково, архитектурный ансамбль церквей в селе Николо-Погост Городецкого района, Троицкая церковь в Балахне.

Существенное направление в исследуемый период составили работы по восстановлению памятников деревянной архитектуры.

Продолжались работы по восстановлению деревянных построек XIX в. мемориального усадебного комплекса в селе Большое Болдино. В усадьбе деревни Львовка Большеболдинского района были проведены работы по реставрации Барского дома А.А. Пушкина [345, 346] и церковно-приходской школы (XIX в.). Важнейший этап нижегородской реставрации 1970-х – 1980-х гг. был связан с формированием музея деревянного зодчества на территории Щелоковского хутора, развивавшего отечественную скансенологическую практику создания музеев под открытым небом.

Вклад в практику нижегородской реставрации 1970 – 1980 гг. внесли архитекторы И.С. Агафонова, В.М. Кагоров, Е.Л. Кармазина, А.И. Курлин, В.А. Лапин, Е.А. Окишев, Л.И. Пименов, З.Г. Погодина, Ю.Г. Самойлов, С.Н. Столяренко, О.Е. Сундиева, Н.Н. Фролова, В.Я. Чащин, В.А. Широков; инженеры-реставраторы В.П. Вир, С.Я. Дрейбанд, Н.И. Колчин, К.В. Савинов, Е.С. Симонов и другие.

При реставрации Нижегородского Кремля применялись методы воссоздания значительных по масштабам архитектурных объемов, не характерных для работ предшествующего периода: воссоздание Борисоглебской башни (1972 г., арх. С.Л. Агафонов, Л.И. Пименов), прясла между Борисоглебской и Зачатской башнями (1972 г. (арх. С.Л. Агафонов). Проводилось приспособление Часовой башни под функциональное использование (1979 г., арх. С.Л. Агафонов, С.Н. Столяренко).

К периоду 1970-х гг. относится окончание реставрационных работ на памятниках древнерусского гражданского зодчества XVII – XVIII вв., развивавших синтетический метод в воссоздании утраченных частей, основанный на синтезе научного анализа и художественного творчества.

Второй этап реставрационных работ на палатах Чатыгина (Домик Петра I) был связан с восстановлением кирпичного декора (наличники, лопатки, карнизы) по сохранившимся натурным следам, устройством тесовой кровли по образцу наиболее распространенного типа кровли каменных посадских зданий XVII в. в виде палатки – крутой четырехскатной крыши с коньком и полницами (1972 – 1974 гг., арх. В.А. Лапин). Основной позднейший акцент здания – западный пристрой с крыльцом – при реставрации был сохранен как «веха в истории

существования памятника архитектуры», и, главным образом, в силу отсутствия достоверных данных о подлинных формах пристроя и лестницы. Комплекс работ второго этапа сочетал тенденции целостного и фрагментарного подходов, внимание к разновременным составляющим памятника, стремление к целостному композиционному образу и, вместе с тем, исторической достоверности. Отмечалось взаимодействие аналитического (восстановление архитектурного декора по натурным следам) и стилистического (воссоздание кровли по типовым образцам) методов, что характерно для синтетической реставрации. Работа характеризовалась стремлением к минимизации объемов реставрационных вмешательств в силу ограниченных финансовых возможностей.

В 1970-х гг. был осуществлен второй реставрационный цикл работ на палатах А.Ф. Олисова в Крутом переулке, связанный с поиском образного решения памятника (1976 – 1984 гг., арх. С.Л. Агафонов, В.А. Широков, Л.И. Пименов, инж. Е. Бойко). Проведены исследования по определению цветового решения архитектурных деталей (наличников, дверных порталов). При реставрации применен элемент стилизации, заключавшийся в воссоздании каменного западного крыльца на массивных столбах с деревянным всходом и завершением в виде бочки в древнерусском стиле (в другом варианте эскизного предложения крыльцо имело башнеобразное шатровое завершение и каменный всход). Восстановлены завершения – высокие тесовые двускатные кровли с полицами и дымниками. Сочетание примененных аналитического (восстановление архитектурно-художественного декора по натурным следам) и стилистического (воссоздание крыльца и кровли) методов приближает проведенные работы к синтетической реставрации.

Значительные работы 1970-х гг. были связаны с восстановлением комплекса Вознесенского Печерского монастыря в Нижнем Новгороде, в своей основе сформировавшегося как архитектурный ансамбль каменных культовых и жилых построек XVII в. Первоначальный облик строений монастыря в значительной степени был искажен поздними перестройками и утратами. В результате восстановления основных культовых и жилых построек, а также монастырских стен, ворот и башен, древнему ансамблю

был возвращен завершённый архитектурный облик и важнейшее градостроительное значение.

В 1972 – 1974 гг. комплекс реставрационных работ был проведен на Надвратной церкви Евфимия Суздальского (1645 г.) – шатровом храме типа «восьмерик на четверике», имевшем значительное сходство по композиции и отдельным деталям с Архангельским собором Нижегородского кремля (арх. Л.И. Пименов). Не позднее XVIII в. был выполнен пристрой к притвору, впоследствии они объединились общей кровлей и стали выглядеть цельным двухэтажным зданием, примыкавшим к церкви с юга. Поздние изменения исказили первоначальный облик памятника (появились деревянные пристройки, растесанные окна, позакомарное покрытие заменено скатным, полукруглые закомары в вершинах срезаны).

В процессе реставрационных работ по натурным следам были восстановлены характер кровли по кокошникам восьмерика и закомарам четверика, силуэт кровли на алтаре и притворе, изначальные формы окон, древняя иконница западного фасада. Выполнено раскрытие фасадов церкви посредством разборки поздних не имеющих художественной ценности пристроек. Проведено восстановление восточного притвора и арочного свода над проездом, крыльца, первоначальной кирпичной лестницы. Глава и крест реконструированы по аналогии с завершением Архангельского собора. Проведенная целостная реставрация была ориентирована на восстановление первоначального облика и пространственной композиции памятника с раскрытием его от поздних не имеющих архитектурной ценности наслоений [304, 305].

Были начаты реставрационно-восстановительные работы на Келейном корпусе XVII в. – двухэтажном протяженном здании, частично сохранявшем изначальные формы и имевшем ценные в архитектурном отношении поздние наслоения XVIII в. При восстановлении корпуса с целью сохранения интересных наслоений был принят вариант восстановления второго этажа в формах XVIII в. Данный подход можно отнести к принципам компромиссной реставрации многослойных памятников с демонстрацией на фасадах разновременных форм, впервые сформулированным и примененным в новгородской реставрационной практике (Церковь Иоанна Предтечи на Опоках в Новгороде) [265, с. 117 – 119].

Дальнейшие реставрационно-восстановительные работы были проведены на главном сооружении монастыря – пятиглавом Вознесенском соборе XVII в. (1975 – 1978 гг., арх. Л. И. Пименов, В.А. Широков). Четырехстолпный трехапсидный собор на подклете с папертью первоначально завершался пятиглавием, опирающимся на позакомарное покрытие основного объема. Входы обрамлялись перспективными порталами, на уровне перекрытия подклета находилась открытая галерея-гульбище (впоследствии утраченная). К моменту проведения работ позакомарное завершение кровли собора было заменено на скатное, поапсидное покрытие также изменено.

В результате проведенной аналитической реставрации памятника был частично восстановлен первоначальный облик храма: планировка с двумя входами с северной галереи, форма и габариты исторических оконных проемов, выполнена закладка поздних проемов. Восстановлено покрытие по полуциркульным закомарам и посводное покрытие алтарных апсид. Реставрированы древние порталы, декор барабанов. Восстановлена историческая полихромная окраска отдельных деталей фасадов. При реставрации были удалены поздние пристройки: разобраны крыльца (западное крыльцо XIX в. полностью, южные крыльца XVIII и XIX вв. – частично). Работы ориентировались на целостную реставрацию архитектурного облика памятника [300, 301].

Проведены инженерно-укрепительные и реставрационно-восстановительные работы на монастырской колокольне – памятнике XVII – XVIII вв. с поэтапной строительной историей (1978 – 1979 гг., арх. Л.И. Пименов, В.А. Широков, инж. Н. И. Колчин) [302, 303].

Значительные противоаварийные и реставрационно-восстановительные мероприятия были проведены на Благовещенском соборе Благовещенского монастыря (1980 – 1981 гг., арх. В.А. Широков). К началу реставрационных работ собор находился в аварийном состоянии, отчасти связанном с разрушениями, причиненными смерчем 1974 г. (значительные трещины, крен барабанов, разрушения кирпичной кладки). В результате конструктивного укрепления памятника с помощью устройства железобетонного пояса по верху стен («Союзреставрация», инж. В. Гончаров) был предотвращен дальнейший наклон и обрушение малых барабанов, что позволило отказаться от их выпрямления. В соответствии с

проектом реставрации были удалены поздние пристройки XIX – XX вв., раскрыты заложенные арочные проемы галереи, восстановлены первоначальные и заложены поздние оконные проемы. Выполнена реставрация входных порталов и тесаных наличников с килевидными завершениями. Поздние наслоения были сохранены (за исключением не имеющих художественной ценности). Работы, характеризующиеся как целостная реставрация, проведены в рамках аналитического метода [316].

Каменный жилой северо-восточный корпус Благовещенского монастыря, расположенный на краю оползневой террасы склона правого берега реки Оки, был выстроен в конце XVII в. (не позднее первой четверти XVIII в.). Сохранилась лишь западная часть первоначального объема здания, его восточная часть была утрачена в начале XIX в. Северо-восточный корпус искажился поздними переделками: фасады получили отделку цементной штукатуркой, окна растесаны, сводчатые перекрытия утрачены, здание приобрело многочисленные деревянные пристройки в результате приспособления под жилые квартиры.

В процессе реставрационных работ на памятнике (1978 – 1983 гг., арх. Л.И. Пименов, В.А. Широков) было проведено раскрытие первого этажа (подклета) от нарастания культурного слоя, восстановлены внутренние каменные своды обоих этажей, восстановлены оконные проемы с боковыми полуколонками и килевидными завершениями. Ряд утраченных элементов (деревянное крыльцо на резных столбах, карниз) были воссозданы методом стилистических аналогий. Здание приобрело характерное завершение в виде высокой тесовой кровли с полницами. В результате проведения реставрационных работ сохранившаяся часть корпуса приобрела близкий к первоначальному архитектурно-художественный облик. Выполненные работы носили характер консервации с элементами стилистической реставрации. Проведенные в ходе первой реставрации научные изыскания дали основание для поднятия вопроса о дальнейшем воссоздании утраченной части северо-восточного корпуса.

Рассматриваемый период характеризовался началом научно-исследовательских и проектно-реставрационных работ по восстановлению собора Александра Невского на Стрелке XIX в. с воссозданием шатров (1983 - 1984 гг.; арх. И.С. Агафонова, О.Е. Сундиева) [333], реставрации и

приспособлению под музейную экспозицию здания Нижегородского острога (1981 – 1983 гг.; арх. В.А. Широков).

Активизировались реставрационные работы на каменных памятниках культового зодчества Нижегородской области.

Церковь Рождества Христова в г. Арзамас – памятник, относящийся к интереснейшим образцам начального периода поисков национального своеобразия в русской архитектуре середины XIX в. (автор К.А. Тон). Основой композиции храма являлся массивный прямоугольный в плане объем, разделенный на нефы с пощипцовым покрытием и завершенный шатровым пятиглавием. К моменту начала реставрационных работ здание церкви сохраняло около 70 % первоначального объема: шатры и барабаны завершений были утрачены, кровля разрушена. Архитектурный облик сохранившейся части оказался искажен поздними пристройками, внутреннее пространство разделено перекрытием.

Реставрационные работы на памятнике проводились в рамках его приспособления под реставрационные мастерские (1983 г., 1986 г.; арх. С.Л. Агафонов, С.Н. Столяренко). Материалы исследований позволили воссоздать облик утраченных частей и отреставрировать сохранившиеся части с достаточной достоверностью. Была проведена консервация сохранившихся каменных конструкций (подлинных стен, сводов), устройство новой кровли, реставрация фасадов. Эскизный проект воссоздания шатровых завершений стал основой для их дальнейшего восстановления в рамках ремонтно-восстановительных работ 1999 – 2009 гг. [225, 327].

Церковь Богоявления XIX в. в г. Арзамас отличается редким объемно-планировочным решением и занимает важное градостроительное местоположение в застройке исторической части города. Поставленное на массивный нижний ярус подклета здание с четырех сторон окружалось ризалитами, решенными с южной и северной сторон в виде четырехколонных портиков, и завершалось цилиндрической ротондой с переломленным куполом крыши. К середине XX в. в связи с изменением использования и ремонтами первоначальный облик церкви был нарушен: утрачена ротонда,

внутренне пространство разделено перекрытием. Архитектурный декор фасадов имел около 60% утрат.

В рамках проведенных предварительных реставрационных работ (1984 – 1985 гг.; арх. С.Л. Агафонов, В.М. Кагоров) в проектом предложении с высокой степенью точности был воссоздан облик утраченного завершения в виде ротонды, была восстановлена симметрично-осевая объемно пространственная композиция (поздние не имевшие ценности пристройки удалены). Восстановлена первоначальная форма оконных проемов и переплетов, реставрирован архитектурный декор [326]. К настоящему времени на памятнике проведена целостная реставрация.

Вознесенская церковь конца XVIII – начала XIX вв. в г. Лысково, возведенная на средства князя Г.А. Грузинского, отличалась особой градостроительной значимостью. Она была задумана как композиционный центр архитектурного ансамбля, ставшего крупным пространственным ядром урегулированной части города. Архитектурный облик церкви, характерный для культовых сооружений периода позднего русского классицизма, формировался центрическим крестообразным в плане объемом, увенчанным большим центральным и четырьмя малыми угловыми световыми барабанами с купольными завершениями. Здание сохраняло конструктивную основу и декор в первоначальном виде, не претерпев существенных перестроек. К началу реставрационных мероприятий (реставрация 1981 – 1984 гг.; арх. Столяренко С.Н., В.М. Кагоров, инж. Симонов Е.С) было зафиксировано аварийное состояние памятника, вызванное значительными деформациями северного и южного портиков. Архитектурный декор имел сильные разрушения.

Проектное предложение основывалось на целостной реставрации первоначального облика памятника. Была выполнена реставрация архитектурно-художественного декора (штукатурных тяг, лепного венчающего карниза, фронтонов, колонн, капителей), часть деталей восстановлена по сохранившимся образцам. Утраченные кресты глав воссозданы по фотоснимкам М.П. Дмитриева кон. XIX – нач. XX вв. Для устранения аварийного состояния в портиках северного и южного фасадов были заложены конструктивные усиления в виде рандбалки по

карнизу. В интерьере церкви восстановлен лепной декор сводов [330]. На данном этапе полный объем разработанных реставрационных работ осуществить не удалось, они были продолжены в дальнейшем [81].

Также объектом реставрации стал Колокольный корпус (к. XVIII – н. XIX вв.) – один из четырех угловых корпусов ансамбля Вознесенской церкви в г. Лысково. Г-образный в плане одноэтажный объем, дополненный аркадой, завершен цилиндрической башней с куполом и ярусом звона. Здание пережило несколько строительных периодов, связанных с перестройкой и приспособлением торгового корпуса под колокольню со строительством башни-колокольни в 1829 г., перестройкой открытых галерей и закрытием пролетов арок в середине XIX в., перестройкой торгового помещения в северной части корпуса. К моменту реставрационных работ было зафиксировано аварийное состояние памятника, вызвавшее необходимость его конструктивного укрепления и восстановления утраченных деталей.

Проект предусматривал целостную реставрацию памятника на оптимальную дату – середину XIX в., когда он был приспособлен под колокольню (реставрация 1982 – 1988 гг.; арх. С.Н. Столяренко). Концепция проекта основывалась на понимании роли памятника в общем решении ансамбля. Предусматривалось восстановление деформированных стен на новых фундаментах, арочные проемы реставрировались с сохранением закладок середины XIX в. Проектом предусматривалась разборка пристроев и поздних закладок, противоречивших историческому облику памятника. Завершение башни с деревянным шпилем и крестом воссоздавалось методом графопостроения на основе архивного чертежа и исторического фотоснимка. Здание колокольного корпуса предполагалось к приспособлению под торговые помещения.

Спасо-Преображенский собор XVIII в. в г. Лысково представляет собой каменный пятиглавый трехапсидный храм с трапезной и приделом, пристроенным к ее северной стене. Центральный кубический объем завершался ярусом закомар. Оформление окон первого и второго было различным в силу его разновременности. С запада к собору была пристроена каменная поздняя паперть XIX в. в классицистическом стиле с портиком римско-дорического ордера, ко

времени начала реставрационных работ пришедшая в неудовлетворительное состояние. Отдельно стоявшая колокольня была разобрана в середине XX в. Состояние трапезной и придела требовало проведения противоаварийных работ.

Проект предусматривал целостную реставрацию архитектурного облика памятника (реставрация 1976 – 1982 гг.; арх. Широков В.А). Предполагалась реставрация фасадов: наличников с полуколоннами, декора в виде «петушиных гребешков» в завершениях наличников и карнизе. Элементы фасадов восстанавливались по натурным остаткам. В соответствии с проектом был выполнен демонтаж не характерной для памятника поздней паперти, искажавшей облик здания. Реставрационные работы имели продолжение в более позднее время [331].

Церковь Владимирской Божьей Матери (втор. пол. XVIII в.) входит в храмовый ансамбль села Николо-Погост Городецкого района, расположенного у кромки террасы над Волгой. Церковь представляет интерес как образец каменного сельского храма с деталями, получившими своеобразную провинциальную трактовку в духе барокко. Прямоугольная в плане церковь с трапезной, граненой алтарной апсидой и притвором, завершена пятью широко поставленными глухими декоративными главами. На момент проведения реставрационных работ состояние памятника оценивалось как удовлетворительное, наблюдался износ внешних элементов. Центральный барабан утратил архитектурную детализацию, возможно вследствие ранних ремонтных работ.

Проект реставрации церкви выполнялся коллективом мастерской, к этому времени реорганизованной в объединение «Росреставрация» (реставрация 1984-1990 гг., арх. С.Л. Агафонов, В.А. Широков, Н.И. Курлин). Проектом предусматривалось понижение отметки конька трапезной (частично закрывавшего венчающий пояс из кокошников на западном фасаде храма), притвора. Запроектировано входное крыльцо на сдвоенных колоннах в классицистическом духе, восстановлен декор, возвращен исторический характер заполнения оконных и дверных проемов. Целостная реставрация осуществлена на основании натурных следов и стилистических аналогов (работы реализованы частично).

В период 1970-х – 1980-х гг. продолжались работы по комплексной реставрации, укреплению и консервации объектов ансамбля Макарьевского Желтоводского монастыря (1957 – 1980 гг.; арх. Агафонов С.Л., Окишев Е.А., Широков В. А., Чашин В.Я) [295, 296, 297, 298]. Троицкий собор на момент начала реставрационных работ имел значительные разрушения крыши (часть покрытия была утрачена, конструкции подверглись деструкции). Кирпичные своды перекрытия и верхние части стен собора, насыщенные водой, получили разрушения. Существовала угроза утраты внутренних росписей. Для ликвидации тяжелого технического состояния и разрушения стен и сводов на Троицком соборе была произведена полная реставрация конструкций разрушенной крыши. Восстанавливаемые элементы выполнялись в соответствии с сохранившимися частями прежних конструкций. Особое внимание вызывало состояние внутренних росписей и стен собора и обеспечение их сохранности при производстве работ [80].

Успенская церковь имела следы неоднократных переделок: окна второго этажа растесаны, арочные проемы превращены в прямоугольные окна, часть наличников срублена. Над трехэтажной частью крыша была уничтожена пожаром, что привело к разрушению кирпичной кладки стен, карнизов, сводов, перекрытия. Килевидные завершения кокошников оказались срублены. Глава на юго-восточном барабане отсутствовала, к началу реставрационных работ эта часть церкви находилась в тяжелом техническом состоянии и нуждалась в проведении первоочередных работ [80]. В рамках реставрационных работ было произведено восстановление утраченных частей кирпичной кладки. Крыша была восстановлена в прежних габаритах (реставрация 1986 г., арх. С.Л. Агафонов, Е.А. Окишев).

Юго-западная башня к моменту начала реставрационно-восстановительных работ находилась в тяжелом аварийном состоянии, существовала угроза ее обрушения. Кирпичная кладка прясел была разрушена из-за отсутствия крыши. Печуры и боевые окна оказались растесаны в прямоугольные проемы. В результате подводки фундаментов и восстановления разрушенной цокольной части состояние башни было стабилизировано. Произведена реставрация печур, боевых окон, дверных проемов. Утраченные части зубцов наружной стены восстановлены по

аналогии с существующими. Выполнено воссоздание деревянного шатра по иконографическому изображению монастыря XVII в.

В данный период продолжались работы по восстановлению комплекса деревянных построек мемориальной усадьбы А.С. Пушкина в селе Большое Болдино. На территории музея-заповедника выполнено воссоздание деревянных кухни и бани (1983 г., арх. А.И. Курлин), воссоздание с приспособлением под музейную экспозицию здания вотчинной конторы (1971 г., арх. В.А. Лапин). Усадебные постройки воссоздавались на основе архивных документов и данных археологических раскопок. Были проведены работы по ландшафтной реставрации усадебного парка, сохраненного в существующих границах и устроенного в характере пейзажных парков начала XIX в. с прудами, плотинами, фрагментом плодового яблочного сада.

Подобным по характеру объектом реставрационно-восстановительных работ стал парково-усадебный комплекс, связанный с родом Пушкиных, – помещичья усадьба в д. Львовка Большеболдинского района. Была осуществлена реставрация деревянного на каменном этаже Барского дома А.А. Пушкина XIX в. (1976 – 1979 гг., арх. З.Г. Погодина, Н.Н. Фролова) и одноэтажного деревянного здания церковно-приходской школы XIX в. (1983 г., арх. А.И. Курлин) [345, 346].

Самобытным направлением в практике нижегородской реставрации 1970 – 1980 гг. стали работы, связанные с созданием единственного в области архитектурно-этнографического музея под открытым небом на территории памятника природы Щелоковский хутор – обширного лесного массива в границах Н. Новгорода. Музей, относившийся к типу транслоцированных музеев (музеев-скансенов), формировался за счет памятников, вывозимых из населенных пунктов региона. В основу генерального плана музея (1969 г., арх. Ю.Г. Самойлов) был положен принцип этнического зонирования. Территория разделялась на пять экспозиционных зон с выявлением наиболее характерных сооружений и комплексов, особенностей в организации застройки и конструктивных решениях построек (Северный, Поволжский северо-западный, Поволжский юго-восточный, Срединный и Южный сектора). Принципиальные научные подходы к формированию экспозиционной зоны музея под открытым небом были обусловлены особенностями типологии народного

зодчества Нижегородского Поволжья, взаимосвязью его географо-этнографических и природно-ландшафтных характеристик.

Первый сектор музея быта народов Нижегородского Поволжья, открывшийся в 1973 г., состоял из перевезенных объектов Поволжской зоны. В дальнейшем предполагалось формирование всех экспозиционных зон с переносом на территорию музея около 80 построек, но из-за недостаточного финансирования реставрационных работ большая часть проекта осталась нереализованной.

В музей были перевезены: дом Обуховой из д. Ульяновско, мельница-толчея XIX в. из д. Петухово (перевозка, реставрация 1970 – 1972 гг., арх. Ю.Г. Самойлов, В.А. Лапин) и Покровская церковь XVIII в. из с. Зеленое (перевозка, реставрация 1970 – 1972 гг., арх. Ю.Г. Самойлов, В.А. Лапин) Городецкого района [332], водяная мельница из д. Рябиновка и дом Салтыковой конца XVIII – начала XIX вв. из д. Кошелево (перевозка, реставрация, приспособление под музейную экспозицию, 1972 г., арх. Ю.Г. Самойлов, В.А. Лапин) Ковернинского района, овин из д. Шашки и амбар из с. Пятницкое Семеновского района, колодец со ступальным колесом из Городца, ямный овин из д. Михайлово Уренского района. Был перевезен уникальный памятник архитектуры первой половины XVIII в. – Покровская церковь из д. Старые Ключищи Кстовского района (перевозка, целостная реставрация первоначального облика, 1974 – 1982 гг., арх. Ю.Г. Самойлов, В.А. Лапин).

В 1976 – 1978 гг. была построена плотина водяной мельницы. Перевезен дом Пашковой XIX в. из с. Перелаз Семеновского района (перевозка, реставрация, приспособление под музейную экспозицию, 1981 г., арх. Ю.Г. Самойлов, З.Г. Погодина), дом Павловой XIX в. из д. Раково Ковернинского района (перевозка, реставрация, 1980 – 1983 гг., арх. Ю.Г. Самойлов, З.Г. Погодина, Н.Н. Фролова). Последними экспонатами, транспортированными в музей в 1990 – 1992 гг., стали два амбара из д. Малая Дубрава и баня из д. Яндовы Семеновского района. Музей принадлежал к числу наиболее масштабных и известных музейных комплексов европейской части России, созданных в 1950-х – 1990-х гг.

Реставрационно-восстановительная практика 1970-х – 1980-х гг. развивала принципиальные реставрационные подходы, разработанные в предыдущий период 1950-х – 1960-х гг. Базовым принципом оставалось

стремление к научной обоснованности: реставрация в рамках аналитического метода (по сохранившимся натурным следам, выявленным в процессе раскрытий), идентичная реставрация по сохранившимся фрагментам и деталям, реконструкция утраченных форм методом графоаналитических построений, на основе анализа физико-химических и конструктивных свойств материалов.

Сохранялась ориентация на целостную реставрацию первоначального облика памятника или его облика на «оптимальную дату» с восстановлением пространственной композиции, раскрытием от поздних не имеющих архитектурной ценности наслоений (Надвратная церковь Евфимия Суздальского в Печерском монастыре). В то же время, рассматриваемый период характеризовался поиском образной выразительности, добавлением элементов стилистической реставрации со стилизацией первоначального облика памятника, что проявилось особенно ярко при реставрации памятников гражданского зодчества XVII – XVIII вв. Сочетание применения аналитического (восстановление частей памятника по натурным следам) и стилистического (воссоздание элементов художественного облика по стилистическим аналогам) методов придавали этим работам характер синтетической реставрации (палаты А.Ф. Олисова в Крутом переулке).

Реставрационные подходы отражали развитие нижегородской школы в русле прогрессивных поисков отечественной реставрации, характеризующихся разработкой новых подходов к многослойным памятникам (принцип компромиссной реставрации с демонстрацией на фасадах разновременных форм на примере реставрации Келейного корпуса XVII в. Печерского монастыря).

В реставрационной практике стали более уверенно использоваться приемы воссоздания утраченных форм памятника, как правило, осуществляемые в рамках восстановления его целостного художественно-композиционного облика (воссоздание завершений, крылец, форм кровель). Однако, проектные предложения по воссозданию нередко на этапе реставрационно-восстановительных работ оказывались неосуществленными, откладываясь на более поздний период (Церковь Рождества Христова в г. Арзамас). В условиях недостатка финансирования реставрационные работы ориентировались на минимизацию затрат.

Воссоздания применялись и как элемент градостроительной реставрации для формирования целостного завершённого облика пространственных ансамблей и градостроительных комплексов (прясла и башни Нижегородского Кремля). В рамках задач восстановления структуры усадебных комплексов и сохранения их как объектов музеефикации, данный прием имел достаточное распространение (воссоздание, приспособление под музейную экспозицию построек городской усадьбы Добролюбовых в Нижнем Новгороде); воссоздание построек усадьбы А.С. Пушкина в селе Большое Болдино).

В целом, реставрационные работы приобрели более комплексную направленность, связанную с расширением спектра задач и характеризующуюся сочетанием различных видов сохранения памятника (противоаварийные работы, консервация, архитектурная реставрация, приспособление, воссоздание и др.). Проводились работы в рамках задач приспособления памятников для функционального использования, при этом объекты культовой архитектуры наделялись функциями, не связанными с их первоначальным назначением (приспособление Церкви Рождества Христова в г. Арзамас под реставрационные мастерские). При этом не всегда преследовались задачи полноценного восстановления культовой семантики памятника (венчающих глав, крестов).

Особое направление нижегородской реставрации 1970-х – 1980-х гг. связано с развитием скансенологического направления в рамках формирования Нижегородского музея архитектуры и быта. Подходы к организации музея развивали тенденции в реставрации памятников народной архитектуры и воссоздании культурных ландшафтов исторических поселений, применив опыт создания крупнейших музеев деревянного зодчества в различных регионах страны.

Горьковская специальная научно-реставрационная производственная мастерская внесла значительный вклад в отечественную реставрационную практику и сохранение самобытного наследия региона. Ценные материалы, методические и практические разработки 1950-х – 1980-х гг. стали основой для развития нижегородской архитектурно-реставрационной школы на рубеже XX – XXI вв.

Анализ деятельности негосударственных нижегородских

реставрационных мастерских на рубеже XX – XXI вв.

Горьковская специальная научно-реставрационная производственная мастерская (ГСНРПМ) занимала главенствующую роль до 1987 г. В 1988 г. на базе Министерства культуры РСФСР сформировалось Объединение «Росреставрация», работавшее в сотрудничестве с ГСНРПМ, а в 1989 г. мастерская была переименована в Горьковское специальное научно-реставрационное производственное управление «Горькийреставрация». С 1990 г. структура переименовалась в Нижегородское научно-реставрационное производственное управление «Нижегородреставрация», просуществовав до 1992 г. В результате произошедшей децентрализации реставрационных сил сформировался ряд проектных и производственных организаций, приступивших к осуществлению реставрационной деятельности. После реорганизации ГСНРПМ основная проектно-реставрационная работа по восстановлению памятников сосредоточилась в пяти организациях, развивавших практику нижегородской реставрации 1990-х – начала 2000-х гг.

Организация ЗАО ТИК «Старый Нижний Новгород» была создана в 1994 г. по инициативе городской и областной администраций для реализации областной инвестиционно-строительной программы комплексной реконструкции исторической части Нижнего Новгорода, включавшей реставрацию зданий, являющихся ОКН (директор В.П. Камальдинов). В течение 1994 – 2002 гг. деятельность мастерской, в основном, была сосредоточена на производстве ремонтно-восстановительных работ, частичных реконструкциях с приспособлением (реставрации фасадов исторических зданий, ремонт кровель, реконструкция крылец, лестниц, входных групп, надстройка мансард). С 2003 г. работы приобрели более комплексный характер, а предприятие из производственного трансформировалось в одну из ведущих проектно-реставрационных мастерских (прил. 4, табл. 25).

В проектах мастерской принимали участие: Видманов И.Б. (гл. арх.), Зельдина, Канатов, Иняев А.А., Хвиль Т., Толкачев, Финникова Н.Г., Фадеева И.П., Жукова Е.Н., Игнатьева О.А., Гречанова и другие специалисты.

К основным объектам деятельности мастерской относятся: Дом ученых (ул. Октябрьская, 25; 1997 г.); здание Областного суда (Б. Покровская, 17; 1995 г.); дома № 2, 6а, 24, 39,45 по ул. Рождественской (1995 – 1999 гг.); дома № 1, 2, 19, 21/5, 25, 35, 57 по ул. Большой Покровской (1995 – 1999 гг.); дом № 12 по ул. Рождественской (1999 г.); дом № 4 по ул. Стрелка (1998 г.); Никольская башня Нижегородского Кремля (2001 г.); Главный дом Усадьбы С.М. Рукавишника на Верхне-Волжской набережной (2007 – 2010 гг.); Федоровская церковь Федоровского Городецкого монастыря.

Научно-исследовательское предприятие «Этнос» было основано в 1990 г. на базе научно-исследовательской лаборатории прикладных историко-культурных исследований (НИЛ ПИКИ) (под рук. Ф.В. Васильева, гл. арх. И.С. Агафонова). Исследования в области этнографии Нижегородского края составляли основу научной деятельности мастерской: были проведены этнографические экспедиции, результаты которых дали материал для разработки проектов архитектурно- и историко-этнографического музеев в Тверской и Нижегородской области. Помимо научно-реставрационных работ, круг задач мастерской включил концептуальные разработки в области музейного строительства с применением традиций народного деревянного зодчества, сохранения и реновации исторических территорий, возрождения культурного ландшафта. Масштабная научно-практическая и общественная работа, в том числе в рамках организуемых ежегодных конференций (1990 – 1998 гг.), принесла мастерской значимость в научных кругах и авторитет в области решения законодательных проблем охраны памятников (прил. 4, табл. 25).

В разработке проектов мастерской в различные периоды участвовали архитекторы и научные сотрудники: И. С. Агафонова (главный архитектор), А.Ю. Абросимова, Ф.В. Васильев, Е.И. Васильева, П.Ю. Грошев, О.С. Громогласова, А.И. Давыдов, А.А. Давыдова, О.В. Дегтева, С.В. Дмитриевский, Е.Д. Донская, Ю.С. Жилина, Б.П. Калашников, И.А. Калентьева, В.В. Краснов, О.Н. Кузнецова, А.В. Малышева, Е.Е. Мареева, С.Б. Мартынов, Г.В. Миронова,

Л.М. Москалева, Н.П. Свищева, Ю.Е. Фадеева, Н.В. Хитрун, В.А. Широков и другие специалисты.

Большинство объектов исследований и реставрации мастерской – гражданские и культовые памятники Нижнего Новгорода: Усадьба Каширина на ул. Ковалихинской, 33 (1993 г.), Нижегородский кремль (Часовая изба Часовой башни, прясла; 1993 – 1994 гг.), Церковь Трех Святителей на ул. Короленко (1989 – 1990 гг., 2000 г.), Усадьба М.П. Водовозовой – М.П. Солина в Мельничном переулке, 3 (1994 г., 1999 – 2002 гг.), Волжско-Камский банк на ул. Рождественской, 27 (2001 г.), Ансамбль церкви Иоанна Предтечи на Нижнем Посаде (1992 – 1993 гг., 2005 г.), Архиерейские палаты Печерского монастыря (2004 – 2007 гг.), Собор Михаила Архангела собор в Кремле (2000 г., 2004 г.). Значимые областные объекты сосредоточились в Арзамасском, Богородском, Выксунском, Семеновском районах: церковь Святого Духа в Арзамасе (1995 г.), Троицкий собор Иверского монастыря в Выксе (1999 – 2000 гг.), Церковь Николая Чудотворца в с. Пешелань (2000 г.).

Архитектурное бюро «Этюд» основано в 1995 г. (под рук. Н.П. Кудряшова). Основные научно-исследовательские и работы проводились на объектах в пределах Нижнего Новгорода (прил. 4, табл. 27). В проектах мастерской принимали участие: В. А. Широков, А. Челышев, Е.Н. Вандышев, А.Н. Курлин и другие специалисты. К основным объектам проектно-изыскательских и реставрационно-восстановительных работ организации относятся памятники культовой и гражданской архитектуры Нижнего Новгорода: Крестовоздвиженский собор Крестовоздвиженского монастыря; Церковь Жен Мироносиц; Крестьянский поземельный банк; часовня Ягодинского Введенского монастыря на ул. Варварской; часовня при Георгиевском братстве; часовня на ул. Ильинской; Келарский корпус, часть ограды и юго-западная башня Печерского монастыря. К объектам реставрации и восстановления в пределах области относятся: Троицкая церковь в р.п. Тумботино; Троицкая церковь в р.п. Шатки; Скорбященская церковь в р.п. Сокольское; колокольня Макарьевского монастыря в р.п. Макарьев; Вознесенская церковь в р.п. Вознесенское.

Нижегородский научно-производственный центр «Практика» основано в 1991 г. (рук. С.К. Забелин, гл. арх. С.М. Шумилкин). В

проектах мастерской принимали участие архитекторы В.М. Кагоров, В.Н. Котов, В.А. Каравашкин, В.В. Широков, А.С. Шумилкин, М.С. Шумилкин, С.М. Шумилкин и другие специалисты. К основным объектам реставрации ННПЦ «Практика» 1990-х – начала 2000-х гг. принадлежат: часовня св. Варвары на ул. Варварской (1994 г.), Никольская церковь в Высоковском Успенском монастыре (1998г., 2005 г.), Владимирская церковь в Гордеевке, Блиновский пассаж на ул. Рождественской, дача Бугрова в Володарске, дом Петелина в Городце (прил. 4, табл. 26).

Муниципальное предприятие «Проектреставрация» создано на основе обособившегося в 1990 г. научно-проектного отдела ГСНРПМ (под рук. арх. О.Е. Сундиевой). Основной особенностью мастерской стала ее преемственность научным принципам и подходам горьковской архитектурной реставрации второй половины XX в., в том числе, в комплексном подходе к научным исследованиям. Были завершены проекты, разработка которых велась ГСНРПМ до 1990 г. (собор Александра Невского, комплекс церквей с. Николо-Погост). В разработке проектной документации мастерской принимали участие архитекторы Грошев П.Ю., Курлин А.Н., Капункин А., Котина Т.А., Кириллова О.С., Разборова (Донская) Е.Д., Погодина З.Г., Самойлов Ю.Г., Титова Т.А., Прозаровская А.Я., Сундиев А.А. и другие специалисты.

К основным объектам научно-реставрационной деятельности в период 1990 – начала 2000 гг. в Нижнем Новгороде относятся: Собор Александра Невского (1990 – 1997 гг.) [333]; церковь Жен Мироносиц (1992 – 1994 гг., 2001 г.) [334, 335]; дом Стрегулина (ул. Б.Печерская, 43; 1997 г.) [336, 337]; Дом Связи (ул. Б. Покровская, 36; 2002 г.) [342]. Значительная часть проектно-реставрационной деятельности охватывала областные объекты Балахнинского, Городецкого, Большеболдинского, Починковского районов: Покровская церковь в Городце (1990 - 1992 гг.) [347]; церковь Казанской Божьей Матери в с. Шеляухово (1992 г.) [343, 344]; Спасо-Преображенская церковь в с. Николо-Погост (1990 – 1994 гг.); церковь Михаила Архангела в Городце (1993 – 1994 гг.) [349]; Барский дом в усадьбе Пушкина в д. Львовке (1999 г.) [346]. По ряду объектов работы ограничились

проектными разработками ввиду недостатка финансирования: военный манеж в Кремле (1998 – 2004 гг.) [340]; Конный завод в с. Починки (1993 г.); Офицерский клуб (пр. Гагарина, д. 60; 2002 г.) [341].

Также реставрационную деятельность в период 1990-х – начала 2000-х гг. осуществляли: коллектив Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета, Епархиальное управление, Творческая мастерская архитектора (ТМА) Кагорова, ООО «Проект-3», ТОО «Реставратор». В 2000-е гг. сеть реставрационных организаций пополнилась новыми мастерскими.

Деятельность коллектива ННГАСУ (гл. арх. А.Л. Гельфонд, с 2006 г.) основана на связи и взаимодействии архитектурной науки и практики, являющихся важным инструментом образовательного процесса. Основными объектами являются: особняк Каменской начала XX в., Ансамбль Нижегородского кремля начала XVI в., Дом Бурмистровой конца XIX в. с интерьером, Здание Окружного суда на ул. Б. Покровской и др. (прил. 4, табл. 26).

Крупной реставрационной организацией, осуществляющей обширную деятельность на объектах культурного наследия, является ЗАО «СМУ – 77» (нижегородское отделение НП «Росрегионреставрация»; ген. директор В.А. Молоканов). К основным объектам реставрации относятся: Здание Арсенала, Нижегородский государственный художественный музей (дом купца Д.В. Сироткина), Главный ярмарочный дом, Музей-квартира А.М. Горького на ул. Семашко, городской особняк Ф.П. Кузнецова на ул. М. Покровской, здание Гостиного двора на ул. Ильинской, Здание бывшей духовной семинарии на пл. Минина и Пожарского, Здание Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина и др. (прил. 4, табл. 27).

ООО «Асгард» (директор А.Н. Ключников, гл. арх. А.С. Шумилкин) осуществляет обширную реставрационно-восстановительную деятельность на объектах культурного наследия Нижнего Новгорода и области, а также на памятниках в других регионах страны (прил. 4, табл. 28). К основным объектам реставрации относятся: Водонапорная башня Усадебно-промышленного комплекса в Выксе, Театр Оперы и балета им. А.С. Пушкина, Дом В.М. Бурмистровой с интерьером на ул. Минина,

Дом священника в с. Дивеево, Покровская церковь в с. Борисово-Покровское, Здание ремесленной управы на ул. Октябрьской, Водочный завод в Рязани, здание Благородного собрания в Рязани, Дом культуры в с. Болдино, Христорождественская церковь в г. Слободском и др.

К основным объектам архитектурно-реставрационной деятельности ООО «АР ГРУПП» (рук. В.В. Коваль) относятся памятники Нижнего Новгорода (Особняк Т.А. Войткевич - В.Г. Пачкунова на ул. Ильинской, церковь Воскресения Христова на ул. Шевченко) и области, в том числе, значительный объем работ осуществлен на памятниках Серафимо-Дивеевского монастыря (Казанская церковь, Водокачка, Собор Рождества Пресвятой Богородицы, Сергиевская церковь, Игуменский корпус, Трапезная церковь во имя Св. Александра Невского, Преображенский собор) (прил. 4, табл. 28).

Особенности нижегородской архитектурной реставрационной школы в XX - XXI вв. Стратегии развития.

Реставрация периода 1990-х – 2000-х гг. испытала процессы инверсии, общие для российских реставрационных школ и связанные с трансформацией экономической, правовой, социально-культурной систем на государственном и региональном уровнях. Вместе с тем, сложившиеся единые традиции и подходы во многом обусловили направление для развития нижегородской архитектурной реставрации в новый период: большинство вновь созданных мастерских работали на базе кадрового состава горьковской мастерской (ГСНРПМ) и, тем самым, сохраняли методологическую преемственность с научной реставрацией советского периода.

Начало 1990-х гг. открыло новый этап в нижегородской архитектурной реставрации. Вследствие передачи церквей Нижегородской епархии в 1995 г. объем реставрационных работ существенно расширился памятниками культовой архитектуры. Стилистический спектр объектов дополнили постройки периода классицизма XIX в., эклектики второй половины XIX – начала XX вв., модерна. Изменение структуры бюджетного финансирования сказалось на том, что преимущество получили противоаварийные, ремонтные и

консервационные работы. Негативным последствием стало снижение объемов исследовательской деятельности, инженерных обследований, ослабление контроля за выполнением ремонтно-реставрационных работ на памятниках.

К началу 1990-х гг. нижегородская архитектурно-реставрационная практика основывалась на всем спектре видов работ, применимом в архитектурной реставрации памятников: реставрация (целостная и фрагментарная), консервация (в том числе, консервация руин), ремонтно-реставрационные работы, воссоздание, приспособление. Реставрация конца XX в. характеризовалась широким спектром приемов и подходов, включавших как примеры частичных реставраций, так и комплексные восстановления. В практику вошли приемы воссоздания утраченных элементов и объемов памятников. В связи с увеличением запроса на приспособление объектов культурного наследия особое внимание стало уделяться реставрации интерьеров. Реставрационные меры охватили более широкий типологический круг памятников Нижнего Новгорода и области: отдельные объекты и комплексы культовой, гражданской, промышленной архитектуры.

В связи с ослаблением системы бюджетного государственного финансирования значительную долю реставрационных работ начала 1990-х гг. составляли частичные реставрации с восстановлением отдельных утраченных элементов (глав, покрытий, завершений). Производились фрагментарные реставрации на памятниках культового зодчества Нижнего Новгорода: церковь Всех Скорбящих Радость (1996 г., арх. А.Н. Васильева, В.Н. Котов, В.А. Каравашкин); церковь Ильи Пророка XVII в. (арх. А.Г. Челышев). Значительный объем работ подобного типа проводился на культовых объектах нижегородской области: Покровская церковь в Городце (1990-1992 гг., арх. Котина Т.А., Капункин А.); церковь Казанской Божьей Матери в с. Шеляухово Балахнинского р-на (1992 г., арх. Грошев П.Ю., Курлин А.Н., Разборова (Донская) Е.Д., Котина Т.А.); церковь Михаила Архангела в Городце (1993 – 1994 гг., арх. Котина Т.А., Разборова (Донская) Е.Д.); церковь Всех Святых в с. Семенове (1997 г., арх. А.Н. Васильева).

Целостные реставрации, направленные на возвращение искаженным в процессе поздних перестроек памятникам исторического

облика, проводились на отдельных крупных объектах: Спасо-Преображенская церковь в с. Николо-Погост с оградой церковного комплекса (1990 – 1994 гг., арх. Курлин А.Н. [348]). В силу недостатка финансирования, требующегося подобному масштабу мероприятий, реставрационные работы нередко оказывались неосуществленными, оставаясь в проектах (комплекс Конного завода в с. Починки, 1993 г., арх. Погодина З.Г., Кириллова О.С.). В отдельных случаях, разработку проекта реставрации от реализации реставрационных работ отделял значительный временной период (церковь Жен Мироносиц (1992 – 1994 гг., 2001 г., Курлин А.Н., Капункин А. и др.). Примером целостной реставрации гражданской архитектуры может служить восстановленный бывший дом купца Костромина (ул. Б. Покровская, 6), фасад которого был возвращен первоначальный классицистический облик конца XVIII в. с мелкой пластикой и монументальным портиком (1994 г., арх. В.А. Каравашкин). Здесь же впервые была осуществлена замена декоративного камня-известняка на более прочный и легкий состав на основе синтетических полимеров. Объем целостных реставраций, проводимых преимущественно на крупных объектах культовой архитектуры, несколько увеличился к концу 1990-х – началу 2000-х гг.

Характерным видом работ стала реставрация уличных фасадов городских зданий, приспособление которых под торгово-деловую функцию предполагало перепланировку или значительную реконструкцию внутренней структуры. Применялась косметическая реставрация с полной заменой старого утраченного декора элементами, восстанавливаемыми в виде гипсовых слепков или на основе легких и прочных синтетических полимеров (Здание банка на углу Рождественской улицы и площади Маркина (1997 г., арх. В.А. Широков).

С 1990-е г. в связи с задачами приспособления памятников для современного использования внимание реставраторов обратилось, в том числе, к восстановлению интерьеров общественных зданий (реставрация Гербового зала Главного Ярмарочного дома (1996 г., арх. Е.И. Генкина, В.Н. Игнатъев, В.М. Пузанов). При реставрации доходного дома Блиновых на ул. Рождественской был восстановлен интерьер пассажа с приспособлением и сохранением конструкций стеклянной

крыши. В спектр реставрационных работ также было включено восстановление иконостасов церквей (воссоздание по фотографиям иконостаса Спасского кафедрального собора).

С началом 2000-х гг. в практику вошли примеры полноценных комплексных реставраций памятников гражданской архитектуры – крупных купеческих домов-особняков с восстановлением элементов внешней усадебной структуры и внутреннего архитектурно-художественного пространства. При реставрации особняка усадьбы М.П. Водовозовой-А. Солина в Мельничном переулке в комплекс проводимых работ, помимо фасадов, были включены интерьеры и отдельные хозяйственные постройки (1999 – 2002 гг., арх. В.А. Широков, И.С. Агафонова, Е.И. Вандышев (НИП «Этнос») [356].

Комплексная реставрация городского особняка А.В. Маркова – одного из лучших образцов купеческих домов Н. Новгорода периода эклектики начала XX в. – включала восстановление всех фасадов и отдельных исторических интерьеров (2008 – 2009 гг., арх. С.М. Шумилкин, В.М. Кагоров, В.Н. Котов, А.С. Шумилкин, М.С. Шумилкин). Здание, необычным архитектурным обликом ассоциирующееся с флорентийскими палаццо периода Раннего Возрождения XV в., отличается уникальными сохранившимися парадными интерьерами в ренессансной стилистике и с отдельными чертами модерна. К моменту начала реставрационных работ интерьеры здания были фрагментарно утрачены и искажены поздними реконструкциями, хотя, в целом, особняк сохранил первоначальный архитектурно-художественный облик. В результате реставрации и преобразования особняка под учебный корпус ННГАСУ был сохранен и частично восстановлен архитектурный декор фасадов и художественных интерьеров отдельных помещений с разнообразной декоративной пластикой (беломраморной лестницей, витражами, деревянными резными панелями, декоративная лепка стен и потолков) [248].

При проведении комплексных реставрационных работ на доме Т.А. Войткевич - В.Г. Пачкунова конца XIX в. (ул. Ильинская, 62) внешний облик памятника в стилистике поздней эклектики был восстановлен на начало XX в. с сохранением исторически ценных строительных периодов (реставрация 2014 – 2016 гг., арх. В.В. Коваль,

Э.Г. Титов, В.А. Широков, А. Пушкарев, инж. Г.В. Смирнова, С. Савин). Восстановлен богатый лепной декор фасадов, чугунное литье, реставрированы ценные элементы художественных интерьеров (изразцовые каминь), воссоздана отделка внутренних помещений.

В настоящее время осуществляются масштабные работы по комплексной реставрации и приспособлению для современного использования Дома В.М. Бурмистровой второй половины XIX в. (ул. Минина, 26) – парадного особняка периода эклектики, в котором в настоящее время располагается Литературный музей имени А.М. Горького. Облик здания воссоздается на период начала XX в. с поздними ценными наслоениями. Предполагается сохранение подлинной структуры стен (основа в виде сруба со штукатурной отделкой по деревянным направляющим), исторической стропильной конструкции крыши. Предусмотрено воссоздание каменной террасы с аркадами, утраченной в XX в. Сложность и уникальный характер данных работ связан с задачей восстановления подлинных сохранившихся художественных интерьеров времени постройки особняка с ценной декоративной отделкой (лепным декором, обивкой стен вышитым бархатом, панелями прессованного картона «под кожу», отделкой из дуба, паркетными полами, люстрами, изразцовыми каминями) (реставрация с 2019 г.; авторские коллективы ООО «Асгард», ННГАСУ) [240].

Ряд масштабных комплексных реставрационно-восстановительных работ с приспособлением проводился на крупных общественных зданиях Нижнего Новгорода и Нижегородской области. При реконструкции здания бывшего Волго-Камского банка памятнику был возвращен первоначальный архитектурный облик, искаженный в позднее время массивной надстройкой театральной сцены (2002 г., НИП «Этнос»). Значительные работы были проведены на объекте культурного наследия федерального значения – Здании областного (б. окружного) суда конца XIX в. (арх. В.Н. Брюхатов) на Большой Покровской улице, считающегося одним из лучших образцов архитектуры эклектики в Н. Новгороде. Здание в основном сохранило первоначальный архитектурный облик и исторические интерьеры главных помещений, велико его градостроительное значение в

структуре главной улицы города. Пожар 2006 г. нанес ему значительный ущерб. В результате реставрационных работ главному фасаду и отдельным историческим интерьерам здания был возвращен первоначальный вид (2007 – 2010 гг., арх. С.М. Шумилкин, В.Н. Котов, В.М. Кагоров, А.С. Шумилкин (ННГАСУ)).

В результате реставрационных работ восстановлено первоначальное пространственное решение исторических интерьеров с взаимосвязью системой открытых арок. Реставрированы исторические покрытия полов, филенчатые двери, порталы, лепной и деревянный (потолочный) декор. К элементам воссоздания в интерьере относится изразцовая печь. Работы на фасадах включили реставрацию центрального портика, архитектурного декора с восстановлением утраченных элементов по историческим фотоснимкам и идентичным аналогам, металлических козырьков и кованых ворот в арках, дверных заполнений. В комплексе работ восстановлена ограда с каменными столбами и металлическими решетками [249].

Среди реставраций, проведенных на общественных объектах культурного наследия Нижегородской области, следует отметить восстановление памятника советского периода – Дома культуры им. В.П. Чкалова в г. Чкаловске первой половины XX в. Комплексная реставрация с приспособлением предусматривала восстановление композиции и фактуры декоративной отделки фасадов, воссоздание отдельных утраченных частей и элементов, восстановление утрат интерьеров (в т. ч. реставрация лепного декора, покрытий из метлахской керамики), воссоздание внутреннего лепного декора по шаблонам после замены деревянных перекрытий на железобетонные, реконструкцию крыши (реставрация 2008 – 2012 гг., арх. И.С. Агафонова, П.Ю. Грошев, Л.М. Москалева, Г.В. Миронова (НИП «Этнос»)).

К наиболее значительным работам рубежа XX – XXI вв. комплексные реставрации памятников культовой архитектуры, направленные на восстановление объемно-пространственной композиции и семантики православных храмов и возвращения им первоначальной функции. Спектр данных реставрационных работ включал элемент воссоздания крупных архитектурных форм,

разрушенных в советский период в рамках идеологических программ и приспособления под утилитарное использование (колоколен, завершений, крылец и т.д.).

Работы по реставрации Владимирской церкви начала XX в. (арх. Д.П. Федоров) в Гордеевке велись с 2001 г. (арх. С.М. Шумилкин, В.Н. Котов, В.М. Кагоров, В.А. Каравашкин). На первоначальном этапе была восстановлена (воссоздана) утраченная часть центрального восьмерика с шатровым завершением, главой и крестом. В 2009 – 2010 гг. проведено восстановление двух малых завершений, основания двух других завершений были временно законсервированы. Проведена вычинка кирпичной кладки и восстановлен фасадный архитектурный декор. Определенную сложность представляла реставрация западного крыльца, потребовавшая проведения дополнительных исследований натуральных остатков фундамента. При восстановлении крыльца был выполнен прием имитации старинной краснокирпичной кладки основного объема храма на известковом растворе, однако за счет меньших габаритов кирпича новый объем визуально отделен от исторической части. Перекрытие крыльца в виде четырехгранного сомкнутого свода выполнено из железобетона. Центральное завершение выполнено в облегченном каркасном варианте с последующей обшивкой с целью разгрузки свода [118].

При реставрации Сергиевской церкви второй половины XIX в. на ул. Сергиевской восстановлена первоначальная объемно-пространственная композиция памятника с воссозданием снесенных в XX в. пятиглавия и двух ярусов колокольни (реставрация 2004 – 2006 гг., арх. В.В. Коваль, В.А. Широков, инж. Г.В. Смирнова).

Подобные реставрационно-восстановительные работы проведены на церкви Трех Святителей на пересечении улиц Короленко и Славянской – памятнике второй половины XIX в., в советский период приспособленного под жилье, претерпевшего разрушение завершений храма и колокольни, искажение облика основного объема и полную утрату интерьера. Эскизный проект реставрации церкви 1989 г. (арх. И.С. Агафонова, В.А. Широков) предусматривал восстановление храма в первоначальном виде без учета поздних изменений. Реставрационные работы по данному проекту были осуществлены в начале 2000-х гг.

после передачи памятника в 1997 г. подворью Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря [83].

Масштабный комплекс реставрационных работ был проведен на областном памятнике федерального значения – Церкви Иоанна Предтечи (1758 - 1777 гг.) в селе Хирино Шатковского района. Центричный объем храма с высоко поднятым на подклете вторым (основным) ярусом был дополнен примыкающей к западному входу квадратной в плане ярусной колокольней. В советский период почти полностью была разрушена галерея, первоначально окружавшая церковь с трех сторон, утрачена глава колокольни. Ко времени начала реставрационных работ произошло обрушение массивного восьмерика храма со сводом, барабаном и главой, а уцелевшие конструкции стен, перекрытий и сводов находились в аварийном состоянии. Сохранившиеся остатки храма были законсервированы в 2006 г.

При разработке комплексного проекта реставрации (2008 – 2011 гг., арх. И.С. Агафонова, Е.Д. Донская, Е.Е. Мареева (НИП «Этнос»)) для выявления габаритных размеров и высот утраченных объемов методом перспективного построения по историческим фотографиям были выполнены графические реконструкции первоначального облика храмовой части. Работы включали сложные мероприятия по инженерному укреплению конструкций. В результате проведенных работ были восстановлены обрушенные своды, подпружные арки, кирпичный восьмерик храма с сомкнутым сводом, восьмигранный световой барабан с главкой (сводчатые конструкции восстанавливались в монолитном железобетоне). Галерея с входами восстановлена по зафиксированным остаткам фундаментов. Восстановлен кирпичный декор фасадов из профильного кирпича, декоративное решение интерьеров.

Комплекс реставрационных работ с элементами воссоздания проведен на памятниках области: Соборе Рождества Пресвятой Богородицы XIX в. (2004 – 2007 г., арх. В.В. Коваль, инж. В.В. Анардович), Вознесенской церкви села Нагавицино в Богородском районе (с воссозданием колокольни с приколоколенными палатками; 2005 – 2012 гг., арх. В.В. Коваль, В.А. Широков, Е.Н. Вандышев, инж. В.В. Анардович, А.О. Петров),

Из практики 1990-х гг. были практически исключены реставрационно-восстановительные работы на памятниках деревянного зодчества. Единственным примером являлась реставрация деревянной Казанской церкви первой трети XVII в. в с. Юрино (арх. Ю.Г. Самойлов, В.Н. Котов, В.М. Кагоров). К рубежу XX – XXI вв. среди работ появились примеры полных воссозданий: Троицкая церковь в р.п. Варнавино (1998 г., арх. С.М. Шумилкин, Э.Л. Тетеровский). Отдельные объекты воссоздавались в связи со значимыми юбилейными событиями (деревянная церковь Архангела Михаила на территории усадьбы Пушкиных, воссозданная на месте утраченного деревянного храма XVIII в. (арх. В.А. Каравашкин, В.Н. Котов, В.М. Кагоров). На рубеже XX – XXI вв. в практику вошли примеры восстановления фасадов с воссозданием лепного декора после полного сноса здания. Историческая внутренняя структура при этом, как правило, не воспроизводилась (Здание по ул. Б. Печерской, 5; 2000 г., арх. А.Н. Васильева).

В 2000-е гг. практика восстановления объектов деревянной архитектуры пополнилась примером реставрации замечательного памятника конца XIX в. в «русском стиле» – дачи Бугрова в г. Володарске. В процессе эксплуатации здание претерпело ряд перестроек и утрат, исказивших его выразительный архитектурно-художественный облик, известный по историческим фотографиям. В соответствии с проектом реставрации (2007 - 2008 гг., арх. Шумилкин С.М., Котов В.Н., Кагоров В.М., Тетеровский Э.Л., Шумилкин А.С.) предусматривалось восстановление первоначального внешнего облика дачи с отдельными дополнениями в рамках приспособления для современного функционального использования. Предполагалось воссоздание двух утраченных балконов на восточном и западном фасадах (идентично сохранившемуся). Одной из особенностей реставрации стало восстановление лемехообразного железного покрытия дома на кровлях различной конфигурации (шатровое, бочкообразное, щипцовое и с полицами). Особая сложность была связана с характером общего покрытия, сочетающего покрытие в крупную «шашку» с мелким чешуйчатым рисунком покрытия. По образцам существующих деталей были восстановлены фрагментарно утраченные резные элементы

внешнего декора (карнизы, причелины, полотенца), воссозданы многочисленные шпили фигурного силуэта [250].

Примером масштабной комплексной реставрации крупного памятника деревянной архитектуры с общественной функцией стало восстановление здания музея в г. Кулебаки Нижегородской области (2006 – 2011 гг., арх. И.С. Агафонова, П.Ю. Грошев, Л.М. Москалева, Н.П. Свищева (НИП «Этнос»)). Здание, выстроенное в «русском стиле» в духе архитектуры Царского павильона Всероссийской художественно-промышленной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде, отличалось богатым декором с использованием традиционной пропиленной резьбы. Восстановление деталей деревянного убранства требовало уникальных реставрационных мероприятий. Здание приспособлялось под современные функции музея.

Масштабными событиями в реставрационной практике 1990-х – 2000-х гг. стало восстановление крупнейших монастырских ансамблей: Крестовоздвиженского монастыря в Нижнем Новгороде, Серафимо-Дивеевского монастырей в с. Дивеево, Свято-Успенского Саровского монастыря в г. Саров, Иверского монастыря в г. Выксе Нижегородской области и др. Комплексные реставрационные работы с приспособлением включали значительный спектр мероприятий. Существенным был элемент воссоздания утраченных частей комплексов, обусловленный задачами восстановления композиционно-художественной целостности градостроительных ансамблей.

Сформировавшийся к 1918 г. в наиболее завершенном архитектурном облике, грандиозный комплекс Серафимо-Дивеевского монастыря после закрытия в 1927 г. перестраивался и приспособлялся под утилитарные функции, часть построек оказалась снесена. Из двухсот тридцати шести строений к началу возрождения обители сохранилось лишь двадцать семь объектов, остальные утрачены. С 1991 г. на памятнике федерального значения начались планомерные реставрационные работы (арх. В.В. Коваль, Е.Н. Вандышев, С.В. Кондратьев, Э.Г. Титов, Н.С. Чернышов, В.А. Широков, инж. Ю.А. Коваль). Проведены ремонтно-реставрационные работы по восстановлению архитектурного облика на начало XX в. Преображенского (Нового) собора, Водокачки (надкладезной часовни)

(работы 1992 г.). В результате реставрации старейшей Казанской церкви на основании исторических фотоснимков восстановлены разрушенные ярусы колокольни и храма, выполненные из большемерного кирпича, максимально сохранена штукатурная отделка интерьеров и выявленные фрагменты настенной живописи. Храму возвращен целостный архитектурный облик на начало XX в. (реставрация 2003 г.).

Проектом реставрации Трапезной церкви во имя св. Александра Невского памятник, сложившийся в несколько периодов, восстановлен на 1910-е гг. с сохранением ценных строительных этапов. Работы включили реставрацию декоративного фасадов, восстановление утраченных глав, восстановление объемно-пространственного решения в интерьере (реставрация 1999 – 2003 гг.). На основе графической реконструкции фотоснимков начала XX в. восстановлено утраченное завершение ярусной колокольни (реставрация 2012 г.).

Комплекс реставрационных мероприятий включил восстановление деревянных построек монастыря. Проведена реставрация деревянного обшитого тесом одноэтажного строения – Пустыньки блаженной Прасковьи Ивановны конца XIX в., в котором устроена мемориальная экспозиция (реставрация 2004 г.). Реставрационные работы на Старобольничном корпусе XIX в. с домовою церковью во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» вернули памятнику облик начала XX в. и восстановили его функциональное назначение (реставрация 2005 – 2006 гг.). В объем восстановленного деревянного на каменном этаже корпуса были включены сохранившиеся конструкции первоначального сруба. С 1994 г. продолжают работы по реставрации деревянного двухэтажного Игуменского корпуса второй половины XIX в., завершению которых препятствуют проблемы финансирования и передачи помещений здания монастырю [363].

Крупнейший объем реставрационных работ 2000-х гг. был связан с восстановлением усадебно-промышленного комплекса Баташевых в Выксе, начало формирования которого прослеживается с 1760-х гг., а период расцвета – в начале XIX в. Целостный архитектурный ансамбль построек усадебно-промышленного комплекса к концу XIX в. включал: главный дом с западным и восточным («турецким») флигелями, переход

с проездной аркой, заводскую контору, протяженные ряды (гостиницу), конный двор. Единый ансамбль с усадьбой составлял обширный парк.

Мероприятия по сохранению архитектурно-ландшафтного комплекса усадьбы проводились поэтапно силами различных организаций (ООО НИП «Этнос», ООО «Аграф», ООО АЛЦ «Архиленд», ООО «Асгард»: г. Нижний Новгород; ЦНРПМ, ФГУП «Институт по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставрация», ЗАО «СТРОЙРЕСТАВРАЦИЯ»: г. Москва). В рамках реставрации и приспособления для современного использования Главного усадебного дома были предусмотрены мероприятия инженерной реставрации, реставрации фасадов и декоративного убранства, частичной замене деревянных перекрытий, замене несущих конструкций крыши (2006 г.). Предавварийное состояние несущих конструкций предопределило частичное воссоздание отдельных элементов комплекса в их исторических габаритах (западного флигеля, оранжереи). Восстановлена оригинальная фигурная форма крыши восточного («Турецкого») флигеля (2009 г.). Предусматривалось воссоздание парадных интерьеров Главного дома на основе натурных исследований и анализа изменений планировочной структуры и отделки в различные периоды (2010 – 2011 гг.) [367].

На этапе первоочередных противоаварийных работ было выполнено инженерное укрепление кладки, восстановление аварийных участков памятника. На этапе ремонтно-реставрационных работ по интерьерам осуществлено устройство перекрытий, реставрация декоративной отделки и элементов интерьера (чугунных лестниц, каминов) с учетом исторических технологий. Вынужденной мерой стал полный демонтаж верхнего деревянного этажа и части нижнего каменного этажа здания Гостиницы из-за опасности обрушения. Сохранены два подлинных помещения со сводчатыми перекрытиями, законсервированных и включенных в структуру нового объема гостиницы ВМЗ. Архитектурный облик уличных фасадов исторического объема гостиницы воссоздан на основе фиксационного чертежа 1830-х гг. с привлечением в качестве аналогий сохранившихся

элементов декора южной части здания Конторы комплекса Баташевых (работа 2007 г.).

Проектное решение здания Конторы предполагало сохранение облика южного фасада с уступчатым барочным фронтоном. На основе исторических фотоматериалов была воссоздана арка Каретного проезда с барочным завершением на восточном фасаде. По сохранившимся фрагментам белокаменной кладки восстановлены профилированные детали фасадов. После демонтажа памятника, осуществленного по воле заказчика, здание Конторы было восстановлено в новых конструкциях. В рамках приспособления для современного использования воссоздана историческая функционально-планировочная структура части парка (2017 – 2018 гг.).

Проведенные на памятнике работы характеризуют обширный спектр комплексных восстановительных мероприятий, включая фрагментарную реставрацию подлинных сохранившихся частей зданий (консервацию), реставрацию по историческим материалам, сохранившимся натурным данным и аналогам, воссоздание отдельных элементов в новых материалах, ландшафтную реконструкцию.

Нижегородская реставрационная практика начала XXI в. включает опыт полного воссоздания знаковых памятников и восстановления их градостроительной роли в крупных архитектурных ансамблях, преимущественно культовых (Церковь Иконы Божией Матери Феодоровской в Городецком Феодоровском монастыре, колокольня Амвросиева Дудина монастыря в Богородском районе) [242]. В практику входят примеры воссоздания отдельных памятников культового зодчества, имеющих важнейшее градостроительное значение в структуре исторического центра, уничтоженных в рамках программы сносов в первой половине XX в. Воссоздание Казанской церкви на Почаинской ул. (2006 – 2012 гг., арх. Е. Пестов) имело знаковый характер и было связано с вновь введенным празднованием Дня народного единства. Храм стилизован под псковскую архитектуру XVI в., что не вполне отвечает задачам восстановления его достоверного исторического облика.

В 2000-е гг. получила реализацию идея воссоздания Зачатской башни Нижегородского кремля, замкнувшей кремлевское кольцо и

завершившей целостный облик древнего памятника оборонного зодчества. В рамках работ по воссозданию были сохранены подлинные руинированные фрагменты башни XVI в., включенные в экспозиционный показ в качестве музеефицированного архитектурно-археологического объекта [364].

Своеобразным направлением развития практики комплексного воссоздания исторической среды в 2000-е гг. стали комплексные гипотетические реконструкции в рамках создания музейно-туристических комплексов. Примером осуществления подобного вида работ является комплекс «Город Мастеров» в г. Городце Нижегородской области (арх. С.В. Дмитриевский (НИП «Этнос»)). Целью данных проектов является сохранение и воссоздание уникального историко-культурного наследия, народных промыслов и местного этнографического колорита, развитие современной туристической инфраструктуры. Основой для проектов служат научные архитектурно-археологические исследования и графические реконструкции жилых построек древнерусского теремного зодчества.

В 2000-х региональная архитектурно-реставрационная практика обратилась к восстановлению и адаптации памятников промышленной архитектуры XIX – начала XX вв., составляющего значительный пласт исторического наследия городов нижегородской области.

Уникальным объектом реставрации стала водонапорная башня (1930-е гг.) в г. Выксе Нижегородской области на территории действующего ОАО «Выксунский металлургический завод» - памятника индустриального наследия, связанного с именем выдающегося инженера-конструктора В.Г. Шухова (1853 – 1939 г.). Башня, являвшаяся частью исторического усадебно-промышленного комплекса Баташевых-Шепелевых, взята на государственную охрану как объект культурного наследия федерального значения. Примечательно, что впервые продемонстрированная В.Г. Шуховым на Всероссийской промышленно-художественной выставке в Н. Новгороде в 1896 г., данная система гиперболоидных башен распространилась по многим городам, став своеобразным элементом промышленного ландшафта России и одним из высших достижений отечественного инженерного искусства.

Предусмотренные в рамках реставрации и приспособления для современного использования памятника работы составляли два аспекта: технологический и стилистический. Обеспечивалось восстановление конструктивно-технических характеристик водонапорной башни (устранение дефектов и повреждений, связанных с коррозией металлических конструкций, замена опорных элементов и соединительных элементов, устранение локальных и общих погибей) с сохранением исторических конструктивных особенностей. Восстанавливался первоначальный архитектурно-художественный облик башни в виде решетчатой опоры в форме гиперболоида, конструктивно решенной в виде сетки из прямолинейных стержней, на которой помещался окруженный обходной галереей массивный резервуар (2016 г., рук. арх. А.С. Шумилкин (ООО «Асгард») [365] .

Реставрация башни включала элемент воссоздания конструкций верхнего яруса – резервуара и площадки с ограждением, геометрические параметры которых соответствуют проектным чертежам, но для снижения нагрузки на сохранившиеся металлические опоры обшивка бака выполняется из дерева. Первоначальное функциональное использование водонапорной башни не предусматривалось. Целью приспособления стала музеефикация памятника – выдающегося достижения инженерной мысли первой половины XX века. В качестве основного метода сохранения ОКН применена консервация с элементами стилистической реставрации первоначального проектного облика сооружения, что отвечает задаче восстановления его оригинальных конструктивных особенностей и целостной пространственной структуры.

На многих памятниках в первое десятилетие XXI в. был осуществлен второй цикл реставрационных работ после реставрационно-восстановительных мероприятий 1950-х – 1980-х гг. Ликвидировалось аварийное состояние объектов культурного наследия, выполнялись работы, не реализованные по идеологическим и финансовым причинам в предшествующие реставрационные периоды. В проектных решениях по реставрации и приспособлению Никольской церкви Покровского монастыря (1552 г.) в г. Балахне использовались материалы исследований и графические реконструкции первоначального облика

памятника, выполненные при разработке проекта реставрации ГСНРПМ в начале 1960-х годов. Комплекс реставрационных мероприятий включил инженерные укрепления надземной части памятника (в том числе, устранение разрыва алтарной стены с помощью металлического биндажа). Проведены работы по воссозданию крытого крыльца со стороны западного входа, выполнена замена утраченных фрагментов кирпичной кладки стен и карниза, восстановлена поливная черепица шатра (2007 г., арх. И.С. Агафонова, Е.Е. Мареева, Е.Д. Донская).

Цикл ремонтно-восстановительных работ осуществлен на церкви Рождества Христова в г. Арзамас, на которой в 1980-е гг. проводилась фрагментарная реставрация с приспособлением под реставрационные мастерские (реставрация 1999 – 2012 гг., арх. В.В. Коваль, В.А. Широков, П.А. Башкалин, инж. Б.П. Погарский). Проведенная целостная реставрация позволила восстановить облик храма на начало XX в. с воссозданием утраченных шатровых завершений.

Особенностью реставрации Смоленской церкви в Гордеевке в 1960-е гг. стала замена утраченных уникальных элементов белокаменного декора на детали из белого цемента. В настоящее время осуществляются работы по устранению данных элементов и воссозданию деталей декоративного убранства в подлинном материале из известняка. Выполняется замена керамической черепицы (лемеха) на главках церкви (ООО «Региональный инженерный центр», г. Владимир, рук. Ю.В. Коваль) [118].

В процессе анализа практики Горьковской реставрации обобщен богатейший опыт и выявлены значительные результаты, основанные, прежде всего, на государственной системе организации реставрационного дела в СССР. В результате анализа выявлены следующие положительные тенденции рассматриваемого периода:

- рост количества реставраций в городе и области;
- рост количества выявленных объектов культурного наследия (составление свода памятников, учет, выявление и охрана ОКН);
- комплексность реставрационной практики (создание туристических маршрутов в комплексной взаимосвязи с реставрацией исторических объектов);

- влияние общественности на деятельность реставрации, в частности деятельность ВООПиК;
- популяризация сферы объектов культурного наследия (лекции, печатные издания, конкурсы).

Однако, последующий период выявил специфику и проблемы «постперестроечной» практики реставрации в Н. Новгороде и Нижегородской области на рубеже XX - XXI вв. В этот период как в России, так и в Н. Новгороде наметился конфликт между реставрационной теорией и практикой. С одной стороны, актуальна идея сохранения исторического города и реставрации объектов культурного наследия, с другой – существенное влияние в данной сфере имеют отрицательные процессы: «точечная» застройка, потеря аутентичности памятников, «фасадизм», сносы и воссоздания памятников в новых материалах (новоделы).

Изменение структуры бюджетного финансирования сказалось на том, что преимущество получили противоаварийные, ремонтные и консервационные работы. Негативным последствием стало снижение объемов исследовательской деятельности, инженерных обследований, ослабление контроля за выполнением ремонтно-реставрационных работ на памятниках.

Процесс раздробления реставрационной деятельности, локализация и переход к формированию обособленных реставрационных организаций привел к формированию частных интересов застройщиков. Частные интересы неизбежно ведут к несанкционированным сносам исторической застройки и уничтожению памятников архитектуры. К сожалению, во многом этому способствует несовершенство законодательной базы, что, в свою очередь, негативно влияет на снижение качества реставрационных работ.

Главной особенностью Нижнего Новгорода и области, как уже отмечалось выше, является богатейший историко-культурный потенциал, который в сочетании с туристической может стать важнейшей экономической составляющей региона. Особенностью архитектуры Нижегородского региона является значительное количество памятников и разнообразие их типологии и стилей: архитектура эклектики, различные вариации на тему

ретроспективизма, модерна XIX – XX столетий, промышленная архитектура, наследие деревянного зодчества, значительный пласт усадебной городской архитектуры и культовых построек, монастырское зодчество. Все перечисленное в сочетании с уникальным природным ландшафтом обеспечивает приоритет сохранения наследия в единстве культурного, архитектурного и природно-ландшафтного каркаса.

Помимо архитектурных комплексов и отдельных памятников, особенностью нижегородского зодчества остается пласт деревянной архитектуры, которая требует особого внимания реставраторов. В постперестроечный период были практически исключены реставрационно-восстановительные работы на памятниках деревянного зодчества. Но именно включение исторических деревянных объектов в различные культурные программы может способствовать стабильности общества. В городе имеется множество таких исторических пространств, где правильная организация стратегии развития должна способствовать привлечению инвесторов и ревитализации этих территорий. Сохранение историко-архитектурной среды, где расположены ценные объекты деревянной архитектуры – это уникальная особенность нижегородского региона и, в то же время, его большая проблема.

Один из вариантов сохранения деревянной архитектуры XIX – начала XX вв. был реализован при переносе на территорию музея архитектуры и быта народов Нижегородского Поволжья объекта культурного наследия – городского «Дома А.А. Клочковой» (ул. Варварская, 27). Жилое здание с чертами классицизма первой половины XIX в. и поздним декоративным резным убранством в духе эклектики было собрано в предполагаемой зоне городской застройки, планировавшейся в рамках развития новой концепции зонирования территории музея. Проектом 2000-х гг. предлагалось формирование и развитие территории архитектурно-этнографических зон (с переносом существующей музейной экспозиции в "Поволжскую зону") и зоны исторической городской застройки, предусмотренной проектом ГСНРПМ 1969 г. (рассмотренной выше). Новая зона музея организовывалась путем переноса ценных объектов историко-градостроительной среды из центральной части Нижнего Новгорода.

Зона городской деревянной застройки должна была стать целостным фрагментом городской среды середины XIX – начала XX в., насыщенной элементами окружения и передающей атмосферу старого Нижнего Новгорода. В рамках данной концепции разрабатывался план переноса 15 деревянных домов, не стоящих на государственной охране как объекты культурного наследия. Однако «Дом Клочковой» до настоящего времени является единственным объектом, перенесенным и отреставрированным в формирующейся зоне Музея (НИП «Этнос», арх. И.С. Агафонова, С.В. Дмитриевский, Ю.С. Жилина). По крайней мере два уникальных образца деревянной застройки города, планировавшихся к переносу, были утрачены в ходе градостроительных преобразований (ул. Ильинская, 160; ул. М. Ямская, 61). Современное законодательство исключает осуществление подобного вида работ для объектов культурного наследия. Вместе с тем, состояние подавляющего большинства памятников деревянной архитектуры города в настоящее время является аварийным (включены в аварийный фонд), что придает дополнительные сложности при работе с ними в правовом поле сохранения наследия.

Практика создания музеев под открытым небом сегодня имеет особую актуальность в контексте проблемы сохранения историко-градостроительной среды и деревянной городской архитектуры, которая приобрела особый резонанс. Идеи создания музеев городской деревянной застройки под открытым небом в районе Больших Оврагов и церкви Трех Святителей в Нижнем Новгороде разрабатывались с конца XX – начала XXI вв. В настоящее время ведется разработка концепции редевелопмента района исторической застройки улиц Короленко, Новой, Славянской в Нижнем Новгороде, куда входит значительное число объектов деревянной архитектуры, подлежащих сохранению. Концепция базируется на принципе восстановления зданий в их историческом контексте в сочетании с частичным перемещением ценных построек из других районов города и воссозданием типичных элементов градостроительной среды. Данный подход обуславливает создание системы композиционно выразительного и функционально наполненного пространства, и является основой его ревитализации – органичного включения в современную городскую жизнь с целью формирования комфортной среды Нижнего Новгорода.

Выявленная типология нижегородского наследия дает возможности для разработки подходов к его сохранению в современных условиях развития города и региона. Сохранение деревянных домов раскрывает возможности для развития музейно-туристических зон, музеев под открытым небом, небольших арт-пространств, демонстрирующих ремесла, промыслы, историю и быт Нижегородского края. Архитектура купеческих особняков с сохранившимися элементами усадебной структуры, культуры и быта XIX – начала XX вв. (надворные постройки, структура организации пространства, художественные интерьеры (печи, камины, технологическое оборудование) – дает возможности для комплексного сохранения памятников с элементами ландшафтной усадебной организации на основе средового подхода, как целостных фрагментов городской ткани. Архитектура доходных домов с внутренней пространственной организацией (ячеистой) позволяет функционально использовать их внутреннее пространство для современных функций (гостиницы, гостевые дома).

Промышленная архитектура раскрывает значительные возможности по использованию современных материалов (стекло, металл), свободной организации внутреннего пространства, актуальных стилистических решений, преобразованию пространства. Примером может стать реставрация промышленного комплекса в Выксе. Основой подхода к сохранению комплекса послужило восприятие его как целостного территориально-градостроительного образования с высоким качеством исторической архитектурно-пространственной среды и сложившимся природно-ландшафтным окружением. Первоочередной задачей стало определение основных принципов концепции реновации исторического центра города Выксы с выделением «Историко-культурного комплекса Баташевых» как достопримечательного места. В проектных предложениях был выработан сценарий функционирования выксунского комплекса как историко-культурного, архитектурного, туристического и делового центра, органично включенного в жизнь современного города (2005 г., НИП «Этнос»).

Кроме того, работы по восстановлению усадебно-промышленного комплекса Баташевых отразили наиболее характерные конфликтные моменты современной реставрационной практики: проблему утраты

(принудительного сноса) подлинных элементов памятника с их воссозданием в новых материалах (создание «макета» памятника), проблему объемно-пространственного взаимодействия исторической среды с новым градостроительным окружением, проблему конфликта интересов заказчика и задач сохранения подлинного памятника в рамках его приспособления для современного использования, проблему профессиональных реставрационных материалов и технологий.

Важное значение имеет также восстановление водонапорной башни В.Г. Шухова – редкого сохранившегося примера инженерных шедевров авторской архитектуры. Сохранение индустриального наследия важно для развития научного потенциала региона и способствует возвращению в культурно-историческое пространство Нижегородской области его знаковых элементов.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что возрождение исторических промышленных комплексов может стать одним из важнейших этапов повышения туристической привлекательности города, а также способствовать привлечению внимания к вопросам охраны и бережного отношения к памятникам культурного наследия.

Анализируя проблемы реставрации, необходимо прежде всего отметить проблему недостатка финансирования. Областные объекты не входят в программы финансирования как объекты федерального значения, которые должны финансироваться из федерального бюджета. Безусловно, имеет значение частная инициатива. Примеры такого финансирования есть. Так, восстановление объекта культурного наследия федерального значения Спасопреображенской церкви (1835 г.) в с. Вершилово Чкаловского р-на начато по инициативе уроженца села А.М. Нужина в 2012 г., и продолжается с перерывами (арх. Э.Г. Титов, В.А. Широков, инж. В.В. Громов, С.П. Овечкин).

Реставрационные работы с воссозданием значительной утраченной части памятника проводятся на объекте культурного наследия регионального значения – церкви во имя св. Дмитрия Солунского в с. Толба Сергачского района с 2010 г. по инициативе местного жителя М.Ф. Казакова (арх. В.В. Коваль, Э.Г. Титов, В.А. Широков, Е.Н. Вандышев, инж. И. Горюнов). Крупнейшие работы, ставшие возможными благодаря частной инициативе и способствовавшие

дальнейшему возрождению местного культурного пространства, проведены при восстановлении церкви Иоанна Предтечи в с. Хирино (2007 – 2010 гг., арх. И.С. Агафонова, Е.Д. Донская).

В ходе анализа выявлено, что появление множества негосударственных организаций в постперестроечный период повлекло за собой снижение качества реставрации, развал единой системы, в которой были собраны лучшие представители профессии. Характерными особенностями этого периода стало:

- изменение направленности бюджетного финансирования с проектных на ремонтно-реставрационные, противоаварийные и консервационные работы;

- разрушение единой системы государственного контроля, что привело к отсутствию основательной документации по проектам в организациях, некоторые работы выполнялись вовсе без проекта;

- рассматриваемый период был насыщен выполнением мелких работ по реставрации: воссоздание крылец, окон, ограждений, разработка цветовых решений фасадов, надстройка мансардных этажей и т.д.;

- из практики 1990-х гг. были практически исключены реставрационно-восстановительные работы на памятниках определенной типологии (деревянного зодчества);

- появление частного заказчика привело к смене целевого вектора реставрации – получение выгоды заказчика с объекта реставрации;

- проблема диссонирующего взаимодействия объектов культурного наследия и новой застройки в исторических районах города;

- в условиях недостатка финансирования оказались сокращенными объемы необходимых работ по сохранению памятника, например, в части его обследования;

- сокращение сроков реставрационных работ, устанавливаемых заказчиком, в условиях которых выполнение работ по сохранению памятника становится трудноосуществимым (что способствует снижению качества работ и приводит к дальнейшему разрушению объектов культурного наследия).

- острый конфликт между реставрационной теорией и практикой, конфликт в законодательной сфере.

Актуальность перечисленных проблем, которые постоянно возникают на практике, безусловно, говорит о необходимости переосмысления архитектурно-реставрационной стратегии и выработки новой парадигмы реставрации на основе научной концепции.

В основу новой концепции должен быть положен принцип устойчивого развития, направленный на будущие поколения. К числу важнейших направлений следует отнести:

1. Выделение реставрационных работ из ремонтно-строительного сегмента и создание особого экономического сегмента, который должен обеспечивать сохранение национального достояния в рамках культурной консолидации общества и преемственности поколений;

2. Организацию научного и технического совета с функцией профессиональной экспертизы объектов культурного наследия;

3. Исключение практики «авральных» реставраций (негативный опыт подготовки к Чемпионату мира по футболу 2018 г.);

4. Необходимость укрепления идеологического вектора в направлении нового отношения к памятникам архитектуры как к национальному достоянию государства;

5. Формирование новой парадигмы, опирающейся на:

- переосмысление ошибочных решений предыдущих периодов;
- выявление предпосылок для неизбежной перезагрузки;
- выстраивание идеологической составляющей реставрации;
- формулировку государственного заказа;
- внесение соответствующих изменений в законодательство по ведению практики реставрации.

Глава V. Концепция архитектурно-реставрационной деятельности на примере столичной и региональной реставрационной практики в постсоветский период рубежа XX - XXI вв. в России

Проблемы и особенности архитектурного реставрационного дела в России

Положение отечественной архитектурной реставрации на современном этапе определяется широким кругом проблем различного порядка, сопровождавших развитие отрасли в последние десятилетия XX – начале XXI вв. (прил. 5, табл. 31). Изменения, происходящие сегодня в области реставрации, связаны с инверсией отношения к наследию архитектуры на государственно-идеологическом, общественно-культурном, экономическом и профессиональном уровнях.

1. Проблемы государственного регулирования и функциональной организации сферы сохранения и реставрации объектов культурного наследия:

- утрата основного исторически сложившегося механизма сохранения культурного наследия страны;
- утрата целостной, организованной, регулируемой государством системы научной архитектурно-реставрационной деятельности;
- переход научной реставрации из обособленного вида деятельности в сфере культуры в состав современного строительного комплекса;
- перераспределение полномочий, связанных со сферой регулирования профессиональной реставрационной деятельности и охраной памятников, между федеральными органами исполнительной власти (Министерством культуры РФ и Министерством строительства РФ);
- ослабление государственного контроля за управлением сферой охраны и сохранности объектов культурного наследия.

2. Законодательно-правовые проблемы, нормативное обеспечение научно-реставрационного проектирования:

- разрушение нормативной базы реставрации;
- усложнение законодательной базы применительно к современному проектированию объектов реставрации;
- несоответствие понятийно-терминологического аппарата, расхождения в формулировках нормативной и правовой документации в области сохранения объектов культурного наследия (Градостроительный Кодекс РФ [3], Федеральный закон № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [4]); смысловая неопределенность понятийного аппарата с заимствованными иностранными терминами; расхождение в трактовках основных терминов с европейскими руководящими документами;
- наличие лакун в нормативно-правовой базе, снижающих воздействие принципиальных положений законодательства в отношении охраны памятников;
- интенсивность внесения дополнений и уточнений нормативов в рамках основных положений законодательства, изменения порядка их применения, что приводит к устареванию нормативно-правовой базы,

затягиванию сроков согласования и затруднениям в решении практических вопросов сохранения памятников;

- проблемы исполнения научно-реставрационной документации: некорректная формулировка задач и технико-экономического обоснования работ по сохранению памятника; отсутствие или недостаточность комплекса научных исследований, предшествующих реставрационному проектированию; практика предоставления отчетности в виде исполнительной документации; недостаточность контроля за реализацией работ на практике со стороны органов охраны памятников;

- подчинение реставрационной сферы строительным нормам и стандартам, проблемы прохождения экспертизы (методики на проведение реставрационных работ проходят экспертизу как архитектурные проекты), необходимость получения спецтехусловий на большинство объектов культурного наследия, идущих в государственную экспертизу;

- противоречия в вопросах соотношения нормативных требований для современного использования (пути эвакуации, противопожарные требования и т.д.) и реставрационных норм, отдающих приоритет сохранению исторических характеристик ОКН (так, в практике встречаются примеры, когда поднятие культурного слоя изменяет трактовку исторического первого этажа памятника как цоколя, что приводит к ужесточению нормативных требований по пребыванию в нем людей, системам дымоудаления); нерешенность вопросов в нормативах о приоритетах эвакуации людей и эвакуации художественных ценностей ОКН;

- утрата понимания памятника как целостного объекта с уникальными характеристиками, механистический подход к трактовке историко-культурной ценности, выраженной в абстрактных понятийных категориях (фиксация на сохранении «предмета охраны»);

- конфликт системы государственных контрактов (не позволяющей учитывать выявленные в ходе производства работ особенности объекта и требующей заключения нового государственного контракта на корректировку проекта в случае его изменения) и реставрационных

норм и правил (РНиП), рекомендующих осуществлять проектирование в два этапа: до начала и в процессе производства работ).

- противоречия документов, устанавливающих правовые и организационные основы проведения аттестации специалистов в реставрационной области (приказ Министерства Культуры РФ № 474 от 05 мая 2012 года «Об утверждении Порядка проведения аттестации специалистов в области сохранения объектов культурного наследия (за исключением спасательных археологических полевых работ), в области реставрации иных культурных ценностей», Федеральный закон «О независимой оценке квалификации» 03.07.2016 N 238-ФЗ).

- отсутствие актуальной сметно-нормативной базы для определения сметной стоимости работ, направленных на сохранение объектов культурного наследия (действуют коэффициенты изменения стоимости ремонтно-реставрационных работ от уровня цен 1984 г. к текущему уровню, сформированные в 2012 г.).

- несовершенство инструмента сохранения памятников архитектуры и историко-культурной среды с помощью формирования зон охраны и режимов допустимого вмешательства в пределах данных зон; повсеместное нарушение или отсутствие юридически закреплённого статуса данных зон.

- ориентация современной законодательной базы в области сохранения и реставрации памятников на задачи музеефикации наследия, которые в настоящий момент не являются актуальными для значительной части ОКН.

- недостаточно четкое смысловое обозначение вида деятельности по сохранению объектов культурного наследия, связанного с приспособлением ОКН для современного использования; недостаточная дифференцированность (конкретизация) спектра задач данной деятельности.

3. Проблемы финансирования:

- отсутствие системы целенаправленного регулярного финансирования и планирования бюджета в области сохранения памятников; выделение бюджетных ассигнований в области культуры по остаточному принципу; несвоевременное и недостаточное бюджетное финансирование, требующее ускоренных темпов его

освоения без учета соблюдения необходимых этапов организации научно-реставрационного процесса;

- неравномерность в распределении средств бюджета: выделение значительных средств на знаковые объекты (памятники федерального значения, усадебные и ландшафтные комплексы, монастырские ансамбли, крупные храмы), практика «показательных восстановлений», приуроченных к юбилейным и торжественным датам; отсутствие единой системы финансирования памятников регионального значения в муниципальной собственности из средств муниципальных бюджетов;

- слабая эффективность государственных программ в области сохранения культурного наследия;

- неэффективность конкурсной системы выбора поставщика услуг в сфере сохранения объектов культурного наследия, основанной на понижении стоимости работ и уменьшении сроков их выполнения; заинтересованность в быстром освоении финансовых средств организациями при отсутствии в составе квалифицированных специалистов-реставраторов;

- вследствие проблемы системы частного финансирования в реставрации – диктат заказчика при проведении научно-реставрационных работ; отсутствие объективного механизма контроля за исполнением обязательств;

- положение за кругом потенциального частного инвестирования объектов социально-культурного назначения, находящихся на дотационном бюджетном финансировании; проблема финансирования реставрационно-восстановительных мероприятий на культовых зданиях, переданных в безвозмездное пользование церковным организациям;

- в связи с недостаточностью финансирования – проблема экономии технических средств и материалов в ущерб качеству реставрационно-производственных работ;

- отсутствие системы финансирования мониторинга, профилактического содержания, поддерживающих консервативных мероприятий на памятниках.

4. Методологические проблемы:

- утрата фундаментальных основ архитектурно-реставрационной методологии, нивелирование принципиально разных задач реставрационной и строительной деятельности;

- искажение основополагающих принципов и целей реставрационной деятельности подменой понятия «научная реставрация» термином «ремонтно-реставрационные работы»; вытеснение работ по консервации и реставрации памятника ремонтными работами;

- ориентация на воссоздания памятника в рамках «иконографического» подхода; вытеснение основополагающей задачи реставрации – сохранения подлинной материальной структуры объекта культурного наследия (фактическая подмена сохранения памятника работами по его перебору и демонтажу с последующим воссозданием в виде «копии-макета»); отсутствие понимания неприкосновенности подлинной материальной структуры памятника; нивелировка понятий «подлинник» и «подделка» в профессиональном и общественном сознании;

- утрата конкретно-индивидуального, аналитического подхода к памятнику как одного из главных принципов научной реставрации, тенденция создания обобщенных универсальных методик по работе с объектами культурного наследия («свод актуальных методик»);

- формализация условия сохранения «предмета охраны», при которой допускаются искажения подлинной материальной структуры и архитектурно-художественных характеристик памятника в рамках его реконструкции и модернизации под современное функциональное использование;

- практика вольных дополнений и перестроек в рамках современного архитектурного проектирования, искажающих образные характеристики памятника и особенности его восприятия в историко-градостроительной среде (повышение высотности за счет надстройки этажей, расширение исторического объема, сохранение лицевого фасада при полной реконструкции объемно-планировочной структуры («фасадизм»));

- низкая степень сохранности планировок и интерьеров объектов культурного наследия, наличие многочисленных ремонтов, искажений

и перепланировок предыдущих периодов, создающих существенные затруднения при выявлении и восстановлении исторической пространственно-планировочной структуры;

- значительное искажение исторического архитектурного облика памятников за счет нарастания культурного слоя, что создает сложности в регулировке технических аспектов реставрации и приспособления в соответствии с современными нормативами;

- недостаточность информации об исторических приемах, нормах проектирования и строительства усложняет процесс комплексного изучения памятников;

- несоответствие исторически сложившихся параметров градостроительной ситуации современным действующим нормам проектирования;

- ограничение сроков выполнения проектно-реставрационных работ, отсутствие учета специфики параллельного ведения научно-исследовательской и проектной деятельности, лежащей в основе научной реставрации; сокращение стадии комплексных научных исследований, составляющих важнейшую часть реставрационного процесса; формализация стадии согласования научно-реставрационной документации;

- функциональное приспособление памятника для современного использования оказывается приоритетным перед задачей сохранения его аутентичности и подлинной материальной структуры;

- отсутствие системы мониторинга, профилактического содержания, поддерживающих консервативных мероприятий, позволяющих своевременно выявлять и локально устранять проблемы памятников.

5. Проблемы кадрово-профессионального обеспечения в сфере сохранения объектов культурного наследия:

- уничтожение системы профильных государственных реставрационных организаций;

- вытеснение научно-реставрационных организаций крупными строительными коммерческими компаниями или фирмами, не имеющими квалифицированных специалистов должного уровня,

происходящее в условиях развития конкурсной системы обеспечения реставрационной отрасли;

- проблема конфликта профессионального мышления специалистов в области современного архитектурного и градостроительного проектирования и специалистов в сфере научной реставрации;

- недостатки образования в сфере архитектурной реставрации, низкая степень нацеленности учебных программ на современные нормативные требования в области реставрационного проектирования и экспертной деятельности;

- утрата традиционной организованной формы решения реставрационных задач профессиональным сообществом – системы коллегиального обсуждения на общественных началах (утрачены актуальные функции и значение института Федерального научно-методического совета (создан приказом Министерства культуры РФ от 19 августа 2009 г. N 564), связанные с формированием экспертного мнения и научно-реставрационными подходами в области сохранения особо значимых объектов культурного наследия).

- порядок проведения государственной историко-культурной экспертизы, выполняемой на коммерческой основе, практически исключил научно-методическую функцию экспертизы, а также обусловил субъективность экспертной оценки и ее ограниченность рамками отдельной архитектурно-реставрационной школы;

- низкая степень владения нормами современного проектирования среди специалистов в области работы с ОКН и специалистов-экспертов;

- проблема «вымывания» профессиональных кадров, ликвидации или переориентации специализированных опытных проектно-реставрационных и производственных мастерских; снижение уровня профессионального владения основами реставрационной теории и методики, недостаток опыта практической деятельности;

- утрата преемственности передачи профессионального опыта и традиции, в том числе, утрата архивов научно-исследовательской и реставрационной документации предыдущих поколений специалистов-реставраторов;

- внедрение альтернативной «независимой» системы проведения аттестации, приводящей к размыванию стандартов и требований в профессиональной реставрационной среде;

- отрыв научно-реставрационных коллективов от производственной базы;

- ликвидация отдельных узкопрофильных реставрационных специальностей, утрата системы профессиональной подготовки специалистов-реставраторов реставрационно-производственного сектора (каменщиков, отделочников, плотников и др.);

6. Проблемы реставрационно-производственной базы, реставрационных материалов и технологий в практике производства работ:

- снижение качества производства реставрационных работ за счет снижения качества материалов, технологий, неквалифицированной рабочей силы;

- конфликт требования максимального сохранения исторической достоверности конструкций и материалов с современными технологиями производства работ, материалами, а также стремлением к сокращению производственно-реставрационного цикла и снижению его трудоемкости; утрата классического для архитектурной реставрации принципа повторения древних технологий;

- пренебрежительное отношение к древним скрытым конструкциям и деталям памятника;

- отсутствие условий проведения наукоемких исследований, разработки и апробации новых реставрационных материалов.

7. Проблемы содержания и использования объектов культурного наследия:

- отсутствие действенного механизма контроля за сохранением и содержанием объектов культурного наследия, в том числе федерального значения, состоящих в частной собственности;

- проблема включения объектов культурного наследия в современный отечественный рынок (туристический рынок, рынок жилья), отсутствие проработанных механизмов в данных экономических секторах для последовательного решения проблем памятников;

- проблема включения памятников в хозяйственный оборот с изменением их исторической функции (изменение функции относится к реконструкции, которая не входит в спектр допустимых работ по сохранению ОКН согласно действующему законодательству).

Анализ предпосылок смены парадигмы современной реставрации рубежа XX - XXI вв. на основе теории временных циклов.

Исследователь Б.М. Матвеев вводит понятие парадигмы как главного объединяющего начала в сфере охраны и сохранения культурного наследия. Под парадигмой понимается доминирующая в конкретный исторический период «совокупность ценностных установок, идей, взглядов и понятий, обуславливающих единый стиль мышления; признание фундаментальных теорий, методов теоретических исследований и практических способов достижения целей, которые принимаются и разделяются научным сообществом» [143, с. 127].

Традиционная парадигма сохранения наследия, последовательно развивавшаяся в XIX – XX вв., в последней трети XX в. начала претерпевать инверсию. Перемены пришлись на смену циклов поколений традиционной профессиональной школы реставрации. Памятник утрачивал роль неприкосновенного свидетельства прошлого, а его актуальный смысл стал связываться с трактовкой в контексте современности, что обусловило нивелировку принципа неприкосновенности наследия и дало импульс формированию новых взглядов на проблему наследия. А.С. Щенков отмечает: «Главным оказывается не памятник как таковой, не сохранившийся фрагмент городской застройки в его подлинности, а наше его прочтение, наши версии, касающиеся его содержания, его связи с современностью. Такой подход, внедряясь в сознание, со временем открывает широкое поле для переделок и трансформаций объектов наследия» [260, с. 155]. Общим негативным явлением для сферы сохранения наследия, по мнению исследователя, является авангардная система оценок, новации языка и цинизм в современной культуре.

Аналогичный смысл заключен в суждении Б.М. Матвеева, говорящего о том, что условиях переходного периода от постиндустриальной к информационной эпохе процессы развития глобальной экономики оказали решающее влияние на формирование новой парадигмы сохранения и приспособления исторической архитектуры. Рубеж XX – XXI вв., согласно высказыванию Матвеева, «характеризуется сменой ранее господствовавшей традиционной ценностно-мировоззренческой парадигмы на технократическую, сформировавшуюся в условиях становления информационного общества и симулятивной культуры постмодерна, порождающей новое эстетическое восприятие действительности» [143, с. 158, 159]. С.Б. Куликов говорит о проблеме выбора «культурного кода», а также о проблеме обезличивания реставрации, отмечая при этом необходимость создания общей теории архитектурной реставрации и идеологии культурной политики как фундамента ее развития.

Общими признаками смены парадигмы на рубеже веков становятся тиражирование, смешение жанров, «деконструкция и тотальное разрушение традиционных форм в искусстве». Характерной особенностью новой идеологии сохранения наследия становится поиск подходов на основе углубленных междисциплинарных научных исследований. Вместе с тем, одну из фундаментальных проблем отечественной реставрации представляет отсутствие целостного объединяющего видения ее подходов и задач реставрации на рубеже XX – XXI вв. Информационная рассредоточенность затрудняет возможность эффективной коммуникации между различными специалистами в сфере сохранения культурного наследия. Поиск решения данной проблемы приводит к необходимости анализа базовых основ реставрационной науки, обобщения современного опыта практической деятельности и понимания приоритетов дальнейшего развития с позиций сохранения национальной культуры.

Для определения предпосылок смены современной реставрационной парадигмы на рубеже XX – XXI вв. обратимся к обобщающему анализу развития теории и практики архитектурной реставрации, которое во многом определилось отношением к культурному наследию в различные периоды жизни страны. Роль временного фактора в оценке объектов

культурного наследия объясняет теория временных циклов в культурно-историческом процессе, разработанная на рубеже XIX – XX вв. и описывающая закономерности изменения стилей в определенные одинаковые промежутки времени. Б.М. Матвеев применяет данную теорию к определению историко-культурной значимости памятников различных периодов.

Механизм эволюции теории и практики отечественной реставрации во взаимодействии с профессиональной и общекультурной мотивацией проанализирован на обширном фактическом материале А.С. Щенковым. Исследователь замечает витки некоей эволюционной спирали, дающие сложный рисунок эволюции общественного сознания, в частности – в его отношении к культурному наследию [261]. Теория временных циклов применима при наблюдении эволюции отношения государства и общества к сохранению отечественного наследия на протяжении XX – начала XXI вв.

На основе принятой теории выявляются особенности эволюции отечественной реставрационной школы в XX в., законодательная деятельность и ее влияние на реставрационную практику в СССР в довоенный и послевоенный периоды, трансформация идеологического отношения к сохранению наследия в контексте выделенных автором временных циклов.

Довоенный этап становления системы реставрации и охраны памятников СССР характеризовался полярными тенденциями в области идеологии сохранения наследия:

- период 1917 г. – первой половины 1920-х гг. характеризовался предпосылками создания целостной государственной и общественной системы по охране и использованию историко-культурного наследия, опиравшейся на формирующуюся новую законодательную базу; направлением на национализацию и музеефикацию памятников; приданием охране памятников общегосударственного значения; инерционностью в отношении к сохранению и реставрации культурного наследия, в области которого продолжали действовать дореволюционные подходы и принципы, централизацией реставрационных сил в рамках единой государственной организации (ЦГРМ).

- период второй половины 1920-х – 1930-х гг. характеризовался ужесточением идеологизации государственной политики в отношении сохранения памятников; падением авторитета постановлений об охране памятников и утратой влияния деятельности в области охраны и реставрации памятников; крупными реорганизациями и упразднениями в системе охраны памятников; беспрецедентными кампаниями по уничтожению объектов культовой и гражданской архитектуры.

- период второй половины 1930-х – начала 1940-х гг. характеризовался изменением идеологии отношения к наследию прошлого в связи с осложнением международной ситуации; предпосылками укрепления патриотических настроений; направленностью на усиление системы охраны памятников; программной ориентацией на охрану наследия архитектуры; появлением существенно новых черт в отношении к наследию как части национальной культуры, особенно выраженных в послевоенных восстановлении.

Послевоенный период развития дела охраны и реставрации памятников в СССР характеризовался следующими тенденциями и конфигурирующими факторами в отношении к наследию:

- период 1940-х – середине 1950-х гг. – выход на уровень государственной значимости задач возрождения разрушенного наследия архитектуры, ставшего символом единения пострадавшей в войне нации; организация памятникоохранительной деятельности с первых военных лет (создание специальных комиссий по обследованию и фиксации памятников на освобожденных территориях); совершенствование законодательной базы в сфере охраны наследия; восстановление централизованной научно-производственной системы страны (Центральные проектно-реставрационные мастерские); организация разветвленной региональной системы научно-реставрационных производственных объединений на территории СССР и формирование на базе их деятельности крупнейших архитектурно-реставрационных школ (Московская, Ленинградская, Новгородская, Псковская, Владимиро-Суздальская); систематизация опыта, формирование методологической базы реставрации и единого порядка

производства работ; переход к решению комплексных реставрационных задач, расширение спектра приемов и подходов; программная ориентация на восстановление знаковых объектов в довоенном виде; развитие градостроительного направления памятникоохранительной деятельности; развитие интереса к памятникам в связи с активизацией туризма.

- середина 1950-х – 1960-е гг. - усиление негативных тенденций в отношении к отечественному наследию на фоне антирелигиозной государственной политики; усиление памятникоохранительной деятельности на законодательном уровне (постановления; сокращение государственного финансирования реставрации (до 50 %); изменение образной направленности советской архитектуры (развитие индустриального домостроения, запрет на декоративное «украшательство»); обострение проблем научно-методического характера в реставрации, усиление фрагментарных реставрационных подходов; сокращение реставрационных работ на памятниках с увеличением доли консервационных работ и частичных реставраций в общем объеме восстановительных мероприятий; стремление к территориальной локализации памятников архитектуры на основе кремлевских или монастырских ансамблей в рамках музеев-заповедников.

- середина 1960-х – 1980-е гг. - закрепление механизмов нормативно-правового регулирования в сфере охраны памятников на законодательном уровне; сближение официальной, профессиональной и общественной позиций по проблемам сохранения и реставрации наследия архитектуры; расширение контактов с Западом, имплементация принципиальных международных положений в отечественную научно-методическую и законотворческую деятельность; достижение единой государственной политики финансирования, защиты, поддержания и реставрации наследия на основе государственного заказа; формирование уникального опыта добровольческих практик реставрационных работ; расширение реставрационной системы, повышение объемов и освоения бюджетного финансирования реставрационных работ; централизации реставрационных сил за счет укрупнения реставрационных мастерских,

объединения проектных и производственных секторов; формирование новых видов архитектурно-реставрационной деятельности, связанных с развитием внутреннего туризма (скансенологическое направление, средовой подход, комплексная градостроительная реконструкция с учетом историко-культурного зонирования городской ткани); расширение диапазона приемов и методов в рамках задач комплексной реставрации и обеспечения современного функционального использования памятника.

Таким образом, послевоенный период XX в. стал наиболее результативным этапом развития отечественной реставрационной науки и практики. В течении нескольких десятилетий на научной основе были осуществлены прорывные работы в области восстановления памятников архитектуры и искусства. Также данный период характеризовался важнейшими достижениями по организации и развитию форм взаимодействия структурообразующих элементов реставрационной сферы. Объединяющим условием развития научно-реставрационной отрасли являлась государственная поддержка с плановым систематическим финансированием. К таким важнейшим элементам относились: система крупных реставрационных центров на столичном и региональном уровнях, Научно-методический совет (НМС) Министерства культуры, Государственный институт реставрации, выполнявший разработку реставрационных методик, технологий и материалов.

Реставрировались как уникальные памятники, так и объекты культурного наследия, расположенные в структуре рядовой исторической городской застройки. Работа с памятниками в эти годы приобрела более комплексный характер. Происходило нивелирование региональных особенностей реставрационных школ, ставших использовать полный спектр реставрационных подходов. При этом основной метод состоял в объединении тенденций целостной и фрагментарной реставрации. Появилось стремление придать памятникам современное использование, преемственное первоначальному назначению.

В конце XX – начале XXI вв. в проблематике исторического наследия значимое место заняли вопросы градостроительной среды и допустимых пределов архитектурно-художественного обновления. Авангардом архитектурной идеологии (особенно на столичном уровне) становились

уничтоженные сооружения прошлого, обладавшие в императорское время значительной смысловой ценностью. Отмечено, что идеологический вакуум стал наполняться новым прошлым – реконструкциями исторических зданий в натуральную величину. Данный временной этап можно назвать периодом нового историзма, квинтэссенцией которого становились воссоздания утраченных символов и архитектурно-градостроительных доминант (храм Христа Спасителя), способных объединить и придать смысл историческому пространству города.

Этап 1990-х – 2000-х гг. связан с коренными социально-политическими изменениями, затронувшими сферу охраны памятников и сложившуюся в течение предыдущих десятилетий систему реставрации. Последовало разделение государственной собственности на федеральную и муниципальную. В условиях рыночных отношений началась приватизация памятников истории и культуры, памятники становились частной собственностью. На фоне общего духовного подъема последовала передача культовых зданий религиозным организациям. В этих условиях остро ощущалась проблема законодательного обеспечения сохранения объектов культурного наследия с учетом современных экономических условий.

В результате законодательных и структурных изменений развитие реставрационной отрасли с 1990-х гг. характеризовалось деформацией сложившейся организационной и профессиональной системы. Централизованная система специальных научно-реставрационных производственных мастерских оказалась ликвидированной: начала создаваться сеть негосударственных реставрационных предприятий. Определяющим фактором стало формирование системы частного финансирования работ по сохранению наследия. Это повлекло смещение приоритетного направления в сторону приспособления объектов культурного наследия для современного использования. Возникло понимание того, что памятник, не включенный в современную жизнь, гибнет. Однако, отрицательной стороной данной тенденции стали значительные деформации, утраты, невосполнимый урон объектов культурного наследия, связанные с их приспособлением.

Преобладающая система частного финансирования в реставрации порождает множество проблем, связанных, в первую очередь, с диктатом заказчика и отсутствием объективного механизма контроля за

исполнением обязательств. Несовершенство системы финансирования и управления в сфере охраны ОКН приводит к тому, что значительное число памятников в настоящий момент находится аварийном состоянии (особенно неблагоприятная ситуация складывается в регионах, где число аварийных памятников достигает значительного процента (г. Бийск Алтайского края – до 50 %), подавляющее число ценной застройки разрушается.

С 2002 г. по настоящее время правовое обеспечение охраны отечественного культурного наследия регулируется Федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и развивающими его нормативными актами. Закон содержит ряд положений, принципиально новых по отношению к предыдущей нормативной базе. Произошла замена базовых понятий (понятие «памятник» было заменено категорией «объект культурного наследия», «аспекты ценности» - «предметом охраны», установка на сбережение подлинности трансформировалась в «обеспечение физической сохранности объекта культурного наследия») [93].

Вместе с тем, законодательство не охватывает всего многообразия проблем и ситуаций в реставрационной области, а существующие лакуны в нормативно-правовой базе способны уменьшить воздействие принципиальных положений законов. В то же время, систематически появляющиеся дополнения в нормативной базе и порядке применения служат ее устареванию, увеличивают сроки согласования, в итоге негативно сказываясь на решении практических вопросов сохранения памятников. Очевиден конфликт между задачами сохранения памятника и приоритетом частных интересов собственника.

В практике реставрации и приспособления становится существенной проблема изменения функционального использования объектов культурного наследия. Музеефикация сегодня является наиболее щадящим подходом по отношению к памятникам, преимущественными работами в данном случае становятся реставрация и консервация. Кроме того, современная законодательная база в области сохранения и реставрации памятников во многом формировалась в соответствии с задачей музеефикации наследия. Отечественная

практика показывает, что наиболее содержательными с научно-методической точки зрения примерами реставрационных работ являются знаковые исторические объекты, сохраняющие первоначальную функцию (культовые здания, театры, музейные комплексы, вокзалы, дворцовые здания, ставшие представительскими (Дом Пашкова в Москве, где размещена Российская Государственная библиотека).

Вместе с тем, на фоне изменения современной экономической ситуации и культурной политики, в архитектурно-реставрационную практику вошли новые приемы: воссоздание утраченных зданий, «фасадизм» – восстановление исторического лицевого фасада здания при полной или частичной трансформации его внутренней структуры [143]. Как правило, даже при сохранении внешнего объема, внутренняя планировочная структура памятника оказывается значительно искаженной. Наряду с этим распространены примеры изменения объема в пользу расширения здания за счет освоения подземного пространства, надстроек его верхними этажами, возведения дополнительных объемов. К концу 1990-х гг. повсеместным стало использоваться «макетирование» памятников и объектов исторической застройки, когда объекты городской среды намеренно разрушаются с целью воссоздания в новых материалах.

Нехватка своевременного, объективного и действенного контроля часто приводила к необратимым потерям и разрушениям уникальных объектов исторической застройки (как это произошло с художественными интерьерами при восстановлении ОКН федерального значения – Юсуповского дворца в Москве, 2004 г.). Все большее место в практике занимают примеры «поновительских» реставраций, ведущих к утрате подлинности и уникальных характеристик объектов (реставрация иконостаса XVIII в. Успенского собора в Туле).

Основные проблемы российской современной архитектурной реставрации отражаются на практике в виде методических и конструктивно-технических ошибок, приводящих к усугублению проблем и дальнейшим неблагоприятным состояниям памятников (реставрация Архиерейских палат Нижегородского Печерского

монастыря, 2003 г.). Возрастающее число прецедентов изъятия памятников из собственности по причине самовольных реконструкций подтверждает необходимость усовершенствования действующего законодательства («Городская усадьба В.Ф. Колесникова – Саргиных – М.Е. Шапатиной, кон. XVIII в. – нач. XX в. Главный дом с торговыми помещениями, кон. XVIII в., 1810-е гг., сер. XIX в., 1900-е – 1910-е гг.» в Москве; реконструкция 2005 г.).

К положительным тенденциям данного витка исторического цикла можно отнести возвращение добровольческих традиций сохранения историко-культурного наследия и консолидацию сил специалистов и общественности, характерные для 1980-х гг. Значимая роль в этих процессах принадлежит активной общественности регионов.

Таким образом, в развитии практики сохранения и реставрации памятников архитектуры XX – начала XXI вв. отчетливо прослеживаются периоды смены отношения к наследию, обусловленные общей политической ситуацией в стране. Эти периоды, или временные циклы, характеризовались изменением подхода от осознания уникальной ценности наследия и необходимости сохранения до полярного ему обесценивания и разрушения. Особую интенсивность данные процессы приобрели в советский период (1917 – конец 1980-х гг.), когда общее отношение к памятникам непосредственно определялось идеологическими мотивами. В годы, когда национальные начала культуры противоречили поддерживаемой государством идеологии, наследие подвергалось гонениям. В периоды государственного или национального патриотизма вопросы охраны и популяризации наследия выходили на первый план.

На отдельных этапах наблюдался очевидный разрыв между официальной государственной позицией и реальными действиями в области охраны памятников, дуализм и неоднородность культурной политики, чередование резко негативного идеологического отношения, вплоть до его физического уничтожения наследия, с периодами реабилитации. Отношение к памятнику как пережитку прошлого, в той или иной степени определившее внутреннюю политику целенаправленного уничтожения наследия, ярко проявилось в идеологических кампаниях 1920-х – 1930-х, 1950-х – 1960-х гг. (кампании по ликвидации церквей, градостроительные преобразования в связи с идеей

построения социалистического города, разгром деревенской крестьянской культуры и вымирание «неперспективных» деревень, закрытие монастырей, гибель памятников в зонах затоплений ГЭС, борьба с архитектурными излишествами, формирование принципов тотального сноса исторической средовой городской застройки).

Данные тенденции оказывали существенное влияние на развитие реставрационной методологии. Несмотря на общепризнанный приоритет основных положений научной реставрации и законодательные меры, преемственные международным принципам в сфере охраны наследия, в реставрационной практике существовали неоднородные тенденции, значительное расхождение во взглядах на проблемы памятников. Ориентация на целостные реставрации, сложившаяся в 1920 – 1930-е гг., в послевоенный период получила программный государственный характер. Вместе с тем, в определенные периоды наблюдалось усиление развития метода фрагментарного восстановления. Реставрационная практика, особенно на региональном уровне, испытывала значительные трудности в связи с идеологическими установками, проблемами финансового, организационного, методологического характера, приспособлением памятников под утилитарные функции. На многих объектах работы приобретали ограниченный характер, сводясь к частичным раскрытиям или утилитарным ремонтам, размывавшим образные и семантические характеристики памятников.

В то же время, внешнеполитические события (военные конфликты и их разрушительные последствия, расширение западноевропейских контактов) давали импульс развитию патриотических настроений и формированию целенаправленной государственной политики в сфере сохранения национального наследия. Послевоенные десятилетия, связанные с беспрецедентными восстановлениями разрушенных памятников, послужили созданию единой организационной системы, выработке законодательной политики, профессионализации научно-реставрационной отрасли. Наиболее плодотворный период второй половины 1960 – 1970-х гг. характеризовался оформлением единой целенаправленной государственной политики в сфере сохранения наследия; формировалась региональная культурная политика. Реализация программы государственного заказа обеспечивала гарантии защиты

памятников, поддерживая их сохранение направленным финансированием, и в том числе, представляя их как объекты туристического показа в рамках развития единой системы внутреннего туризма. На данном этапе значительное развитие приобрели региональные архитектурно-реставрационные школы.

Данные аналитические выводы были визуализированы в форме графика, наглядно показывающего картину эволюции отношения к сохранению отечественного наследия архитектуры с позиции концепции временных циклов (прил. 5, табл. 32).

Выявлены основные переломные моменты (ключевые точки), пришедшиеся на XX в. и связанные со сменами идеологического вектора государства, экономической политикой, военными потрясениями, общемировой ситуацией. В результате проведенного анализа прослеживается повторяемость смены положительного и отрицательного отношения к проблеме наследия с точками максимального подъема или упадка. График позволяет проследить механизм взаимосвязи эволюционных процессов в отечественной реставрационной теории и практики с отношением к вопросам сохранения исторического наследия архитектуры на государственном (идеологическом) и общественном уровне. Наглядно иллюстрируется ведущая роль идеологической мотивации в сфере наследия, предшествовавшей и задававшей то или иное направление процессам сохранения и реставрации памятников на протяжении XX в. и на рубеже XXI в. Проведенный анализ позволяет выделить положительные тенденции, определяющие вероятный вектор развития сферы сохранения наследия и реставрации в дальнейшем.

Очевидно, сегодня в отношении к историко-культурному наследию на государственном и общественном уровнях, в целом, видна положительная динамика. Сохранение культурного наследия является основой национальной самоидентификации народа, сохранения самобытности регионов, городов, исторических поселений. Важную роль играют международные принципы в области охраны памятников, культурных ландшафтов, исторических ансамблей городов. Сохранение объектов культурного наследия расценивается как необходимая составляющая градостроительного развития и создания комфортной городской среды XXI в.

В основе комплексного подхода остается стремление к сохранению образной индивидуальности памятника и его оригинальных особенностей традиционными методами научной реставрации. Вместе с тем, несмотря на более чем полуторавековую историю реставрационной мысли, начавшей развиваться с середины XIX в., вошедшей в свой «золотой» период во второй половине XX в. и задавшей основу современного научного сохранения памятников архитектуры и градостроительства, сегодня картина реставрационной практики неоднозначна. Принципы научной реставрации, ставшие основополагающими и заключающиеся в понимании подлинности, аутентичности, научности, в настоящее время претерпевают инверсию в общественном и политическом сознании.

Сегодня наблюдается расширение поля критического осмысления методов и подходов в реставрации. Работы, даже имеющие в основе научный подход и бесспорное историко-фактологическое обоснование, с точки зрения реставрационной методики оцениваются неоднозначно. Проблему составляет выбор оптимального сценария работы с памятником, отвечающего задачам сохранения его идентичности и, вместе с тем, подразумевающего включение объекта в современную жизнь. Выявленная автором тенденция доказывает необходимость дальнейшего осмысления имеющегося опыта и формирования преемственных подходов к сохранению наследия, развивающих базовые принципы реставрации и подчеркивающих их значение в современных условиях.

Картина реставрационной деятельности конца XX – начала XXI вв. показывает, что практика в данной области во многом противоречит тем принципам и методам сохранения, которые были актуальны в XX столетии. Отсутствие собственной нормативной базы в реставрационной отрасли порождает целый комплекс противоречий (законодательных, технических, регламентных) при решении вопросов сохранения памятников архитектуры. На фоне данной проблемы усугубляется ситуация стихийного незаконного уничтожения памятников, состояние которых не позволяет включить их в современный контекст.

Сегодня актуальной задачей становится разработка систематизированного нормативно-правового и методического

обеспечения реставрации, отвечающего ее базовым принципам и расширяющего возможности сохранения памятников в современных условиях.

Концепция перезагрузки архитектурно-реставрационной практики в России

Правовое обеспечение охраны отечественного культурного наследия регулируется Федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (2002 г.) [4]. Закон апеллирует к ряду европейских документов международного значения, сформировавшихся на протяжении XX в. и являющихся основополагающей базой в сфере сохранения культурного наследия. Общие принципы сохранения объектов культурного наследия (ОКН) сформулированы в «Международной хартии по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест», принятой в Венеции в 1964 г. (Венецианская хартия) [20] и заменившей и дополнившей принципы Афинской хартии 1931 г. [14].

Российское государство является страной-участником и поддерживает принципы ЮНЕСКО – Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (созданной в 1945 г.). В 1972 г. ЮНЕСКО приняла Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия [24]. К числу базовых международных правовых организаций, аккумулирующих деятельность по сохранению наследия в России, относится Международный совет по охране памятников и достопримечательных мест ИКОМОС (основан в 1965 г.). Важнейшими документами в данной сфере являются: Рекомендация ЮНЕСКО «О сохранении и современной роли исторических ансамблей (1976 г.) [28], Международная хартия по охране исторических городов (Вашингтонская хартия 1987 г.) [21], «Нарский документ о подлинности» (1994 г.) [22].

Венецианская хартия 1964 г. является основополагающим документом мирового значения при проведении реставрационных работ: научная теория реставрации, воспринявшая ее принципиальные

основы, определила базовые методологические направления в этой сфере деятельности.

Современная научная реставрация опирается на комплексный подход к сохранению наследия. Он характеризуется признанием ценности позднейших наслоений и стремлением к их сохранению с безусловным научно-документальным обоснованием форм восстанавливаемых элементов. Основной задачей реставрации является продление жизни памятника при стремлении к минимальному вмешательству в историческую ткань. Специфической особенностью реставрации памятников архитектуры, отличающей ее от проектирования и строительства новых зданий, является неотделимость составления проекта от производства работ в натуре, их одновременность. Разнообразие строительных материалов, конструктивных особенностей, приемов композиции и декоративного убранства в различных памятниках архитектуры, различный характер поздних изменений предопределяет такое же разнообразие стоящих перед архитекторами-реставраторами задач и методов их решения.

Анализ международных правовых документов и существующего опыта в сфере охраны культурного наследия уже на рубеже XX – XXI вв. поставил специалистов перед необходимостью разрешения накопившихся в теории и практике противоречий. Исследователь архитектуры Н.О. Душкина подчеркивала: «мы стоим на пороге новой эпохи в истории архитектурной реставрации, и, вероятно, пройдет еще не одно десятилетие, прежде чем удастся вновь получить ясную картину в отношении наследия и современных методов его сохранения» [93; с. 39, 40].

В условиях переходного периода от постиндустриальной к информационной эпохе процессы развития глобальной экономики оказали решающее влияние на формирование новой парадигмы сохранения и приспособления исторической архитектуры. Д.О. Швидковский развивает мысль, что выработка отношения к историческому облику городов составляет проблему не только профессионалов-реставраторов, которые могут предложить способы ее реализации, но и «...требует много более сложного и обязательно

долгого пути формирования нового понимания наследия предшествующих поколений, его роли в национальной культуре» [235].

На основе анализа современных проблем сохранения культурного наследия можно сделать вывод о существенном разрыве между фундаментальными основами и практикой реставрации в России на рубеже XX – XXI веков.

Актуальные задачи, направленные на изучение и переосмысление фундаментальных основ реставрационной деятельности, можно сформулировать следующим образом:

- теоретическое обобщение основных практических результатов деятельности в сфере сохранения отечественного и мирового культурного наследия на различных этапах;

- уточнение типологической классификации объектов культурного наследия в аспекте их ценностных характеристик;

- выявление, обоснование и критическая оценка основных сложившихся методологических подходов к сохранению наследия;

- уточнение понятийно-терминологического аппарата и предметной области его применения;

- анализ и уточнение законодательной базы, регулирующей сохранение культурного наследия на российском и мировом уровне.

Развитие спектра перечисленных задач – основа понимания современных перспектив научной реставрации в начале XXI века.

На основе рассмотренных проблем современного критического состояния сферы сохранения культурного наследия России и отечественной реставрационной отрасли, представляется принципиально важным сосредоточить внимание на следующих задачах (прил. 5, табл. 35):

1. Проработка вопросов организации сферы охраны культурного наследия и осуществления реставрационной деятельности на различных уровнях государственного управления:

Важным условием вывода отрасли из кризиса является систематизация деятельности по охране и реставрации объектов культурного наследия и формирование единой согласованной государственной структуры управления (в сфере деятельности Министерства культуры РФ). Значимой мерой восстановления

фундаментальных основ реставрационной отрасли и охраны культурного наследия является восстановление организационной структуры с центральным ведущим научно-методическим органом – Федеральным научно-методическим советом. Необходимым условием представляется сохранение сформированной разветвленной научной и методологической базы для ведения сложных реставрационных работ разного профиля (Государственный научно-исследовательский институт реставрации МКРФ, ЦНРПМ, НИиПИ Спецреставрация, Центр им. И.Э. Грабаря, региональные реставрационные центры, реставрационные мастерские крупнейших федеральных и региональных музеев; специализированные учебные заведения для подготовки специалистов различных направлениях реставрационной деятельности и т.д.).

2. Комплексная проработка законодательно-правового обеспечения в сфере сохранения и использования объектов культурного наследия, формирование нормативной базы научно-реставрационного проектирования:

Законодательно-правовая база, регулирующая охрану исторической застройки и градостроительную деятельность на федеральном уровне, нуждается в более четкой системной проработке и снабжении действенными инструментами влияния. Данная задача выполнима при условии неформального приоритета проблемы сохранения историко-культурного наследия на государственном уровне.

Существует необходимость разработки и принятия на федеральном государственном уровне законодательной документации, учитывающей современные проблемы реставрационной деятельности и актуализирующей цели, основные категории и средства научной реставрации. Необходим анализ и уточнение понятийно-терминологического аппарата с более четким определением, разграничением видов деятельности на памятнике и регламентацией процессов, допустимых при работе с объектами культурного наследия. Необходимо обеспечить приоритетную цель сохранения культурного наследия и выработать соответствующий механизм изменения нормативных требований, разработанных для проектирования

современных зданий и сооружений, в соответствии с реставрационными задачами; координация нормативной базы с требованиями технических регламентов и норм строительного комплекса. Важна увязка нормативно-технических регламентов с задачами дальнейшего функционирования и использования памятников.

На фоне сокращения числа памятников существует необходимость выявления объектов культурного наследия и утверждения на государственном уровне их списков, в том числе объектов гражданской архитектуры XVIII–начала XX вв.; формирование перечней ценных исторических объектов, участвующих в формировании историко-градостроительной среды. Необходимо формирование мер по остановке «аварийных сносов» памятников.

Существует необходимость более четкого смыслового обозначения вида деятельности по «приспособлению объекта культурного наследия для современного использования» и разграничение спектра задач, решаемых при его осуществлении (с целью ухода от практики реконструкций с элементами реставрации и воссоздания памятника). В современном законодательстве необходима более четкая дифференциация памятников, соотношенная с механизмом их охраны, в зависимости от типологии, функционального использования, видов прав собственности. Требуется устранение противоречий в положениях законодательства, допускающих их вольную трактовку и дающих заказчику возможности уклонения от выполнения законодательства.

Необходимо совершенствование системы ценообразования в сфере сохранения объектов культурного наследия. Актуальна разработка современной сметно-нормативной базы для определения стоимости работ по сохранению ОКН, отвечающей задачам научной реставрации и включающей исследовательские, научно-проектные, производственные (консервационно-реставрационные) работы. Необходима оптимизация состава документации реставрационного проектирования, согласование процессов реставрационного проектирования и производства работ во взаимоувязке с основными положениями методики научной реставрации; адаптация условий финансирования работ к стадиям архитектурно-реставрационных исследований, проектирования и производства.

3. Проработка финансово-экономического сектора обеспечения в сфере сохранения и использования объектов культурного наследия:

Реставрационная сфера нуждается в разработке долгосрочной финансово-экономической программы с преимущественным финансированием работ по сохранению объектов культурного наследия на основе государственного заказа. Необходимо определение поставщика услуг в сфере сохранения объектов культурного наследия. Важным условием является рациональное распределение средств бюджетного финансирования на реставрацию и консервацию объектов культурного наследия исходя из их реального состояния, определение которого должно осуществляться при участии специалистов (Федерального научно-методического совета).

Для особо ценных памятников, утвержденных на государственном уровне, необходим вывод работ по их сохранению и реставрации из системы конкурсных торгов. Необходимо установление особого порядка определения условий конкурса по реставрации объектов культурного наследия и требований к организациям-подрядчикам (с включением в конкурсную документацию реставрационного задания, требования к конечному результату работ, требования к организации о наличии квалификации и опыта в осуществлении аналогичного вида работ с должным качеством, а также в решении сложных реставрационных задач). Результаты многочисленных проведенных работ показывают необходимость ухода от распространенной практики организации дорогостоящих реставраций, выполняемых в сжатый срок к «юбилейной» дате.

Существует необходимость изменения принципов бюджетного финансирования таким образом, чтобы проектные изменения на основе реставрационных открытий могли осуществляться непосредственно в процессе реставрации памятника. Важна проработка показавших себя перспективными форм финансово-правовых отношений в области сохранения объектов культурного наследия (например, система государственно-частного партнерства с преференциями собственникам и пользователям памятников) с проработкой механизма обеспечения исполнения обязанностей по реставрации и поддержанию памятника.

4. Комплексная разработка методологических вопросов научно-реставрационной деятельности:

Важным аспектом развития сферы сохранения и реставрации культурного наследия страны является формирование грамотной концепции, включающей как долгосрочную, так и краткосрочную программы реставрации на основе анализа данных о состоянии памятников, в том числе в рамках региональной культурной политики. Необходимо восстановление авторитета научной реставрации и популяризация основных профессиональных положений, формулировавшихся в процессе ее развития; уравнивание различных аспектов ценности памятника (исторического, художественного и т.д.), учитывающихся при формировании методики реставрации [265; с. 294 – 295]. Необходимо восстановление института авторского надзора и функций коллегиальной выработки и согласования общих реставрационных методологических принципов, рассмотрения актуальных проблем реставрации памятников, обсуждения наиболее значительных или дискуссионных реставрационных вопросов (в форме Федерального научно-методического совета).

Сохранение традиционной методики реставрации во многом определяется преемственностью в передаче профессионального опыта и включением в работу научных материалов, разработанных при восстановлении памятников в предыдущие реставрационные циклы. Необходимо соблюдение методологии реставрационного проектирования, при которой натурные исследовательские и реставрационно-производственные работы ведутся параллельно, предполагая возможность для корректировки проектных решений исходя из особенностей исторического материала памятника.

На современном этапе основной задачей комплексного восстановления памятников, помимо задач реставрационных, является их приспособление для современного использования. Значимым условием, определяющим успех реставрационных работ, становится максимальное соблюдение равновесия между сохранением подлинных историко-архитектурных особенностей памятника и его грамотным приспособлением с оснащением современными функциональными

инженерными системами. Необходим акцент на конкретно-аналитическом подходе к сохраняемому объекту культурного наследия с разработкой индивидуальной программы реставрации на основе выявленных проблем и особенностей памятника.

Существует необходимость в анализе и переосмыслении традиционных реставрационных подходов с учетом изменения основной функциональной направленности работ по сохранению памятников – ориентацией на приспособление и включение в современный контекст городской среды. Важным условием сохранения научной реставрационной методики является исключение формального подхода к сохранению «предмета охраны», должна быть возвращена ориентация на сохранение архитектурно-художественной целостности, подлинного материала и аутентичной структуры памятника. Значимой частью мероприятий по сохранению объекта культурного наследия должна являться разработанная система мониторинга и поддерживающих консервативных мероприятий.

5. Формирование политики кадрово-профессионального обеспечения в сфере сохранения объектов культурного наследия:

Отечественная архитектурно-реставрационная сфера сегодня нуждается в сохранении и поддержке системы профильных государственных реставрационных организаций (с исключением негативного опыта приватизаций и слияния с коммерческими непрофессиональными организациями). Требуется препятствие процессам монополизации реставрационных процессов в крупных строительных организациях, не имеющих должного профессионального опыта в области восстановления объектов наследия, уход от практики частой смены субподрядчиков на объекте. Важным аспектом является развитие профильной образовательной системы в сфере архитектурной реставрации с необходимым вниманием к современным нормативным требованиям в реставрационном проектировании; восстановление узкопрофильных реставрационных специальностей.

Одним из необходимых условий является регулирование системы государственной аттестации реставраторов, ограждение ее от внедрения альтернативных систем, размывающих специфику профессиональной

деятельности. Также требуется восстановление научно-методической функции экспертизы, исключение субъективности и коммерческой составляющей экспертной оценки.

Важной составляющей является восстановление преемственности в передаче профессионального опыта, сохранение архивов научно-исследовательской и реставрационной документации. Существует необходимость возрождения производственной базы реставрационных организаций.

6. Формирование реставрационно-производственной базы, разработка реставрационных материалов и технологий:

Практика восстановительных работ на объектах культурного наследия показывает необходимость повышения качества производства реставрационных мероприятий, используемых материалов и технологий, необходимость задействования профессиональных реставрационных сил. Требуется проработка реставрационных подходов с учетом взаимодействия принципа сохранения исторической достоверности и тенденции внедрения современных технологий производства работ и материалов. Значимым является восстановление реставрационного принципа повторения древних технологий.

Необходима активизация государственной поддержки научной деятельности реставрационных центров по научным разработкам и исследованиям реставрационных материалов и технологий. Отечественная практика нуждается в разработке высокотехнологичных методов реставрации и приспособления типологически сложных объектов. Существует необходимость создания отечественной базы производства и снабжения реставраторов современными качественными реставрационными материалами с учетом зарубежного опыта, в том числе, приведения отечественных стандартов в соответствие с актуальными нормами Европейского союза. Перспективным представляется создание базы производственно-технологической комплектации для обеспечения реставрируемых объектов необходимым ассортиментом материалов гарантированно высокого качества.

7. Разработка мер, направленных на регулирование механизмов содержания и использования объектов культурного наследия:

Современная ситуация в сфере сохранения объектов культурного наследия показывает необходимость формирования механизма контроля за содержанием памятников, с учетом различий форм собственности. Требуется разработка целесообразных механизмов включения объектов культурного наследия в социально востребованное современное использование с учетом актуальной экономической ситуации (в качестве объектов внутреннего туризма, гостиничного бизнеса, социальной сферы и т.д.).

Существует понимание необходимости комплексно предусматривать возможное функциональное использование памятника исходя из его собственных особенностей и внешних факторов на стадии определения историко-культурных предпосылок для его включения в реестр объектов культурного наследия. При наличии предполагаемого использования, зафиксированного в охранной документации, расширяется возможность более четкого определения спектра работ при сохранении памятника. Вместе с тем, это дает возможность ограничить реконструктивные вмешательства в объемно-пространственную и планировочную структуру, в стилистический, конструктивный характер зданий.

Требуется определение и разработка перспективных форм правовых отношений (например, система государственно-частного партнерства в области сохранения объектов культурного наследия с предоставлением преференций собственникам и пользователям памятников). В качестве одной из частных мер при заключении договора аренды памятника, находящегося в государственной (муниципальной) собственности, предлагается устанавливать в качестве начальной цены минимальную ставку арендной платы. Данные меры должны сочетаться с проработанным механизмом обеспечения исполнения обязанности по реставрации и приспособлению памятника в увязке с действующим законодательством.

Перспективы развития современной архитектурной реставрационной практики в России на основе концепции устойчивого развития архитектурно-исторической среды

На протяжении столетий со сменой различных систем развития общества происходила адаптация наследия, составляющего историко-градостроительную среду. Одновременно складывалось представление об историко-архитектурной среде и понимание ее ценностных характеристик. В начале XX в. во Франции было установлено понятие «прилегающая местность», которым подчеркивалась определенная значимость второразрядных памятников архитектуры, сохранявших роль исторических свидетельств. В развитие данного понимания Г. Джованнони ввел понятие «исторический центр» и расширил интерпретацию термина «памятник» [261, с. 113]. В Германии, испытавшей поражение в Первой мировой войне, во второй половине 1920-х гг. на фоне дискуссии новаторских и консервативных идей начало формироваться новое понимание характера города. Архитектор Э. Май высказывал стремление к преодолению исключительно эстетического взгляда на городскую архитектуру, расширив его социальными, экономическими, транспортными требованиями. В то же время, Май подчеркивал важность спасения «среды» старого города от всего, что противоречит ее характеру.

К. Грубер конкретизировал данный вопрос призывом сохранять пространственный эффект старого города, а неизбежность вторжения в старую застройку компенсировать сохранением ее масштаба и ритма улиц. Положения, высказывавшиеся в конце 1920-х гг., дали импульс различным исследованиям старых городских кварталов, отразившим качественно новое отношение к исторической среде.

Понимание средового подхода в общих чертах было отражено в Венецианской хартии, получив дальнейшее развитие и закрепление на международном уровне в «Конвенции об Охране Всемирного Культурного и Природного Наследия» (16 ноября 1972 г.), Европейской хартии об архитектурном наследии (26 сентября 1975 г.), в рекомендации ЮНЕСКО «О сохранении и современной роли исторических ансамблей» (26 ноября 1976 г., Найроби). Международная хартия по охране исторических городов (Вашингтонская хартия, 1987 г.), «Нарский документ о подлинности» (1994 г., Нара), «Рижская хартия о подлинности и исторической реконструкции» (2000 г., Латвия) закрепили компромисс между традиционными принципами

сохранения наследия (провозглашенными Венецианской хартией) и возможностью его современной интерпретации (модернизации, воссоздание) в рамках средового подхода. Наиболее детально стратегии сохранения историко-градостроительной среды была разработана французским законодательством (закон от 25 февраля 1943 г. впервые ввел требование сохранения прилегающих к памятникам территорий; закон от 4 августа 1962 г. («Закон Мальро») юридически закрепил введение в поле наследия категории «защищенные сектора» с особыми режимами проведения работ в их границах) [143, с. 146 – 159].

В начале 1970-х гг. в научное поле наследия вошло понятие «устойчивое развитие», определяемое как «процесс изменений, в котором эксплуатация природных ресурсов, направление инвестиций, ориентация научно-технического развития, развитие личности и институциональные изменения согласованы друг с другом и укрепляют нынешний и будущий потенциал для удовлетворения человеческих потребностей и устремлений» (Конференция ООН по окружающей человека среде, г. Стокгольм, 1972 г.). Формирование интегрированного подхода к устойчивому развитию городов на основе исторических моделей, зданий и контекста было зафиксировано международной конференцией «Всемирное наследие и современная архитектура – управление историческими городскими ландшафтами» («Венский меморандум», г. Вена, 2005 г.); термин «управление изменениями» в поле охраны наследия вошло в 2007 г.

Аспекты данного структурного подхода с позиции управления изменениями существенно повлияли на развитие международного правового поля в сфере сохранения культурного наследия в начале XXI в. [271]. В то же время, концепция политики сохранения наследия как процесса управления изменениями вошла в определенное противоречие с базовыми принципами охраны наследия (зафиксированными Венецианской хартией).

С 1990-х в международном поле получили развитие научно-теоретические и методологические разработки концепции культурного ландшафта как основополагающей категории наследия, соединившей культурные и природные ценности в единстве взаимодействия (на основе идей Конвенции об охране Всемирного природного и культурного

наследия, 1972 г.). В основе новых подходов, развивающихся актуальных в настоящее время, заложено «представление о наследии как фундаментальной категории, определяющей возможность формирования самобытного, устойчивого и разнообразного культурно-ландшафтного пространства» [125].

Новое понимание стратегии реконструкции исторической застройки и историко-культурной среды в отечественной архитектурной теории и практике, ориентированной на средовой контекст, начало реализовываться с 1990-х гг. Однако специфика подходов часто приводила к разрушениям архитектурно-пространственного слоя и сложившейся функциональной структуры. Из-за интенсивности градостроительных преобразований возникала опасность распада целостности городской ткани, стирания ее многослойности и многообразия. «Средовая парадигма отдавала предпочтение соединению случайного, непредсказуемого, разнохарактерного, неуправляемо сплавляющегося в какую-то принадлежащую данной культуре целостность» [260, с. 267]. Часто изменения застройки провинциальных городов носили стихийный характер, опираясь на экономические условия и коммерческие интересы.

Несмотря на развитие стратегии комплексного сохранения предметно-пространственного наполнения исторической среды в международной практике, отечественная методика сохранения памятников в основном базируется на локальном подходе, ориентированном на конкретный памятник [143, с. 156]. Городская среда большинства российских регионов к началу XX в. характеризовалась значительной степенью деградации и утратой структурной целостности, функциональной раздробленностью.

С начала XXI в. проблема сохранения исторического традиционного облика города стала осознаваться как значимая составляющая формирования комфортной среды человека. Вопросы сохранения наследия начали рассматриваться во взаимодействии с идеей города европейской цивилизации – современного мегаполиса с комфортной средой [234, с. 151].

Выработанные в конце XX – начале XXI вв. в международном законодательстве принципы базируются на средовом подходе в сочетании с политикой управления изменениями в контексте устойчивого развития территорий. Данный подход предполагает современное развитие исторических территорий и одновременно сохранение комплекса элементов, формирующих культурный ландшафт. В настоящее время складывается понимание важности формирования стратегий городского развития на основе уникального историко-культурного потенциала. Историческая идентичность воспринимается как основа престижа города, его туристической привлекательности.

Современный принцип сохранения и реконструкции городской среды подразумевает раскрытие новых возможностей старых форм с учетом их современных функций – ревитализацию пространства. Основными задачами ревитализации является социализация пространства, развитие туристической инфраструктуры, забота об экологии. Западноевропейский опыт демонстрирует применение данного подхода при создании пешеходных улиц и зон в исторической структуре городов: ревитализация улицы в историческом районе г. Шопрон в Венгрии (2015 г.), ревитализация улицы Московска в г. Праге в Чехии (2014 г.), Оксфорд стрит в Лондоне, ревитализация района верфей в г. Гданьске в Польше (2017 г.).

Сегодня в отечественной практике очевиден конфликт между задачами сохранения историко-культурной среды и ее развития, модернизации в соответствии с современными аспектами жизни. Исторические центры городов превращаются в гигантские конгломераты функций, которые из-за высочайшего повышения плотности застройки практически уничтожает не только историческую среду, но и условия обитания в ней.

Тема сохранения и адаптации среды исторических городов имеет значительный резонанс на профессиональном и общественном уровнях. Вместе с тем, примеры ее грамотной реализации в градостроительной практике не столь многочисленны. Огромное количество небольших и даже крупных градоформирований на территории России исчезают и

размываются под влиянием стихийных градостроительных преобразований.

Стало очевидным, что в современной ситуации неизбежным условием сохранения историко-культурной среды является ее адаптация, приспособление к жизни общества. Наследию прошлого отводится не только роль связующего звена в преемственности традиций и процессе поиска национальной самоидентификации, но и роль базового ресурса устойчивого развития. С 2000 - 2010-х гг. все большее внимание профессионального сообщества и заинтересованной общественности направлено на необходимость возвращения памятников в контекст повседневной жизни. Складывается их восприятие как необходимого элемента комфортной среды, развивающее сложившиеся подходы к сохранению наследия.

Представляется, что настоящий период является периодом перехода к полноценному восприятию роли наследия как одной из естественных составляющих современной жизни. Об этом говорит возрастающая роль профессионально-добровольческих объединений по реставрации объектов городской среды, популярность внутреннего культурно-образовательного туризма, задачи возрождения школьного туризма, формируемые при последовательной государственной поддержке.

В последние годы в крупных городах значительно выросла роль общественных движений в защиту культурного наследия («Архнадзор», г. Москва, 2009 г.; «Живой город», г. Санкт-Петербург, 2006 г.; «Добровольцы культуры», г. Саратов; «СпасГрад», г. Нижний Новгород; «Настоящая Вологда», г. Вологда). Заметным явлением стала борьба против сносов объектов городской среды, проведения реконструкций памятников, общественные обсуждения проблем сохранения исторической застройки. Современные общественные движения продолжают традиции борьбы за сохранение культурного наследия, набравшие силу в 1970-е – 1980-е гг. в рамках деятельности Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК). В последние годы наблюдается заметное оживление работы Центрального совета Общества, возрождаются и создаются его отделения в ряде городов.

Примечательно возрождение традиции движения добровольных помощников реставраторов, сложившегося в 1980-х годах. В последние годы значительную активность набирают фестивали, направленные на восстановление городской среды, проходящие во многих городах страны при поддержке местных правительств. В рамках фестиваля «Том Соьер Фест» ежегодно восстанавливаются ценные объекты деревянной архитектуры (г. Самара, ул. Братьев Коростелевых, 127; г. Пенза, ул. Чкалова, 2; г. Вологда, просп. Победы, 32; г. Курган, ул. Кирова, 32; г. Калуга, ул. Рылеева, 62; г. Тотьма, ул. Садовая, 8 и др.).

Проблемы сохранения и развития традиционной архитектурно-исторической среды российских городов

Одна из наиболее актуальных проблем развития регионов связана с сохранением в современной городской структуре деревянной исторической застройки. Многие российские города обладают богатым наследием деревянной и каменно-деревянной архитектуры XIX – начала XX веков, сохранившейся в виде фрагментов улиц и кварталов. Особенность данного типа застройки связана с тем, что ее весьма сложно законсервировать и сохранить в подлинном виде. На протяжении нескольких десятилетий происходила утрата этого ценного наследия, а в последние годы процесс достиг катастрофического масштаба, угрожающего полным исчезновением деревянной застройки из исторических центров (Нижний Новгород, Самара).

Вынужденные искажения архитектурных особенностей, а чаще намеренное уничтожение этого уникального наследия приводит к утрате своеобразия облика городов. Между тем, европейский опыт демонстрирует успешные примеры сохранения не только каменной средневековой архитектуры, но и исторической аутентичной деревянной застройки: например, действующие программы по сохранению городов Северной Европы (Раума, Тронхейм, Линдхольмен, Ставангер, Экфьё, Юрмала и др.).

Традиционная деревянная и каменно-деревянная застройка в трудах исследователей представлена как яркий феномен, важнейшая составляющая градостроительных ансамблей, обладающая значительным стилистическим разнообразием и ярким региональным

колоритом. Анализ подходов к ее комплексному сохранению рассматривается как важное условие выработки стратегии развития городского пространства. Разработка принципов сохранения и регенерации деревянной застройки в структуре современных российских городов в последнее время находит всестороннее освещение на уровне региональных исследований. Обширный спектр исследований рассматривает подходы к взаимодействию старой и современной застройки в сложившемся историко-градостроительном пространстве как в контексте мирового опыта, так и применительно к архитектурной среде городов российских регионов.

Сегодня проблема сохранения наследия деревянной архитектуры приобрела особый резонанс. Целенаправленными усилиями специалистов на общественном и политическом уровнях формируется понимание необходимости комплексного сохранения исторической деревянной застройки с учетом градостроительного развития. В настоящее время имеется опыт ряда городов, доказывающий перспективность сохранения деревянной застройки с точки зрения современных функций.

Наиболее яркий пример – «130 квартал» в Иркутске, представляющий собой часть центрального исторического ядра города с крупными фрагментами исторической деревянной застройки. В результате реализации проекта реновации исторического квартала не только удалось воссоздать средовую застройку (60 отреставрированных, реконструированных и воссозданных объектов, среди них 7 памятников архитектуры), но и организовать новое общественное пространство с рассредоточенными функциями. В основе концептуального подхода к реорганизации планировочного каркаса территории содержалась идея о том, что «поток провоцирует развитие». Внутри квартала был проложен пешеходный «променад», под ним – проходной тоннель, в котором сосредоточены инженерные сети. В центральной части устроено врезанное в рельеф полуподземное пространство с автомобильными парковками и торговыми функциями. Многие исторические здания приросли полуподземным этажом, что также позволило дать им новое современное использование.

Изменение функционально-планировочной структуры квартала дало ему самостоятельный экономический ресурс развития и позволило органично включиться в жизнь современного города. С этой точки зрения опыт Иркутска уникален, что во многом обусловлено консолидацией научных, общественных и финансовых инициатив, а также успешной экономической формой частно-государственного партнерства. Разработка собственных целевых программ на местном уровне («Программа реставрационных (ремонтно-реставрационных) работ по объектам, являющимся памятниками истории и искусства», г. Иркутск) дает возможность ежегодно направлять средства от использования памятников и предусматривает проведение арендаторами ремонтно-реставрационных работ в счет текущих платежей.

Примером целенаправленного восстановления традиционной застройки является Томск, где с 2005 г. при поддержке местной администрации действует программа сохранения ценной исторической среды. В программу, возникшую в результате протестного отклика общественности на угрозу массового уничтожения уникальной деревянной застройки в заповедных районах города, было включено около 700 объектов, подлежащих сохранению и реставрации.

Программа стала перспективной во многом благодаря тому, что в ней комплексно учитывались как ценностные, так и экологические, информационные, социально-правовые и финансово-экономические критерии. Экспертиза состояния деревянных зданий Томска проводилась в сотрудничестве с немецкими специалистами, а общий спектр задач включал инженерно-технологические исследования, разработку и совершенствование существующих методов сохранения, ремонта, обеспечения надежности, усиления и обновления конструкций старых деревянных зданий. До 2015 г. в Томске было отреставрировано 90 ценных объектов деревянного зодчества; продолжалась дальнейшая реставрация зданий, переданных инвесторам.

В Нижнем Новгороде одним из наиболее ценных и перспективных с точки зрения сохранения и реновации историко-градостроительной среды признан район застройки улиц Короленко (бывшая Канатная),

Новой, Славянской (бывшая Немецкая), Студеной. С середины 1980-х гг. данный район традиционно рассматривался как уникальная историко-архитектурная территория, представлявшая собой заповедник объектов городского деревянного зодчества середины XIX – начала XX вв. Его своеобразие определялось значительной степенью целостности градостроительного комплекса и сохранности планировочной и объемно-пространственной структуры. Архитектурно-художественный облик строений отражал значительную часть стилистического спектра жилой деревянной архитектуры, бытовавшего на протяжении второй половины XIX – начала XX вв.: поздний классицизм, направления эклектики, модерна и различных ветвей ретроспективизма. В декоративном убранстве жилых домов проявлялось влияние региональных традиций народного зодчества. Особый колорит улицам придавало сочетание усадебной застройки и групп домов, соединенных по брандмауэрному типу.

В 2005 г. в рамках масштабных научно-проектных исследований исторической территории «Старый Нижний Новгород» (разработчик: НИП «Этнос») были выявлены фрагменты исторических планировок и застроек, которые, вместе с окружающим природным или рукотворным ландшафтом, обладали совокупностью параметров, дававших основание выделить эти участки городской территории в качестве ансамблей или достопримечательных мест. Исследуемому району предлагалось придать статус объекта культурного наследия – достопримечательного места «Район улиц Короленко, Славянской, Новой». На основе данных разработок было выполнено проектное предложение реконструкции небольшого участка деревянной застройки по улице Короленко, содержащее идею восстановления фрагмента исторической улицы с характерным колоритом и особенностями быта XIX в., с воссозданием малых архитектурных форм и замощения.

К 2010 г. облик района как целостного градостроительного образования имел существенные потери из-за включения в его структуру крупномасштабных объектов современной застройки. При этом часть ценных исторических объектов оказалась утраченной. В последующие годы ситуация с разрушением уникальной среды данного

района продолжала усугубляться. Несмотря на наличие проектных разработок и обоснований, ни один из объектов исторической деревянной застройки этой территории не был отреставрирован, консервационных работ не проводилось.

В 2017 г. началась подготовка к консервационным мероприятиям расселенных домов, признанных аварийными и находящих под угрозой сноса. В 2017–2018 гг. общественными силами были осуществлены консервационные работы на ряде объектов исторической деревянной застройки города. В настоящее время продолжается разработка концепции редевелопмента исторической застройки. Развитие территории рассматривается в качестве исторического городского парка с присвоением району статуса объекта культурного наследия – достопримечательного места, внутри которого выделяется особо ценная территория историко-культурного заповедника «Канатная улица».

В рамках задачи сохранения историчности района предусматривается: реставрация и приспособление для современного использования объектов исторической застройки (памятников и средовых объектов), воссоздание исторических малых архитектурных форм и благоустройства, компенсационные мероприятия на месте утраченных по красным линиям объектов с их воссозданием либо переносом ценных объектов деревянного зодчества из других районов города. Ведется работа по приданию статуса охраняемых объектов выявленным объектам культурного наследия (более 20 жилых домов). Примечательно, что несколько объектов (ул. Короленко, 16, 18, 11/21; ул. Новая, 20, 20А, 22, 22А) были отремонтированы в рамках фестиваля восстановления исторической среды (2018 – 2020 гг.), став вкладом в сохранение уникальной исторической среды района и города.

Концепция редевелопмента исторической застройки предусматривает различные варианты функционального наполнения ее восстанавливаемых объектов. В зданиях, первоначально имевших функцию доходных домов, могут быть размещены хостелы, гостевые дома, миниотели различной ценовой категории, что даст импульс развитию туристического потенциала. Предполагается создание актуальных пространств, связанных с традиционной культурой и

ремеслами (мастер-классы, арт-кафе, галереи, антикварная лавка). В ряде зданий возможно размещение объектов гибридного типа, сочетающих различные функции (модель, традиционная для каменно-деревянных жилых домов с торговыми лавками второй половины XIX – начала XX в).

Мемориальный потенциал территории позволяет создать музейную площадку с использованием современных технологий построения музейного пространства. Важно развитие экологической составляющей района за счет формирования локальных рекреационных площадок с ландшафтным дизайном среды («микропарков»), располагаемых на внутренних территориях сохранившихся усадебных комплексов. Преимущественно создание максимально транспарентных (открытых) культурных пространств. Раскрытие новых функциональных возможностей повысит туристический потенциал территории, обеспечив перспективы ее самостоятельного экономического развития.

Таким образом, базовыми ресурсами для развития историко-архитектурного пространства являются: расположение в границах исторического центра, композиционное единство застройки, мемориальная и архитектурно-художественная ценность отдельных зданий, экологичность. Для реализации потенциала территории необходимо создание многофункциональной инфраструктуры, способной отвечать современным запросам общества, ориентированного на культурно-исторический аспект. Типологическое разнообразие архитектуры дает возможность для многовариантного функционального наполнения зданий, в том числе объектами гибридного типа. Важной задачей становится создание кластеров, связанных с экономикой наследия.

Значительное преимущество для восстановления застройки на принципах научной реставрации дает исследованность исторических городских районов. Накоплен информационный и правовой опыт градостроительных решений, что, во взаимодействии с подобным опытом других крупных городов, дает возможность выработать оптимальный сценарий и экономическую модель развития исторического района. Подходы, основанные на создании системы общественно доступного, композиционно выразительного и

функционально наполненного пространства, являются основой его ревитализации – органичного включения в современную городскую жизнь. Разрабатываемая концепция сохранения пространства исторического района базируется на убеждении, что устойчивое развитие может быть достигнуто только на фундаменте сохранения и бережного использования его исторической идентичности, заключающей в себе культурные и эстетические ресурсы для формирования комфортной среды города.

Подходы к регенерации исторической среды городских центров (западноевропейский опыт)

Во многих крупных городах России сегодня происходит беспрецедентное по своим масштабам уничтожение объектов историко-градостроительной среды и ее целостных фрагментов. Другой проблемой является наследие малых городов, которое, ввиду отсутствия ресурсов и стратегий развития, тотально деградирует. В этой связи показателен опыт стран Северной Европы, где воплощенные в жизнь принципы целостного сохранения исторического наследия дали импульс развитию и обусловили экономическое благополучие как крупных столичных городов, так и небольших городских поселений, сделав их центрами туристической активности.

Небольшой финский город Порвоо, находящийся в пятидесяти километрах к востоку от Хельсинки, развивался с XIV в. как торговый центр. В XIX в. Порвоо оказался отрезанным от инфраструктуры и путей сообщения, и основой его экономического развития стала мелкая промышленность. Историческую часть представляют жилые кварталы Старого Порвоо, появившиеся на берегу реки Порвоонйоки в XVIII в. По проектно-фиксационному плану начала XX в. планировочная структура города представляла собой сеть прямоугольных кварталов, вытянутых вдоль западного берега реки. Более крупные оси поперечных улиц ограничивали центральные кварталы, отделяя их от северной части города с живописной средневековой планировкой улиц – ныне Старый Порвоо. В настоящее время эта градостроительная основа сохранилась, а город разросся, охватив территорию заречной части.

Архитектурно-градостроительными доминантами Старого города

являются Кафедральный собор XV в. и каменная ратуша. Аутентичная жилая застройка представлена одноэтажными, реже – двухэтажными деревянными домами середины-второй половины XIX вв. Прибрежная зона сформирована рядами бывших портовых амбаров – сегодня этот городской пейзаж является визитной карточкой Порвоо. Высокоплотная застройка, поднимающаяся по рельефу террасами, создает живописную панораму. Многообразие достигается различием протяженности фасадов домов и их декора, форм крыш, цветового решения. В целом же, застройка подчинена единому масштабу, рядовые здания не выделяются в качестве высотных градостроительных акцентов.

Эти принципы обусловили преемственность при регенерации исторической среды городского центра. Застройка не уплотняется за счет увеличения площади или высотных параметров, а приспособливается для новых функций и потребностей туристической инфраструктуры. Первые этажи отводятся под торговые лавки, верхние используются для жилья. Важно, что город имеет постоянно проживающее население и сохраняет традиционные виды деятельности. Утраченные элементы застройки воссоздаются в историческом стиле и материалах. Хотя отдельные объекты не обладают исключительными архитектурно-художественными характеристиками, сохраняемые в исторической среде, они составляют уникальный градостроительный ансамбль. При проектировании современной части города действуют градостроительные регламенты, направленные на ограничение высотных параметров застройки.

Особенностью Стокгольма является его островное положение: в границы города входят около двадцати островов и три разделенные водой материковые территории. Островное положение обусловило планировочную структуру города. Отличная от многих европейских городов, она представляет собой систему композиционно законченных целостных градостроительных образований большого города со своими узловыми центрами и магистралями. Каждая островная часть сложилась в соответствии с традициями шведского градостроительства, где город является продолжением природы и гармонично вписывается в окружающую среду.

Административным, историческим и композиционным центром

Стокгольма является Старый город, расположенный на острове Стаден. Планировка острова до сих пор определяется в основном рельефом местности, береговой линией и крепостными стенами. Территория имеет очень мелкую квартальную нарезку и плотную застройку каменными 3-4 этажными зданиями, состыкованными боковыми фасадами и образующими непрерывный фронт застройки. Обычная ширина улиц и переулков составляет 3 –4,5 м. Исторический центр города отличается исключительной сохранностью историко-культурной среды в ее подлинном виде. Регенерация основана на целостном сохранении и точном воссоздании параметров утраченных элементов среды. Обращает на себя внимание благоустройство с использованием исторических способов замощения, естественность природного окружения.

В связи со сложным градостроительным положением Стокгольма большое значение уделяется принципам развития его планировочной структуры, обусловившим сохранность основного городского ядра и его застройки. При сохранении и усилении роли старого центра, город формируется как система полуавтономных жилых районов с собственными административно-общественными центрами. Пространственная структура Стокгольма определяется коридорами городского развития, сходящимися к Каменному городу. Определяющую роль в функциональном развитии города имеет задача равномерного распределения рабочих мест, связанных между собой и центральным ядром единой транспортной сетью. Особое значение уделяется зеленым зонам, глубоко проникающим к центру. Благодаря грамотной стратегии развития, историческая часть города получила возможность оставаться свободной от перенасыщения административно-деловыми функциями и наиболее полно сохранить целостность архитектурно-композиционного облика.

Таким образом, формирование принципов регенерации исторических центров разных по характеру городов определила долгосрочная стратегия развития с позиций сохранения элементов культурного ландшафта (планировочных, культурологических, социальных) и уникального природного окружения. Удаленность от транспортных путей (Порвоо) и территориальная обособленность

(Стокгольм) дали предпосылки для сохранности и потенциальной возможности восстановления и дополнения аутентичной застройки. Общей основой их экономического благосостояния стал туризм, который создает условия для поддержания и целостного сохранения подлинной историко-градостроительной среды и дает перспективы стабильного развития города.

Рассмотренные примеры, как и в ряде других городов Северной Европы, составляют опыт комплексного решения актуальных вопросов сохранения и включения исторического наследия в современную жизнь с учетом градостроительных, планировочных, функциональных, экономических, экологических аспектов. При всем различии культурных менталитетов, осмысление западноевропейского опыта и подходов обусловлено целесообразностью его использования для сохранения уникальной исторической среды российских городов.

Опыт сохранения исторической среды городов в контексте программ создания комфортной городской среды

Актуальная проблема сохранения и развития среды малых городов и исторических поселений в настоящее время дает импульс формированию подходов к ней на государственном уровне. Осознается важность проблемы в контексте сохранения исторической и национальной идентичности страны.

В российской практике последних лет проблеме развития среды городов уделяется особое внимание. В рамках национальной конкурсной программы создания городской среды в малых городах и исторических поселениях проводится государственная поддержка проектов по формированию привлекательных городских пространств. В идее данной программы представляет ценность стремление к использованию потенциала сохранившихся планировочных решений, уникальных объектов наследия, характерной средовой застройки и привлекательных ландшафтов.

Проект активации территории Зарядья в г. Суздале был направлен на раскрытие историко-культурного и природно-ландшафтного потенциала одной из древнейших частей города. В рамках восстановления историко-градостроительной и природной среды

решались задачи восстановления исторического окружения и благоустройство территории памятников федерального значения. Программа проекта предполагала интенсивное использование пустующих объектов (с реконструкцией и приспособлением) и пространств для повышения социокультурного значения территории. Восстановление исторических пешеходных связей способствует и выявлению наилучших видовых панорам восприятия, снижению антропогенной нагрузки и сохранению исторического ландшафта. Особой задачей проекта являлось восстановление значения реки в жизни города.

В проекте Народной площади в г. Переславле-Залесском Ярославской области особой задачей являлось создание зон с разнообразным функциональным насыщением, сформированных на основе анализа выявленных визуальных связей и линий распределения пешеходных потоков. Образные характеристики проекта опирались на формирование идентичности территории: частичное воссоздание торговой функции площади, восстановление образа водонапорной башни и протекавшего по площади ручья, регенерация утраченного пешеходного моста через реку Трубеж, возвращение лодочной станции.

Проект благоустройства набережной Великого Устюга и прилегающих территорий направлен на создание единой современной пешеходной набережной – композиционно-пространственного элемента, соединяющего уникальные храмы XVII – начала XIX вв., видовые точки, общественные пространства. Благоустройство прилегающих пространств призвано объединить две главные смысловые и планировочные оси города – Набережную и Советский проспект, а также раскрыть нереализованный историко-культурный и ландшафтный потенциал: уникальные виды на городище XII – XVI вв., богатые речные панорамы.

Проект благоустройства острова Варничный основан на использовании идентичности территории, непосредственно связанной с появлением и развитием города Усолье-Сибирское Иркутской области. Историческое своеобразие острова определяется формированием на нем крупных промысловых предприятий по добыче соли на месте обнаружения соляного источника, а впоследствии – возникновением

уникального по своим лечебным свойствам курорта, построенного на соляных варницах. Основной задачей проекта являлось выявление исторической значимости территории острова и создание на ее основе единого культурно-ландшафтного комплекса. Проект формирования комфортной среды подразумевает многофункциональное зонирование, включающее, помимо культурно-досугового, еще и лечебно-оздоровительное наполнение – подчеркивающее традиционное использование территории.

Концепция формирования комфортной городской среды (на примере г. Слободского Кировской области)

В основу проекта формирования комфортной городской среды г. Слободского (2018 г.) была положена задача выявления историко-культурного и функционального потенциала территории.

Ансамбль площади имеет ведущее градоформирующее значение в структуре исторического центра. Площадь и прилегающие к ней улицы в значительной степени сохранили архитектурно-градостроительную среду XIX – начала XX вв. Исторический контекст и естественное природное окружение формируют уникальный культурный ландшафт, отличающийся разнообразием и самобытностью. Территория исторического центра Слободского обладает собственным потенциалом для развития культурной, социальной и экономической жизни, создания комфортной городской среды, организации внутреннего и въездного туризма, что отвечает приоритетным задачам формирования культурной и национальной идентичности.

Основные ресурсы данной территории:

- достаточно хорошо сохранившаяся планировочная структура исторической части города (сеть прямоугольных кварталов, историко-культурный и архитектурный ансамбль главной городской площади на пересечении основных планировочных осей);

- градостроительная завершенность и архитектурная целостность сложившегося единого комплекса разновременных построек исторической центральной части (четырёхъярусная колокольня Спасо-Преображенского собора, каменная Благовещенская церковь, церковь Михаила Архангела начала XVII в. (бывшая проездная монастырская

башня, перестроена в XIX в.), бывший Гостиный двор сер. XIX в., целостный ансамбль жилых и общественных построек второй половины XIX – начала XX вв. Советской (бывшей Глазовской) улицы, элементы советского периода – две симметричные колоннады в духе «советского классицизма», озелененный участок площади с памятником В.И. Ленину);

- историко-градостроительный потенциал площади, которая в начале прошлого века являлась организующим ядром и местом, аккумулировавшим значительные потоки городского движения;

- природно-ландшафтный потенциал и визуальные связи территории, представленной участками естественного ландшафта и озеленения площади (обширный общественный городской парк между площадью и берегом Вятки, береговой рельеф, панорамные виды с противоположного берега).

Основной проблемой данного исторического комплекса в начале XXI в. являлась частичная утрата его функциональных и эстетических характеристик, их несоответствие современному использованию и историко-культурной значимости места. Слабо выявлялись ландшафтно-планировочные связи территории. Зеленые массивы частично деградировали. Уличные фасады исторических зданий находились в неудовлетворительном состоянии, частично закрывались рекламными вывесками. Историко-архитектурный потенциал территории раскрывался не полностью. Транспортная система, инфраструктура, благоустройство нуждались в модернизации.

В процессе разработки концепции проекта территория (12,5 га) была разделена на фрагменты, для каждого из которых выявлялся спектр приоритетных задач: зона общественной и туристической активности (Соборная площадь со сквером), зона мемориального значения (набережная с мемориалом «Вечный огонь»), зоны движения (участок улицы Советской и участок улицы Володарского). Архитектурная концепция проекта создания комфортной городской среды включала несколько принципиальных направлений:

- Работа с культурно-историческим каркасом. Данный блок предполагал проведение ремонтно-реставрационных работ на объектах исторической среды (колокольне Спасо-Преображенского собора,

Благовещенской церкви, Гостином дворе, Торговых рядах, Краеведческом музее, церкви Михаила Архангела, домах купцов Лыткина и Платунова). Предполагалось устройство архитектурной подсветки (колокольни, Благовещенской церкви, Краеведческого музея, церкви Михаила Архангела). Для улучшения визуального восприятия планировалась унификация вывесок по фасадам в границах территории групповой зоны охраны. Работы включали реставрацию входных групп и реконструкцию покрытия постамента мемориала «Вечный огонь». В сквере предполагалось устройство нового элемента культурного каркаса (установка «Скамейки А.С. Грина» и памятника писателю).

- Музеефикация колокольни Спасо-Преображенского собора и деревянной церкви Михаила Архангела, формирование ландшафтной средовой экспозиции во дворе краеведческого музея «Купеческий сад».

- Ремонтно-реконструктивные работы, включавшие ремонт колоннады площади, реконструкцию фонтана и замену детской площадки в сквере.

- Озеленение (разбивка цветников, санитарная вырубка с компенсационными посадками, ландшафтные работы) и благоустройство площади с насыщением малыми архитектурными формами (скамейки, урны, вазоны).

- Модернизация транспортной инфраструктуры с установкой остановочных павильонов общественного транспорта по ул. Советской, организацией дополнительной стоянки и парковочного кармана, ремонтом проезжей части ул. Энгельса.

- Модернизация пешеходных зон с устройством асфальтового покрытия площади, замощением зоны вдоль колоннад, устройством тротуаров, реконструкцией дорожно-тропиночной сети сквера.

- Формирование информационной историко-культурной составляющей (установка информационных стендов, ретроспективной визуализированной панорамы Соборной площади, создание информационного центра в здании Гостиного двора).

- Формирование инфраструктуры (кафе, детской игровой зоны, точки проката спортивного инвентаря в здании Гостиного двора).

Проект создания комфортной городской среды г. Слободского внес вклад в опыт качественного преобразования уникального культурного ландшафта, выявления его ресурсов и включения в современную жизнь развивающегося города.

Проблемы сохранения архитектурно-исторической среды в правовом аспекте

Важным правовым инструментом сохранения памятников архитектуры и историко-культурной среды является формирование зон охраны с определением режимов допустимого вмешательства в пределах данных зон. Данная деятельность регламентируется «Положением о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» (2015 г.) с учетом требований "Земельного кодекса Российской Федерации" (от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 27.06.2019)). В практике требования данного положения и алгоритма нередко нарушаются, приводя к необратимым утратам ценной исторической застройки городов. В значительной степени это также связано с известными противоречиями положений, допускающими их вольную трактовку и дающими заказчику возможности уклонения от выполнения законодательства.

Так, Федеральный закон ФЗ-73 содержит понятие регенерации историко-градостроительной или природной среды объекта культурного наследия, допускающей применение специальных мер в пределах охранной зоны (ОЗ). Отсутствие должной конкретизации термина «регенерация историко-градостроительной среды» на практике приводит к тому, что под видом данной деятельности застройщики используют возможность обхода запрета на новое строительство в охранной зоне.

Остро стоит проблема практики стихийного сноса исторических зданий в городских центрах на территориях, предназначенных под новую застройку (особый резонанс данная проблема приобрела с 2010-х гг. в связи с отсутствием в законодательстве мер по ограничению ранее выданных разрешений на снос исторических зданий). Меры, принимаемые в отношении сдерживания подобных прецедентов, как

правило, осуществляются локально и обусловлены волевым решением местного градоначальства (на фоне сносов ценных образцов средовой застройки Москвы в 2011 г. на уровне города была приостановлена выдача разрешений на строительство в историческом центре; последовала подготовка постановления, позволяющего отозвать предыдущие согласования проектов с разборкой исторических зданий в охранных зонах и зонах регулирования застройки).

Опасным для рядовой исторической застройки механизмом является экспертное обоснование невозможности ее вывода из аварийного состояния, дающая разрешение на снос здания. Часто здания подводятся под аварийность из-за недостаточного профессионального опыта в работе с приспособлением исторической архитектуры под современные функции. Преувеличиваются сложности, связанные с выводом зданий их аварийного состояния. Практика экспертиз, готовящихся по заказу инвесторов без обязательной альтернативной независимой экспертизы за государственный счет, нередко допускает подобные обоснования. Другой опасный момент кроется в трактовке исторического характера здания, допускающей возможность поставить его под сомнение, ссылаясь на позднейшие перестройки и надстройки.

Таким образом, сохраняется актуальность разработки и усовершенствования существующих принципов застройки и хозяйственной деятельности в контексте задач сохранения историко-градостроительной среды. Существует необходимость выработки единой методологии и правовых механизмов, направленных на целостное сохранение всего комплекса исторически ценных градообразующих объектов и средовых характеристик (исторически сформировавшиеся центральные районы, отдельные исторические населенные пункты, пригороды).

Важным условием является достижение компромисса между задачами сохранения исторического наследия и современным развитием, что обусловлено взаимодействием заинтересованных государственных и общественных структур (успешным примером реализации подобных подходов является разработка в законодательной базе г. Санкт-Петербурга Закона «О границах зон охраны объектов

культурного наследия на территории Санкт-Петербурга и режимах использования земель в границах указанных зон и о внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга «О Генеральном плане Санкт-Петербурга и границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга» от 19 января 2009 г. №820-7).

Актуальна конкретизация понятийно-терминологического аппарата, введение новых категорий в юридический механизм, отвечающих современным задачам в сфере сохранения историко-градостроительной среды (так, в Законе «О границах зон охраны...» введена конкретизированная формулировка понятия «регенерации историко-градостроительной среды» – восстановление методами реконструкции и строительства утраченных ценных качеств исторической среды: элементов планировочной и объемно-пространственной структур, композиционных принципов, стилистических характеристик; фиксируется «код среды» с основными параметрами (высотными, плотностными) выделенных средовых зон). Принципиально важным моментом является обозначение на уровне закона запрета на снос исторических зданий в зонах охраны (в охранной зоне (ОЗ) и зонах регулирования застройки (ЗРЗ). Одним из действенных подходов является требование восстановления внешнего облика здания в случае его аварийного сноса в зонах охраны (в том числе, внутриквартальной среды). Подобное условие дает возможность более полноценного сохранения целостной исторической среды и является дополнительным инструментом сдерживания «аварийных сносов».

Тенденции и перспективы архитектурной реставрационной практики в России в контексте концепции устойчивого развития архитектурно-исторической среды

Сохранение культурного наследия сегодня рассматривается как основа национальной идентичности народа, сохранения самобытности отдельных регионов, городов, исторических поселений. Современные стилистические тенденции в архитектуре определяются процессами общемировой глобализации. Архитектуре XX – XXI вв. свойственно единство строительных материалов и технологий, что часто приводит к

обезличиванию ее особенностей на уровне отдельных регионов. На протяжении многих веков архитектура имела выраженную региональную направленность, что было связано не только с кустарным производством и ручными технологиями в домостроении, с артельным способом возведения зданий, но одновременно и с применением местных доступных строительных материалов. В настоящее время при реставрации, как правило, используются универсальные материалы из разных регионов, что приводит к стиранию архитектурно-стилевых региональных особенностей. Данной проблеме не уделяется должного внимания, в то время, как задача сохранения подлинности строительных материалов является одной из ключевых в реставрационной деятельности. Сегодня отечественная практика нуждается в разработке высокотехнологичных методов реставрации и приспособления типологически сложных объектов с качественной проработкой законодательной сферы сохранения наследия.

Целесообразным становится объективный анализ характерных примеров сохранения объектов наследия в исторической среде на рубеже XX – XXI вв.

За последние десятилетия в отечественной архитектурной реставрации наметились весьма ощутимые новые тенденции, как в практике, так и в формирующейся теории [126, с. 32]. На рубеже XX – XXI вв. практика реставрационно-восстановительных работ существенно пополнилась за счет расширения типологического спектра памятников, приспособляемых под современное использование. Объектами восстановления становились культовые постройки, крупные монастырские ансамбли, жилые и общественные здания, комплексы промышленной архитектуры. Расширился спектр методов и приемов, применявшихся в зависимости от первоначального назначения памятника и его предполагаемой функции. Значительные методологические трудности при приспособлении исторических зданий к новому функциональному использованию были связаны с проблемой утраты подлинности. Приоритет торговой, офисной, развлекательной функций, в большинстве случаев, приводил к инверсии изначальной социокультурной значимости построек.

Современное законодательство предусматривает возможность осуществления следующего спектра работ по сохранению памятника: консервация, консервация руин, ремонтно-реставрационные работы, приспособление, воссоздание. Практический опыт реставрации говорит о том, что данное разделение лишь условно характеризует возможную вариативность подходов, определяющихся индивидуальными особенностями памятника и степенью его сохранности. Дифференциация на данные категории производится по преобладающему характеру работ. Методы приспособления объектов культурного наследия для современного использования включают два направления [143]: реконструкция без расширения объема (виды работ в рамках реставрационных методов приспособления: замена перекрытий, перепланировка и т.д.) и реконструкция с расширением объема (освоение подземного пространства, пристройки и надстройки памятников). Набирает актуальность тема воссоздания утраченных памятников и опорных точек городской среды, важных для восприятия ее исторического облика.

Значительный объем реставрационно-восстановительных работ затрагивает памятники столичной архитектуры. Так, на 2019 г. пришлось около 14 % работ по восстановлению памятников от общего числа реставраций, проведенных в последнее десятилетие и насчитывающих порядка 1330 объектов культурного наследия. Значительная доля реставрационных работ приходится на памятники гражданской архитектуры: городские усадьбы, особняки, доходные дома XIX – начала XX вв. (городская усадьба Лодыженских – Загряжских – Рукавишниковых XVIII – XIX вв. в Денежном переулке, Доходный дом И.С. Баскакова 1913 – 1914 гг. в Хлебном переулке, особняк И.А. Миндовского начала XX в. на ул. Поварской).

Среди объектов реставрации – крупные общественные здания (Театральное училище имени Б.В. Щукина в Большом Николопесковском переулке), памятники промышленной архитектуры (ансамбль строений Миусского трамвайного депо на ул. Лесной, ткацкий корпус золотоканительной фабрики Алексеевых XVIII – XIX вв. на ул. Волочаевской). Важнейшее место заняла реставрация уникальных памятников с декоративной отделкой интерьеров (Павильон «Грот» в

усадьбе Кусково XVIII в. с отделкой из раковин моллюсков и перламутра). Комплексные научно-реставрационные работы охватили крупные историко-архитектурные ансамбли и комплексы, в том числе, отдельные постройки с интерьерами (комплекс Донского монастыря, выставочный комплекс ВДНХ). Восстановлено значительное число памятников храмового зодчества (церковь Иоанна Златоуста XVII в. в Рождественском монастыре).

Финансовое состояние реставрационной отрасли таково, что более 50 % московских памятников реставрируется за счет частных инвестиций (по данным на 2019 г.). Проведение реставрационных работ поддерживается специальными программами: городская программа субсидий, программа «Культура Москвы» (в рамках которых за последний год отреставрировано 26 культовых памятников (церковь Троицы в усадьбе Останкино, церковь в усадьбе Царицыно)). Программа Правительства Москвы по реставрации аварийных памятников «1 рубль за квадратный 1 метр» создает выгодные условия по аренде ОКН с обязательством их последующего восстановления в срок до 5 лет. С начала действия программы в 2012 г. в нее было включено 27 памятников, процент реализации составил около 70 %. Комплексная реставрация с приспособлением для современного использования была проведена на 17 зданиях. Восстановленные объекты относятся к памятникам гражданской архитектуры конца XVIII – начала XX вв., основная их часть представляет собой главные дома и строения городских усадеб (Главный дом городской усадьбы В.Ф. Колесникова – Саргиных – М.Е. Шапатиной кон. XVIII – нач. XX вв. на Таганской площади, реставрация 2017 г.; усадьба А.П. Сытина кон. XVIII – пер. пол. XIX в. в Сытинском переулке, реставрация 2019 г.).

На уровне регионов также предпринимаются попытки разработки собственных целевых программ государственно-частного партнерства в сфере сохранения ОКН (г. Иркутск («Программа реставрационных (ремонтно-реставрационных) работ по объектам, являющимся памятниками истории и искусства»), г. Томск). В Калининградском регионе реализуется областная программа, направленная на сохранение и реставрацию объектов культурного наследия, вовлечение их в туристическое использование и хозяйственный оборот. Достоинством

программы является ее внимание к уникальным объектам региона – памятникам разнообразной типологии, в том числе, удаленным от центра: восстановление комплекса «Замок Рагнит» в Немане, реконструкция и приспособление исторического здания старой немецкой мельницы в поселке Железнодорожном, исторического комплекса пивоваренного завода «Понарт» в Калининграде, создание музейной экспозиции на основе старинного маяка в Заливино, восстановление исторической среды поселка Железнодорожный и другие объекты.

Вместе с тем, несмотря на подтвержденную результативность данных программ, система поощрения интересов инвесторов является частной мерой, разрешающей лишь часть проблем в поле сохранения объектов культурного наследия. Круг памятников, попадающих в данные программы, типологически ограничен и определяется перспективой их функционального использования. В этой связи формируется значимость задач возвращения историческим памятникам функций, соответствующих характеру их архитектуры (образовательных учреждений, административно-общественных зданий), с перспективой их реставрации и приспособления для современного использования.

Существенной тенденцией в реставрационной практике рубежа XX – XXI вв. стало обозначившееся противоречие традиционной научной методике и классическим принципиальным подходам к решению проблем реставрации и сохранения памятников. В столичную и региональную практику вошли постмодернистские приемы реконструкции, размывающие понимание неразрывности подлинного строительного материала и архитектурной формы. Выходящие за рамки реставрационной теории, новые методы оказались сопряжены с нарушением объема и формы памятника при переходе от его приспособления с наделением новой функцией к модернизации [143, с. 162]. Методы модернизации, внедряемые в отечественную и зарубежную практику приспособления объектов для современного использования, получили значительное развитие на рубеже XX – XXI вв.

В рамках приспособления памятников для современного использования распространился принцип сочетания реставрации

ценных частей здания с решительной трансформацией планировочных, объемно-пространственных и стилистических особенностей внутренней структуры, изменения интерьеров и создания наполнения, контрастного внешнему облику здания. Как правило, подобные решения сопряжены с изменением первоначальной функции (жилой дом на Проспекте Мира в Москве втор. пол. XIX в., приспособление под ресторан; жилой дом XVIII в. в 1-м Голутвинском переулке, приспособление под казино).

Одним из распространенных приемов при реконструкциях в городской среде стала трансформация внешней объемно-пространственной композиции исторического здания, включение его в структуру нового объема, существенно превышающего первоначальный. Метод модернизации, сопряженный с сохранением лицевого фасада здания при полной или частичной трансформации внутренней структуры, часто с расширением объема, в современной практике получил в реставрационных кругах название «фасадизм». Здание определенным образом «разрезается»: ценный фасад формально отделяется от менее ценной части здания и сохраняется, а основной объем демонтируется и вновь возводится в современных формах, конструкциях и материалах (дом № 23 на ул. Полянке в Москве, 1810 г.; дом № 31 по ул. Пискунова в Нижнем Новгороде).

Достаточно широко распространенным приемом модернизации объектов культурного наследия является освоение подземных пространств (реконструкция Большого театра в Москве, 2005 – 2011 гг.).

В рамках модернизации трансформацию претерпел метод дополнений: для памятников гражданской и промышленной архитектуры стали применяться принципиально модернистские дополнения, распространенные в западной практике. Подобный подход отчасти соответствует аналитической реставрации, не приемлющей стилизаций и требующей визуального разграничения подлинных и восстанавливаемых частей здания. Вместе с тем, он позволяет создать образ современного архитектурно организованного пространства, хотя и оценивается как спорный [263, с.17]. Примером выполнения тактичного технологического дополнения к историческому памятнику промышленной архитектуры является реконструкция здания Главной

водопроводной станции Санкт-Петербурга, приспособленного для Музея воды (реконструкция 2003 г.). Элементы постмодернистского характера были применены при восстановлении усадебного комплекса в Царицыно (стеклянный купол над Хлебным домом, работы 2004 – 2007 гг.), вызвав неоднозначную оценку данного подхода с точки зрения традиционного отношения к сохранению памятника.

Направление, основанное на традиционных методах стилистической реставрации, но имеющее целью приспособление памятника для современного использования и нередко связанное с изменением исторических объемно-композиционных характеристик и габаритов, получило название стилистической реконструкции. В целом, стилистическая реконструкция оценивается как более щадящий метод, позволяющий сохранить, помимо подлинных частей памятника (предмет охраны), художественный образ объекта культурного наследия. Подобный подход часто применим при модернизации исторических зданий гражданской типологии: при возведении дополнительных этажей, расширении площадей, пристраивании новых объемов.

Особую специфику приобрело восстановление и приспособление для современного использования культовых объектов – церковных и монастырских зданий. Стремление к расширению спектра функций и увеличению полезной площади нередко сопровождается изменением внешней объемно-пространственной структуры, возведением новых объемов, не соответствующих первоначальной композиции и образу церковной постройки (Никольский храм в Камышине, 1820-е гг.; реконструкция сер. 1980-х гг.). При приспособлении ансамблей культовых зданий наблюдается стремление к восстановлению функционально необходимого комплекса объектов и помещений (реконструкция Больничного корпуса Благовещенского монастыря в Нижнем Новгороде, 2010-е гг.). Имеются примеры, когда новые объекты с исторической функцией возводятся без учета стилистических и композиционных характеристик ансамбля, нарушают неприкосновенность памятника, приводят к диссонансу нового и старого (строительство колокольни храма Большое Вознесение в Москве XIX в.; 1994 г.).

Выраженным направлением в практике приспособления объектов культурного наследия для современного использования становится направление, сопряженное с модернизацией посредством реконструкции с элементами музеефикации – сохранения подлинных частей памятника, включенных в объемно-пространственную композицию нового здания (проект здания второй сцены Мариинского театра с включенным в него фрагментом исторического фасада Литовского рынка) [143, с.237].

На рубеже XX – XXI вв. возникла тенденция трансформации памятника за счет объединения его объемов в крупную архитектурно-пространственную структуру, придания ему нового масштаба в городском пространстве. Один пример подобной реконструкции – здание Гостиного Двора в Москве, в котором открытый внутренний двор был превращен в атриум, перекрытый безопорным светопрозрачным покрытием (реконструкция 1995 – 2000-х гг., ОАО «Моспроект-2»: арх. В. Кузьмин, С. Ткаченко, Л. Лавренов, Н. Кончели). Для нивелировки перепада высот пониженная часть здания получила надстройку мансардным этажом. В результате проведенной реконструкции, превратившей здание в крупнейший технически оснащенный торгово-культурный комплекс (площадью 12000 кв. м.), характер восприятия классицистического памятника XVIII в. и перспектива этого района Москвы были кардинально изменены.

Аналогичный прием был реализован в проекте театра «Геликон-Опера» в особняке Е.Ф. Шаховской-Глебовой-Стрешневой конца XIX в. на ул. Большой Никитской в Москве (2000-е гг., «Моспроект-4», гл. арх. А. Боков). Проект реставрации предполагал перекрытие бывшего двора усадьбы для приспособления его под большой зал. Данная работа показала пример компромиссного взаимодействия между задачами сохранения исторического облика усадьбы и включения памятника в современный культурный контекст.

Примером современной тенденции, выраженной в реконструкции значительных участков городской ткани с объединением отдельных памятников и ячеек исторической структуры (усадоб) общим архитектурно-пространственным и функциональным решением, является реконструкция музея изобразительных искусств им. Пушкина.

Идея создания музейного городка предполагает объединение главного здания музея, усадьбы Вяземских, музейного квартала и усадьбы Лопухиных (Институт философии) с Музеем частных коллекций в один комплекс с развитой подземной частью. Реконструкционные работы охватывают целый квартал исторического городского пространства и затрагивают подземную часть на значительную глубину. Основная концепция развития музея связывается с формированием единого открытого пространства, включающего музейные фонды и профессиональные зоны.

В связи с утратой первоначального назначения широкий масштаб приобрела модернизация (конверсия) промышленных зданий второй половины XIX – начала XX вв. В данном направлении работ появилось стремление к выявлению уникального характера объемно-пространственной организации и особой декоративно-художественной пластики промышленных комплексов, закреплению их роли градоформирующих объектов. Особое значение приобретает поиск индивидуальных знаковых функций, связанных с первоначальным назначением и историей зданий, создание в обновленных пространствах творческих кластеров. Широкий спектр приемов преобразования промышленных комплексов укладывается в два направления: изменение функционального назначения и изменение архитектурно-пространственного характера [214].

Наиболее ранний пример реконструкции исторической промышленной территории – Голутвинская мануфактура в Москве, преобразованная в бизнес-центр (1990-е гг.). В рамках приспособления над пятиэтажным краснокирпичным зданием в стилистике рационального модерна возведена превышающая высоту этажа остекленная надстройка, изменившая силуэт памятника. Более высокий уровень комплексного реставрационного подхода был достигнут при реконструкции памятников промышленной архитектуры в 2000-е гг.

Значительные реконструктивные работы были проведены при приспособлении «Фабрики Станиславского», где на базе бывшей золотоканительной фабрики Алексеевых осуществлено создание бизнес-центра с общественным пространством (2007 – 2010 гг.; арх. бюро John McCaslan & Partners (г. Лондон). Сохранен характер пространства

комплекса и архитектурная выразительность исторических зданий, в функциональном использовании подчеркнута историко-культурная значимость памятника, частично сохранена историческая функция театра. Художественное насыщение интерьеров проводилось на основе сохраняемых подлинных материалов и конструкций (аутентичных кирпичных стен, сводов, чугунной плитки). Выразительным приемом стало использование особенностей поздних наслоений памятника – шва от стыковки стен фабрики с крышами других домов – в современных декорациях театра.

Масштабный пример конверсии комплекса казенных винных складов начала XX в. был осуществлен в историческом центре Тулы. Организованный на базе тульского ликероводочного завода современный центр Likerka Loft совместил культурную, торговую и развлекательную функции (реконструкция 2012 г., АБ "БЛАНК АРХИТЕКТС"). При реконструкции были сохранены планировочные особенности расположения корпусов, образующих внутренний двор, исторический характер объемно-пространственной композиции с высотным акцентом в виде дымовой трубы. Проведенная комплексная реставрация построек подчеркнула целостность и архитектурно-художественный образ исторического комплекса – важнейшего элемента культурного ландшафта города.

В основе комплексной реставрации здания водочного завода рубежа XIX – XX вв. в Рязани (ул. Павлова, д. 5) лежала задача восстановления исторического архитектурно-художественного облика памятника с приспособлением его под современные функции общественного здания (2018 г., ООО «Асгард»). Комплекс ремонтно-реставрационных работ включал демонтаж аварийных перекрытий, укрепление кладки стен, устройство новых перекрытий и путей междуэтажного сообщения, реставрацию открытой кирпичной лицевой кладки, элементов фасадного декора,ковки, восстановление кровли здания в ее первоначальных геометрических параметрах, воссоздание светового фонаря и исторических вентиляционных шахт на крышах ризалитов, приспособление инженерных систем здания под офисную функцию. При этом была сохранена принципиальная структура и масштаб

внутреннего пространства с возможностью свободной планировки при помощи временных перегородок.

Неординарные решения наблюдаются в части реставрации интерьеров и модернизации внутренней объемно-пространственной структуры памятников. Актуальны альтернативные приемы дополнения реставрационных методов, связанные с использованием медиатехнологий. К удачным примерам относится восстановление интерьеров, где наряду с классической реставрацией применены технологии демонстрации документальной фотофиксации в виде проекций, показывающих изменение исторического облика памятника в ретроспективе (Албанская комната Павильона «Арсенал» в Александровском парке в Царском Селе; Картинный дом в Ораниенбауме).

Появляются примеры неординарного подхода к реставрации интерьеров, использующие в рамках комплексной реставрации традиционные методы, переосмысленные для современной ситуации. При реставрации Греческой комнаты Строгановского дворца в Санкт-Петербурге была реализована задача раскрытия и сохранения в интерьере нескольких исторических слоев разновременных периодов, объединенных в одном пространстве (реставрация 2007 г.). Проект оказался нетипичен для современной практики восстановления дворцовых интерьеров, демонстрируя вариант фрагментарной реставрации.

Примечательна реставрация павильона Эрмитаж в Царском Селе, где в одной из галерей была проведена консервация всех элементов интерьера в подлинном виде (реставрация 2007 г.). Павильон, сохранивший планировку и внутреннюю отделку практически без изменений, пережил несколько ремонтно-реставрационных циклов в XIX и XX в., последний из которых в конце 1980-х гг. не был завершен. Современная реставрация интерьеров памятника продемонстрировала решение, визуально объединившее два принципиально разных реставрационных подхода: воссоздание и консервацию. Данный пример символизирует развитие отечественной реставрационной школы, противоборство ее принципов на стыке XX и XXI вв. [204].

Рубеж XX – XXI вв. стал временем укрепления в отечественной практике идей полного воссоздания утраченных памятников: с 1990-х гг. началось их осуществление в рамках идеологической программной компенсации сносов 1920 – 1930-х гг., ставших результатом антирелигиозных кампаний советского правительства. Воссоздание храма Христа Спасителя в Москве, имевшего исключительное мемориальное значение для страны, стало началом грандиозного всплеска воссозданий памятников культовой архитектуры в начале XXI в. Восстановление Казанского собора также явилось знаковым событием, восполнив утраченный градостроительный и композиционный узел Красной площади. В новом соборе был воспроизведен облик центрального храма, дополненный воссозданными по аналогам приделами, галереей и колокольней.

Одной из дискуссионных тенденций в современной практике реставрации стало воссоздание памятников в новых материалах, подразумевающее их предварительный демонтаж в связи с состоянием исторического материала и конструкций («Шахматный дом» в стиле модерн на ул. Пискунова, деревянный дом Смирнова в русском стиле на ул. Дальней в Нижнем Новгороде). Следует признать, что даже при строгом соблюдении первоначальных форм и пропорций, максимальном стремлении к сохранению исторических элементов, восстановленный таким способом памятник утрачивает подлинность и уникальный характер. Так называемый «130-й квартал» в Иркутске является примером восстановления целостного фрагмента городской застройки, в рамках которого исторические здания были сохранены, а утраченные постройки воссоздавались по старинным фотографиям. Отдавая должное этому положительному замыслу, нельзя не отметить резкий диссонанс между историческими зданиями, сохраняющими незначительные неровности и патину времени, и постройками, воссозданными в современных материалах по точно выверенным размерам.

Одним из примеров крупномасштабного воссоздания, настолько спорного, что оно нередко характеризуется как историческая фальсификация, является столичная гостиница «Москва». Здание, находившееся в удовлетворительном техническом состоянии, было

демонтировано и восстановлено на том же месте в первоначальных размерах и пропорциях. Подобные примеры вступают в принципиальное противоречие с научно-реставрационной теорией, признающей возможность воссоздания утраченных памятников как важных архитектурных доминант или уникальных элементов историко-градостроительной среды. Дискуссионность вопроса воссозданий порождает сложности в формировании единого понимания допустимости данного метода и границ его применения.

Таким образом, современное видение реставрационной деятельности характеризуется дифференцированным подходом, формирующимся на основе традиционных базовых представлений и принципов научной реставрации. Признается возможность его гибкого применения в зависимости от разнообразия индивидуальных реставрационных случаев. Вариативность подхода расширяет спектр новых решений, обусловленных как развитием строительно-реставрационных технологий, так и изменением функционально-эстетического понимания памятника как исторического элемента в современном контексте.

Модель концептуального подхода к реставрации и сохранению региональной архитектуры. Стратегии развития архитектурного реставрационного дела в России.

В основе модели концептуального подхода к реставрации и сохранению региональной архитектуры лежит обобщающий анализ современной архитектурно-реставрационной картины на научно-теоретическом, профессионально-практическом и нормативно-законодательном уровнях (прил. 5, табл. 33).

Основными концепциями, формирующими современные фундаментальные представления о наследии и методологические подходы к его сохранению, являются ноосферная концепция В.И. Вернадского и концепция экологии культуры Д.С. Лихачева.

Научная теория реставрации (отождествляемая с теорией сохранения недвижимых объектов культурного наследия), сложившаяся на рубеже XIX и XX вв., определила базовые методологические

направления в этой сфере деятельности. В условиях традиционной парадигмы сложилось два базовых подхода к определению историко-культурной ценности. Антикварный подход формирует и развивает методы археологического направления реставрации, принципиальным требованием которого названо безусловное сохранение исторической подлинности (основоположник направления – английский теоретик искусств Д. Рескин, вторая половина XIX в.). Консервация в рамках данного подхода была признана исключительным и единственно возможным способом сохранения объектов наследия. С развитием реставрационной деятельности, направленной на приспособление памятников для современного использования, развитие получили методы, основанные на утрированной трактовке антикварного подхода к сохранению объекта культурного наследия.

Применение археологического (аналитического) метода в ситуации дифференцированного подхода к определению особенностей объектов культурного наследия, сохранивших исторические архитектурные формы (выделение составляющих «предмета охраны» памятника), основано на методах их модернизации [143, с. 184]. Следование принципиальным положениям научно-реставрационной теории дает примеры грамотного приспособления руинированных памятников для современного использования (консервация руин собора Святого Михаила в Ковентри; приспособление для современного использования здания Нового музея в Берлине, 2000-е гг., арх. Д. Чипперфильд, Д. Херреп; сохранение руин замка Этли XII в. в Уоркшире, Англия, 2010-е гг., арх. бюро Witherford Watson Mann Architects). Выполненные в соответствии с критериями научной реставрации, данные примеры выявляют подлинность сохранившихся элементов в сочетании с возведением утраченных частей в исторических контурах, но без имитации первоначальных форм.

В отечественной практике подобные приемы археологического подхода, в основном, применялись при реставрации памятников, пострадавших во время крупных военных действий (руины мельницы в Волгограде) – в тех случаях, когда превалирующей ценностью являлась ассоциативная связь с историческими событиями, повлиявшими на изменения архитектурного облика постройки.

Эстетический подход к определению историко-культурной ценности памятника стал импульсом для формирования диаметрально противоположного археологическому направлению метода стилистической реставрации (основоположник – французский архитектор, искусствовед, историк архитектуры Э.Э. Виолле-ле-Дюк, XIX в.). Идея творческого воссоздания памятника на определенный период времени в формах, считающихся наиболее ценными с точки зрения архитектора-реставратора, сформировала субъективно-эстетический подход, позволяющий восполнять утраченные элементы на основе исторических аналогов и опираясь на художественные приемы соответствующего архитектурного направления (замок Пьерфон во Франции, арх. Э.Э. Виолле-ле-Дюк). Два рассмотренных подхода заключают между собой весь спектр реставрационных направлений от консервации в существующем виде до полной исторической реконструкции, а также определяют основные реставрационные методы.

Современная научная реставрация опирается на комплексный подход к сохранению наследия. Он характеризуется признанием ценности позднейших наслоений и стремлением к их сохранению с безусловным научно-документальным обоснованием форм восстанавливаемых элементов (фрагментарная реставрация). Основной задачей фрагментарной реставрации является продление жизни памятника при стремлении к минимальному вмешательству в историческую ткань. Целостная реставрация с восстановлением первоначального облика памятника или его облика в период предполагаемого расцвета принципиально противопоставлена фрагментарной реставрации. На основе целостного подхода восстановлены многие знаковые объекты, уникальные архитектурные ансамбли и исторические памятники, утраченные или претерпевшие военные разрушения (колокольня церкви Сан-Марко в Венеции; церковь Фрау-Кирхе в Дрездене, в новый объем которой включены подлинные руинированные элементы).

Современные методы сохранения объектов культурного наследия во многом ориентированы на цели их дальнейшего использования. Методы приспособления памятников для современного использования

включают два принципиальных направления (Б.М. Матвеев):

- реконструкция без изменения (расширения) исторического объема в рамках традиционных реставрационных методов (консервация, фрагментарная реставрация, целостная реставрация);

- реконструкция с изменением исторического объема в рамках методов модернизации (освоение подземного пространства, расширение и увеличение исторического объема в высоту в рамках стилистической реконструкции, авторские добавления к сохраняемым историческим зданиям (купол здания Рейхстага, арх. Н. Фостер), в том числе, основанные на гротескных приемах архитектурного формообразования в структуре исторической ткани памятника (Военный музей в Дрездене, арх. Либескинд).

В настоящее время идеологической основой архитектурно-реставрационной деятельности, в том числе, в России, является «Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест» (Венецианская хартия 1964 г.). Принятая после Второй мировой войны, она объединила основные существовавшие направления реставрации, среди которых безусловный приоритет отдавался консервации как базовому реставрационному подходу в сохранении наследия.

Документами, развивающими в международном нормативно-правовом поле принципиальные положения Венецианской хартии, стали Итальянская реставрационная хартия (1972 г.), Конвенция об охране Всемирного культурного и природного наследия (Юнеско, 1972 г.), Нарский документ о подлинности» (1994 г.), «Венский меморандум» (Международная конференция «Всемирное наследие и современная архитектура – управление историческими городскими ландшафтами», 2005 г.).

Вместе с тем, в мировой архитектурно-реставрационной практике на рубеже XX — XXI вв. стало очевидным повсеместное отступление от принципов Венецианской хартии. На законодательном уровне стали появляться новые дефиниции, расширяющие базовые определения допустимых вмешательств в объекты культурного наследия и связанные с допустимостью строительных перестроек и нового строительства (Италия, дополнения к закону 1978 г., 2002 – 2008 гг.). Возможность

радикальных преобразований объектов культурного наследия в условиях объективной необходимости современного развития, вплоть до их сноса и последующего воссоздания, декларирована в основополагающих правовых документах Европейского Союза («Конвенция об охране архитектурного наследия Европы», Гранада, 1985 г.) [143, с. 173, с. 198]. Документом, в определенной степени обосновывающим метод воссозданий, стала «Международная хартия по охране исторических городов» (Вашингтонская хартия, 1987 г.); положения о воссоздании и границах применения данного метода были закреплены Рижской хартией «Об аутентичности и исторической реконструкции в отношении к культурному наследию» (2000 г.).

Предпосылки, определяющие универсальный характер развития реставрационной деятельности и, в частности, метода воссозданий, связаны с широким спектром профессиональных и общекультурных мотивов. Всплески воссозданий послевоенных лет и более поздних этапов вплоть до начала XXI в. соответствуют периодам наиболее сильного влияния государственной идеологии, ставящей на первый план задачи сохранения национальной идентичности.

В современном понимании «воссоздание» определяется как комплекс мероприятий по восстановлению полностью утраченного памятника при наличии достаточных научных данных, а также его исторической или иной культурной значимости. Обоснованием для воссоздания является особая значимость объекта в градостроительном, художественно-стилистическом, функциональном, историко-мемориальном аспектах. В настоящее время европейская и российская архитектурная практика обладают значительным опытом возрождения памятников и объектов историко-культурной среды с применением реставрационного метода воссоздания [224].

Отечественная реставрационная практика характеризуется неуклонным ростом воссоздаваемых памятников, в том числе, объектов региональной архитектуры (в то время, как в европейской практике отмечается замедление данного процесса). Данная тенденция наблюдается, основном, в отношении культовых зданий и ансамблей. Сегодня воссоздание утраченных памятников и объектов исторической

среды является важной составляющей программы, направленной на сохранение историко-культурного достояния нации.

В русле формирования современных подходов с позиции управления изменениями и устойчивого развития, основополагающая роль в управлении наследием отводится гуманитарной концепции культурного ландшафта. Культурный ландшафт рассматривается как фундаментальная категория – комплексный интегральный объект природного и культурного наследия. Согласно развивающимся данным представления актуальным разработкам конца XX – начала XXI вв., в основе современной стратегии сохранения отечественного наследия и новых подходов к его использованию содержатся следующие принципы [61]:

- широкое представление о наследии, включающем не только недвижимые или движимые памятники истории, культуры и природы, но и живую традиционную культуру, традиционные культурные ценности, ремесла и промыслы, исторические технологии, традиционные формы природопользования, этнокультурную среду и природное окружение;

- представление о наследии как системном образовании, в котором отдельные объекты не могут быть сохранены вне связи друг с другом и вне окружающей среды;

- территориальный подход к сохранению наследия; при этом основным объектом охраны и использования становится территория со всем многообразием присущих ей элементов наследия, сохранившимися формами традиционной культурной и хозяйственной деятельности, исторически сложившимися системами расселения;

- рассмотрение деятельности по охране и использованию наследия как органической части комплекса современных социокультурных и экономических процессов.

Актуальной проблемой сегодня является сохранение городских культурных ландшафтов, которые в условиях развития урбанизированных территорий часто оказываются под угрозой исчезновения. Особенно остро эта проблема стоит для исторических центров мегаполисов.

Современная стратегия сохранения наследия рассматривает его как один из важнейших средообразующих факторов и фундаментальную категорию, лежащую в основе формирования устойчивого культурно-ландшафтного пространства. В развитии и актуализации методов деятельности по сохранению объектов культурного наследия и их приспособления для современного использования важно учитывать современные принципы средового подхода в сочетании с политикой управления изменениями в контексте устойчивого развития территорий [143, с. 157]. Данная политика подразумевает совмещение традиционных принципов и принципов модернизации наследия (рекомендации, Великобритания, 2008 г.). Теория прогрессирующей регенерации городской среды основана на интеграции новых архитектурных форм при их совместимости с историческими формами, в отношении которых допустимы те или иные методы модернизации. Интегрирование памятника основано на компромиссе принципа соблюдения исторической достоверности и актуализации его современного «прочтения» – образного художественного обогащения с соблюдением условий соразмерности, сомасштабности, сохранения образно-стилистических особенностей [143].

В соответствии с рассмотренными принципиальными положениями возможен алгоритм трактовки памятника или архитектурного пространства на основе определения степени его открытости для допустимого «вмешательства». Вид «вмешательства» определен дифференцированным подходом на основе совокупной оценки параметров значимости (археологической, градостроительной, историко-культурной, архитектурно-типологической, эстетической, культурологической значимости, аутентичности, уникальной идентичности, роли в формировании культурного ландшафта и др.) (научная система оценки историко-архитектурного наследия разработана Зеленовой С.В. [98]). Определение характера допустимого вмешательства формирует вариативное поле для определения методов сохранения памятника:

- «стабилизация» памятника или архитектурного пространства в современном состоянии (сохранение его как объекта или территории с индивидуальными особенностями, которые не должны подвергаться

внешним изменениям) – консервация, аналитические методы реставрации, методы приспособления для современного использования, основанные на сохранении визуальных параметров);

- развитие способом имитации традиционной историко-архитектурной среды – стилистическая реставрация, типологическая реконструкция (методы воссоздания);

- типы вмешательства, основанные на методах модернизации и создающие контраст с существующими параметрами историко-архитектурной среды (модернистские дополнения, основанные на интеграции новых архитектурных форм).

Стратегия развития архитектурно-реставрационного дела в России

Сохранение историко-архитектурного наследия представляет одну из важнейших задач современной культурной политики, направленной на поддержание культуры и национальной самобытности страны. Наследию прошлого отводится роль связующего звена в преемственности традиций, оно служит основой национальной самоидентификации целых народов и государств.

Несмотря на более чем полуторавековую историю реставрационной мысли, начавшей развиваться с середины XIX века и задавшей основу научного сохранения памятников архитектуры и градостроительства, полная, комплексная реставрация в России касается, как правило, исключительных по своей историко-культурной значимости объектов (крупные дворцовые комплексы, монастырские ансамбли, оборонительные сооружения древних городов). Вместе с тем, огромное количество памятников в регионах находится в аварийном состоянии, для работы с ними требуется разработка комплексных программ и приложение совместных усилий специалистов. С этими памятниками мы теряем важную часть национальной материальной и духовной культуры. На основе научного осмысления имеющегося опыта необходимо выработать продуктивные подходы и стратегии, отвечающие базовым принципам реставрационной деятельности, и вместе с тем расширяющие ее возможности в современных условиях. Целью является повышение качества сохранения уникального наследия,

олицетворяющего как мировую культуру, так и культуру и национальное достояние России.

В главе разработаны принципы концептуального подхода к реставрации и стратегии развития архитектурного реставрационного дела в России. Предложена авторская модель, основанная на единстве взаимодействия законодательной базы, экономики, культурного потенциала, профессионального опыта, а также государственного заказа в аспекте развития концепции сохранения историко-архитектурного наследия России (прил. 5, табл. 34).

В основе данной стратегии, лежат следующие основные принципы (авторская модель):

- формирование государственного заказа к сохранению культурного наследия как основы национального достояния;
- развитие деятельности по охране и использованию наследия в комплексе с современными социокультурными и экономическими процессами;
- формирование долгосрочных программ реставрации памятников в регионах исходя из категорий историко-культурной и культурно-ландшафтной значимости, степени их сохранности, необходимости включения памятников в современное использование в рамках оптимального сочетания задач сохранения наследия и его приспособления;
- развитие кластерно-территориального подхода к сохранению историко-культурного наследия на базе концепции культурного ландшафта (сохранение наследия на уровне структурно-типологических образований: архитектурных ансамблей, усадебных и монастырских комплексов, ансамблей улиц, градостроительных образований, комплексов деревянной застройки);
- формирование долгосрочных перспектив современного устойчивого развития за счет выявления историко-культурной значимости и экологического потенциала территорий, повышения их туристической привлекательности и экономической активности, функциональной организации, ревалоризации, благоустройства;
- преодоление региональной информационной рассосредоточенности, эффективная коммуникация, повышение

профессионального уровня в сфере сохранения наследия (оптимизация деятельности реставрационных мастерских, подготовка профессиональных реставрационных кадров);

- формирование программ типологической реконструкции (воссоздания) ранее утраченных объектов, выявляющих историко-культурные, градостроительные, архитектурно-типологические особенности и образное своеобразие культурного ландшафта (объектов культовой архитектуры, значимых памятников гражданской и промышленной архитектуры, элементов традиционных ансамблей и комплексов);

- сохранение архитектурно-реставрационных школ, ориентация реставрационных подходов на сохранение региональных особенностей архитектуры и типологический характер наследия (применение в реставрационных процессах традиционных реставрационных методов и материалов в сочетании с развитием уровня реставрационных технологий).

Отмечено, что положения данной стратегии во многом находят отражение в современной российской практике за счет государственной поддержки развития среды городов, формирования привлекательных городских пространств. В рамках градостроительного развития комплексно реализуется подход, основанный на использовании потенциала исторических планировочных решений, уникальных объектов наследия, характерной средовой застройки и привлекательных ландшафтов (Саровско-Дивеевский кластер, реновация исторических кварталов и улиц г. Нижнего Новгорода в рамках программы 800-летия города).

Закрепление и развитие данного стратегического направления на уровне государственной культурной политики является значимым шагом к качественному преобразованию сферы сохранения наследия, выявлению его уникальных ресурсов и включению в современную жизнь общества как основы национальной идентичности.

Заключение

В монографии на основе исследования обширного материала проведен научный анализ состояния современной практики реставрации, выявлены ее основные проблемы и предпосылки формирования новой реставрационной парадигмы. Изучен весь пласт отечественной реставрационной практики XIX – XXI вв. с точки зрения временных циклов в сравнительном анализе с европейской теорией и практикой реставрации.

Выявлено, что и в западноевропейской, и в отечественной практике реставрации вектор развития основных подходов соответствовал движению от стилистических реставраций к научно-аналитическим. Происходило последовательное формирование исследовательских приемов в изучении памятника, складывался принцип минимального вмешательства в историческую ткань и признания ценности поздних наслоений. На рубеже XIX – XX вв. в архитектурной реставрации сформировался научный подход к памятникам на основе археологического (аналитического) метода.

Исследована трансформация идеологического подхода к сохранению наследия в Советской России, носившая сложный характер. Дореволюционная традиция, воспринятая в первые послереволюционные годы, к 1920-м гг. оказалась разрушенной под влиянием тоталитарного характера государственной власти. В период 1920 – 1930-х гг. была деформирована система официальных организаций по охране памятников. Идеология советского государства в отношении наследия в довоенный период шла по пути размывания

представления о памятнике как о носителе исторической и культурной традиции.

В то же время, выявлено, что в 1960 – 1970-е гг. в СССР произошел существенный подъем в реставрационной практике. В этот период сложилась наиболее благоприятная ситуация в деле охраны и реставрации памятников, основанная на грамотной государственной политике. Основу ее составлял государственный заказ, который не только гарантировал защиту памятников, но и давал необходимые средства на их поддержание и реставрацию.

Выявленные особенности и проблемы реставрационной практики постперестроечного периода были обусловлены общегосударственными политическими, экономическими и социально-культурными предпосылками. Наиболее ощутимыми для сферы реставрации в данный период оказались: смена направленности бюджетного финансирования с проектных на ремонтно-реставрационные, противоаварийные и консервационные работы; разрушение единой организованной системы реставрации; влияние системы частного заказа; прерывание традиций отечественной школы архитектурной реставрации. Негативной тенденцией постсоветского периода стало разрушение идентичности городов, приводящее к глобальной проблеме уничтожения архитектурно-исторического своеобразия и культурной преемственности регионов России.

В исследовании прослежены этапы, по которым развивалась отечественная теория и практика реставрации XX – начала XXI вв. в организационном плане. Можно сказать, что общее развитие шло по пути раздробления: его можно разделить на три этапа. Период 1917 – 1930-е гг. охарактеризован как монопроцесс, когда реставрационная деятельность осуществлялась на базе единой общегосударственной организации – Центральных государственных реставрационных мастерских. После их закрытия в 1934 г. произошел спад реставрационной деятельности. С 1945 до 1980-х гг. развитие реставрационной сферы происходило в русле формирования архитектурно-реставрационных школ в крупных городах России на базе специально созданных научно-реставрационных производственных мастерских. С 1980-х гг. до настоящего времени наблюдается тенденция

раздробления реставрационной деятельности, его локализация в рамках формирующихся обособленных реставрационных организаций и частных фирм.

Проведенный анализ современного состояния законодательной базы выявил острый конфликт между несовершенным законодательством в области сохранения историко-культурного наследия и актуальной практикой реставрации и приспособления памятников архитектуры в России на рубеже XX – XXI вв.

В исследовании проанализировано развитие нижегородской архитектурной реставрационной школы в XX в., связанное с проектно-строительной деятельностью Горьковской специальной научно-реставрационной производственной мастерской в 1950 – 1980-х гг. Выявлены основные периоды реставрационной деятельности мастерской и их особенности. Научно-методические подходы горьковской реставрационной школы в значительной степени повлияли на развитие практики нижегородской реставрации на рубеже XX – XXI вв.

Обобщающим результатом работы стало выявление социально-экономических, законодательных, культурных, экологических предпосылок, предопределяющих новый взгляд на проблему отечественной архитектурной реставрации. Конфликт несовершенной законодательной базы и практики сохранения объектов культурного наследия наметил тенденцию к переосмыслению современной реставрационной парадигмы. Выявленная тенденция коррелирует с авторской концепцией «перезагрузки», основанной на теории временных циклов.

Переосмысление принципов сохранения наследия с учетом современных тенденций архитектурно-градостроительной деятельности, корректировка законодательной базы в аспекте разработки новой парадигмы подходов к реставрации, ориентация на устойчивое развитие регионов – аспекты, формирующие стратегию развития архитектурно-реставрационного дела в России. На основании анализа состояния и тенденций практики сохранения наследия разработана авторская теоретическая модель подходов к современной архитектурно-реставрационной деятельности.

Данная модель стратегического развития, основанная на взаимодействии законодательной базы, экономического ресурса, культурного потенциала, профессионального опыта, а также государственного заказа, направлена на качественное преобразование сферы сохранения историко-архитектурного наследия России.

Библиографический список

Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. **Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации** : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года] : [с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования от 01 июля 2020 года № 11-ФКЗ]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.11.2020). – Режим доступа: КонсультантПлюс. Законодательство. ВерсияПроф. – Текст : электронный.
2. **Российская Федерация. Законы. Основы законодательства Российской Федерации о культуре** : утверждены Верховным Советом Российской Федерации 09 октября 1992 года № 3612-1: [редакция от 30 апреля 2021 года]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/(дата обращения: 17.12.2020). – Режим доступа: КонсультантПлюс. Законодательство. ВерсияПроф. – Текст : электронный.
3. **Российская Федерация. Законы. Градостроительный кодекс Российской Федерации** : ГК РФ : Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2004 года № 190-ФЗ : [принят Государственной Думой 22 декабря 2004 года : одобрен Советом Федерации 24 декабря 2004 года] : [редакция от 30 апреля 2021 года]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.12.2020). – Режим доступа: КонсультантПлюс. Законодательство. ВерсияПроф. – Текст : электронный.

4. **Российская Федерация. Законы.** Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федерации от 25 июня 2002 № 73-ФЗ : [принят Государственной Думой 24 мая 2002 года : одобрен Советом Федерации 14 июня 2002 года] : [редакция от 30 апреля 2021 года]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.12.2020). – Режим доступа: КонсультантПлюс. Законодательство. ВерсияПроф. – Текст : электронный.
5. **Российская Федерация. Правительство.** Об утверждении положения о государственной историко-культурной экспертизе : постановление Правительства Российской Федерации от 15 июля 2009 года № 569 : [редакция от 10 марта 2020 года]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89750 (дата обращения: 15.12.2020). – Режим доступа: КонсультантПлюс. Законодательство. ВерсияПроф. – Текст : электронный.
6. **Российская Федерация. Правительство.** Об утверждении Положения о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 12 сентября 2015 года № 972. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_186038/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b (дата обращения: 15.12.2020). – Режим доступа: КонсультантПлюс. Законодательство. ВерсияПроф. – Текст : электронный.
7. **Российская Федерация. Министерство культуры Российской Федерации.** Об утверждении Положения о едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации : приказ Министерства культуры Российской Федерации от 03 октября 2011 года № 954 : [зарегистрировано в Министерстве юстиции Российской Федерации 19 декабря 2011 года. № 22670] : [редакция от 20 ноября 2020 года]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123967

(дата обращения: 28.12.2020). – Режим доступа: КонсультантПлюс. Законодательство. ВерсияПроф. – Текст : электронный.

8. **Российская Федерация. Министерство культуры Российской Федерации.** Об утверждении формы паспорта объекта культурного наследия : приказ Министерства культуры Российской Федерации от 02 июля 2015 года № 1906 : [зарегистрировано в Министерстве юстиции Российской Федерации 1 сентября 2015 года № 38756]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.12.2020). – Режим доступа: КонсультантПлюс. Законодательство. ВерсияПроф. – Текст : электронный.
9. **Российская Федерация. Министерство культуры Российской Федерации.** Об утверждении состава и порядка утверждения отчетной документации о выполнении работ по сохранению объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленного объекта культурного наследия, порядка приемки работ по сохранению объекта культурного наследия и подготовки акта приемки выполненных работ по сохранению объекта культурного наследия, включенного в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленного объекта культурного наследия и его формы : приказ Министерства культуры Российской Федерации от 25 июня 2015 года № 1840 : [зарегистрировано в Министерстве юстиции Российской Федерации 25 августа 2015 года № 38666] : [редакция от 05 ноября 2015 года]. – URL: <http://base.garant.ru/71171282> (дата обращения: 28.12.2020). – Текст : электронный.
10. **Санкт-Петербург. Законы.** О границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга и режимах использования земель в границах указанных зон и о внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга «О генеральном плане Санкт-Петербурга и границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга» : закон Санкт-Петербурга от 19 января 2009 года № 820-7 : [принят Законодательным Собранием

Санкт-Петербурга 24 декабря 2008 года]. – URL: <https://base.garant.ru/22938372/> (дата обращения: 28.12.2020). – Текст : электронный.

11. **Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Совет Министров.** О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР. Часть 1 : постановление Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 года № 1327 : [редакция от 10 июля 2001 года]. – URL: <http://zakonbase.ru> (дата обращения: 10.04.2020). – Текст : электронный.
12. **Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Совет Министров.** О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории и культуры в РСФСР : постановление Совета Министров РСФСР от 24 мая 1966 года № 473. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6414.htm (дата обращения: 01.10.2020). – Текст : электронный.
13. **Союз Советских Социалистических Республик. Совет Министров.** Об утверждении Положения об охране и использовании памятников истории и культуры : постановление Совета Министров СССР от 16 сентября 1982 года № 865 : [редакция от 29 декабря 1989 года, с изменениями от 25 июня 2002 года]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.12.2020). – Режим доступа: КонсультантПлюс. Законодательство. ВерсияПроф. – Текст : электронный. – (Документ утратил силу с с 01.01.2021 г. в связи с изданием постановления Правительства РФ от 03.02.2020 № 80).

Международные нормативные правовые акты

14. Афинская Хартия восстановления исторических памятников. 1931 г. – URL: <https://www.icomos.org/en/charters-and-texts/179-articles-en-rancais/ressources/charters-and-standards/167-the-athens-charter-for-the-restoration-of-historic-monuments> (дата обращения: 01.10.2020). – Текст : электронный.
15. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Гаага, 14 мая 1954 г.). – Текст : непосредственный //

Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Выпуск XIX. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января и 31 декабря 1957 года / Министерство иностранных дел СССР. – Москва, 1960. – С. 114-142.

16. Европейская хартия об архитектурном наследии : принята Комитетом Министров 26 сентября 1975 года. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902012280> (дата обращения: 10.05.2021). – Текст : электронный.
17. Квебекская декларация по сохранению духа места : принята в Квебеке (Канада) 4 октября 2008 года. – URL: <https://obzor.city/data/files/kvebek.pdf> (дата обращения: 10.05.2021). – Текст : электронный.
18. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения : принята 20 октября 2005 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_expression.shtml (дата обращения: 10.05.2021). – Текст : электронный.
19. Конвенция об охране нематериального культурного наследия : принята 17 октября 2003 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 10.05.2021). – Текст : электронный.
20. Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест («Венецианская хартия») : II Международный конгресс архитекторов и технических специалистов по историческим памятникам (Венеция, 25-31 мая, 1964 г.). – Текст : непосредственный // Вестник «Реставрация музейных ценностей». – 1998. – № 1. – С. 55-58.
21. Международная хартия по охране исторических городов («Вашингтонская хартия») : принята на VIII Генеральной Ассамблее ИКОМОС (Вашингтон, октябрь 1987 года). – URL:

<http://spbiir.ru/ftpgetfile.php?id=1679> (дата обращения: 10.05.2021). – Текст : электронный.

22. Нарский документ о подлинности : принят на XII Генеральной Ассамблее ИКОМОС (Нара, 1-6 ноября 1994 года). – URL: http://icomos-spb.ru/component/joomdoc/1994%201999_%20%20%20.pdf/download (дата обращения: 10.05.2021). – Текст : электронный.
23. Парижская конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (Париж, 14 ноября 1970 года). – Текст : непосредственный // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия: конвенции, протоколы, резолюции, рекомендации. – Москва, 2002. – С. 60–70.
24. Парижская конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (Париж, 16 ноября 1972 года). – Текст : непосредственный // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия: конвенции, протоколы, резолюции, рекомендации. – Москва, 2002. – С. 71–87.
25. Парижская конвенция об охране подводного культурного наследия (Париж, 02 ноября 2001 года). – Текст : непосредственный // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия: конвенции, протоколы, резолюции, рекомендации. – Москва, 2002. – С. 88–114.
26. Принципы Валлетты по сохранению и управлению историческими городами и урбанизированными территориями : приняты 28 ноября 2011 года XVII Генеральной Ассамблеей ИКОМОС. – URL: https://www.icomos.org/charters/RUSS_Valletta_principles.pdf (дата обращения: 18.04.2021). – Текст : электронный.
27. Рекомендация об охране в национальном плане культурного и природного Наследия : принята 16 ноября 1972 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. – Текст : непосредственный // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия: конвенции, протоколы, резолюции, рекомендации. – Москва, 2002. – С. 158–170.

28. Рекомендация о сохранении и современной роли исторических ансамблей (Найроби, 26 ноября 1976 года). – Текст : непосредственный // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия: конвенции, протоколы, резолюции, рекомендации. – Москва, 2002. – С. 177–192.
29. Флорентийская хартия по охране исторических садов : утверждена ИКОМОС в декабре 1982 года. – URL: <s://voopik64.ru/wp-content/uploads/1981-florentijskaya-hartiya-istoricheskie-sady-1982.pdf> (дата обращения: 18.04.2021). – Текст : электронный.
30. Управление объектами Всемирного культурного наследия : информационное руководство / Организацией Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). – Париж, 2013. – 322 с. – URL: https://www.mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2014/17_12_2014_1.pdf (дата обращения: 18.04.2021). – Текст : электронный.

Европейские нормативные правовые акты

31. Устав Совета Европа (ETS № 1) : принят в г. Лондоне 5 мая 1949 года. – URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/rso/coe/-/asset_publisher/uUbe64ZnDjso/content/id/337612 (дата обращения: 11.06.2021). – Текст : электронный.
32. Европейская культурная конвенция (ETS № 18) : заключена в г. Париже 19 декабря 1954 года. – URL: <http://www.pavlodar.com/zakon/?all=all&dok=04853> (дата обращения: 11.06.2021). – Текст : электронный.
33. Европейская конвенция об охране археологического наследия (ETS № 66) : заключена в г. Лондоне 6 мая 1969 года. – URL: http://businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_36467.html (дата обращения: 11.06.2021). – Текст : электронный.
34. Европейская хартия об архитектурном наследии : принята Комитетом Министров 26 сентября 1975 года. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/902012280> (дата обращения: 11.06.2021). – Текст : электронный.

35. Конвенция об охране архитектурного наследия Европы (ETS № 121) : заключена в г. Гранаде 3 октября 1985 года. – URL: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=27209> (дата обращения: 11.06.2021). – Текст : электронный.
36. Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная) (ETS № 143) : заключена в г. Валлетта 16 января 1992 года. – URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=18745 (дата обращения: 11.06.2021). – Текст : электронный.
37. Европейская конвенция по ландшафтам (ETS № 143) : заключена в г. Флоренции 20 октября 2000 года : [с изменениями от 15 июня 2016 года]. – URL: <http://base.garant.ru/4089574/#friends> (дата обращения: 11.06.2021). – Текст : электронный.
38. Рекомендация Комиссии Европейских сообществ 1974 года о защите архитектурного и природного наследия. – Текст : непосредственный // Official Journal of the European Union. – 1975. – L. 021. – P. 0022–0023.

Литература

39. Абросимова, А. Ю. Макарьевский Желтоводский монастырь. Историко-культурная характеристика / А. Ю. Абросимова, В. В. Краснов. – URL: <http://www.opentextnn.ru/space/cult/index.html?id=2401> (дата обращения: 11.02.2020). – Текст : электронный.
40. Агафонов, С. Л. Нижегородский кремль / С. Л. Агафонов – Нижний Новгород : Кварц, 2008. – 224 с. – ISBN 978-5-903581-19-1. – Текст : непосредственный.
41. Агафонова, И. С. Проблема сохранения деревянной застройки Нижнего Новгорода в современных условиях / И. С. Агафонова. – Текст : непосредственный // Народное зодчество : межвузовский сборник. – Петрозаводск, 2007. – С. 93–100.
42. Агафонова, И. С. Проект реставрации архиерейских палат Нижегородского Печерского монастыря и его реализация / И. С. Агафонова, А. И. Давыдов. – URL: <http://opentextnn.ru/space/nn/church/?id=1406> (дата обращения: 11.02.2020). – Текст : электронный.

43. Агафонова, И. С. Нижегородский кремль как достопримечательное место в структуре исторического города / И. С. Агафонова. – URL: <http://opentextnn.ru/space/nn/kremlin/agafonova-i-s-nizhegorodskij-kreml-kak-dostoprimechatelnoe-mesto-v-strukture-istoricheskogo-goroda> (дата обращения: 11.02.2020). – Текст : электронный.
44. Андерс, В. Восстановление пространственного организма исторического города на примере Старого города в Эльблонге / В. Андерс. – Текст : непосредственный // Архитектура мира. Выпуск 6. Запад – Восток : 2000 лет архитектурной книги : материалы VI Международной конференции по истории архитектуры. – Москва, 1997. – С. 123–129.
45. Анохин, А. Ю. Современные технологии ревитализации и реновации объектов историко-культурного наследия / А. Ю. Анохин. – URL: http://www.zabgu.ru/files/html_document/pdf_files/fixed/Problemy'_opu't_i_perspektivy'_turizma_servisa_i_sociokul'turnoj_deyatel'nosti_v_Rossii_i_za_rubezhom/Anoxin_A.YU._Sovremennye_tehnologii_revitalizacii_i_renovacii_obektov_istoriko-kulturnogo_naslediya.pdf (дата обращения: 11.02.2020). – Текст : электронный.
46. Баниге, В. С. Покрытия ростовских архитектурных памятников XVI–XVII вв. / В. С. Баниге. – Текст : непосредственный // Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области. Древний Ростов. – Ярославль, 1958. – Выпуск 1. – С. 47–70.
47. Баниге, В. С. Искусство ростовских строительных мастеров : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения / В. С. Баниге ; Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени Репина. – Ленинград : [б. и.], 1964. – 22 с. – Текст : непосредственный.
48. Барановский, П. Д. Собор Пятницкого монастыря в Чернигове / П. Д. Барановский. – Текст : непосредственный // Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР. – Москва ; Ленинград, 1948. – С. 13–34.
49. Баталов, А. Путь эволюции категорий. Отношение к достоверности формы и подлинности материалов в отечественной реставрации XIX – начала XX века / А. Баталов. – Текст : непосредственный // Живой

- город: Pro et contra. О московской реставрации. – Москва, 2010. – С. 140–145.
50. Баталов, А. Л. Отношение к достоверности формы и подлинности материалов в русской реставрационной практике второй половины XIX в. / А. Л. Баталов. – Текст : непосредственный // История и теория реставрации памятников архитектуры. – Москва, 1986. – С. 26–31.
51. Бахтин, А. Ситуация с памятниками культурного наследия в Калининградской области / А. Бахтин. – Калининград, 2014. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/situatsiya-s-pamyatnikami-kulturnogo-naslediya-v-kaliningradskoy-oblasti/viewer> (дата обращения: 02.02.2020). – Текст : электронный.
52. Беккер, А. Ю. Современная городская среда и архитектурное наследие / А. Ю. Беккер, А. С. Щенков ; Центральный научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры. – Москва : Стройиздат, 1986. – 200 с. : ил. – Текст : непосредственный.
53. Бертман, Д. Новая жизнь со старым назначением. «Геликон-Опера» в усадьбе Е. Ф. Шаховской-Глебовой-Стрешневой / Д. Бертман. – Текст : непосредственный // Живой город: Pro et contra. О московской реставрации. – Москва, 2010. – С. 236–239.
54. Бобров, Ю. Г. Теория реставрации памятников искусства: закономерности и противоречия / Ю. Г. Бобров. – Москва : Эдсмит, 2004. – 303 с. : ил. – ISBN 5-89294-002-0. – Текст : непосредственный.
55. Бобров, Ю. Г. Философия современной консервации-реставрации. Иллюзии и реальность / Ю. Г. Бобров. – Москва : Художественная школа, 2017. – 288 с. – ISBN 978-5-904352-08-0. – Текст : непосредственный.
56. Боголюбова, Н. М. Охрана культурного наследия: международный и российский опыт / Н. М. Боголюбова, Ю. В. Николаева. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 4 (21). – С. 6–13.
57. Бранди, Чезаре. Теория реставрации и другие работы по темам охраны, консервации и реставрации = Teoria del restauro e altri scritti su tutela, conservazione e restauro / Чезаре Бранди ; под редакцией

- Джузеппе Базиле ; перевод с итальянского Андрея Близнюкова ; предисловие Александра Работкевича [и др.]. – [Б. м.] : Nardini [Firenze], 2011. – 270 с. : ил. – ISBN 978-88-404-4198-6. – Текст : непосредственный.
58. Бубнов, Ю. Н. Архитектура Нижнего Новгорода середины XIX – начала XX века / Ю. Н. Бубнов. – Нижний Новгород : Волго-Вятское книжное изд-во, 1991. – 174 с. – ISBN 5742002580. – Текст : непосредственный.
59. Васильев, Р. Наследие в тисках контрактов и устаревших законов / Р. Васильев. – Текст : непосредственный // Живой город: Pro et contra. О московской реставрации. – Москва, 2010. – С. 172–177.
60. Вахрамеева, Т. И. «Кварталы исторической застройки» в Петрозаводске: идея и реализация / Т. И. Вахрамеева. – Текст : непосредственный // Народное зодчество : межвузовский сборник. – Петрозаводск, 2007. – С. 59–65.
61. Веденин, Ю. А. Новые подходы к сохранению и использованию культурного и природного наследия в России / Ю. А. Веденин, П. М. Шульгин. – Текст : непосредственный // Известия академии наук. Серия географическая. 1992. – № 3. – С. 90–99.
62. Владимиро-Суздальская школа реставрации: история, методы и практика реставрации объектов историко-культурного наследия / И. А. Столетов [и др.] ; редакторы : В. В. Орельский, И. А. Столетов ; Российская академия архитектуры и строительных наук, Научно-исследовательский институт теории архитектуры и градостроительства, Владимирское научно-производственное открытое АО "Владимирреставрация". – Владимир : Изд. А. Вохмин, 2011. – 334 с. : ил. – ISBN 978-5-903995-03-5. – Текст : непосредственный.
63. Воронин, Н. Н. Древнерусские города / Н. Н. Воронин. – Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1945. – 103 с. : ил. – Текст : непосредственный.
64. Воронин, Н. Н. Архитектурный памятник как исторический источник. (Заметки к постановке вопроса) / Н. Н. Воронин. – Текст : непосредственный // Советская археология. – 1954. – Том 19. – С. 41–76.

65. Восстановление памятников архитектуры Ленинграда / А. А. Кедринский, М. Г. Колотов, Б. Н. Ометов, А. Г. Раскин. – 2-е изд. – Ленинград : Стройиздат, 1989. – 496 с. – Текст : непосредственный.
66. Восстановление памятников культуры: проблемы реставрации : сборник статей / под редакцией и предисловие Д. С. Лихачева. – Москва : Искусство, 1981. – 232 с. : ил. – Текст : непосредственный.
67. Всеобщая история архитектуры : в 12 томах / Государственный комитет по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР, Научно-исследовательский институт теории, истории и перспективных проблем советской архитектуры. – Ленинград ; Москва : Издательство литературы по строительству, 1966–1977. – 12 томов. – Текст : непосредственный.
68. Всеобщая история архитектуры. В 12 томах. Том 12, книга первая. Архитектура СССР / Центральный научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры ; под редакцией Н. В. Баранова. – Москва : Стройиздат, 1975. – 755 с. : ил. – Текст : непосредственный.
69. Галкова, О. В. Российские традиции охраны культурного наследия : специальность 24.00.01 : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / О. В. Галкова ; Волгоградский государственный медицинский университет. – Волгоград, 2012. – 50 с. – Текст : непосредственный.
70. Глаголев, А. Г. Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников, составляемое при Министерстве внутренних дел А. Глаголевым. Часть 1. О русских крепостях / А. Г. Глаголев. – Санкт-Петербург : тип. Министерства внутренних дел, 1838. – 52 с. – Текст : непосредственный.
71. Архитектура Новгорода в свете последних исследований / Т. В. Гладенко, Л. Е. Красноречьев, Г. М. Штендер, Л. М. Шуляк. – Текст : непосредственный // Новгород: К 1100-летию города : сборник статей / Академия наук СССР, Институт истории ; под редакцией М. Н. Тихомирова. – Москва, 1964. – С. 201–214.
72. Глазами архитектора: реставрация уникальных конструкций. – Текст : непосредственный // Живой город : Pro et contra. О московской реставрации. – Москва, 2010. – С. 44–55.

73. Глазычев, В. Л. Урбанистика / В. Л. Глазычев. – Москва : Европа, 2008. – 219 с. : ил. – ISBN 978-5-9739-0148-6. – Текст : непосредственный.
74. Гнедовский, Б. Восстановление памятников архитектуры Ростовского кремля / Б. Гнедовский. – Текст : непосредственный // Архитектура СССР. – № 1. – 1956. – С. 37–39.
75. Голенкевич, Н. Из истории реставрационного дела в Ярославле (1920-е годы) / Н. Голенкевич. – Текст : непосредственный // VII научные чтения памяти Николая Васильевича Перцева. – Ярославль, 2007. – С. 14–21.
76. Горлова, Н. И. К истории развития реставрационного добровольческого движения в 1960-1980-е годы / Н. И. Горлова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/k-istorii-razvitiya-restavratsionnogo-dobrovolcheskogo-dvizheniya-v-1960-1980-e-gody> (дата обращения: 02.02.2020). – Текст : электронный.
77. Грачева, Е. Е. Деревянные дома Нижнего: архитектура деревянных и каменно-деревянных жилых домов Нижнего Новгорода XIX – начала XX вв. / Е. Е. Грачева. – Нижний Новгород : Кварц, 2015. – 208 с. : ил. – ISBN 978-5-906698-29-2. – Текст : непосредственный.
78. Давид, Л. А. Некоторые вопросы теории реставрации памятников архитектуры / Л. А. Давид. – Текст : непосредственный // Теория и практика реставрационных работ : сборник статей. – Москва, 1972. – Сборник № 3. – С. 16–20.
79. Давид, Л. А. Из научного наследия / Л. А. Давид. – Текст : непосредственный // Реставрация и исследования памятников культуры. – Москва, 2001. – Выпуск IV. – С. 5–33.
80. Давыдов, А. И. Реставрация Троицкого собора Макарьевского Желтоводского монастыря в начале XX века / А. И. Давыдов, А. А. Давыдова. – URL: <http://opentextnn.ru/old/space/cult/index.html?id=3986> (дата обращения: 02.02.2020). – Текст : электронный.
81. Давыдов, А. И. Ансамбль Вознесенской церкви в городе Лыскове Нижегородской области – памятник архитектуры начала XIX века / А. И. Давыдов. – URL: <http://kraevedliskovo.edusite.ru/p54aa1.html> (дата обращения: 02.02.2020). – Текст : электронный.

82. Давыдов, А. И. Балахнинский Покровский монастырь / А. И. Давыдов. – URL: <http://opentextnn.ru/space/cult/index.html?id=5111> (дата обращения: 02.02.2020). – Текст : электронный.
83. Давыдов, А. И. Нижегородская церковь Трех Святителей / А. И. Давыдов. – URL: <http://opentextnn.ru/old/space/nn/church/index.html?id=4236> (дата обращения: 02.02.2020). – Текст : электронный.
84. Давыдов, А. И. К истории Сталинского преобразования городов (план уничтожения Кремля и перестройки г. Горького в 1935 - 1937 гг.) / А. И. Давыдов, В. В. Краснов. – URL: <http://opentextnn.ru/space/nn/index.html?id=2472> (дата обращения: 02.02.2020). – Текст : электронный.
85. Давыдов, С. Н. О научной методике реставрации памятников архитектуры / С. Н. Давыдов. – Текст : непосредственный // Архитектура СССР. – 1956. – № 5. – С. 60–61.
- 86. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Совет Народных Комиссаров. О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины : декрет Совета Народных Комиссаров от 5 октября 1918 года. – Текст : непосредственный // Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Фонд 54. Опись 1. Дело 38.**
87. **Союз Советских Социалистических Республик. Совет Народных Комиссаров. О специальных средствах для обеспечения государственной охраны культурных ценностей : декрет Совета Народных Комиссаров от 19 февраля 1924 года. – Текст : непосредственный // Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. – 1924. – № 19.**
88. Дмитриева, Ю. Ангел-хранитель петербургской старины. Жизнь и творчество И. Н. Бенуа / Ю. Дмитриева. – Текст : непосредственный // Десятые открытые слушания «Института Петербурга» : ежегодная конференция по проблемам петербурговедения, 11-12 января 2003 года / Общественная организация "Институт Петербурга" ; редактор Н. В. Скворцова ; составители Н. В. Скворцова, И. М. Сергеева]. – Санкт-Петербург, 2003. – С. 1–4.

89. Добровольская, Э. Д. Из истории реставрации памятников архитектуры Ярославля (1918–1921) / Э. Д. Добровольская. – Текст : непосредственный // Краеведческие записки. – Ярославль, 1960. – Выпуск 4. – С. 172–187.
90. Добровольская, Э. Д. И. А. Тихомиров — исследователь и реставратор ярославских памятников (К столетию со дня рождения) / Э. Д. Добровольская. – Текст : непосредственный // Архитектурно-художественное наследие Ярославля : материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры и живописи Ярославской области. – Ярославль, 2010. – Выпуск 2. – С. 134–147.
91. Проблема сохранения деревянного зодчества г. Томска / А. А. Дульзон, Н. А. Лисовская, М. Пфайфер, Х. Эккерт. – Текст : непосредственный // Известия Томского политехнического университета. – 2010. – № 6. – С. 228–236.
92. Душкина, Н. О. ИКОМОС и отечественная практика сохранения культурного наследия / Н. О. Душкина. – URL: http://icomos-spb.ru/component/joomdoc/dushkina_ikomos_otech_prakt.pdf/download (дата обращения: 02.02.2020). – Текст : электронный.
93. Душкина, Н. О. Реконструкция архитектурных сооружений: метаморфозы теории и перспективы сохранения наследия / Н. О. Душкина. – Текст : непосредственный // Поиски идентичности. Реставрация, восстановление, воссоздание : материалы XIV Чтений, посвященных памяти Л. А. Лелекова (1934 – 1988). – Москва, 2002. – С. 21–43.
94. Егорушкин, Ю. А. Реализация государственной политики ТАССР в сфере сохранения объектов культурного наследия (1950-е–1990-е гг.) : специальность 07.00.02 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Егорушкин Юрий Анатольевич ; Казанский федеральный университет. – Казань, 2019. – 28 с. – Текст : непосредственный
95. Ерохин, В. И. Города под водой: путешествие по затопленным берегам Верхней Волги / В. И. Ерохин. – Тверь : Тверской полиграфический комбинат, 2010. – 111 с. – ISBN 978-5-99719-016-3. – Текст : непосредственный.

96. Забелин, И. Е. Русское искусство. Черты самобытности в древнерусском зодчестве / И. Е. Забелин. – Москва : Гросман и Кнебель (И. Кнебель), 1900. – 160 с. : ил. – Текст : непосредственный.
97. Засыпкин, Б. Н. Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация / Б. Н. Засыпкин. – Текст : непосредственный // Вопросы реставрации. – Москва, 1926. – Выпуск I. – С. 137–178.
98. Зеленова, С. В. Формирование системы критериев оценки историко-архитектурного наследия в России : специальность 18.00.01 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата архитектуры / Зеленова Светлана Валерьевна ; Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. – Нижний Новгород, 2009. – 22 с. – Текст : непосредственный.
99. Зерчанинов, Л. М. Рассказы о музее-заповеднике / Л. М. Зерчанинов. – Горький : Волго-Вятское книжное изд-во, 1984. – 192 с. : ил. – Текст : непосредственный.
100. Иконников, А. В. Функция, форма, образ в архитектуре / А. В. Иконников. – Москва : Стройиздат, 1986. – Текст : непосредственный.
- 101. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет. Народный комиссариат просвещения. Инструкция об учете и охране памятников искусства, старины, быта и природы : декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР от 19 февраля 1924 г. – Текст : непосредственный // Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. – 1924. – № 18. – Ст. 179.**
- 102. Союз Советских Социалистических Республик. Министерство культуры. Инструкция о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры : приложение к приказу Министерства культуры СССР от 13 мая 1986 года № 203. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/9013052> (дата обращения : 1.10.2017). – Текст : электронный.**
103. История и теория реставрации памятников архитектуры : сборник статей / Центральный научно-исследовательский и проектный институт по градостроительству ; под редакцией А. С. Щенкова. –

- Москва : ЦНИИПГрадостроительства, 1986. – 96 с. : ил. – Текст : непосредственный.
104. История русского искусства : в 13 томах / под общей редакцией И. Э. Грабаря ; Академия наук СССР, Институт истории искусств. – Москва : Изд-во АН СССР, 1955. – 748 с. : ил. – Текст : непосредственный.
105. Кавельмахер, В. В. Особенности русской архитектурной реставрационной школы / В. В. Кавельмахер. – URL: <http://www.rusarch.ru/kavelmakher33.htm> (дата обращения: 01.10.2017). – Текст : электронный.
106. Кагоров, В. М. Смоленская церковь 1698 г. в пригородной усадьбе Г. Д. Строганова в Гордеевке: проблемы реставрации / В. М. Кагоров. – Текст : непосредственный // Великие реки-2013 : 15 международный научно-промышленный форум, 15-18 мая 2013 г. : труды конгресса : в 3 томах / Министерство образования и науки Российской Федерации, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. – Нижний Новгород, 2014. – Том 3. – С. 133-134.
107. Казусь, И. А. Архитектор П. Д. Барановский: сохранение и реставрация памятников зодчества Ярославля (1918 – 1931) / И. А. Казусь. – Текст : непосредственный // Архитектурное наследство. – 2015. – Выпуск 63. – С. 188–202.
108. Кальницкая, Е. Я. Музеефикация дворцов: актуализация архитектурного наследия в современной теории и практике : специальность 24.00.03 : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора культурологии / Елена Яковлевна Кальницкая ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2009. – 51 с. – Текст : непосредственный.
109. Летопись возрождения: Восстановление памятников архитектуры Ленинграда и пригородов, разрушенных в годы Великой Отечественной войны немецко-фашистскими захватчиками / А. А. Кедринский, М. Г. Колотов, Л. А. Медерский, А. Г. Раскин ; под редакцией доктора искусствоведения И. А. Бартенева. – Ленинград : Стройиздат, 1971. – 114 с. : ил. – Текст : непосредственный.

110. Восстановление памятников архитектуры Ленинграда / А. А. Кедринский, М. Г. Колотов, Б. Н. Ометов, А. Г. Раскин. – Ленинград : Стройиздат, 1989. – 496 с. : ил. – Текст : непосредственный.
111. Кедринский А. А. Основы реставрации памятников архитектуры. Обобщение опыта школы ленинградских реставраторов : учебное пособие / А. А. Кедринский. – Москва : Изобразительное искусство, 1999. – 182 с. : ил. – ISBN 5-85200-119-8. – Текст : непосредственный.
112. Климов, Л. А. Культурное наследие как система / Л. А. Климов ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Текст : непосредственный // Вопросы музеологии. – Санкт-Петербург, 2011. – № 1. – С. 42–46.
113. Коваль, В. В. К вопросу о реставрации Игуменского корпуса Свято-Троицкого Серафимо Дивеевского монастыря / В. В. Коваль, Д. Д. Хмелевская. – Текст : непосредственный // Всемирное наследие ЮНЕСКО: пути и перспективы развития ценностного потенциала памятников Северо-Запада России : материалы научной конференции, посвященной 25-летию включения в Список всемирного наследия объектов «Исторические памятники Великого Новгорода и окрестностей», «Белокаменные памятники Владимира и Суздаля», «Историко-культурный комплекс Соловецких островов» (Великий Новгород, 19-21 сентября 2017 года). – Великий Новгород ; Санкт-Петербург, 2018. – С. 96–101.
114. Козлов, В. Ф. Судьбы памятников архитектуры и старины в 1920-х годах — начале 1930-х годов (По протоколам Центральных государственных реставрационных мастерских) / В. Ф. Козлов. – Текст : непосредственный // Археографический ежегодник за 1991. – Москва, 1992. – С. 240–245.
115. Колотов, М. Г. Истина не тускнеет от повторения / М. Г. Колотов. – Текст : непосредственный // Вестник. Зодчий. 21 век. – 2010. – № 2 (35). – С. 44–45.
116. Копылова, Е. И. Вопросы сохранения памятников архитектуры в условиях современных норм эксплуатации. Проекты реставрации и приспособления / Е. И. Копылова, И. А. Маркина. – Текст :

- непосредственный // Вестник. Зодчий. 21 век. – 2015. – № 1-1 (54). – С. 28–29.
117. Кормильцева, О. М. Из истории петербургской – ленинградской школы реставрации / О. М. Кормильцева. – Текст : непосредственный // Вестник. Зодчий. 21 век. – 2010. – № 2 (35). – С. 16–21.
118. Котов, В. Н. Реставрация западного крыльца Владимирской церкви в Нижнем Новгороде / В. Н. Котов. – Текст : непосредственный // Великие реки-2012 : 14 международный научно-промышленный форум, 15-18 мая 2012 г. : труды конгресса : в 2 томах / Министерство образования и науки Российской Федерации, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. – Нижний Новгород, 2013. – Том 2. – С. 133-134.
119. Кравцова, И. Воссоздавая мирную жизнь. История формирования ленинградской школы реставрации / И. Кравцова. – Текст : непосредственный // Строительство и городское хозяйство в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. – 2015. – № 158. – С. 59–64.
120. Красавцева-Байда, И. «Разрушено человеческим заблуждением и восстановлено человеческой надеждою». Жизнь в соответствии с Пактом Рериха / И. Красавцева-Байда. – Текст : непосредственный // Живой город: Pro et contra. О московской реставрации. – Москва, 2010. – С. 270 – 277.
121. Красноречьев, Л. Е. Исследование и реставрация памятников деревянного зодчества по опыту работ в Новгородской области: по опыту работ в Новгородской области / Л. Е. Красноречьев. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин (ДБ), 1999. – 57 с. : ил. – ISBN 5-86007-159-0. – Текст : непосредственный.
122. Красноречьев, Л. Е. Народное деревянное зодчество Новгородчины. Витославицы / Л. Е. Красноречьев ; научный редактор В. А. Попов ; Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. – Великий Новгород : Первый ИПХ, 2014. – 304 с. – ISBN 978-5-86983-567-3. – Текст : непосредственный.

123. Кузнецов, С. О. В поисках Греческой комнаты. Записки участника реставрации Строгановского дома / С. О. Кузнецов. – Текст : непосредственный // История Петербурга. – 2009. – № 5 (51). – С. 45–50.
124. Кузьмина, Н. Н. Новгородская реставрация на рубеже двух веков – конец XX и начало XXI века (К 60-летию Новгородской реставрационной мастерской) / Н. Н. Кузьмина, О. Н. Коваленко. – Текст : непосредственный // Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация / научный редактор В. И. Ромашова. – Великий Новгород, 2007. – Выпуск 2. – С. 6–25.
125. Культурный ландшафт как объект наследия / под редакцией Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. – Москва : Институт Наследия ; Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2004. – 620 с. : ил. – ISBN 5-86443-110-9. – Текст : непосредственный.
126. Кульчинская, Е. Д. Новые роли памятников архитектуры / Е. Д. Кульчинская. – Текст : непосредственный // Архитектурное наследие на рубеже XX и XXI веков. Проблемы реставрации и охраны наследия : сборник / Российская академия архитектуры и строительных наук, Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства ; под редакцией А. С. Щенкова. – Изд. 2-е. – Москва, 2014. – 144 с.
127. Кураева, Н. М. Современное состояние памятников промышленной архитектуры в Нижегородской области / Н. М. Кураева. – Текст : непосредственный // Великие реки-2012 : 14 международный научно-промышленный форум, 15-18 мая 2012 г. : труды конгресса : в 2 томах / Министерство образования и науки Российской Федерации, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. – Нижний Новгород, 2013. – Том 2. – С. 391–394.
128. Кутырин, К. Оставим в музыке все ноты. К анализу проведенных реставрационных работ / К. Кутырин. – Текст : непосредственный // Живой город: Pro et contra. О московской реставрации. – Москва, 2010. – С. 78–81
129. Ладейщикова, Е. Р. Реставрация дома декабриста С. П. Трубецкого 1965–1970-х годов / Е. Р. Ладейщикова. – URL: <http://talci->

irkutsk.ru/doc/doc/izd/6_Restavratsiia_doma_dekabrista.pdf (дата обращения: 21.04.2020). – Текст : электронный.

130. Лаптев, Ю. Роль и значение историко-культурного наследия еще до конца не осмыслены / Ю. Лаптев. – Текст : непосредственный // Живой город: Pro et contra. О московской реставрации. – Москва, 2010. – С. 212–215.
131. Лелеков, Л. А. Проблемы теории и методологии реставрации / Л. А. Лелеков. – Текст : непосредственный // Реставрация памятников истории и культуры : обзорная информация / Министерство культуры Российской Федерации, Всесоюзный научно-исследовательский институт реставрации (ВНИИР). – Москва, 1980. – Выпуск 2. – С. 1–37.
132. Лелеков, Л. А. Теоретические проблемы современной реставрационной науки / Л. А. Лелеков. – Текст : непосредственный // Художественное наследие: хранение, исследование, реставрация : сборник научных трудов / Министерство культуры Российской Федерации, Всесоюзный научно-исследовательский институт реставрации (ВНИИР). – Москва, 1989. – Внеочередной выпуск. – С. 5–43.
133. Ленпроектреставрация. 70 лет служения истории. – Текст : непосредственный // Вестник. Зодчий. 21век. – 2015. – № 3 (56). – С. 42–47.
134. Линч, К. Образ города : перевод с английского / К. Линч ; под редакцией А. В. Иконникова. – Москва : Стройиздат, 1982. – 328 с. : ил. – Текст : непосредственный.
135. Лисовский, В. Г. Архитектурные мастерские Академии художеств в годы революции и гражданской войны / В. Г. Лисовский. – Текст : непосредственный // Архитектурное наследие. – 2013. – Выпуск 59. – С. 239–254.
136. Лихачев, Д. С. Заметки о русском / Д. С. Лихачев. – Москва : Советская Россия, 1981. – 71 с. – Текст : непосредственный.
137. Личак, Н. А. Классификация памятников искусства и старины в первые годы советской власти / Н. А. Личак. – Текст : электронный // Наука и современность. – 2010. – С. 102–106. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-pamyatnikov->

- iskusstva-i-stariny-v-pervye-gody-sovetskoj-vlasti (дата обращения: 14.02.2020).
138. Личак, Н. А. П. Д. Барановский и сохранение культурного наследия г. Ярославля в 1920-х гг. / Н. А. Личак. – Текст : непосредственный // Век нынешний, век минувший... : Исторический альманах. – Ярославль, 2000. – Выпуск 2. – С. 141–147.
139. Лучшие практики. – URL: <http://www.gorodsreda.ru/federal-projects/gorodskaya-sreda/luchshie-praktiki> (дата обращения: 14.02.2020). – Текст : электронный.
140. Максимов, П. Н. Основные положения научной методики реставрации памятников архитектуры / П. Н. Максимов. – Текст : непосредственный // Практика реставрационных работ. – Москва, 1958. – Сборник 2. – С. 5–18.
141. Максимов, П. Н. К характеристике памятников московского зодчества XIII–XV вв. / П. Н. Максимов. – Текст : непосредственный // Материалы и исследования по археологии СССР. – Москва ; Ленинград, 1949. – № 12. – С. 208–216.
142. Мареева, Е. Е. Проблемы сохранения историко-архитектурного пространства современного города (на примере деревянной застройки достопримечательного места «Район улиц Короленко, Новой, Славянской») / Е. Е. Мареева. – Текст : непосредственный // Жизнь провинции как феномен духовности : сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием. – Нижний Новгород, 2011. – С. 257–262.
143. Матвеев, Б. М. Деконструкция архитектурного наследия / Б. М. Матвеев. – Санкт-Петербург : Политехника-сервис, 2012. – 423 с. – ISBN 978-5-905687-63-1. – Текст : непосредственный.
144. Матвеева, М. Б. Виртуальная реставрация памятников архитектуры как элемент сохранения культурного наследия / М. Б. Матвеева. – Текст : непосредственный // Вестник. Зодчий. 21 век. – 2015. – № 3(56). – С. 84–87.
145. Меерович, М. Г. Комплексная регенерация квартала средовой исторической застройки в Иркутске / М. Г. Меерович. – Текст : непосредственный // Academia. Архитектура и строительство. – 2016. – № 1. – С. 72–78.

146. Методика реставрации памятников архитектуры : пособие для архитекторов-реставраторов / Академия строительства и архитектуры СССР, Институт теории и истории архитектуры и строительной техники и Центральные научно-реставрационные мастерские. – Москва : Госстройиздат, 1961. – 216 с. – Текст : непосредственный.
147. Методика и практика сохранения памятников архитектуры / Государственный комитет по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР, Центральный научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры. – Москва : Стройиздат, 1974. – 143 с. : ил. – Текст : непосредственный.
148. Методика реставрации памятников архитектуры / А. С. Алтухов, Г. В. Алферова, В. И. Балдин и [др.] ; под общей редакцией Е. В. Михайловского ; Государственный комитет по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР, Центральный научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры. – Москва : Стройиздат, 1977. – 168 с. : ил. – Текст : непосредственный.
149. Мильчик, М. И. От ленинградской школы реставрации к петербургской школе реконструкции / М. И. Мильчик. – Текст : непосредственный // Вестник. Зодчий. 21век. – 2015. – № 2-1 (55). – С. 54–63.
150. Митрохина, Т. А. Влияние законодательных документов на развитие реставрационной практики в России в 1960-1980-е гг. / Т. А. Митрохина. – Текст : непосредственный // Сборник трудов аспирантов, магистрантов и соискателей / Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. – Нижний Новгород, 2017. – С. 86–91.
151. Митрохина, Т. А. Сравнительный анализ методологического подхода к реставрации в СССР в 1970-1980-х гг. и России 1990-х гг. / Т. А. Митрохина. – Текст : электронный // Студенческий научный форум – 2017 : IX Международная студенческая научная конференция. – URL: <https://www.scienceforum.ru/2017/2816/29979> (дата обращения: 14.05.2020).
152. Михайловский, Е. В. Реставрация памятников архитектуры : (развитие теоретических концепций) / Е. В. Михайловский ;

- предисловие П. Максимова ; Научно-исследовательский институт теории, истории и перспективных проблем советской архитектуры. – Москва : Стройиздат, 1971. – 190 с. : ил. – Текст : непосредственный.
153. Восстановление памятников архитектуры: проблемы реставрации : сборник статей / под общей редакцией Д. С. Лихачева. – Москва : Искусство, 1981. – 232 с. : ил. – Текст : непосредственный.
154. Мудров, Г. Глазами архитектора: реставрация уникальных конструкций / Г. Мудров. – Текст : непосредственный // Живой город: Pro et contra. О московской реставрации. – Москва, 2010. – С. 44–55.
155. Мусина, К. И. Опыт Казанской реставрационной школы в контексте методологии сохранения объектов культурного наследия России / К. И. Мусина. – Текст : непосредственный // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 4. – С. 43–47.
156. Науменко, Г. Экспертиза – какой она была и какой ей быть? / Г. Науменко. – Текст : непосредственный // Живой город: Pro et contra. О московской реставрации. – Москва, 2010. – С. 168–171.
157. Налимова, Галина. Михайло-Архангельская церковь (реставрация) / Г. Налимова. – Текст : непосредственный // Земля иркутская. – 2000. – № 14. – С. 114-115. : фото
158. Нефедьева, А. К. Галина Геннадьевна Оранская и архитектурно-этнографический музей «Тальцы» / А. К. Нефедьева. – Текст : непосредственный // Архитектор и время : материалы чтений, посвященных 100-летию со дня рождения Г. Г. Оранской (1913-1986). – Иркутск, 2013. – С. 65–73.
159. Никонова, А. А. Транскрипция реставрационной практики в массовом сознании / А. А. Никонова. – Текст : непосредственный // Дворцы и война : к 100-летию начала Первой мировой войны : сборник статей по материалам научно-практической конференции, ГМЗ "Петергоф", 2014 / Государственный музей-заповедник "Петергоф" ; [научный редактор Л. В. Никифорова]. – Санкт-Петербург, 2015. – С. 235–242.

160. Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация : сборник. Выпуск 5 / научный редактор Т. Ю. Царевская ; Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. – Великий Новгород : [б. и.], 2014. — 252 с. : ил. – ISBN 978-5-86983-606-9. – Текст : непосредственный.
161. Ополовников, А. В. Реставрация памятников народного задчества / А. В. Ополовников / Центральный научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры. – Москва : Стройиздат, 1974. – 391 с. : ил. – Текст : непосредственный.
162. Максимов, П. Н. Основные положения научной методики реставрации памятников архитектуры / П. Н. Максимов. – Текст : непосредственный // Практика реставрационных работ. – Москва, 1958. – Сборник 2. – С. 5–18.
163. Орельская, О. В. Святослав Агафонов. Возродивший кремль / О. В. Орельская. – Нижний Новгород : Промграфика, 2001. – 192 с. : ил. – (Мастера нижегородской архитектуры). – ISBN 5-901915-01-1. – Текст : непосредственный.
164. Охрана памятников истории и культуры : сборник документов / ответственный редактор Л. Г. Бескровный. – Москва : Советская Россия, 1973. – 192 с. – Текст : непосредственный.
165. Очерки истории СССР. Период феодализма IX-XV вв. В 2 частях. Часть 2. XIV-XV вв. Объединение русских земель вокруг Москвы и образование русского централизованного государства / под редакцией академика Б. Д. Грекова (ответственный редактор) [и др.]. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1953. – 812 с. : ил. – Текст : непосредственный.
166. Памятники архитектуры пригородов Ленинграда / А. Н. Петров, Е. Н. Петрова, А. Г. Раскин [и др.] ; научный редактор И. А. Бартенев. – Ленинград : Стройиздат, 1983. – 615 с. : ил. – Текст : непосредственный.
167. Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР : сборник статей / под редакцией академика И. Грабаря ; Академия наук СССР, Институт истории искусств. – Москва ; Ленинград : Академия наук СССР, 1948. – 480 с. : ил. – Текст : непосредственный.

168. Памятники архитектуры в дореволюционной России : Очерки истории архитектурной реставрации : монография / А. Л. Баталов, Т. В. Вятчина, И. И. Комарова [и др.] ; под общей редакцией А. С. Щенкова ; Российская академия архитектуры и строительных наук, Научно-исследовательский институт теории архитектуры и градостроительства. – Москва : ТЕРРА-Кн. клуб (ТРКК), 2002. – 525 с. : ил. – ISBN 5-275-00664-0. – Текст : непосредственный.
169. Петр Барановский. Труды, воспоминания современников / составитель Ю. А. Бычков. – Москва : Отчий дом, 1996. – 344 с. – ISBN 5-7676-0010-4. – Текст : непосредственный.
170. Платонов, П. В. Ретроспективная реставрация в ленинградской архитектуре 1940 – 1950 -х гг. / П. В. Платонов. – Текст : непосредственный // Пространство Санкт-Петербурга : памятники культурного наследия и современная городская среда : материалы научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 18-19 ноября 2002 года) / Санкт-Петербургский союз архитекторов, Союз реставраторов Санкт-Петербурга ; составитель Б. М. Матвеев.. – Санкт-Петербург, 2003.
171. Реставрация памятников архитектуры : учебное пособие для архитектурных специальностей вузов / С. С. Подъяпольский, Г. Б. Бессонов, Л. А. Беляев, Т. М. Постникова ; под общей редакцией С. С. Подъяпольского. – 2-е издание. – Москва : Стройиздат, 2000. – 288 с. : ил. – ISBN 5-274-02240-5. – Текст : непосредственный.
172. Покрышкин, П. П. Краткие советы по вопросам ремонта памятников старины и искусства / П. П. Покрышкин. – Псков : Тип. Псковского губернского Правления, 1916. – 34 с. – Текст : непосредственный.
173. Пономарев, А. М. П. Д. Барановский — исследователь, реставратор и радатель историко-архитектурных памятников Свято-Троицкого Болдинского монастыря / А. М. Пономарев. – Текст : непосредственный // Болдинский монастырь : из архива архитектора-реставратора П. Д. Барановского. – Москва, 2004. – С. 9–76.
174. Попов, А. О воссоздании русской плотничной технологии XVII–XVIII вв. при реставрации церкви Дмитрия Солунского в селе

Верхняя Уфтяга / А. Попов, И. Шургин ; Мастерская архитектора-реставратора А. Попова. – Москва : [б. и.], 1993. – 17 с. : ил. – Текст : непосредственный.

175. Послевоенное восстановление памятников. Теория и практика XX века : материалы международной научной конференции, 4-5 декабря 2014 г. / Государственный историко-художественный дворцово-парковый музей-заповедник "Гатчина", Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга. – Санкт-Петербург : Береста, 2014. - 300 с. : ил. – ISBN 978-5-906670-25-0. – Текст : непосредственный.
176. Практика реставрационных работ : сборник статей. Сборник № 1 / Министерство городского строительства, Управление по охране памятников архитектуры ; научный редактор Л. А. Кальнин-Михайловской ; предисловие Ш. Е. Ратии. – Москва : Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1950. – 208 с. : ил. – Текст : непосредственный.
177. Практика реставрационных работ : сборник статей. Сборник № 1 / Министерство городского строительства, Управление по охране памятников архитектуры ; научный редактор Л. А. Кальнин-Михайловской ; предисловие Ш. Е. Ратии. – Москва : Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1958. – 178 с. : ил. – Текст : непосредственный.
178. Применение прогрессивных технологий в реставрационной деятельности. – URL: http://statref.ru/ref_polotrmerpol.html (дата обращения: 19.01.2021). – Текст : электронный.
179. Процессы копирования и реконструкции. – Текст : непосредственный // Реставрация памятников культуры. – Москва, 1986. – Выпуск I.
180. Пруцын, О. И. Архитектурно-историческая среда / О. И. Пруцын, Б. Рымашевский, В. Борусевич ; под редакцией О. И. Пруцына. – Москва : Стройиздат, 1990. – 408 с. : ил. – Текст : непосредственный.
181. Пруцын, О. И. Реставрация и реконструкция архитектурного наследия. Теоретические и методические основы реставраций исторического и архитектурного наследия : учебное пособие. –

Москва : Академия реставраций, 1996. – 91 с. – ISBN 5-900967-03-4. – Текст : непосредственный.

182. Раппапорт, А. Г. К пониманию архитектурной формы : диссертация на соискание ученой степени доктора искусствоведения, представленная в форме научного доклада / А. Г. Раппапорт. – Москва, 2000. – URL: <http://www.niitag.ru/info/doc/?103> (дата обращения: 19.01.2021). – Текст : электронный.
183. Реставрация памятников архитектуры : учебное пособие для вузов / С. С. Подъяпольский, Г. Б. Бессонов, Л. А. Беляев, Т. М. Постникова ; под общей редакцией С. С. Подъяпольского. – Москва : Стройиздат, 1988. – 264 с. : ил. – ISBN 5-274-00009-6. – Текст : непосредственный.
184. Реставрация памятников истории и искусства в России в XIX—XX веках. История, проблемы : учебное пособие. – Москва, 2008. – URL: <http://art-con.ru/node/5667> (дата обращения: 19.01.2021). – Текст : электронный.
185. Реставрация и исследования памятников культуры / Министерство культуры СССР, Всесоюзный производственный научно-реставрационный комбинат. – Москва : Стройиздат, 1975. – Выпуск 1. – 260 с. : ил. – Текст : непосредственный.
186. Грабарь, И. Э. Реставрация у нас и на Западе / И. Э. Грабарь. – Текст : непосредственный // Наука и искусство. – 1926. – № 1. – С. 94.
187. Михайловский, Е. В. Реставрация памятников архитектуры: (развитие теоретических концепций) / Е. В. Михайловский ; предисловие П. Максимова ; Научно-исследовательский институт теории, истории и перспективных проблем советской архитектуры. – Москва : Стройиздат, 1971. – 190 с. : ил. – Текст : непосредственный.
188. Романова, Л. С. Адаптация исторической застройки к современным условиям. Из опыта Томской реставрационной школы / Л. С. Романова, С. С. Малевич. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. – 2013. – № 4. – С. 115–126.
189. Рославский, В. М. Москва. Петроград: два центра отечественной реставрации / В. М. Рославский ; Министерство культуры Российской Федерации, Федеральное государственное учреждение

культуры "Государственный историко-культурный музей-заповедник "Московский Кремль". – Москва : Индрик, 2015. – 576 с., ил. – ISBN 978-5-91674-341-8. – Текст : непосредственный.

190. Рославский, В. М. Становление учреждений охраны и реставрации памятников искусства и старины в РСФСР 1917–1921 гг. Игорь Грабарь и реставрация : монография / В. М. Рославский. – Москва : Полимаг, 2004. – 392 с. – ISBN 5-87197-106-7. – Текст : непосредственный.
191. Рыбальченко, Ю. Д. Особенности и способы сохранения каменно-деревянной застройки Самары конца XIX – начала XX в. / Ю. Д. Рыбальченко, Н. И. Басс. – Текст : непосредственный // Приволжский научный журнал / Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. – Нижний Новгород, 2011. – № 1. – С. 83–88.
192. Рыцарев, К. В. Европейская реставрационная мысль в 1940-1980-е годы : пособие для изучения теории архитектурной реставрации / К. В. Рыцарев ; Российская академия архитектуры и строительных наук, Научно-исследовательский институт теории архитектуры и градостроительства. – Москва : Рохос, 2003. – 93 с. – Текст : непосредственный.
193. Рыцарев, К. В. Европейская реставрационная мысль в 1940-1980-е годы : пособие для изучения теории архитектурной реставрации / К. В. Рыцарев, А. С. Щенков. – Москва : КомКнига, 2010. – 96 с. – ISBN 978-5-484-01211-4. – Текст : непосредственный.
194. Рязанцев, Н. П. Начало восстановления и реставрации памятников архитектуры в Ярославле после мятежа 1918 года / Н. П. Рязанцев. – Текст : непосредственный // Краеведческие записки. Выпуск VIII : материалы 8 и 9 Тихомировских чтений. – Ярославль, 2005. – С. 374–382.
195. Самойлов, Ю. Г. Реставрация храма во имя Казанской иконы Божией Матери в с. Юрино Нижегородской области / Ю. Г. Самойлов, В. М. Кагоров, В. Н. Котов. – Текст : непосредственный // Ученые записки Волго-Вятского отделения Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры / Правительство Нижегородской области, Администрация г. Нижнего

- Новгорода, Нижегородская епархия Русской православной церкви, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2001. – Выпуск 8. – С. 84–85.
196. Сергеева, Е. В. Отечественное и зарубежное нормативно-правовое регулирование приспособления памятников архитектуры для современного использования / Е. В. Сергеева. – Текст : непосредственный // Магистерские слушания : материалы VIII Межрегиональной научно-практической конференции / Санкт-Петербургский архитектурно-строительный университет. – Санкт-Петербург, 2018. – Том II. – С. 142–145.
197. Сергеева, Е. В. Правовые аспекты проведения работ на объектах культурного наследия / Е. В. Сергеева. – Текст : непосредственный // Нижний Новгород: NotaVene / Нижегородская региональная общественная организация культуры "Нижегородский Союз реставраторов". – Нижний Новгород, 2018. – № 14. – С. 6–7.
198. Ситуация приобретает характер катастрофы: открытое письмо специалистов в области сохранения объектов культурного наследия и культурных ценностей (реставраторов, архитекторов, искусствоведов, музейных работников). – URL: <https://hranitelinasledia.com/articles/diskussii/situatsiya-priobretaet-kharakter-katastrofy> (дата обращения: 01.09.2020). – Текст : электронный.
199. Слабуха, А. В. Вопросы истории изучения и сохранения архитектурного наследия в Приенисейской Сибири / А. В. Слабуха. – Текст : непосредственный // Город, пригодный для жизни : материалы II Международной научно-практической конференции «Современные проблемы архитектуры, градостроительства, дизайна», 12–14 ноября 2014 / Сибирский федеральный университет. – Красноярск, 2015. – С. 188–192.
200. Славина, Т. А. Предмет охраны. К вопросу об охране и использовании природно-культурного наследия / Т. А. Славина. – Текст : непосредственный // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга: исследования и материалы. – Санкт-Петербург, 1997. – Выпуск 4. – С. 10–23.

201. Славинский, С. П. Сохранение подлинности и выявление историко-культурного потенциала архитектурного наследия / С. П. Славинский. – Текст : электронный // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – 2019. – № 1 (19). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-podlinnosti-i-vyyavlenie-istoriko-kulturnogo-potentsiala-arhitekturnogo-naslediya/viewer> (дата обращения: 19.01.2021).
202. Смагина, А. Н. Исследование проблем сохранения и реставрации русских кремлей / А. Н. Смагина. – Текст : электронный // Студенческий научный форум-2017 : IX Международная студенческая научная конференция. – URL: <https://www.scienceforum.ru/2017/2203/27399> (дата обращения: 19.01.2021).
203. Современный облик памятников прошлого: историко-художественные проблемы реставрации памятников архитектуры / А. С. Щенков, Т. Н. Вятчина, И. Ю. Меркулова [и др.] ; под редакцией А. С. Щенкова. – Москва : Стройиздат, 1983. – 187 с. : ил. – Текст : непосредственный.
204. Соколова, В. Д. Развитие ленинградской (петербургской) школы реставрации (на примере работ в Царском Селе и Строгановском дворце) : выпускная квалификационная работа магистра реставрации / В. Д. Соколова. – Санкт-Петербург, 2017. – 95 с. – Текст : непосредственный.
205. Пименова, Г. И. Сохранение архитектурного наследия XX века в России / Г. И. Пименова, К. В. Коптяева. – Текст : непосредственный // Вопросы культурологии. – 2007. – № 11. – С. 61–66.
206. Старостенко, Ю. Д. Архитектура на службе государства: формирование положительного имиджа власти в 1930-е годы (на примере Москвы) / Ю. Д. Старостенко. – Текст : непосредственный // Архитектурное наследство. – 2015. – Выпуск 62. – С. 319–328.
207. Степанова, Е. Точный расчет. Об уникальных технологиях воссоздания утраченных объектов / Е. Степанова, В. Минахин. – Текст : непосредственный // Живой город: Pro et contra. О московской реставрации. – Москва, 2010. – С. 64–71.

208. Стецкевич, Е. С. Р. И. Каплан-Ингель и послевоенная реставрация здания Кунсткамеры: 1945—1949 / Е. С. Стецкевич. – Текст : непосредственный // Кунсткамера. Этнографические тетради / Российская академия наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). – Санкт-Петербург, 1995. – Выпуск № 8-9. – С. 127–136.
209. Владимиро-Суздальская школа реставрации : история, методы и практика реставрации объектов историко-культурного наследия / И. А. Столетов [и др.] ; редакторы : В. В. Орельский, И. А. Столетов ; Российская академия архитектуры и строительных наук, Научно-исследовательский институт теории архитектуры и градостроительства, Владимирреставрация. – Владимир : Изд. А. Вохмин, 2011. – 334 с. : ил. – ISBN 978-5-903995-03-5. – Текст : непосредственный.
210. Стравинкас, В. В. Советское законодательство по охране историко-культурного наследия : специальность 12.00.01 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Владимир Винцуасович Стравинкас ; Нижегородская академия МВД России. – Нижний Новгород, 2007. – 176 с. – Текст : непосредственный.
211. Суслов, В. В. Очерки по истории древнерусского зодчества академика архитектуры В. В. Суслова / В. В. Сулов. – Санкт-Петербург : Тип. А. Ф. Маркса, 1889. – 133 с. – Текст : непосредственный.
212. Теория и практика реставрационных работ. Сборник № 3 / Научно-исследовательский институт теории, истории и перспективных проблем советской архитектуры. – Москва : Стройиздат, 1972. – 152 с. – Текст : непосредственный.
213. Бобров, Ю. Г. Теория реставрации памятников искусства: закономерности и противоречия / Ю. Г. Бобров. – Москва, 2004. – URL: <http://art-con.runode/850> (дата обращения: 19.01.2021). – Текст : электронный.
214. Титова, Л. О. Архитектурные сценарии конверсии объектов промышленного наследия: на примере текстильных предприятий

- 1822 – 1917 годов постройки в г. Москве : специальность 05.23.21 : диссертация на соискание ученой степени кандидата архитектуры / Титова Людмила Олеговна ; Московский архитектурный институт. – Москва, 2017. – 142 с. – Текст : непосредственный.
215. Тихонов, В. В. Этнографические музеи под открытым небом Сибири / В. В. Тихонов. – Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 1 (53). – С. 61–65.
216. Тихонов, В. В. Иркутская область – презентативная территория скансенологической практики в России / В. В. Тихонов. – Текст : непосредственный // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». – Иркутск, 2015. – Выпуск 7. – С. 246–250.
217. Тихонов, В. В. Перспективы развития этнографических музеев под открытым небом в Иркутской области / В. В. Тихонов. – Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 22. – С. 93–104. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-etnograficheskikh-muzeev-pod-otkryтым-nebom-v-irkutskoy-oblasti/viewer> (дата обращения: 21.04.2020). – Текст : электронный.
218. Тихонов, И. Л. Императорская археологическая комиссия: структура и кадровый состав / И. Л. Тихонов. – Текст : непосредственный // Российская археология. – 2009. – № 4. – С. 5–17.
219. Собирая камни... Центральные научно-реставрационные проектные мастерские. 65 лет / Н. Д. Троскина, С. Б. Куликов, А. С. Подъяпольский [и др.] ; редколлегия: А. Б. Бодэ [и др.]. – Москва : АртКом, 2012. – 622 с. : ил., фото. – Текст : непосредственный.
220. Троскина, Н. Признано коллегами, проверено временем. О работе специалистов ЦНРПМ в последние десятилетия / Н. Троскина. – Текст : непосредственный // Живой город: Pro et contra. О московской реставрации. – Москва, 2010. – С. 56–63.
221. Хайрутдинов, Р. Р. Татарская специальная научно-реставрационная производственная мастерская в 50-е годы XX века: опыт организации реставрационного дела в ТАССР / Р. Р. Хайрутдинов. – Текст :

непосредственный // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2009. – Том 151, № 2-2. – С. 202–213.

222. Хайрутдинов, Р. Р. Структура органов охраны памятников в РСФСР в 1930-е гг. / Р. Р. Хайрутдинов. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-organov-ohranypamyatnikov-v-rsfsr-v-1930-e-gody/viewer> (дата обращения: 14.07.2020). – Текст : электронный.
223. Хмелевская, Д. Д. К вопросу воссоздания историко-архитектурной среды ансамбля Спасского-Староярмарочного собора в Нижнем Новгороде / Д. Д. Хмелевская. – Текст : непосредственный // VII Всероссийский фестиваль науки : сборник докладов. В 2 томах / Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет ; ответственный редактор А. А. Лапшин. – Нижний Новгород, 2017. – Том 1. – С. 188–192.
224. Хмелевская, Д. Д. Анализ воссозданных объектов архитектуры на примере отечественного и зарубежного опыта / Д. Д. Хмелевская. – Текст : непосредственный // Великие реки-2018 : 20 международный научно-промышленный форум, 15-18 мая 2018 г. : труды конгресса : в 3 томах / Министерство образования и науки Российской Федерации, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. – Нижний Новгород, 2018. – Том 3. – С. 239–241.
225. Цветков, А. В. Церковь Рождества Христова в Арзамасе – памятник архитектуры середины XIX века / А. В. Цветков. – Текст : непосредственный // Великие реки-2013 : 15 международный научно-промышленный форум, 15-18 мая 2013 г. : труды конгресса : в 3 томах / Министерство образования и науки Российской Федерации, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. – Нижний Новгород, 2014. – Том 3. – С. 117–119.
226. Цветнов, В. А. Шутка законодателей / В. А. Цветнов, Э. А. Шевченко. – Текст : непосредственный // Вестник. Зодчий. 21век. – 2015. – № 3 (56). – С. 6–11.
227. Цветнов В.А., Шевченко Э.А. Шутка законодателей. / "Вестник. Зодчий. 21век" № 3(56) 2015 г. Повтор поз. 226.

228. Чащин, В. Я. Реставрационные работы 1960-1964 годов на Рождественской (Строгановской) церкви в городе Горьком (Нижнем Новгороде). Опыт ретроспективного обзора / В. Я. Чащин. – Текст : электронный // Воспоминания В. Я. Чащина о реставрации Рождественской Строгановской церкви XVIII века в Нижнем Новгороде / составитель А. И. Давыдов. – URL: <http://opentextnn.ru/space/agafonov/vospominaniya-v-ya-chashhina-o-restavratsii-rozhdestvenskoj-stroganovskoj-cerkvi-xviii-veka-v-nizhnem-novgorode> (дата обращения: 14.07.2020).
229. Черненко, А. В. Территория объекта культурного наследия: новый закон, старые проблемы / А. В. Черненко, Ю. В. Гордеев. – Текст : непосредственный // Вестник. Зодчий. 21век. – 2015. – № 3 (56). – С. 12–17.
230. Чернышева, Е. К. Научные и методологические проблемы реставрации: этические аспекты профессиональных отношений / Е. К. Чернышева. – Текст : электронный // Реставрация в храме-памятнике : материалы научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 6–7 декабря 2006 года) / Н. В. Нагорский ; Государственный музей-памятник "Исаакиевский собор". – Санкт-Петербург, 2006. – № 2. – URL: <https://mrr2003.ru/stati/item/105-nauchnye-i-metodologicheskie-problemy-restavratsii-eticheskie-aspekty-professionalnykh-otnoshenij.html> (дата обращения: 14.07.2020).
231. Горячева, А. В. "Чистая консервация" в Италии конца XX века как радикальный подход к реставрации памятников архитектуры / А. В. Горячева. – Текст : непосредственный // Наука, образование и экспериментальное проектирование : тезисы докладов международной научно-практической конференции, профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов (Москва, 3–7 апреля 2017 года) / Московский архитектурный институт. – Москва, 2017. – Том 1. – С. 45–46.
232. Шамарина, А. А. Пути сохранения и реставрации деревянной застройки г. Перми / А. А. Шамарина, А. Р. Соловьева. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы технических наук в современных условиях : сборник научных трудов по итогам

- международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2016. – № 3. – С. 145–151.
233. Шассель, Ф. Фасади́зм в Париже. Практика и регламентация / Ф. Шассель. – Текст : непосредственный // Санкт-Петербург в конце XX века. Современная жизнь исторического города : сборник докладов международной конференции (Санкт-Петербург, 1–3 октября 1998 года) / составители: Е. Коловская, М. Штиглиц. – Санкт-Петербург, 1999. – С. ?–?.
234. Швидковский, Д. Москва : слезы и надежды современности / Д. Швидковский. – Текст : непосредственный // Живой город: Pro et contra. О московской реставрации. – Москва, 2010. – С. 148–153.
235. Швидковский, Д. О. Пространство мирового зодчества / Д. О. Швидковский / Д. О. Швидковский. – Москва : Архитектура-С, 2017. – 560 с. : ил. – ISBN 978-5-9647-0305-1. – Текст : непосредственный.
236. Шевченко, Э. А. Вопросы государственной политики развития исторических городов России / Э. А. Шевченко, Т. А. Вайнштейн. – Текст : непосредственный // Вестник. Зодчий. 21 век. – 2003. – № 4. – С. 78–85.
237. Штендер, Г. М. Реставрация памятников новгородского зодчества / Г. М. Штендер. – Текст : непосредственный // Восстановление памятников культуры проблемы реставрации : сборник статей / под редакцией и предисловие Д. С. Лихачева. – Москва, 1981. – С. 43–72.
238. Шуази, О. История архитектуры = Histoire de l'architecture. В 2 томах. Том 2 / О. Шуази ; редакция и примечания Н. И. Брунова, Б. П. Денике, Н. А. Кожина, А. И. Некрасова, А. А. Сидорова ; перевод с французского Е. Г. Денисовой ; общая редакция Ю. К. Милонова и А. А. Сидорова. – 1937. – 694 с. : ил. – Текст : непосредственный.
239. Шулепова, Э. А. Историческая память в контексте культурного наследия / Э. А. Шулепова. – Текст : непосредственный // Культура памяти : сборник научных статей / научный редактор Э. А. Шулепова ; Российский институт культурологии. – Москва, 2003. – С. 141–188.
240. Шумилкин, А. С. Реставрация объекта культурного наследия – дома В. М. Бурмистровой с интерьером в Нижнем Новгороде / А. С. Шумилкин, В. В. Краснов, Е. Е. Грачева. – Текст : непосредственный

- // Приволжский научный журнал / Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. – Нижний Новгород, 2016. – № 2. – С. 155–160.
241. Шумилкин, А. С. К проблеме сохранения культурного наследия. Актуальные задачи реставрационной деятельности / А. С. Шумилкин. – Текст : непосредственный // Приволжский научный журнал / Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. – Нижний Новгород, 2017. – № 2. – С. 203–208.
242. Шумилкин, А. С. К проблеме воссоздания памятников архитектуры в реставрационной практике / А. С. Шумилкин. – Текст : непосредственный // Приволжский научный журнал / Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. – Нижний Новгород, 2019. – № 4. – С. 198–203.
243. Шумилкин, А. С. Промышленные комплексы Нижнего Новгорода XIX - XX вв. / А. С. Шумилкин. – Текст : непосредственный // Индустриальная архитектура и промышленное строительство в Нижегородской области в XX веке : материалы региональной научно-практической конференции. – Нижний Новгород, 2019. – С. 77–80.
244. Шумилкин, А. С. Нижегородская архитектурно-реставрационная школа в системе отечественных школ архитектурной реставрации XX в. (опыт 1960 – 1990 гг.). / А. С. Шумилкин. – Текст : непосредственный // Приволжский научный журнал / Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. – Нижний Новгород, 2019. – № 2. – С. 101–106.
245. Шумилкин, А. С. Традиции и современные подходы в реставрации (на примере Христорождественской церкви в г. Слободском) / А. С. Шумилкин. – Текст : непосредственный // Приволжский научный журнал / Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. – Нижний Новгород, 2017. – № 4. – С. 123–126.
246. Шумилкин, М. С. Нижегородское монастырское зодчество : монография / М. С. Шумилкин, С. М. Шумилкин, Т. В. Шумилкина ;

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. – Нижний Новгород : ННГАСУ, 2018. – 196 с. : ил. – ISBN 978-5-528-00263-7. – Текст : непосредственный.

247. Шумилкин, С. М. Восстановление храмов в р. п. Варнавино и у оз. Светлояр / С. М. Шумилкин. – Текст : непосредственный // Ученые записки Волго-Вятского отделения Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры / Правительство Нижегородской области, Администрация г. Нижнего Новгорода, Нижегородская епархия Русской православной церкви, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2001. – Выпуск 8. – С. 75–78.
248. Шумилкин, С. М. Особняк А.В. Маркова – образец архитектуры эклектики начала XX в. / С. М. Шумилкин. – Текст : непосредственный // Приволжский научный журнал / Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. – Нижний Новгород, 2010. – № 3. – С. 141–149.
249. Шумилкин, С. М. Здание областного суда в Нижнем Новгороде: история, реставрация / С. М. Шумилкин. – Текст : непосредственный // Приволжский научный журнал / Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. – Нижний Новгород, 2010. – № 4. – С. 153–158.
250. Шумилкин, С. М. «Русский стиль» и дача Н. А. Бугрова в Сейме / С. М. Шумилкин. – Текст : непосредственный // Великие реки-2012 : 14 международный научно-промышленный форум, 15-18 мая 2012 г. : труды конгресса : в 2 томах / Министерство образования и науки Российской Федерации, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. – Нижний Новгород, 2013. – Том 2. – С. 357–360.
251. Шумилкин, С. М. Владимирская церковь в Нижнем Новгороде – памятник архитектуры начала XX в. / С. М. Шумилкин, М. С. Шумилкин. – Текст : непосредственный // Приволжский научный журнал / Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. – Нижний Новгород, 2018. – № 2. – С. 135–143.

252. Шумилкин, С. М. Этапы нижегородской реставрации XX века С. М. Шумилкин. – Текст : непосредственный // Приволжский научный журнал / Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. – Нижний Новгород, 2019. – № 3. – С. 106–113.
253. Шумилкина, Т. В. Практика современного сохранения и использования культовых построек : монография / Т. В. Шумилкина, С. М. Шумилкин, В. Е. Блинова ; Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. – Нижний Новгород : ННГАСУ, 2020. – 131 с. – ISBN 978-5-528-00408-2. – Текст : непосредственный.
254. Шумилкина, Т. В. Теоретические подходы к проблеме воссоздания памятников архитектуры / Т. В. Шумилкина, Д. Д. Хмелевская. – Текст : непосредственный // Сборник трудов аспирантов, магистрантов и соискателей : сборник трудов / Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет ; редколлегия: И. С. Соболев, Н. Д. Жилина [и др.]. – Нижний Новгород, 2018. – С. 236–240.
255. Шумилкина, Т. В. Проблемы воссоздания памятников архитектуры в реставрационной практике / Т. В. Шумилкина, Д. Д. Хмелевская. – Текст : непосредственный // Сборник докладов Международной научной конференции «XLII Добролюбовские чтения» и Всероссийской научно- практической конференции « В усадьбе, у себя, в раю...» (Усадьба: мир, миф и миг действительности)» / под редакцией Г. А. Дмитриевской, В. М. Строгоцкого. – Нижний Новгород, 2018. – С. 195–198.
256. Шумилкина, Т. В. Методика анализа памятников архитектуры в аспекте их воссоздания / Т. В. Шумилкина, Д. Д. Хмелевская. – Текст : непосредственный // VIII Всероссийский фестиваль науки : сборник докладов. В 2 томах. Том 1 / Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет ; редколлегия: И. С. Соболев, Н. Д. Жилина [и др.]. – Нижний Новгород, 2018. – С. 229–232.
257. Шургин, И. Н. Исчезающее наследие : очерки о русских деревянных храмах XV-XVIII веков / И. Н. Шургин ; Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы имени М. И.

- Рудомино. – Москва : Совпадение, 2006. – 118 с. : ил. – ISBN 5-903060-03-X. – Текст : непосредственный.
258. Шургин, И. Н. О выборе оптимального варианта проекта реставрации архитектурных памятников / И. Н. Шургин. – Текст : непосредственный // Народное зодчество : межвузовский сборник. – Петрозаводск, 2007. – С. 227–242.
259. Щенков, А. С. Осмысление исторического опыта и современная теория архитектурной реставрации / А. С. Щенков. – Текст : непосредственный // История и теория реставрации памятников архитектуры : сборник статей / Центральный научно-исследовательский и проектный институт по градостроительству ; под редакцией А. С. Щенкова. – Москва, 1986. – С. 3–6.
260. Щенков, А. С. Реконструкция исторической застройки в Европе во второй половине XX века : историко-культурные проблемы / А. С. Щенков ; Российская академия архитектуры и строительных наук, Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства. – Москва : URSS, 2011. – 275 с. : ил. – ISBN 978-5-9710-0384-7. – Текст : непосредственный.
261. Памятники архитектуры в Советском Союзе : очерки истории архитектурной реставрации / В. Беридзе [и др.] ; под общей редакцией А. С. Щенкова ; Российская академия архитектуры и строительных наук, Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства. – Москва : Памятники исторической мысли, 2004. – 694 с. : ил. – ISBN 5-88451-146-9. – Текст : непосредственный.
262. Щенков, А. С. Реставрация и охрана памятников архитектуры в деятельности Императорской археологической комиссии / А. С. Щенков. – Текст : непосредственный // Российская археология. – 2009. – № 4. – С. 18–24.
263. Щенков, А. С. Специфика проблем охраны и реставрации памятников архитектуры в конце XX – начале XXI века комиссии / А. С. Щенков. – Текст : непосредственный // Архитектурное наследие на рубеже XX и XXI веков. Проблемы реставрации и охраны наследия : сборник / Российская академия архитектуры и строительных наук, Научно-исследовательский институт теории и

- истории архитектуры и градостроительства ; под редакцией А. С. Щенкова. – Изд. 2-е. – Москва, 2014. – С. 6–17.
264. Архитектурное наследие на рубеже XX и XXI веков. Проблемы реставрации и охраны наследия : сборник / Российская академия архитектуры и строительных наук, Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства ; под редакцией А. С. Щенкова. – 2-е изд. – Москва : URSS : ЛЕНАНД, 2014. – 144 с. : ил. – ISBN 978-5-9710-0622-0. – Текст : непосредственный.
265. Ядрышников, В. А. Чудо возрождения. История новгородской архитектурной реставрации / В. А. Ядрышников. – Санкт-Петербург : Крига, 2017. – 367 с. : ил., портр. – ISBN 978-5-901805-98-5. – Текст : непосредственный.
266. Anthony, M. Tung Preserving the World's Great Cities / M. Anthony, C. Potter – New York : Clarkson **Potter**, 2001. – 469 p. : il.
267. Benndorf, W. Die Frauenkirche zu Dresden / W. Benndorf. – Dresden : Sandstein, 2005. – 376 с. – ISBN 3-937602-27-5.
268. Bonelli, R. Architettura e restauro / R. Bonelli. – Venezia, 1959. – 120 с.
269. Brandi, C. Teoria de restauro / C. Brandi. – Torino : Einaudi, 1977. – P. 5.
270. Carbonara, G. La philosophie de la restauration in Italie / G. Carbonara // *Monuments Historiques*. – 1987. – № 149. – P. 19.
271. Conservation principles policies and guidance for the sustainable management of the historic environment. P. 1. – URL: <http://www.english-heritage.org.uk/content/publications/docs/> (03.05. 2020).
272. Deutsche Kunst und Denkmalpflege. – 1980. – № 1 – 2.
273. Foucart, B. Meme les ruines ressuscitent... / B. Foucart // *Connaissance des Arts*. – 1991. – № 478.
274. German, G. Gothic revival in Europe and Britain: sources, influence and ideas / G. Germann, – London, 1972. – P. 104-128.
275. Gerta Wolff. Das römisch-germanische / J. P. Bachem. – Köln : 5. Auflage, 1981. – 287 p.
276. Jokilehto, J. A. History of Architectural Conservation / J. A. Jokilehto. – Oxford : Butterworth-Heinemann, 1999. – 368 с.
277. John, H. Stubbs. Architectural Conservation in Europe and the Americas / John, H. Stubbs, Emily G. Makaš, Mounir Bouchenaki. – New Jersey, 2011. – 512 p.

278. Mlynek, K. Helmcke, Johann Gerhard / K. Mlynek // Böttcher, D. Hannoversches Biographisches Lexikon Von den Anfängen bis in die Gegenwart / Dirk Böttcher, Klaus Mlynek, Waldemar R. Röhrbein, Hugo Thielen. – Hannover : Schlütersche, 2002. – 162 s. – ISBN 3-87706-706-9.
279. Leon, P. Les Monuments. 1939 - 1955 / P. Leon // Monuments Historiques. –1955. – № 1. – P. 5.
280. Pane, R. Architettura e arti figurative / R. Pane. – Venezia : Neri Pozza Editore VENEZIA, 1948.
281. Perogalli, C. Monumenti e metodi di valorizzazione / C. Perogalli. – Milano : Tamburini, 1954. – 153 p.
282. Petzet, M. International Principles of Preservation / M. Petzet, – Berlin : Hendrik Bäßler Verlag, 2009. – 109 с. – URL: <http://www.icomos> (20.05.2020).
283. Rebuilding and restoring historical architecture. – URL : <http://www.kamane.lt/eng/Kamane-s-texts/Architecture/Rebuilding-and-restoring-historical-architecture-Part-I> (12.03.21).
284. Scott, G. General Advice to Promoters of the Restauration of Ancient Building / Scott, G. – London, 1864. – P. 36.
285. Tshudi-Madsen St. Restauration and anti- restauration / Tshudi-Madsen St. – Oslo, 1976. – P. 56.

Архивные материалы

286. **Государственный архив специальной документации Нижегородской области (ГАСДНО). Фонд Р-5. Опись 1. Дело 37. Научно-технический отчет о реставрационных работах за период 1957 - 1958 гг. по Спасской церкви — памятнику архитектуры XVII в. г. Балахны Горьковской области. – Текст : непосредственный.**
287. ГАСДНО. Фонд Р-5. Опись 1. Дело 41. Лист 81. Научно-технические отчеты по реставрации за 1958-1960 гг. Рождественская Строгановская церковь — памятник архитектуры кон. XVII - нач. XVIII в. г. Горький. – Текст : непосредственный.
288. ГАСДНО. Фонд Р-5. Опись 1. Дело 49. Лист 14. Отчет о проектно-исследовательских и реставрационных работах Макарьевского

монастыря, р. п. Макарьев Лысковского района Горьковской области.
– Текст : непосредственный.

289. ГАСДНО. Фонд Р-5. Опись 1. Дело 65. Лист 17. Научно-технический отчет по реставрации — Печерский монастырь, г. Горький. – Текст : непосредственный.
290. ГАСДНО. Фонд Р-5. Опись 1. Дело 90. Лист 31. Журнал ремонтно-реставрационных работ — Благовещенский монастырь, г. Горький. – Текст : непосредственный.
291. ГАСДНО. Фонд Р-5. Опись 1. Дело 94. Лист 27. Сведения о памятниках истории и культуры, по которым проведены реставрационные работы за 1970 - 1983 гг. и аннотации к ним. – Текст : непосредственный.
292. ГАСДНО. Фонд Р-5. Опись 1. Дело 102. Лист 6. Научный отчет о выполненной реставрации и исследованиях по памятнику архитектуры XVIII в. Спасо-Преображенскому собору г. Лысково Горьковской области. – Текст : непосредственный.
293. ГАСДНО. Фонд Р-5. Дело 511. Лист 5. Опись особо ценных документов по реставрации Нижегородского кремля – (Михайло-Архангельский собор). – Текст : непосредственный.
294. ГАСДНО. Фонд Р-5 Опись 4-2. Реставрация ансамбля Макарьевского Желтоводского монастыря на Волге. За 1949 - 1991 гг. – Текст : непосредственный.
295. ГАСДНО. Фонд Р-5. Опись 4-2. Дело 36. Лист 3. Успенская церковь с колокольной, 1649 - 1664 гг. – Текст : непосредственный.
296. ГАСДНО. Фонд Р-5. Опись 4-2. Дело 49. Лист 4. Церковь Св. Макария, 1808 г. – Текст : непосредственный.
297. ГАСДНО. Фонд Р-5. Опись 4-2. Дело 57. Лист 5. Церковь Михаила Архангела (надвратная), 1670 г. – Текст : непосредственный.
298. ГАСДНО. Фонд Р-5. Опись 4-2. Дело 26. Лист 20. Троицкий собор, 1658 -1664 гг. – Текст : непосредственный.
299. ГАСДНО. Фонд Р-5. Опись 4-4 по реставрации ансамбля Печерского монастыря в г. Горьком. – Текст : непосредственный.

300. ГАСДНО. Ф. Р-5. Описание 4-4. Дело 27. Листы 5+1. Вознесенский собор, 1631 - 1632 гг. Эскизный проект реставрации. - Текст : непосредственный.
301. ГАСДНО. Фонд Р-5. Описание 4-4. Дело 33. Листы 30+3. Вознесенский собор, 1631-1632 гг. Проект реставрации. - Текст : непосредственный.
302. ГАСДНО. Фонд Р-5. Описание 4-4. Дело 42. Листы 7+1. Колокольня, 1630-е гг. Архитектурно-археологический обмер. - Текст : непосредственный.
303. ГАСДНО. Фонд Р-5. Описание 4-4. Дело 45. Листы 4+1. Колокольня, 1630-е гг. Эскизный проект реставрации. - Текст : непосредственный.
304. ГАСДНО. Фонд Р-5. Описание 4-4. Дело 62. Лист 18. Церковь Евфимия Суздальского, 1645 г. Проект реставрации. - Текст : непосредственный.
305. ГАСДНО. Фонд Р-5. Описание 4-4. Дело 65. Лист 33. Церковь Евфимия Суздальского, 1645 г. Текстовый материал (краткая историческая справка, техническое состояние памятника до реставрации). - Текст : непосредственный.
306. ГАСДНО. Фонд Р-5. Описание 4-4. Дело 105. Лист 7. Архиерейские палаты, вторая половина XVII в. Архитектурно-археологический обмер. - Текст : непосредственный.
307. ГАСДНО. Ф. Р-5. Описание 4-4. Дело 109. Л. 4. Архиерейские палаты, вторая половина XVII в. Проект восстановления. - Текст : непосредственный.
308. ГАСДНО. Фонд Р-5. Описание 4-4. Дело 110. Лист 1. Архиерейские палаты, вторая половина XVII в. Проект реставрации. - Текст : непосредственный.
309. ГАСДНО. Фонд Р-5. Описание 4-4. Дело 119. Листы 3+1. Западные ворота. Архитектурно-археологический обмер. - Текст : непосредственный.
310. ГАСДНО. Фонд Р-5. Описание 4-4. Дело 120. Л-3+1. Западные ворота. Проект реставрации. - Текст : непосредственный.
311. ГАСДНО. Фонд Р-5. Описание 4-4. Дело 128. Лист 1. Башни и прясла монастыря, 1765 г. Архитектурно-археологический обмер. - Текст : непосредственный.

312. ГАСДНО. Фонд Р-5. Описание 4-7 особо ценных документов по реставрации историко-архитектурных памятников г. Горького XVII - XX вв. Дом Петра I — памятник архитектуры XVII века. – Текст : непосредственный.
313. ГАСДНО. Фонд Р-5. Описание 4-7 особо ценных документов по реставрации историко-архитектурных памятников г. Горького XVII - XX вв. Дом А. Ф. Олисова – памятник архитектуры XVII века. – Текст : непосредственный.
314. ГАСДНО. Фонд Р-5. Описание 4-7. Особо ценных документов по реставрации историко-архитектурных памятников г. Горького XVII - XX вв. Палаты Пушкиновых — памятник архитектуры XVII в. – Текст : непосредственный.
315. ГАСДНО. Фонд Р-5. Описание 4-7 особо ценных документов по реставрации историко-архитектурных памятников г. Горького XVII - XX вв. Дом-усадьба В.В. Каширина. – Текст : непосредственный.
316. ГАСДНО. Фонд Р-5. Описание 4-3 особо ценных документов реставрации ансамбля Благовещенского монастыря XVII века. Собор Благовещенский. – Текст : непосредственный.
317. ГАСДНО. Фонд Р-5. Описание 4-3 особо ценных документов реставрации ансамбля Благовещенского монастыря XVII века. Трапезная с церковью Успения, вторая половина XVII в. – Текст : непосредственный.
318. ГАСДНО. Фонд Р-5. Описание 4-3 особо ценных документов реставрации ансамбля Благовещенского монастыря XVII века. Церковь Сергиевская, 1690 г. – Текст : непосредственный.
319. ГАСДНО. Фонд Р-5. Описание 4-3 особо ценных документов реставрации ансамбля Благовещенского монастыря XVII века. Палаты. – Текст : непосредственный.
320. ГАСДНО. Фонд Р-5. Описание 4-5 особо ценных документов по реставрации и восстановлению комплекса сооружений государственного литературно-мемориального и природного музея-заповедника А. С. Пушкина в Б. Болдино Нижегородской области. Господский (большой) дом начала XIX века. – Текст : непосредственный.

321. ГАСДНО. Фонд Р-5. Описание 4-5 особо ценных документов по реставрации и восстановлению комплекса сооружений государственного литературно-мемориального и природного музея-заповедника А. С. Пушкина в Б. Болдино Нижегородской области. Успенская церковь, 1789 - 1799 гг. – Текст : непосредственный.
322. ГАСДНО. Фонд Р-5. Описание 4-5 особо ценных документов по реставрации и восстановлению комплекса сооружений государственного литературно-мемориального и природного музея-заповедника А. С. Пушкина в Б. Болдино Нижегородской области. Кухня. – Текст : непосредственный.
323. ГАСДНО. Фонд Р-5. Описание 4-6 особо ценных документов по реставрации историко-архитектурных памятников г. Горького XVII - начала XX веков (соборы, церкви). Церковь Успения на Откосе, 1672 г. – Текст : непосредственный.
324. ГАСДНО. Фонд Р-5. Описание 4-6 особо ценных документов по реставрации историко-архитектурных памятников г. Горького XVII - начала XX веков (соборы, церкви). Церковь Рождества Богородицы (Строгановская), 1719 г. – Текст : непосредственный.
325. ГАСДНО. Фонд Р-5. Описание 4-6 особо ценных документов по реставрации историко-архитектурных памятников г. Горького XVII - начала XX веков (соборы, церкви). Вознесенская церковь, 1866 г. ул. Ильинская (Краснофлотская), 54. Дело158. Лист 10. Архитектурно-археологический обмер. – Текст : непосредственный.
326. ГАСДНО. Фонд Р-5. Описание 4-8 особо ценных документов по реставрации историко-архитектурных памятников XVI — начала XX веков районов Горьковской области. Арзамас, Богоявленская церковь, 1811 г. Дело 7. Листы 6+1. Архитектурно-археологический обмер. – Текст : непосредственный.
327. ГАСДНО. Фонд Р-5. Описание 4-8 особо ценных документов по реставрации историко-архитектурных памятников XVI — начала XX веков районов Горьковской области. Арзамас. Церковь Рождества Христова, 1850-1852 гг. Дело19. Листы 4+1 Схематический обмер. – Текст : непосредственный.
328. ГАСДНО. Ф. Р-5 Оп.4-8 особо ценных документов по реставрации историко-архитектурных памятников XVI—начала XX веков районов

- Горьковской области. Балахна Никольская церковь, 1552 г. Д 76 Л 11+1 Архитектурно-археологический обмер. – Текст : непосредственный.
329. ГАСДНО Ф. Р-5 Оп.4-8 особо ценных документов по реставрации историко-архитектурных памятников XVI—начала XX веков районов Горьковской области. Балахна Спасская (Никитская) церковь, 1668 г. Д-90 Л-1. Проект реконструкции. Западный фасад. – Текст : непосредственный.
330. ГАСДНО Ф. Р-5 Оп.4-8 особо ценных документов по реставрации историко-архитектурных памятников XVI—начала XX веков районов Горьковской области. Лысково, Вознесенская ц. Д-259 Л-22+1 Архитектурно-археологический обмер. – Текст : непосредственный.
331. ГАСДНО Ф. Р-5 Оп.4-8 особо ценных документов по реставрации историко-архитектурных памятников XVI—начала XX веков районов Горьковской области. Лысково, Собор Спасо-Преображения, 1711 г. Д-241 Л-18+1 Архитектурно-археологический обмер. – Текст : непосредственный.
332. ГАСДНО Ф. Р-5 Оп. 4-7 особо ценных документов по реставрации историко-архитектурных памятников г. Горького XVII - XX вв. Покровская (Зеленовская) церковь из с. Зеленово Городецкого района Горьковской области Д-370 Проект реставрации. – Текст : непосредственный.
333. ГАСДНО. Фонд Р-77. Описание 1-4. Дело 20-22. Собор Александра Невского, XIX век, Стрелка, За. Обмерные чертежи. – Текст : непосредственный.
334. ГАСДНО. Фонд Р-77. Описание 1-4. Дело 31-33. Церковь Жен Мироносиц, XVII век, по ул. Добролюбова, 13а. Обмерные чертежи. – Текст : непосредственный.
335. ГАСДНО. Фонд Р-77. Описание 1-4. Дело 42-45. Церковь Жен Мироносиц, XVII век, по ул. Добролюбова, 13а. Эскизный проект реставрации. – Текст : непосредственный.
336. ГАСДНО. Фонд Р-77. Описание 1-4. Дело 52. Дом Стрегулина по ул. Б. Печерская, д. 43. Обмерные чертежи. – Текст : непосредственный.
337. ГАСДНО. Фонд Р-77. Описание 1-4. Дело 53. Дом Стрегулина по ул. Б. Печерская, д. 43. Эскизный проект. – Текст : непосредственный.

338. ГАСДНО. Фонд Р-77. Опись 1-4. Дело 55-57. Военный манеж в Нижегородском кремле, пл. Минина и Пожарского. Комплексные научные исследования. – Текст : непосредственный.
339. ГАСДНО. Фонд Р-77. Опись 1-4. Дело 58. Военный манеж в Нижегородском кремле, пл. Минина и Пожарского. Обмерные чертежи. – Текст : непосредственный.
340. ГАСДНО. Фонд Р-77. Опись 1-4. Дело 59-60. Военный манеж в Нижегородском кремле, пл. Минина и Пожарского. Эскизный проект. – Текст : непосредственный.
341. ГАСДНО. Фонд Р-77. Опись 1-4. Дело 61. Тобольские казармы. Офицерский клуб. Дом № 60 по пр. Гагарина в г. Н. Новгороде. Комплексные научные исследования. – Текст : непосредственный.
342. ГАСДНО. Фонд Р-77. Опись 1-4. Дело 67. Дом Связи на ул. Б. Покровская, д. 36. Комплексные научные исследования. Эскизный проект. – Текст : непосредственный.
343. ГАСДНО. Фонд Р-77. Опись 1-4. Дело 85-86. Церковь Казанской Божией Матери, с. Шеляухово. Историко-архивные и библиографические исследования. – Текст : непосредственный.
344. ГАСДНО. Фонд Р-77. Опись 1-4. Дело 88-89. Церковь Казанской Божией Матери, с. Шеляухово. Эскизный проект. – Текст : непосредственный.
345. ГАСДНО. Фонд Р-77. Опись 1-4. Дело 104-109. Барский дом в усадьбе Пушкиных в д. Львовка. Комплексные научные исследования. Обмерные чертежи. – Текст : непосредственный.
346. ГАСДНО. Фонд Р-77. Опись 1-4. Дело 110-111. Барский дом в усадьбе Пушкиных в д. Львовка. Эскизный проект реставрации. – Текст : непосредственный.
347. ГАСДНО. Фонд Р-77. Опись 1-4. Дело 117-118. Покровская церковь, 1824 год, в г. Городце, пл. Пролетарская, 42. Обмерные чертежи. – Текст : непосредственный.
348. ГАСДНО. Фонд Р-77. Опись 1-4. Дело 127. Ансамбль памятников в с. Николо-Погост. Спасо-Преображенская церковь. Научные исследования. – Текст : непосредственный.

349. ГАСДНО. Фонд Р-77. Описание 1-4. Дело 138. Церковь Михаила Архангела в г. Городце, 1712 год, ул. Загородная, 16. Научные исследования. – Текст : непосредственный.
350. ГАСДНО. Фонд Р-77. Описание 1-4. Дело 146-147. Конный завод «Починковский», начало XIX века в с. Починки, архитектор А.С. Кутепов. Научные исследования. – Текст : непосредственный.
351. ГАСДНО. Фонд Р-5. Описание 4-1. Дело 194 / Зачатская башня. Архитектурно-археологический обмер (чертежи подлинники). 1985 г. – Текст : непосредственный.
- 352. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Нижегородской области (УГООКННО). Крестовоздвиженский собор Крестовоздвиженского монастыря, ул. Окский Съезд, 2б. – Текст : непосредственный.**
353. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Нижегородской области (УГООКННО). Церковь Иоанна Предтечи на Нижнем Посаде. Г. Нижний Новгород, Ивановский съезд 1б. – Текст : непосредственный.
354. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Нижегородской области (УГООКННО). Успенская церковь на Ильинской горе, пер. Крутой, 3. – Текст : непосредственный.
355. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Нижегородской области (УГООКННО). Спасский Староярмарочный собор, Ярмарочный пр-д, 10. – Текст : непосредственный.
356. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Нижегородской области (УГООКННО). Усадьба М.П. Водовозовой – М.П. Солина, пер. Мельничный, 3. – Текст : непосредственный.
357. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Нижегородской области (УГООКННО). Собор Михаила Архангела в Кремле. – Текст : непосредственный.
358. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Нижегородской области (УГООКННО). Церковь Похвалы Пресвятой Богородицы, ул. Заломова, 21а. – Текст : непосредственный.

359. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Нижегородской области (УГООКННО). Церковь Трех Святителей, ул. Короленко, 14. – Текст : непосредственный.
360. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Нижегородской области (УГООКННО). Собор Александра Невского. – Текст : непосредственный.
361. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Нижегородской области (УГООКННО). Церковь Жен Мироносиц. – Текст : непосредственный.

Отчет по НИР; Проектная документация

362. Исследование и разработка принципов сохранения и приспособления для современных нужд памятников архитектуры Нижегородского края и Горьковской области XII - XXвв. : отчет по научно-исследовательской работе. – Горький, 1985. – Текст : непосредственный.
363. Научно-проектная документация по сохранению объекта культурного наследия федерального значения «Монастырская гостиница – 1888 г.», расположенного по адресу: Нижегородская область, Дивеевский район, с. Дивеево, ул. Октябрьская 14. – Нижний Новгород : АР-групп, 2016. – Текст : непосредственный.
364. Научно-проектная документация по Воссозданию Зачатьевской башни Нижегородского кремля, прилегающих участков прясел с благоустройством территории / ЗАО ТИК СНН и ООО Научно-исследовательское предприятие «Этнос». – Нижний Новгород. – Текст : непосредственный.
365. Проектная документация по реставрации и приспособлению для современного использования объекта культурного наследия федерального значения «Водонапорная башня» / ООО "АСГАРД". – Нижний Новгород, 2016. – Текст : непосредственный.
366. Проектная документация «Дом Д. В. Сироткина» - Реставрация и приспособление к современным условиям объекта культурного

наследия регионального значения» / ЗАО ТИК «Старый Нижний Новгород». – Нижний Новгород, 2012. – Текст : непосредственный.

367. Проектная документация «Город Выкса. Историко-культурный комплекс Баташовых» / НИП «Этнос». – Нижний Новгород, 2005. – Текст : непосредственный.

Список приложений

Приложение №1:

Таблица 1. Московское археологическое общество. 1864 – 1923 гг.

Таблица 2. Московское археологическое общество. 1864 – 1923 гг.

Таблица 3. Императорская археологическая комиссия. 1859 – 1919 гг.

Таблица 4. Императорская археологическая комиссия. 1859 – 1919 гг.

Приложение №2:

Таблица 5. 1 - 2 этапы формирования архитектурно-реставрационных школ в СССР.

Таблица 6. 3 - 4 этапы формирования архитектурно-реставрационных школ в СССР.

Таблица 7. Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ).

Таблица 8. Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ).

Таблица 9. Архитектурно-реставрационная практика западной Европы второй половины XX в. Трансформация археологического (аналитического) метода в современной западноевропейской практике конца XX – начала XXI вв.

Таблица 10. Нормативно-правовые акты СССР (РСФСР) в области охраны культурного наследия. Международные нормативно-правовые документы в области охраны культурного наследия.

Приложение №3:

Таблица 11. Московская архитектурно-реставрационная школа.

Таблица 12. Московская архитектурно-реставрационная школа.

Таблица 13. Ленинградская архитектурно-реставрационная школа.

Таблица 14. Ленинградская архитектурно-реставрационная школа.

Таблица 15. Новгородская архитектурно-реставрационная школа.

Псковская архитектурно-реставрационная школа.

Таблица 16. Ярославская архитектурно-реставрационная школа. Отечественная архитектурно-реставрационная практика второй половины XX в.

Таблица 17. Архитектурно - реставрационные школы Сибири. Киевская архитектурно-реставрационная школа.

Таблица 18. Сравнительный анализ концепций архитектурных реставрационных школ СССР и России XX в.

Таблица 19. Архитектурно - реставрационные школы в конце XX – начале XXI вв. Архитектурное бюро студия 44. Центральные научно-реставрационные проектные мастерские (ЦНРПМ).

Таблица 20. Калининградская реставрационная школа. Красноярская реставрационная школа.

Приложение №4:

Таблица 21. Горьковская специальная научно-реставрационная производственная мастерская. Период 1950 – 1960-х гг.

Таблица 22. Горьковская специальная научно-реставрационная производственная мастерская. Период 1950 – 1960-х гг.

Таблица 23. Горьковская специальная научно-реставрационная производственная мастерская. Период 1970 – 1980-х гг.

Таблица 24. Горьковская специальная научно-реставрационная производственная мастерская. Период 1970 – 1980-х гг.

Таблица 25. ЗАО ТИК «Старый Нижний Новгород». Научно-исследовательское предприятие «ЭТНОС».

Таблица 26. Мастерская на базе Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета «ННГАСУ». Нижегородский научно-производственный центр «ПРАКТИКА».

Таблица 27. Закрытое акционерное общество «СМУ-77». Архитектурное бюро «ЭТЮД».

Таблица 28. Общество с ограниченной ответственностью «АСГАРД». Общество с ограниченной ответственностью «АР ГРУПП».

Приложение №5:

Таблица 29. Таблица видов, методов и приемов архитектурной реставрации.

Таблица 30. Методы реставрации. Основные виды работ по сохранению ОКН.

Таблица 31. Основные проблемы в сфере сохранения и реставрации ОКН.

Таблица 32. Картина эволюции отношения к сохранению отечественного наследия в XX - начале XXI вв.

Таблица 33. Концепция сохранения историко-культурного наследия в начале XXI в.

Таблица 34. Стратегия сохранения историко-культурного наследия в начале XXI в.

Таблица 35. Основные задачи в сфере сохранения и реставрации ОКН.

Таблица 1. МОСКОВСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО. 1864 – 1923 гг.

МОСКОВСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО. 1864 – 1923 ГГ.

С 1881 г. – Императорское Московское археологическое общество.

Граф УВАРОВ АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ (28 фев. 1824, Санкт-Петербург - 29 дек. 1884 Москва) - русский археолог, член-корреспондент (1856), почётный член (1857) Петербургской Академии наук, коллекционер, благотворитель. Один из основателей Санкт-Петербургского археологическо-нумизматического общества (будущего Императорского Русского Археологического общества). Основатель Московского археологического общества, инициатор первых археологических съездов в России. Председатель Ученой комиссии по созданию Исторического музея в Москве и его первый директор.

Председатели Общества: 1917 - 1919 гг. - Э. В. Готье-Дюфайе, А. М. Васнецов. 1919 - 1923 гг. - Д. Н. Анучин.

Основные объекты: Реставрация Благовещенского собора с фасадными росписями в Московском Кремле, арх. Ф.Ф. Рихтер, 1861 – 1867 гг. (Рис. 1,3,5) Восстановление палат Синодальной типографии, 1871 – 1874 гг., арх. Н.А. Артлебен. (Рис. 2,4) Восстановление руин Коломенской крепости, втор. пол. XIX в., арх. М.Д. Быковский. Восстановление Грановитой палаты (1882 г., арх. Г.Д. Филимонов. Реставрация Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, 1887 – 1888гг., арх. В.В. Суслов. Реставрация церкви Иоанна Богослова в Ростовском Кремле, 1888 г., арх. Н.И. Поздеев, И.А. Шляков. Восстановление Успенского собора во Владимире, 1885 – нач. 1890-х гг.; арх. И.Е. Забелин, Н.В. Никитин, И.О. Карабутов, губ. инж. Н.Д. Корицкий.

Графиня УВАРОВА ПРАСКОВЬЯ СЕРГЕЕВНА (урождённая княжна ЩЕРБАТОВА; председатель МАО в период 1885 – 1917 гг. 28 марта 1840, имение Терны (село Бобрин), Лебединский уезд, Харьковская губерния, Российская империя - 30 июня 1924, Добрина, Королевство Югославия) - русский учёный, историк и археолог из рода Щербатовых; придворная статс-дама (с 1912). Жена археолога Алексея Сергеевича Уварова (1824 - 1884) и продолжательница его работы.

Председатели Общества: 1917 - 1919 гг. - Э. В. Готье-Дюфайе, А. М. Васнецов.

XX - НАЧАЛА XXI ВВ
ХРОНОЛОГИЯ
РАЗВИТИЯ РЕСТАВРАЦИИ

Ключевые точки на шкале времени (на основе теории временных циклов) в развитии отечественной реставрации, в которой рубеж XX – XXI вв. отмечен сложившимся конфликтом теории, практики и правового поля.

1889

Формирование к рубежу 19 – 20 вв. единой профессиональной системы и общегосударственного характера деятельности по сохранению памятников Российской Империи.

1859

Таблица 2. МОСКОВСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО. 1864 – 1923 гг.

МОСКОВСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО. 1864 – 1923 ГГ.

С 1881 г. – Императорское Московское археологическое общество.

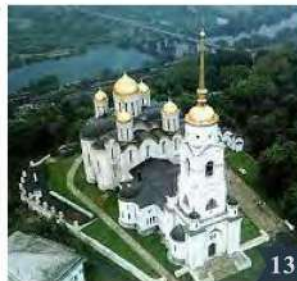
АНУЧИН ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ (27 августа 1843, Санкт-Петербург - 4 июня 1923, Москва) - русский географ (первый в России профессор географии), антрополог, этнограф, археолог, музейвед, основоположник научного изучения географии, антропологии и этнографии в Московском университете; заслуженный профессор Императорского Московского университета (1906). В 1902 г. ввёл в оборот термин «антропосфера» (1902). Автор трудов по этнической антропологии и антропогенезу, этнографии, первобытной археологии, общей физической географии, страноведению и истории науки. В 1876 г. действительный член Императорского Московского археологического общества.

Основные объекты: Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. (Рис. 1,2) Грановитая палата Московского Кремля. (Рис. 3,4,5) Церковь Иоанна Богослова в Ростове Кремле. (Рис. 6,7,8) Крепость Коломенского Кремля. (Рис. 9,10) Успенский Собор во Владимире. (Рис. 11,12,13)

ВАСНЕЦОВ АПОЛЛИНАРИЙ МИХАЙЛОВИЧ (25 июля 1856 1856, Рябово, Вятская губерния - 23 января 1933, Москва) - русский художник, мастер исторической живописи, искусствовед. Член литературно-художественного кружка «Молодая среда». С 1918 году возглавлял Комиссию по изучению старой Москвы и проводил археологические исследования при земляных работах в центральной части города.
Председатели Общества: 1917 - 1919 гг. - Э. В. Готье-Дюфайе, А. М. Васнецов. 1919 - 1923 гг. - Д. Н. Анучин.

Коллегиальность решений

Научная реставрация

Рест XX века

Аналитическая реставрация

Точечная реставрация

Послойная реставрация

Консервация

1864 > 1918 > 1923 > 1919

ДЕКРЕТ «О РЕГИСТРАЦИИ, ПРИЕМЕ НА УЧЕТ И ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ ИСКУССТВА И СТАРИНЫ...»

Таблица 3. ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ. 1859 – 1919 гг.

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ. 1859 – 1919 ГГ. Организована на основе Комиссии для расследования древностей (существовавшей с 1850 г., председатель Л. А. Перовский), с 1889 г. приобрела исключительное право в осуществлении государственного надзора за памятниками и деятельности по их сохранению.

Барон, граф СТРОГАНОВ СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ (СТРОГОНОВ) (8 ноября 1794, Санкт-Петербург - 28 марта 1882, Санкт-Петербург) - русский государственный деятель, археолог, меценат, коллекционер, московский генерал-губернатор, генерал от кавалерии, попечитель Московского учебного округа (1835-1847). Почётный член Московского университета (1847). Стоял у истоков Императорской Археологической комиссии (1859-1882). Предложил И. Е. Забелину войти в состав комиссии и заняться раскопками курганов на юге России, с 10 мар. 1870 г. - почётный член Императорского Русского Исторического Общества в Санкт-Петербурге.

Состав общества (специалисты в области охраны памятников, практики-архитекторы, представители смежных областей): М.П. Боткин, Н.И. Веселовский, Д.И. Grimm, И.Е. Забелин и др.

Основные объекты: Реставрация церкви Спаса на Нередице в Новгороде, 1902 – 1908 гг., арх. П.П. Покрышкин. (Рис. 2,4,5,7) Реставрация Софийского собора в Новгороде, 1893 – 1900 гг., арх. В.В. Суслов. (Рис. 1,3,6,8) Реставрация палат царевича Дмитрия в Угличе, 1889 – 1890 гг., арх. Н.В. Султанов. Реставрация Успенского собора во Владимире-Волыньском, 1896 – 1900 гг., арх. Г.И. Котов. Восстановление дворца Марли в Петергофе, 1898 – 1899 гг., арх. А. И. Семенов. Реставрация Софийского собора в Новгороде, 1893 – 1900 гг., арх. В.В. Суслов. Восстановление церкви Бориса и Глеба в Гродно, 1890-е гг., арх. Н.В. Романов. Реставрация Троицкого собора Макарьевского Желтоводского монастыря в Нижегородской губернии, проект 1907 г., арх. П.П. Покрышкин. Реставрация церкви Спаса на Берестове в Киеве XII в., 1903 – 1904 гг., арх. П.П. Покрышкин. Реставрация Сампсониевского собора в Санкт-Петербурге, 1909 г., арх. А.П. Аппаксин. Реставрация Казанского собора в Санкт-Петербурге, 1911 г., арх. А.П. Аппаксин.

ВАСИЛЬЧИКОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ (30 сент. 1832, Санкт-Петербург - 11 мая 1890, Московская губерния) - русский историк и искусствовед, действительный статский советник (1879), гофмейстер (1888), в 1879-1888 гг. директор Императорского Эрмитажа и одновременно с 1882 по 1886 гг. - председатель Археологической комиссии.

Состав общества (специалисты в области охраны памятников, практики-архитекторы, представители смежных областей): М.П. Боткин, Н.И. Веселовский, Д.И. Grimm, И.Е. Забелин, Н.П. Кондаков, Г.И. Котов, Н.Е. Лансере, В.В. Латышев, Д.В. Милеев, Н.В. Покровский, П.П. Покрышкин, А.Н. Померанцев, М.Т. Преображенский, К.К. Романов, Е.А. Сабанев, Ф.Г. и др.

Таблица 4. ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ. 1859 – 1919 гг.

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ. 1859 – 1919 ГГ. Организована на основе Комиссии для расследования древностей (существовавшей с 1850 г., председатель Л. А. Перовский), с 1889 г. приобрела исключительное право в осуществлении государственного надзора за памятниками и деятельности по их сохранению.

Граф БОБРИНСКИЙ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (19 мая 1852 - 2 сен. 1927, Грас, Франция) - русский археолог, политический и государственный деятель. Праправнук императрицы Екатерины II и её фаворита Г. Г. Орлова. 1886-1917 - председатель Императорской археологической комиссии, член различных зарубежных археологических обществ, член Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. 1889 - вице-президент Академии художеств.

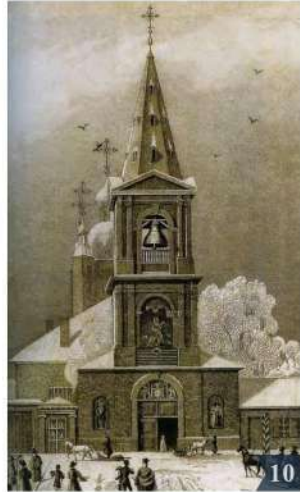
Состав общества (специалисты в области охраны памятников, практики-архитекторы, представители смежных областей): М.П. Боткин, Н.И. Веселовский, Д.И. Гримм, И.Е. Забелин, Н.П. Кондаков, Г.И. Котов, Н.Е. Лансере, В.В. Латышев, Д.В. Милеев, Н.В. Покровский, П.П. Покрышкин, А.Н. Померанцев, М.Т. Преображенский, К.К. Романов, Е.А. Сабанеев, Ф.Г. Солнцев, А.А. Спицын, В.В. Стасов, Н.В. Султанов, и др.

Основные объекты: Реставрация Казанского собора в Санкт-Петербурге, 1911 г., арх. А.П. Аплаксин. (Рис. 1,2) Реставрация палат царевича Дмитрия в Угличе, 1889–1890 гг., арх. Н.В. Султанов. (Рис. 3,4,5) восстановление церкви Бориса и Глеба в Гродно, 1890-е гг., арх. Н.В. Романов. (Рис. 6,7) Восстановление дворца Марли в Петергофе, 1898 – 1899 гг., арх. А. И. Семенов. (Рис. 8,9,10)

ПОКРЫШКИН ПЁТР ПЕТРОВИЧ (22 июля 1870, Иркутск - 5 фев. 1922, Лукоянов, Нижегородская губерния) - русский архитектор, реставратор, преподаватель, протонерей Русской православной церкви. С 1902 по 1918 гг. - член Императорской Археологической комиссии. 20 фев. 1904 г. на общем собрании Императорского Русского археологического общества избран его действительным членом. В 1909 г. был удостоен звания Академика архитектуры, а впоследствии в результате преобразований, стал профессором истории архитектуры и строительства. **Состав общества** (специалисты в обл. охраны памятников, представители смежных областей): И.И. Толстой, Б.В. Фармаковский, М.А. Чижов, А.В. Щусев и др.

Научная реставрация

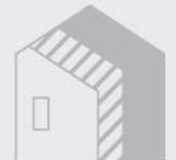
Коллегиальность решений

Объективный вид

Рест XX века

Послойная реставрация

Средовой подход

Консервация

Использ. традицион. конструкций

Таблица 5. 1 - 2 ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННЫХ ШКОЛ В СССР.

ГРАБАРЬ ИГОРЬ ЭММАНИУЛОВИЧ (1871-1960) - русский и советский художник-живописец, реставратор, искусствовед, теоретик искусства, просветитель, музейный деятель, педагог. Действительный член Императорской академии художеств (1913). Академик АН СССР (1943) и АХ СССР (1947). Народный художник СССР (1956). Лауреат Сталинской премии первой степени (1941). Основатель московской реставрации.

1 ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННЫХ ШКОЛ В СССР

Хронология образования мастерских:
1 этап: послереволюционный период 1918 – начала 1920-х гг.
Москва, филиалы в Ленинграде, Ярославле.

1 ЭТАП

БЕЛЕХОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (1904-1956) - советский архитектор, реставратор, исследователь. Первый глава Государственной инспекции по охране памятников Ленинграда. Автор научных работ по архитектуре, инициатор и руководитель множества проектов восстановления исторических памятников. Основатель реставрации Ленинграда.

2 ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННЫХ ШКОЛ В СССР

Хронология образования мастерских:
2 этап: : послевоенный период 1940-х гг.
Новгород, Псков, Ленинград, Владимир (филиалы в Суздале, Александрове).

1 ЭТАП
2 ЭТАП

Таблица 6. 3 - 4 ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННЫХ ШКОЛ В СССР.

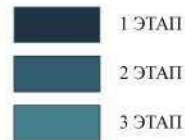
ГНЕДОВСКИЙ БОРИС ВАСИЛЬЕВИЧ (1914-1998) - архитектор, реставратор, исследователь народного деревянного зодчества России. Основатель Ярославской реставрации.

3 ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННЫХ ШКОЛ В СССР

Хронология образования мастерских:

3 этап:
конец 1940-х – 1950-е гг.
Смоленск, Астрахань, Кострома, Вологда, Горький, Ярославль, Рязань, Казань, Пермь (Соликамский, Усольский, Верхотурский, Гусино-Озерский, Кировский, Свердловский участки), Киев (подразделение в Молдавской АССР), Чернигов, Львов, Полтава, Карело-Финская АССР (участки в с. Кижы, г. Олонец, г. Кемь).

КАШКО ГЕНРИХ ЛУКЬЯНОВИЧ (12.12.1927, пос. Староуткинск Шалинского р-на Свердловской обл.), архитектор, заслуженный работник культуры РФ (1993). С 1953 по 1989 гг. работал в Пермском специальном реставрационном управлении. Профессионально занимался сбором и изучением архивных материалов и литературы для проведения работ по реставрации памятников архитектуры. Основатель пермской реставрации.

4 ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННЫХ ШКОЛ В СССР

Хронология образования мастерских:

4 этап:
После 1960 г.
Архангельск, Киров, Минск, Калинин (Тверь), Воронеж, Томск, Башкирия, Тюмень.

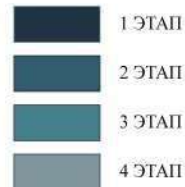

Таблица 7. ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РЕСТАВРАЦИОННЫЕ МАСТЕРСКИЕ (ЦГРМ).

ГРАБАРЬ ИГОРЬ ЭММАНИУЛОВИЧ (1871-1960) - русский и советский художник-живописец, реставратор, искусствовед, теоретик искусства, просветитель, музейный деятель, педагог. Действительный член Императорской академии художеств (1913). Академик АН СССР (1943) и АХ СССР (1947). Народный художник СССР (1956). Лауреат Сталинской премии первой степени (1941). Основатель реставрации в Московской реставрации.
Ведущие архитекторы-реставраторы: П.Д. Барановский, И.Э. Грабарь, Б.Н. Засылкин, И.П. Мешков и др.

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РЕСТАВРАЦИОННЫЕ МАСТЕРСКИЕ (ЦГРМ) Москва. 1924 –1934 гг. (организованы на базе Всероссийской комиссии по сохранению и раскрытию древнерусской живописи, созданной в 1918 г.). Филиалы: Ленинград, Ярославль.

Основные объекты: собор начала XV в. Андроникова монастыря, церковь Покрова в Рубцове начала XVII в., стены и башни Китай-города, здание Университета на Моховой в Москве. (Рис. 5,7,8,10,15) Зимний дворец, Эрмитаж, Михайловский дворец, пригородные дворцы в Детском Селе, Павловске, Петергофе, Ораниенбауме в Ленинграде. (Рис. 4) Памятники Московского Кремля: церковь Двенадцати Апостолов, Патриаршие палаты, Архангельский собор (рук. арх. И. Рылский, И. Бондаренко, Н. Марковников). (Рис. 2) Георгиевский собор в Юрьеве-Польском (1920-е гг., рук. арх. П.Д. Барановский). (Рис. 1) Палаты Троекурова XVII в. в Охотном ряду (1923 – 1928 гг., арх. П.Д. Барановский). (Рис. 11) Дом Голицына в Москве (1923 – 1928 гг., арх. П.Д. Барановский).

Основные задачи и особенности подходов: Осуществление комплексной научно-методической и практической работы по исследованиям, учету, паспортизации, реставрации памятников архитектуры, состоящих на государственной охране. Первые шаги по методическому освещению и анализу архитектурных реставраций в стране (сборники «Вопросы реставрации») (1926 г., 1928 г.).

БАРАНОВСКИЙ ПЁТР ДМИТРИЕВИЧ (29 января 1892, с. Шуйское Вяземского уезда Смоленской губернии - 12 июня 1984, Москва) - российский, советский архитектор, реставратор памятников древнерусского зодчества. Основатель музея в Коломенском и Музея имени Андрея Рублёва в Андрониковом монастыре. Выдающийся московский реставратор.
Ведущие архитекторы-реставраторы: П.Д. Барановский, И.Э. Грабарь, Б.Н. Засылкин, И.П. Марковников, И.П. Мешков, И.В. Рылский, Д.П. Сухов.

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РЕСТАВРАЦИОННЫЕ МАСТЕРСКИЕ (ЦГРМ) Москва. 1924 –1934 гг. (организованы на базе Всероссийской комиссии по сохранению и раскрытию древнерусской живописи, созданной в 1918 г.). Филиалы: Ленинград, Ярославль.

Основные объекты: Покровский собор в Москве (1921 – 1928 гг., арх. Д.П. Сухов). Церковь Николая Мирликийского в Волге XVII в., Соборный дом на Стрелке конца XVII в., дом Иванаова XVII в. в Ярославле (1920-е гг., арх. П.Д. Барановский, Д. Агафьин, И. Алякринский, И. Князев, Н. Тихомиров). (Рис. 6,12) Казанский собор XVII в. на Красной площади в Москве (1925 – 1928 гг., арх. П.Д. Барановский). (Рис. 16) Сухарева башня в Москве (1925 – 1926 гг.; инж. А.Ф. Зябкин, арх. З.И. Иванов, Д.П. Сухов). Успенский собор Рязани (1927 г.) (Рис. 3); Останкинский дворец в Москве (1930-е гг., арх. К.А. Соловьев) (Рис. 9).

Основные задачи и особенности подходов: Широкий территориальный охват объектов восстановления в крупных исторических центрах и городах страны и союзных республиках (Москве, Ленинграде, Новгороде, Ярославле, Пскове, Владимире, Суздале, Рязани, Угличе, Старце, Смоленске, Вологде, Костроме, Бухаре, Самарканде, Хиве, Коканде, Термезе, Намангане, Баку, Нухе, Киеве, Татарской АССР).

Научная реставрация

Рест XX века

Коллегиальность решений

Послойная реставрация

Ориентация на восстан. изначального вида

Внимание к отдельным историч. наслоениям

Сохран. подлинного материала

Средовой подход

1924 — 1934
1920-е — 1930-е

Негативного отношения к наследию, массовый снос памятников, политике «ликвидации церквей». Развиваться идея социалистического города.

Таблица 8. ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РЕСТАВРАЦИОННЫЕ МАСТЕРСКИЕ (ЦГРМ).

РЬЛОВСКИЙ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ (1 октября 1876, д. Ламоново, Звенигородский уезд, Московская губерния - 29 декабря 1952, Москва) - русский и советский архитектор, реставратор, преподаватель. Действительный член Академии архитектуры СССР, профессор, доктор архитектуры. Один из инициаторов создания в Москве музея архитектуры.

Ведущие архитекторы-реставраторы: П.Д. Барановский, И.Э. Грабарь, Б.Н. Засыпкин, И.П. Марковников, И.П. Мешков, И.В. Рьловский, Д.П. Сухов.

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РЕСТАВРАЦИОННЫЕ МАСТЕРСКИЕ (ЦГРМ) Москва. 1924 - 1934 гг. (организованы на базе Всероссийской комиссии по сохранению и раскрытию древнерусской живописи, созданной в 1918 г.). Филиалы: Ленинград, Ярославль.

Основные задачи и особенности подходов: Дифференциация поздних наслоений в зависимости от их стилистической принадлежности и оценки историко-художественных характеристик. Стремление к минимальному характеру дополнений при раскрытиях со строгим следованием достоверным обоснованиям; обусловленность реставрационных докомпоновок необходимостью заполнения лакун и стремлением к показу древних форм. Разработка приемов восстановления стесанных архитектурных элементов каменного декора с привлечением аналогий. Усиление во второй половине 1920-х гг. тенденции стремления к целостным реставрациям; стремление к поиску средств создания стилистической целостности памятника (за счет гипотетических воссозданий, приемов соединения различных, но синхронных памятников).

Основные объекты: Введенская церковь Болдинского монастыря Смоленской области (1920-е гг., арх. П.Д. Барановский). (Рис. 1) Медресе Шир-Дор в Самарканде (1920-е гг., арх. Б.Н. Засыпкин). (Рис. 9) Софийский собор в Киеве (1935 - 1936 гг., рук. проф. И.В. Моргилевский). (Рис. 2) Церковь Георгия под Колоколы в Коломенском (1930-е гг. (арх. П.Д. Барановский) (Рис. 4).

МАРКОВНИКОВ (МОРКОВНИКОВ) НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (1869, Казань - 1942, Ташкент) - русский и советский архитектор, археолог, реставратор и преподаватель.

Ведущие архитекторы-реставраторы: П.Д. Барановский, И.Э. Грабарь, Б.Н. Засыпкин, И.П. Марковников, И.П. Мешков, И.В. Рьловский, Д.П. Сухов.

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РЕСТАВРАЦИОННЫЕ МАСТЕРСКИЕ (ЦГРМ) Москва. 1924 - 1934 гг. (организованы на базе Всероссийской комиссии по сохранению и раскрытию древнерусской живописи, созданной в 1918 г.). Филиалы: Ленинград, Ярославль.

Основные задачи и особенности подходов: Подчеркнутая направленность на воссоздание «неправильностей» древнего вида памятника, стремление к максимальному сохранению его подлинного материала. Дифференциация реставрационных подходов в зависимости от характера функционального использования памятника: к «живым» (продолжавшим функционировать в соответствии с назначением) памятникам был применен гибкий подход с возможностью компромиссных решений в рамках приспособления. «мертвые» памятники допускали исключительно консервацию. Развитие принципиально новых методов конструктивного укрепления памятников при значительных разрушениях и деформациях, решение проблемы недолговечных строительных материалов, восстановление утраченных архитектурных фрагментов методом анастилоза.

Основные задачи: Ханский дворец в Баку (1932 г., арх. Б.Н. Засыпкин). (Рис. 5) Южный мавзолей села Узген (реставрация 1928 г., арх. Б.Н. Засыпкин) (Рис. 6). Сузарева башня в Москве (1925 - 1926 гг.; инж. А.Ф. Зябкин, арх. З.И. Иванов, Д.П. Сухов). (Рис. 8) Памятники Московского Кремля: Архангельский собор (рук. арх. И. Рьловский, И. Бондаренко, Н. Марковников). (Рис. 7) Церковь Рождества на Волге XVII в. (Рис. 3).

Научная реставрация

Рест XX века

Коллегиальность решений

Послойная реставрация

Ориентация на востан. изначального вида

Внимание к отдельным истор. наследиям

Сохран. подлинного материала

Средовой подход

Таблица 9. АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ПРАКТИКА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. ТРАНСФОРМАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО (АНАЛИТИЧЕСКОГО) МЕТОДА В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАКТИКЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

ВИОЛЛЕ-ЛЕ-ДУК ЭЖЕН ЭММАНЮЭЛЬ
(фр. Eugène Emmanuel Viollet-le-Duc, 27 января 1814 - 17 сентября 1879) - французский архитектор, реставратор, искусствовед и историк архитектуры, идеолог неоготики, основоположник архитектурной реставрации.

АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ПРАКТИКА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. Примеры реставрации.

Основные объекты: Оперный театр Ганновера, Германия, реконструкция кон. 1940-х гг., арх. В. Каллморген: целостное воссоздание (Рис. 2); Собор в Модене, Италия, реставрация 1950-х гг., арх. Барбаччи (Рис. 1); Стоя Атгала II, Греция, реставрация 1953 – 1956 гг. (Рис. 4); Ансамбль Дома Корсаров в Сен-Мало, Франция, 1950-е гг. (Рис. 8); Собор Святого Михаила в Ковентри, реставрация 1954 – 1962 гг., арх. Б. Спенс (Рис. 6); Комплекс Ремерберг во Франкфурте-на-Майне, Германия, 1983 г. (Рис. 7); Дом Штайпе, «Красный дом» в Трире, Германия, арх. Г. Мюллер-Менкенс (Рис. 5); Дом Лейбница, г. Ганновер, Германия, реконструкция 1981 – 1983 гг. (Рис. 3).

- Целостная реставрация
- Стилистическая реставрация
- Градостроительные решения
- Исполз. традицион. конструкций
- Использование аналогов

РЁСКИН ДЖОН (ТАКЖЕ РАСКИН, АНГЛ. JOHN RUSKIN; 8 февраля 1819, Лондон — 20 января 1900, Брентвуд) — английский писатель, художник, теоретик искусства, литературный критик и поэт; член Арундельского общества. Оказал большое влияние на развитие искусствознания и эстетики второй половины XIX — начала XX веков.

ТРАНСФОРМАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО (АНАЛИТИЧЕСКОГО) МЕТОДА В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАКТИКЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

Основные объекты: Консервация руинированных сооружений с современными дополнениями, открывающими возможность нового использования: Замок Эстли в Уоркшире, Англия, XII в. (Арх. бюро Witherford Watson Mann Architects, 2010-е гг.) (Рис. 1,2); Епархиальный музей в Кельне, Германия (арх. П.-Цумтор, нач. 2000-х гг.) (Рис. 3); Археологический музей во Фраскати, Италия (арх. Массимилиано Фукас, 2002 г.) (Рис. 4); Реконструкция здания Академии искусств в Дрездене, Германия (2005 г.) (Рис. 5); Здание Нового музея в Берлине, Германия (арх. Д. Чипперфильд, Д. Херреп; 2000-е гг.) (Рис. 6); Церковь кайзера Вильгельма в Берлине, Германия (арх. Э. Айерман, втор. пол. XX в.) (Рис. 7); Собор Св. Михаила в Ковентри, Англия (арх. Б. Спенс, втор. пол. XX в.) (Рис. 8).

- Научная реставрация
- Точечная реставрация
- Раскрытия
- Консервация
- Отказ от реставрации на оптим. дату

» конец 1930-х

В связи с международной ситуацией появились предпосылки укрепления патристических настроений. Возникло понимание ценности архитектурного опыта и традиции.

» XX

Таблица 10. НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ СССР (РСФСР) В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ СССР (РСФСР) В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

 <p>Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 5 октября 1918 г. «О регистрации, приеме на учет и сохранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений».</p>	<p>✓ Приказ Наркомпроса РСФСР “Об учёте разрушений, нанесённых немецкими оккупантами музеям и памятникам революции, истории, культуры” (от 9 марта 1942 г.).</p>
<p>✓ Декрет Совета народных комиссаров РСФСР «Об охране научных ценностей» (от 26 ноября 1918 г.).</p>	<p>✓ Приказ Наркомпроса РСФСР “Об упорядочении учёта разрушений, нанесённых фашистскими оккупантами музеям и памятникам” (от 27 марта 1942 г.).</p>
<p>✓ Декрет Совета народных комиссаров РСФСР «Об охране памятников природы, садов и парков» (от 16 сентября 1921 г.).</p>	<p>✓ Постановление Совета народных комиссаров СССР от 13 декабря 1944 г. № 1661 «О мероприятиях по восстановлению Новгородского Кремля».</p>
<p>✓ Постановление ВЦИКа Совета народных комиссаров РСФСР от 7 января 1924 года «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» – ввел регламентацию права на ремонт, реставрацию, перделку, слом и использование памятников, допускавшихся только в соответствии с разрешением государственных органов.</p>	<p>✓ Постановление Совета народных комиссаров СССР от 8 апреля 1945 г. № 715 «О мероприятиях по сохранению и реставрации памятников архитектуры во Владимирской области».</p>
<p>✓ Постановление Народного Комиссариата Просвещения РСФСР «Инструкция об учете и охране памятников искусства, старины, быта и природы» (1924 г.) – закрепила комплекс мер, включавший их охрану от слома, перделки и приспособления, изменяющего внешний или внутренний вид, пристройки и возведения сооружений, заграждающих памятник; вводила понятие «групповых» памятников; формировала новую систему классификации памятников архитектуры по категориям в соответствии с возможностями хозяйственного использования.</p>	<p>✓ Постановление Совета народных комиссаров РСФСР от 20.11.1945 № 670 “О неотложных мероприятиях по сохранению памятников архитектуры г. Пскова и Псковской области”.</p>
<p>✓ Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «Об охране исторических памятников» от 10.08.1933 г. и «Об охране археологических памятников» от 10.02.1934 г. – ввели запрет на слом, перделку и использование памятников без соответствующего разрешения органов охраны, а также с использованием системы арендного финансирования работ по сохранению памятников; законодательные предпосылки формирования практики создания археологических музеев-заповедников.</p>	<p>✓ Приказ Комитета по делам архитектуры при СНК СССР от 25.09.1945 г. «Об утверждении памятников архитектуры Всесоюзного значения и установлении особого надзора над ними» – установил перечень первоочередных памятников (250 объектов), подлежащих охране.</p>
	<p>✓ Постановление Совета Министров СССР от 10.12.1947 № 3974 “О мероприятиях по сохранению памятников архитектуры Андроникова монастыря в г. Москве”.</p>
	<p>✓ Постановление Совета Министров РСФСР от 22 мая 1947 г. № 389 «Об охране памятников архитектуры» (с изм. и доп., внесенными распоряжениями Совета Министров РСФСР от 27.07.1951 № 3839-р; от 01.03.1954 № 628-р).</p>

МЕЖДУНАРОДНЫЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

 <p>Афинская хартия по вопросам реставрации исторических памятников 1931 г.</p>	<p>✓ «Конвенция об охране Всемирного культурного и природного наследия» (Юнеско, 1972 г., ратифицирована СССР в 1988 г.)</p>
<p>✓ Международный «Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников (Пакт Рериха)» (поддержан правительствами государств Европы и американского континента в 1935 г.).</p>	<p>✓ «Флорентийская хартия», 1981 г.</p>
<p>✓ Гагская конвенция «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта», 1954 г.;</p>	<p>✓ «Международная хартия по охране исторических городов» (Вашингтонская хартия), 1987.</p>
<p>✓ «Международная хартия по вопросам сохранения и реставрации памятников и достопримечательных мест» (г. Венеция, 1964 г.).</p>	<p>✓ «Международная хартия по охране и использованию археологического наследия» (IX-ая Генеральная ассамблея Международного союза по памятникам и достопримечательным местам), 1990.</p>
<p>✓ Итальянская реставрационная хартия (1972 г.)</p>	<p>✓ «Нарский документ о подлинности», 1994.</p>
	<p>✓ «Рижская хартия о подлинности и исторической реконструкции», 2000 г.</p>

Таблица 11. МОСКОВСКАЯ АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ШКОЛА.

ДАВИД ЛЕВ (ЛЕОН) АРТУРОВИЧ (Леон-Андре Давид, 1914 - 1994) — советский архитектор-реставратор, Заслуженный деятель искусств Российской Федерации (1994). Работал в Москве, с 1949 г. и до конца жизни Л. А. Давид работал в Центральных научно-реставрационных проектных мастерских, с 1967 по 1980 гг. возглавлял их как главный архитектор.
Архитекторы-реставраторы: И.Э. Грабарь, И.П. Мешков, И.П. Марковников, Д.П. Сухов, И.В. Рьельский, Б.Н. Засыпкин, П.Д. Барановский.

МОСКОВСКАЯ АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ШКОЛА
1947 – 1957 гг. Центральная проектная реставрационная мастерская (ЦПРМ).
Руководитель И.Э. Грабарь.

Основные объекты: Храм Вознесения в Коломенском (Рис. 1); Церковь Михаила-Архангела Спасо-Андроникова монастыря (1953 г., арх. П.Д. Барановский, Г.Ф. Сенатов, инж. Б.Ф. Вологодский) (Рис. 2); Собор Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву (Рис. 3); Церковь Зачатия Анны XVI в. (реставрация 1954 – 1958 гг., архитектор Л.А. Давид, Б.Л. Альтшуллер, С.С. Подъяпольский);

Концепция и особенности подходов: Преемственность традициям русской дореволюционной реставрации, развитие в соответствии с передовым европейским уровнем своего времени. Разработка основных методологических направлений, подходов и реставрационных приемов, впоследствии распространявшихся в региональные школы.

ПОДЪЯПОЛЬСКИЙ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ (25 июля 1928, Саратов - 2002, Москва) - историк архитектуры, архитектор-реставратор. Профессор, кандидат архитектуры; заслуженный деятель искусств РФ (2000). Член-корреспондент РААСН. Автор фундаментального учебника по реставрации памятников архитектуры. Основатель советской реставрации. 1947 – 1957 гг. Центральная проектная реставрационная мастерская (ЦПРМ). Руководитель В.П. КИЕВСКИЙ. 1957 – 1992 гг. Центральные научно-реставрационные мастерские (ЦНРМ).

МОСКОВСКАЯ АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ШКОЛА
1957 – 1992 гг. Центральные научно-реставрационные мастерские (ЦНРМ).
Руководитель И.Э. Грабарь.

Основные объекты: Ансамбль Соловецкого монастыря (Рис. 4); Останкинский дворец (Рис. 5); ансамбль усадьбы Кузьминки (Рис. 6); Храм Усекновения Главы Иоанна Предтечи (Рис. 7); Ансамбль Новодевичьего монастыря (Рис. 8); Церковь Михаила-Архангела Спасо-Андроникова монастыря (1953 г., арх. П.Д. Барановский, Г.Ф. Сенатов, инж. Б.Ф. Вологодский).

Концепция и особенности подходов: Направленность на объединение реставрационных процессов, обмен опытом и развитие приоритетных направлений, коллегиальность подходов к выработке конкретных реставрационных решений на памятниках как необходимая часть реставрационного процесса. Развитие технологий реставрационного проектирования. Объединение практической реставрации с прикладной научно-исследовательской деятельностью и развитием научно-методической базы.

Таблица 12. МОСКОВСКАЯ АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ШКОЛА.

АЛЬТШУЛЕР БОРИС ЛЬВОВИЧ (23 июня 1926, Москва - 28 октября 1998, Москва) - российский архитектор-реставратор, историк архитектуры, исследователь древнерусского церковного зодчества. Кандидат архитектуры. Заслуженный работник культуры РСФСР (1986).
Архитекторы-реставраторы: И.Э. Грабарь, И.П. Мешков, И.П. Марковников, Д.П. Сухов, И.В. Рыльский, Б.Н. Засыпкин, П.Д. Барановский 1947 – 1957 гг. Центральная проектная реставрационная мастерская (ЦПРМ). Руководитель В.П. КИЕВСКИЙ.

МОСКОВСКАЯ АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ШКОЛА
1992 г. Центральные научно-реставрационные проектные мастерские (ЦНРПМ). Руководитель И.Э. Грабарь.

Основные объекты: Рождественский собор начала XVI в. Рождественского монастыря (реставрация 1968 г., архитектор Н.В. Ильенкова); Собор XVII в. Знаменского монастыря (реставрация 1966 г., арх. Е.П. Жаворонкова); Реставрация стен и башен Псковского кремля (1950 – 1960-е гг., рук. А.И. Хамцов, арх. А.В. Воробьев, инж. Б.Ф. Вологодский).

Концепции и особенности подходов: Ориентация на сложный комплексный характер многослойных памятников (с первоначальным древним ядром и более поздними пристройками), особенности состояния памятников в связи с утратой архитектурно-композиционного и семантического значения в результате разрушений военного периода, идеологических программ и условий эксплуатации.

ПЕТРОВ ЛЕВ АРКАДЬЕВИЧ (1908 - 1982) - советский архитектор-реставратор, участник Великой Отечественной войны. В 1950-х годах - руководитель реставрационной мастерской Академии архитектуры СССР. Сформировал комплексный подход к реставрации, научной методике работ и технологии реставрационного проектирования и организовал работу Научно-реставрационного совета ЦНРМ.
Архитекторы-реставраторы: И.Э. Грабарь, И.П. Мешков, И.П. Марковников, Д.П. Сухов, И.В. Рыльский, Б.Н. Засыпкин, П.Д. Барановский 1947 – 1957 гг. Центральная проектная реставрационная мастерская (ЦПРМ). Руководитель В.П. КИЕВСКИЙ.
1957 – 1992 гг. Центральные научно-реставрационные мастерские (ЦНРМ). Руководитель Л.А. ПЕТРОВ.
1992 г. Центральные научно-реставрационные проектные мастерские (ЦНРПМ).

МОСКОВСКАЯ АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ШКОЛА
1992 г. Центральные научно-реставрационные проектные мастерские (ЦНРПМ). Руководитель И.Э. Грабарь.

Основные объекты: Реставрация стен и башен Новгородского кремля (1950 – 1970-е гг., рук. А.В. Воробьев, арх. О.Д. Савицкая, Н.С. Кривулина); Покровский собор на Рву (1953 – 1956 гг., рук. Н.Н. Соболев, Г.П. Белов); Ансамбль Спасо-Андроникова монастыря (1958 – 1960 гг., арх. С.С. Подьяпольский, О.К. Губаревич, Г.Ф. Сенатов, В.Н. Меркелова, Е.Н. Подьяпольская, Б.Л. Альтшуллер).

Концепции и особенности подходов: Ориентация на выявление и восстановление первоначальных форм памятников или форм на определенную оптимальную дату в рамках целостных реставраций. Внимание к отдельным историческим наслоениям, стремление к минимальному нарушению сложившейся структуры, направленность на достижение стилистической общности древнего ядра и поздних наслоений. Дифференциация историко-культурной и художественной значимости поздних наслоений в зависимости от степени их древности.

Рест XX века

Коллегиальность решений

Послойная реставрация

Ориентация на востан. изначального вида

Внимание к отдельным истор. наследиям

Средовой подход

Сохран. подлинного материала

Таблица 13. ЛЕНИНГРАДСКАЯ АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ШКОЛА.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ШКОЛА Ленинградская архитектурно-реставрационная мастерская (ЛАРМ). 1945 – 1950 гг. Специальные научно-реставрационные производственные мастерские (СНРПМ). 1950 – 1988 гг. Основной руководитель: Л.М. Анолик (1950 - 1970-е гг.), С. И. Газиянц (1974 – 1988 гг.).

Основные объекты: Исаакиевский собор (Рис. 2); Дворец Меншикова (Рис. 1); Павловский дворец (реставрация 1950-х гг., рук. С.В. Попова-Гунич) (Рис. 5); Кикины палаты XVIII в (Рис. 6); Бастны Петропавловской крепости (реставрация 1963 г., арх. И.Н. Бенуа) (Рис. 4); Летний дворец Петра I (реставрация 1957 – 1960-е гг., арх. А.Э. Гессен) (Рис. 3).

АНОЛИК ЛЕОНИД МИХАЙЛОВИЧ (1889 - 1956). Архитектор реставратор. 1 июля 1945 г. была создана Ленинградская архитектурно-реставрационная мастерская (ЛАРМ), основным принципом работы которой стала научная, аналитическая реставрация. Стал основоположником ленинградской школы реставрации и разработал методику комплексного восстановления памятников архитектуры XVIII–XIX веков. Профессиональный вклад: Л.М. Анолик, О.К. Аршакуни, И.Н. Бенуа, А.Э. Гессен, В.К. Галочкин и др.

Концепции и особенности подходов: Разработка методики комплексного восстановления памятников архитектуры XVIII–XIX вв. как сложных и целостных произведений синтеза искусств: архитектуры, скульптуры, живописи, садово-паркового и прикладного искусства. Ориентация на восстановление утраченных элементов памятника при необходимости создания оптимальных условий для его сохранения.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ШКОЛА Ленинградская архитектурно-реставрационная мастерская (ЛАРМ). 1945 – 1950 гг. Специальные научно-реставрационные производственные мастерские (СНРПМ). 1950 – 1988 гг. Основной руководитель: Л.М. Анолик (1950 - 1970-е гг.), С. И. Газиянц (1974 – 1988 гг.).

ГАЗИЯНЦ СУРЕН ИВАНОВИЧ с 1970 директор Специальных научно-реставрационных производственных мастерских Главного архитектурно-планировочного управления Ленгорисполкома. С 1974 года директор Специального научно-производственного объединения «Реставратор». Профессиональный вклад: Л.М. Анолик, О.К. Аршакуни, И.Н. Бенуа, А.Э. Гессен, В.К. Галочкин, Г.Г. Гримм, С.Н. Давыдов, А.И. Зеленова, Е.В. Казанская, А.А. Кедринский, М.Г. Колотов, Д.Б. Красовский, И.В. Крестовский, Л.А. Медерский и др.

Концепция и особенности подходов: Ориентация на восстановление комплексного (целостного) облика памятника для его включения в современный архитектурно-градостроительный и культурный контекст, поиск оптимального сочетания задач сохранения наследия и его приспособления. Впервые в отечественной реставрационной практике – формирование принципа ансамблевости, состоявшего в трактовке архитектурного объекта как элемента целостной структуры.

Таблица 14. ЛЕНИНГРАДСКАЯ АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ШКОЛА.

ДАВЫДОВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (1902 - 1971)
Создатель и первый директор СНРПИМ в Новгороде, автор научных работ.

КЕДРИНСКИЙ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1917-2003) - основоположник петербургской школы реставраторов.

БЕНУА ИРИНА НИКОЛАЕВНА (урожденная Осипова, 16 мая 1912, Санкт-Петербург - 2004) - советский и российский архитектор-реставратор, патриарх ленинградской школы реставраторов. Народный архитектор Российской Федерации (2000).

ГЕССЕН АЛЕКСАНДР ЭРНЕСТОВИЧ (1917 - 2001), один из создателей ленинградской школы научной архитектурной реставрации.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ШКОЛА Ленинградская архитектурно-реставрационная мастерская (ЛАРМ).

Основные объекты: Церковь апостола Андрея Первозванного на Большом пр. Васильевского острова. Литография К. П. Беттрова с рис. К.-Ф. Сабата и С. П. Шифляра. 1820-е гг. (Рис. 2); Проект города Ленинграда 1935 г. (Рис. 3); Домик Петра I на Петровской набережной (реставрация 1950 – 1960-е гг., арх. А.Э. Гессен); Большой дворец в Петергофе (реставрационные работы 1948 – 1958 гг., арх. В.М. Савков, Е.В. Казанская); Большая оранжерея, Ассамблейный зал дворца Монплеизир в Петергофе (реставрация 1950-х гг., арх. В.М. Савков, А.Э. Гессен); Кишкинские палаты XVIII в. (реставрация 1953 – 1956 гг.; арх. В.М. Савков, И.Н. Бенуа); Дворец Меншикова (реставрация с 1974 г., рук. Г.В. Михайлов, В.К. Галочкин); Большой Гатчинский дворец (арх. М.М. Плотников); Келейный корпус Смольного монастыря (реставрация 1954 г., арх. И.Н. Бенуа); Исаакиевский собор (реставрация 1954 – 1963 гг., рук. А.Л. Ротач).

ЛЕНИНГРАДСКАЯ АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ШКОЛА Ленинградская архитектурно-реставрационная мастерская (ЛАРМ).

Основные объекты: Ферапонтов Богородице-Рождественский монастырь (Рис. 4); Большой дворец в Петергофе (реставрационные работы 1948 – 1958 гг., арх. В.М. Савков, Е.В. Казанская) (Рис. 7); Успенский Собор в Москве (Рис. 6); Екатерининский дворец в Царском Селе (Рис. 5); Троицкий собор Александро-Невской лавры (реставрация 1950-х гг., арх. К. Д. Халтурин).

Целостная реставрация

Послойная реставрация

Воссоздание интерьеров

Использование аналогов

Научная реставрация

Концепции и особенности подходов: Формирование специфического комплексного отношения к памятнику, предполагавшего не просто реставрацию и ремонт здания, а воссоздание его декоративного убранства (данный подход отражен в сложившемся термине «ленинградская школа реставрации»). Формирование принципов целостной реставрации как ведущего метода послевоенной ленинградской школы, обусловившего развитие методов полного или частичного воссоздания памятника.

Таблица 15. НОВГОРОДСКАЯ АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ШКОЛА. ПСКОВСКАЯ АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ШКОЛА.

КРАСНОРЕЧЬЕВ ЛЕОНИД ЕГОРОВИЧ (25 октября 1932 - 4 мая 2013)
ШТЕНДЕР ГРИГОРИЙ МИХАЙЛОВИЧ (25 мая 1927 - 17 августа 1992)

НОВГОРОДСКАЯ АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ШКОЛА

Основной реставрационный центр: Новгородская специализированная научно-реставрационная производственная мастерская. 1944 г.

Руководители: С.Н.Давыдов 1944 - 1950 гг., Р.Ф.Шафрановский 1957 - 1980 гг.

Основные объекты: Церковь Параскевы Пятницы нач. XIII в. на Торгу (Рис. 1); Церковь Дмитрия Солунского (реставрация 1947 – 1950 гг., арх. Л.М. Шуляк) (Рис. 2); Церковь Власия Мученика (Рис. 3); Церковь Петра и Павла XIV в. на Славне (реставрация 1955 – 1956 гг., арх. В.В. Кувырдин) (Рис. 7); Церковь Иоанна Предтечи XII - XVII вв. на Опоках (реставрация 1952 – 1953 гг., арх. Т.В. Гладенко, Л.М. Шуляк) (Рис. 8); Церковь Петра и Павла XV в. в Кожевниках (реставрация 1955 – 1958 гг., арх. Л.М. Шуляк, Г.М. Штендер) (Рис. 4); Церковь Спаса на Нередице (Рис. 5); Церковь Благовещения XII - XVII вв. на Мячине (Рис. 6).

Концепции и особенности подходов: Преемственность принципам довоенной новгородской реставрации, поднявшей на новый уровень методику исследовательских и проектных работ. Ориентация реставрационной методологии и подходов на исключительно древний и многослойный характер наследия – преимущественно посадского храмового зодчества XII - XV вв.

СПЕГАЛЬСКИЙ ЮРИЙ ПАВЛОВИЧ (3 июня 1909 - 17 января 1969)
БЕЛЕЦКИЙ ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ (1919-1997)

ПСКОВСКАЯ АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ШКОЛА

Реставрационный центр: Псковская специализированная научно-реставрационная производственная мастерская. 1944 г. Руководитель: Ю.П. Спегальский

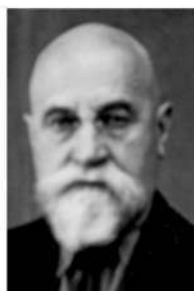
Основные объекты: Церковь Преображения Господня на Ковалёве (Рис. 1); Собор Иконы Божией Матери Иверская в Валдайском Иверском Святоозерском монастыре (Рис. 2); Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы на Торгу (Рис. 3); Церковь Николая Чудотворца из Мякишево (Рис. 4); Церковь Федора Стратилата (Рис. 5); Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы на Мячине (Рис. 6); Валдайский Иверский Святоозерский мужской монастырь (Рис. 7); Звонница Софийского собора (Рис. 8); Двойная церковь Рождества и Покрова Богородицы XV в. (реставрация 1950-х – 1960-х гг., арх. В.П. Смирнов); Церковь Николая со Усохи (реставрация 1964 – 1966 гг., арх. Ю.П. Спегальский, Б.С. Скобельцын); Церковь Петра и Павла XVI в. с Буя (реставрация 1962 г., рук. В.А. Лебедева).

Концепции и особенности подходов: Ориентация на целостную научную реставрацию, стремление к наиболее достоверному восстановлению архитектурного облика посредством «вылущивания» древнего первоначального ядра памятника – восстановления его в подлинных формах или в формах, соответствовавших периоду наивысшего расцвета.

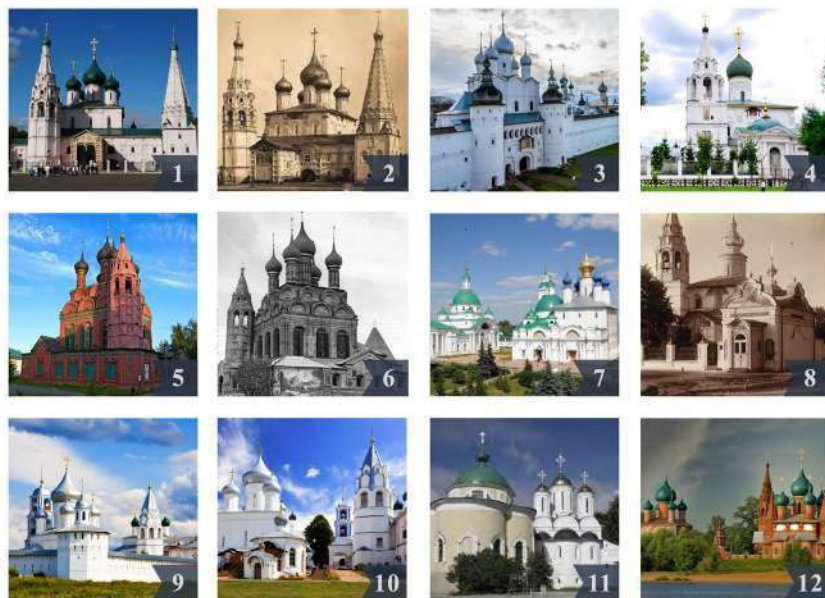
Таблица 16. ЯРОСЛАВСКАЯ АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ШКОЛА. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ПРАКТИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

СУСЛОВ АЛЕКСЕЙ ИЛЬИЧ (17 марта 1887 - 14 марта 1962) - архитектор, историк архитектуры.

ЯРОСЛАВСКАЯ АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ШКОЛА
Ярославская специализированная научно-реставрационная производственная мастерская; 1952 – 1990-е гг. Основатель: С.Н. Давыдов. Рук: В.Д. Шаульский.

Основные объекты: Ильинская церковь в Ярославле (Рис. 1); Памятники и сооружения Ростовского Кремля (Рис. 3); Церковь Богоявления конца XVII в. в Ярославле (реставрация с 1951 г., архитектор С.Н. Давыдов, В.Н. Захарова) (Рис. 5); Спасо-Преображенский собор XVI в. в Ярославле (реставрация конца 1950-х гг., архитектор Е.М. Караваева) (Рис. 7); Спасский монастырь в Ярославле (Рис. 11).

ВАРГАНОВ АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ (26 сент. 1905 - 22 фев. 1977, Суздаль) - искусствовед, архитектор-реставратор, музейный деятель.

Концепции и особенности подходов: Общая ориентация на восстановление первоначального вида памятников. Стремление к наиболее полному аналитическому обоснованию на основе углубленного подхода при использовании широкого круга типологических аналогий. Внимание к информативным методам исследований подлинного материала и проблеме его сохранения.

СТОЛЕТОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ (1896-1966) В 1941 года руководил неотложными работами по укреплению Дмитриевского собора во Владимире. В 1944–1946 гг. работал главным архитектором в Владимире. С 1950 года А.В. Столетов – главный архитектор Владимирской специализированной экспериментальной научно-реставрационной производственной мастерской. С этого времени главным делом А.В. Столетова стало изучение и реставрация памятников древней Владимиро-Суздальской архитектуры.

ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКАЯ АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ШКОЛА. Примеры реставрации.

Основные объекты: Дмитриевский собор XII в. в г. Владимире, реставрация 1940-х–1950-х гг., арх. А.В. Столетов (Рис. 1); Ансамбль Новодевичьего монастыря (1950 – 1960-е гг., рук. Г.А. Макаров) (Рис. 8,12); Большой дворец в Петергофе, реставрация 1948 – 1958 гг., рук. В.М. Савков, Е.В. Казанская (Рис. 7,11); Новгородский Кремль, реставрация 1952 - 1970-е гг., арх. А.В. Воробьев, О.Д. Савицкая (Рис. 5); Ивановская крепость XV в., реставрация 1964 - 1994 гг., институт «Спецпроектреставрация» (Рис. 2,3); Архангельский музей народного зодчества «Малые Корель», 1962 – 1966 гг., арх. Б.В. Гнедовский (Рис. 4).

Концепции и особенности подходов: Разработка и применение уникальных методик инженерного укрепления и реставрации на памятниках древнерусского белокаменного зодчества. Ориентация на уникальный древний характер наследия, обусловившая развитие реставрационных подходов в русле аналитического метода с более очевидной недопустимостью гипотетических добавлений.

Таблица 17. АРХИТЕКТУРНО - РЕСТАВРАЦИОННЫЕ ШКОЛЫ СИБИРИ. КИЕВСКАЯ АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ШКОЛА.

АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННЫЕ ШКОЛЫ СИБИРИ
1960-е – 1980-е гг.

Основные объекты: Спасская церковь XVIII в. (реставрация 1960 – 1970-х гг., ВСРПО «Союзреставрация», арх. Г.Г. Оранская) (Рис. 1); Собор Богоявления (реставрация 1960-х гг., арх. Г.Г. Оранская) (Рис. 3); Польский костел XIX в. (реставрация 1970-х гг., арх. Г.А. Вязунова) (Рис. 2); Дом-музей С.П. Трубецкого (реставрация 1965 – 1970 гг., коллектив ЦНРМ, рук. Г.Г. Оранская) (Рис. 5); Дом-музей С.Г. Волконского (реставрация 1974 – 1985 гг., арх. Л.С. Васильев, Е.Ю. Барановский) (Рис. 6); Историко-мемориальная зона «Декабристы в Иркутске» (1980-е гг., арх. Е.Ю. Барановский, А.В. Яковлев, Л.И. Гурова) (Рис. 4); «Желябовский комплекс», ансамбль улицы К. Маркса (с сер. 1970-х гг., арх. Е.Ю. Барановский) (Рис. 7); Музея народного зодчества под открытым небом «Тальцы» (1966 – 1980-е гг., рук. арх. Г.Г. Оранская) (Рис. 8).

Профессиональный вклад в развитие реставрационной школы внесли:
Е.А. АЩЕПКОВ,
Е.Ю. БАРАНОВСКИЙ,
А.П. БЕЛЬСКИЙ,
Л.С. ВАСИЛЬЕВ,
Г.А. ВЯЗУНОВА,
Л.И. ГУРОВА,
В.И. КОЛПИКОВ,
Б.И. ОГЛЫ,
Г.Г. ОРАНСКАЯ,
А.В. ПОЛИКАРПОВИЧ,
В.И. СОТНИКОВ,
А.В. СУББОТИН,
Е.В. ХОХРИН,
В.Т. ЩЕРБИН,
А.В. ЯКОВЛЕВ и др.

Рест XX века

Целостная реставрация

Музеефикация

Точечная реставрация

Реставрация дерев. зодчества

Концепция и особенности подходов: Связь реставрационных подходов с региональным характером и типологией исторической городской архитектуры XVIII в. – XIX в. (каменные культовые постройки, крупные общественные здания, архитектура деревянных жилых домов). Ориентация на комплексное сохранение памятников с мемориальной ценностью – объектов городского деревянного зодчества, связанных с сибирской ссылкой декабристов.

КИЕВСКАЯ АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ШКОЛА
1940-е – 1970-е гг. Реставрационный центр: Специализированные научно-реставрационные мастерские (СНРПМ) в Киеве, Чернигове, Львове, Полтаве.

Основные объекты: Золотые ворота XI в. в Киеве (Рис. 1); крепость в Каменце-Подольском (Рис. 2); крепость X – XVIII вв. в Судаче (с 1968 г., арх. Е.И. Лопушинская) (Рис. 3); Церковь Иоанна Предтечи VIII – IX вв. в Керчи (Рис. 5); Пятницкая церковь в Чернигове (консервационные работы 1944 – 1946 гг., реставрация 1955 г., арх. П.Д. Барановский, Ю.С. Асеев) (Рис. 8); Ратуша в Каменце-Подольском (реставрация 1954 – 1955 гг., арх. Ю.А. Нельговский) (Рис. 7); Великая Успенская церковь XI в. Киево-Печерской лавры (1962 – 1963 гг., арх. Н.В. Холостенко, М.М. Говденко) (Рис. 6); Спасский собор в Чернигове (1966 г., арх. Н.В. Холостенко, М.М. Говденко) (Рис. 4).

Профессиональный вклад в развитие реставрационной школы внесли:
Ю.С. АСЕЕВ,
П.Д. БАРАНОВСКИЙ,
М.М. ГОВДЕНКО,
Н. КРЕСАЛЬНЫЙ,
Е.И. ЛОПУШИНСКАЯ,
И.Р. МОГЫТЫЧ,
Ю.А. НЕЛЬГОВСКИЙ,
Е.М. ПЛАМЕНЕЦКАЯ,
А.Д. ТЮПИЧ,
Н.В. ХОЛОСТЕНКО и др.

Рест XX века

Рест XX века

Использ. традицион. конструкций

Консервация

Стилистическая реставрация

Концепция и особенности подходов: Развитие реставрационной методологии, ориентированной на древний многослойный характер наследия и специфику военных повреждений памятников, вплоть до их руинированного состояния. Широкое использование приемов консервации и фрагментарной реставрации, в основном, на сооружениях с многослойным характером и значительными разрушениями.

Значительное увеличение государственного финансирования.

Таблица 19. АРХИТЕКТУРНО - РЕСТАВРАЦИОННЫЕ ШКОЛЫ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ. АРХИТЕКТУРНОЕ БЮРО СТУДИЯ 44. ЦЕНТРАЛЬНЫЕ НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТНЫЕ МАСТЕРСКИЕ (ЦНРПМ).

ЯВЕЙН НИКИТА ИГОРЕВИЧ (1954, Ленинград) — советский и российский архитектор, заслуженный архитектор России, действительный член Российской академии архитектуры и строительных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (Российской Академии художеств), руководитель Архитектурного бюро «Студия 44». Ведущие архитекторы реставраторы: Иван Г.В., Зенкевич В.А.

АРХИТЕКТУРНОЕ БЮРО СТУДИЯ 44. С. Петербург. Основано в 1991 г.

Основные задачи и особенности подходов: Высокую профессиональную репутацию "Студии 44" подтверждают более 60 престижных наград, в числе которых награды Международного фестиваля архитектуры (WAF), Государственная премия в области литературы и искусства, премия Правительства РФ в области культуры, премии Правительства Санкт-Петербурга в области литературы, искусства и архитектуры, высшие национальные награды в области архитектуры – "Хрустальный Дедал" и "Премия Владимира Татлина", главные призы Санкт-Петербургского смотра-конкурса "Архитектон" и Международного архитектурного фестиваля "Зодчество" (Москва).

Основные объекты: Регенерация Большого Гостиного Двора между его Невской, Садовой, Ломоносовской и Перинной линиями (Рис. 6,7,8); Реставрация и реконструкция Большого Гостиного Двора (Рис. 2,3,4); Реставрация и приспособление особняка Ю.К. Добберт под нужды Академии танца Б. Эйфмана (Рис. 9,10,11); Музейный комплекс Государственного Эрмитажа в Восточном крыле Главного штаба (Рис. 1,5).

КУЛИКОВ СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ (1955, Москва) Главный архитектор ФГУП «Центральные научно-реставрационные проектные мастерские», председатель Технического комитета «Культурное наследие» при Федеральном агентстве по нормативному регулированию и стандартизации (Росстандарт). Окончил МИСИ (1980). С 1981 - в ФГУП ЦНРПМ, ранее НИПМ в/о «Союзреставрация». Автор 35 проектов реставрации объектов культурного наследия, большая часть которых осуществлена, остальные в стадии реализации. С 1998 по 2005 г. федеральный архитектор-координатор по памятникам каменного зодчества Вологодской и Архангельской областей. **Ведущие архитекторы:** С.В. Демидов, Б.Е. Пастернак, и др.

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТНЫЕ МАСТЕРСКИЕ (ЦНРПМ) Москва, основанна в 1947 году.

Основные задачи и особенности подходов: Центральные научно-реставрационные проектные мастерские (ЦНРПМ) — старейшая и в настоящее время крупнейшая реставрационная организация России. За более чем 70-летнюю историю Мастерских накоплен огромный научный и практический багаж в области исследований памятников истории и культуры, разработки научно-проектной документации по реставрации и приспособлению объектов культурного наследия для современного использования. За свою долгую историю старейшей реставрационной организации удалось не потерять ведущих позиций.

Основные задачи: Архангельский Собор Московского Кремля (Рис. 1,2,3); Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь (Рис. 4,5,6); Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь Русской православной церкви (Рис. 7,8,9); Спасо-Андроников монастырь (Рис. 10,11,12).

Таблица 20. КАЛИНИНГРАДСКАЯ РЕСТАВРАЦИОННАЯ ШКОЛА. КРАСНОЯРСКАЯ РЕСТАВРАЦИОННАЯ ШКОЛА.

КАЛИНИНГРАДСКАЯ РЕСТАВРАЦИОННАЯ ШКОЛА

Основные задачи: Калининградская область богата историческими памятниками – объектами архитектуры, аналогов которых нет в России. В постсоветский период проводились реставрационно-восстановительные работы на замках. Позитивные тенденции наблюдаются в восстановлении сохранившихся усадеб и их хозяйственных комплексов. Имеются примеры консервации и восстановления переданных в религиозное использование кирх. В настоящее время в области реализуется программа, направленная на сохранение и реставрацию объектов культурного наследия, вовлечение их в туристическое использование и хозяйственный оборот. Достоинством программы является ее внимание к уникальным объектам региона – памятникам разнообразной типологии, в том числе, удаленным от центра.

Основные объекты: Здания янтарной мануфактуры (Рис. 1); Кенигсбергский собор (Рис. 2,5,6); Королевские ворота (Рис. 3,7); Рыбная набережная (Рис. 4,8).

КРАСНОЯРСКАЯ РЕСТАВРАЦИОННАЯ ШКОЛА

Основные объекты: Исторический квартал: Усадьба, 1910-е гг.: дом врача Гланца, в котором с апреля 1920 г. размещалась народная консерватория - первое музыкальное заведение. (Рис. 1); Дом О.К. Андреева (Рис. 2); Здание, где в 1907 — мае 1913 г. Работал первый председатель Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов Дубровинский Яков Федорович (Рис. 3); Ремесленная управа (Рис. 4); Усадьба С.В. Телегина (дерево), 1910-е гг.: флигель (Рис. 5); Усадьба С.В. Телегина (дерево), 1910-е гг.: дом жилой. (Рис. 6); Дом жилой 1908–1909 гг. (Рис. 7); Литературный музей (Рис. 8).

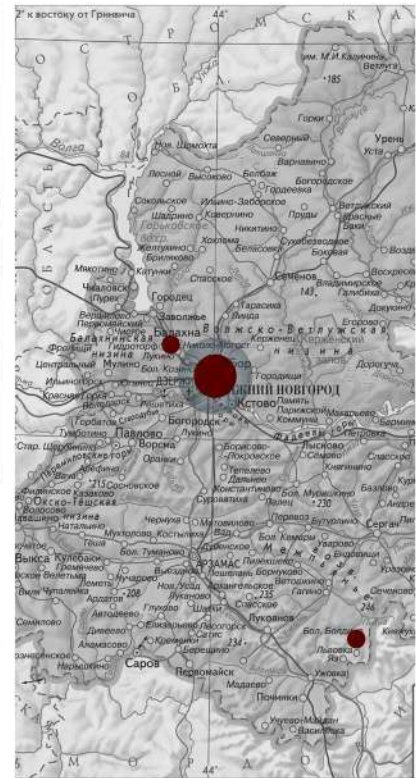
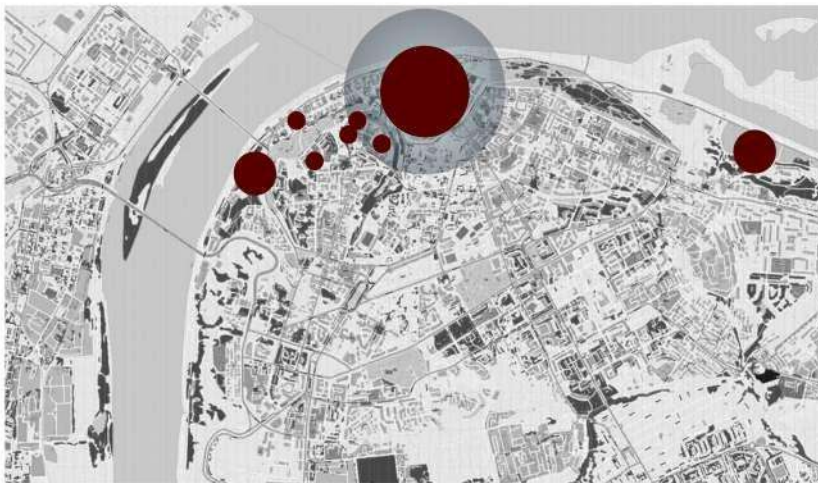
Основные задачи: На территории Красноярского края расположено 2015 объектов культурного наследия, сосредоточенных, в основном, в Красноярске, Енисейске, Ачинске, Минусинске, Канске. Последнее десятилетие в Красноярском крае характеризуется как время начала выхода из проблемного периода рубежа XX и XXI вв. Осуществляются важные шаги в сохранении исторического культурного ландшафта региона и его архитектурной самобытности.

Создана Комиссия по учету и охране памятников искусства.

» 1942

Таблица 21. ГОРЬКОВСКАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ. Период 1950 – 1960-х гг.

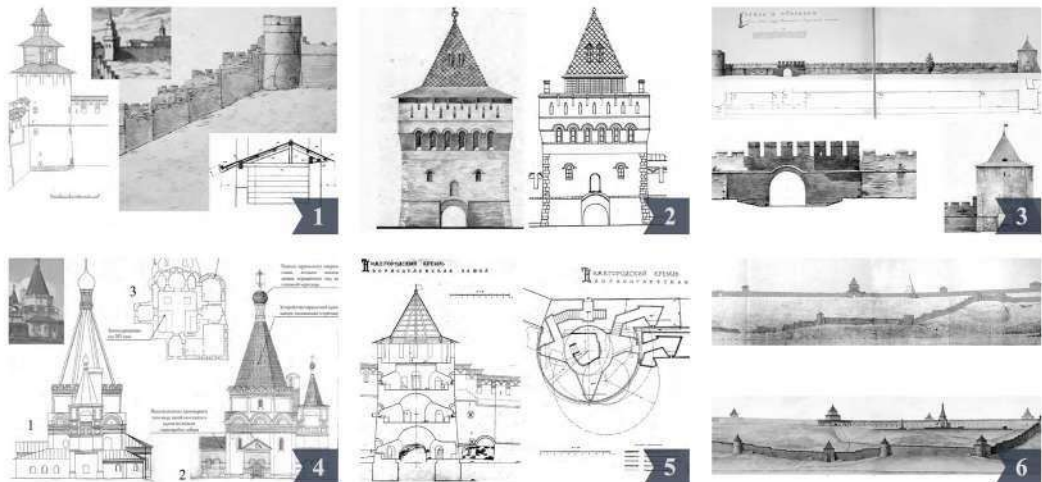
Период 1950 – 1960-х гг. связан с этапом становления и развития деятельности ГСНРПМ. Данный этап характеризовался включением в сферу реставрационной деятельности крупных архитектурных объектов, как правило, союзного значения, относящихся к XVI – XVII вв. Приоритетное положение занимала реставрация Нижегородского кремля, включавшая большой комплекс архитектурных и технических задач. В 1960-е гг. спектр реставрируемых объектов расширился, в него были включены наиболее значимые культовые и гражданские постройки Нижнего Новгорода: Архангельский собор Нижегородского кремля (1631 г.), Рождественская (Строгановская) церковь (кон. XVII — нач. XVIII вв.), Успенская церковь на Ильинской горе (1672 г.), палаты Пушкинова (Дом бургомистра Пушкинова, кон. XVII - нач. XVIII вв.), палаты А.Ф. Олисова (кон. XVII — нач. XVIII вв.) и Чатыгина (кон. XVII - нач. XVIII вв.). В Нижегородской области реставрировались Никольская церковь (1552 г.) и Спасская церковь 1668 г. в Балахне, главный дом усадьбы Пушкиных в Большом Болдино (пер. пол. XIX в.). С данным периодом связано начало исследований и реставрации крупных нижегородских монастырских комплексов: Благовещенского, Марьяевского монастырей.

АГАФОНОВ СВЯТОСЛАВ ЛЕОНИДОВИЧ (27 августа 1911 - 2002) — российский архитектор-реставратор и историк архитектуры. Заслуженный архитектор России (1984), лауреат Государственной премии РСФСР в области архитектуры (1989), почётный гражданин Нижнего Новгорода (1993). Основоположник горьковской реставрации.

ГОРЬКОВСКАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ. 1957 – 1990 ГГ. Период 1950 – 1960-х гг.

Основные объекты: стены и башни Нижегородского Кремля (реставрационные работы 1949 – 1956 гг., 1958 – 1961 г., 1962 – 1969 гг., арх. С.Л. Агафонов) (Рис. 1,2,3,5,6); Архангельский собор XVII в. в Нижегородском кремле (реставрация 1960 – 1962 гг.; арх. С.Л. Агафонов) (Рис. 4); Успенская церковь на Ильинской горе (реставрация 1965 – 1967 гг., арх. С.Л. Агафонов, Е.А. Окишев); Рождественская (Строгановская) церковь к. XVII – н. XVIII вв. (реставрация 1960 – 1964 гг., рук. С.Л. Агафонов, арх. В.Я. Чашин).

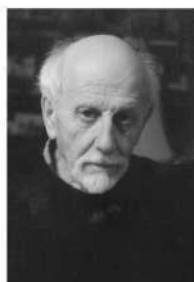
Особенности подходов: Инженерно-укрепительный характер работ (консервация) с фрагментарной реставрацией в рамках подготовительного этапа к проведению полноценных реставрационных работ. Ориентация на целостную реставрацию первоначального облика памятников в рамках аналитического метода с максимальным научным обоснованием.

» 1950

На фоне антирелигиозной политики последовало изменение отношения к наследию. Снятием многих памятников с государственной охраны, резким сокращением выделяемых на реставрацию средств.

» 1960-е

Таблица 22. ГОРЬКОВСКАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ. Период 1950 – 1960-х гг.

ЧАЩИН ВИКТОР ЯКОВЛЕВИЧ (1916 - 2014) реставратор. Основатель школы нижегородской реставрации. Основной руководитель: К.И. Рязанов (1958 – 1978 гг.); Н.И. Колчин (1978 – 1990 гг.). Профессиональный вклад в развитие архитектурно-реставрационной школы внесли: С.Л. Агафонов, Е.А. Окишев, В.В. Орельский, В.Д. Пегов, Л.И. Пименов, И.Б. Потапов, В.Я. Чашин, В.А. Широков, инженеры-конструкторы Е. Бойко, Н.Г. Дыньков, В.М. Костомарова, В.В. Равский, Б.С. Сперанский и другие.

ГОРЬКОВСКАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ. 1957 – 1990 ГГ.

Период 1950 – 1960-х гг.

Основные объекты: Палаты Пушкиных: Обмер, арх. Е.А. Окишев, 1963 г. (Рис. 2); Успенская церковь на Ильиной горе (Рис. 1); Благовещенский монастырь. (Рис. 3); Спасская церковь в Балахне. (Рис. 4,5); Рождественская церковь: Проект реставрации, автор - В.Я. Чашин, 1960 г. (Рис. 6,7);

ГОРЬКОВСКАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ. 1957 – 1990 ГГ.

Период 1950 – 1960-х гг.

Основные объекты: Макарьевский монастырь, стены и башни. (Рис. 1,6); Музей - заповедник А.С. Пушкина в с. Б. Болдино. Успенская церковь. (Рис. 2); Спасская церковь в Балахне. (Рис. 3); Макарьевский монастырь. Надвратная Архангельская церковь. (Рис. 5).

СУНДИЕВА ОЛЬГА ЕГОРОВНА архитектор-реставратор высшей категории, руководитель авторского коллектива ООО «Проект реставрации». Основатель школы нижегородской реставрации. Основной руководитель: К.И. Рязанов (1958 – 1978 гг.); Н.И. Колчин (1978 – 1990 гг.). Профессиональный вклад в развитие архитектурно-реставрационной школы внесли: С.Л. Агафонов, Е.А. Окишев, В.В. Орельский, В.Д. Пегов, Л.И. Пименов, И.Б. Потапов, В.Я. Чашин, В.А. Широков, инженеры-конструкторы Е. Бойко, Н.Г. Дыньков и др.

Консервация

Целостная реставрация

Освобождение от поздних слоев

Фрагментарная реставрация

Стилистическая реставрация

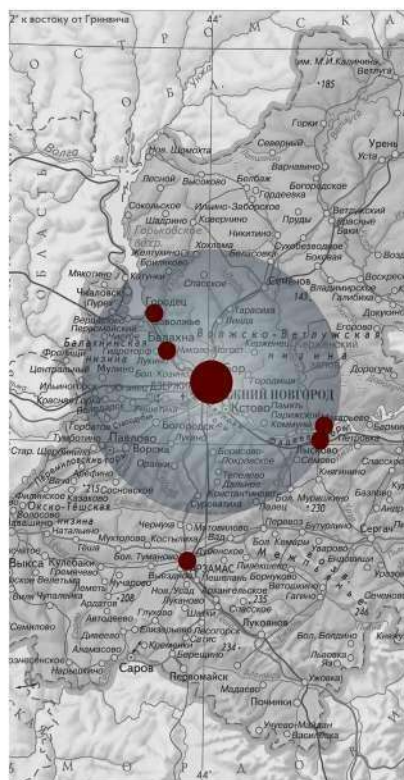
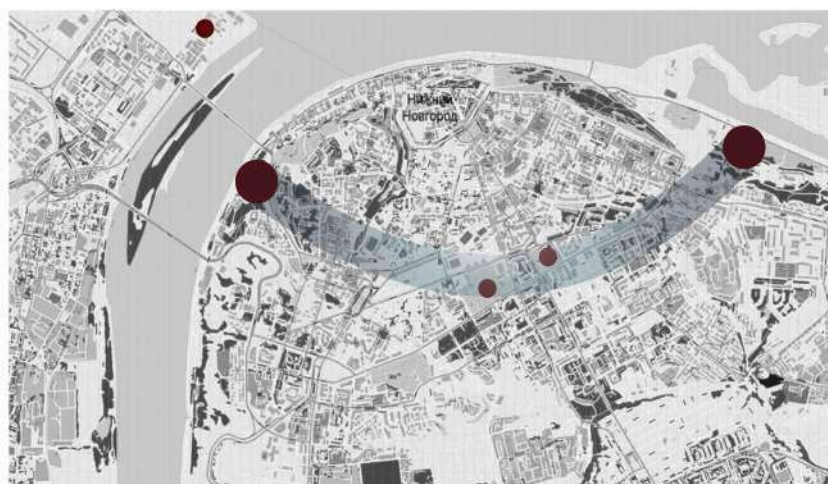
Сохран. подлинного материала

» 1960

» 1961

В этот год было закрыто 34 монастырей.

Таблица 23. ГОРЬКОВСКАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ. Период 1970 – 1980-х гг.

Период 1970 – 1980-х гг. связан с этапом активной деятельности ГСНРПМ. Характеризовался расширением спектра реставрационно-восстановительных работ, включением большого числа объектов XVIII – XIX вв. в Нижнем Новгороде и Нижегородской области, завершением циклов реставрационных работ на древнейших памятниках гражданского зодчества конца XVII – начала XVIII вв., начатые в предыдущий период. В спектр реставрируемых объектов Н. Новгорода вошли памятники культовой и гражданской архитектуры XVIII – XIX вв. (Петропавловская церковь, Собор Александра Невского на Стрелке, Нижегородский острог). Проводились работы по восстановлению памятников в комплексе как единых архитектурно - градостроительных ансамблей XVII в.: объекты Печерского монастыря, Благовещенского монастыря, Макарьевского монастыря. С 1980-х гг. отмечалось некоторое сокращение масштабов реставрационных работ на объектах города и увеличение объемов работ в области. Значимыми объектами реставрации стали памятники культовой архитектуры XVIII – XIX вв.: церковь Богоявления Никольского монастыря Ильинская церковь, Рождественская церковь в городе Арзамасе, Вознесенская церковь в городе Лысково, архитектурный ансамбль церквей в селе Николо - Погост ГорODEцкого района.

САМОЙЛОВ ЮРИЙ ГЕНАДЬЕВИЧ (18 февраля 1931 – 25 ноября 2000)
Доцент, профессор, кандидат архитектуры, заведующий кафедрой истории архитектуры и основ архитектурного проектирования. В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Архитектура русского народного жилища Горьковской области XIX – первой половины XX веков». Результатом научной работы по исследованию нижегородской деревянной архитектуры стал Музей архитектуры и быта народов Нижегородского Поволжья.

ГОРЬКОВСКАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ. 1957 – 1990 ГГ. Период 1970 – 1980-х гг.

Основные объекты: Палаты Чатыгина Дом Петра 1. Обмер, арх. В.В. Орельский, И.Б. Потапов, 1960 г. (Рис. 1); Палаты Олисова. Обмер Арх. Е.А. Окишев, В.Д.Пегов, 1963 г. (Рис. 2); Благовещенский монастырь. Палаты. (Рис. 3.6); Музей архитектуры и быта народов Нижегородского Поволжья. (Рис. 4); Музей заповедник А.С. Пушкина с. Б.Болдино. Кухня. Крестьянская изба (Рис. 5).

Особенности подходов: Развитие базовых реставрационных принципов предыдущего периода 1950-х – 1960-х гг.: стремление к научной обоснованности, реставрация в рамках аналитического метода (по сохранившимся натурным следам, выявленным в процессе раскрытий), идентичная реставрация по сохранившимся фрагментам и деталям, реконструкция утраченных форм методом графоаналитических построений и на основе анализа физико-химических и конструктивных свойств материалов.

» 1970

» 1965

Было отчуждено около 35 % православных храмов. Возникла проблема вымирания «неперспективных» деревень с традиционной культурой.

Таблица 24. ГОРЬКОВСКАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ. Период 1970 – 1980-х гг.

ШИРОКОВ ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ Архитектор-реставратор. Автор восстановления более трёхсот объектов культурного наследия. С 1971 года работал архитектором Горьковской специальной научно-реставрационной производственной мастерской. Затем был главным архитектором Горьковского епархиального управления и ряда других проектных организаций. Основной руководитель: К.И. Рязанов (1958 – 1978 гг.), Н.И. Колчин (1978 – 1990 гг.). Профессиональный вклад: И.С. Агафонова, В.М. Кагоров, Е.Л. Кармазина, А.И. Курлин, В.А. Лапин, Е.А. Окшешев, Л.И. Пименов, З.Г. Погодина, Ю.Г. Самойлов, С.Н. Столяренко, О.Е. Сундиева, Н.Н. Фролова, В.Я. Чашин, В.А. Широков и др.

ГОРЬКОВСКАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ. 1957 – 1990 ГГ.

Период 1970 – 1980-х гг.

Основные объекты: Благовещенский монастырь. Сергиевская церковь. (Рис. 1,5); Церковь Рождества Христова в Арзамасе (Рис. 2); Печерский монастырь. Надвратная церковь Ефимия Суздальского. (Рис. 4); Благовещенский монастырь. Успенская трапезная ерковь (Рис. 3,6).

КАГОРОВ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ Архитектор-реставратор. Автор восстановления ряда объектов культурного наследия г. Горького. С 1971 года работал архитектором Горьковской специальной научно-реставрационной производственной мастерской. Доцент кафедры ФГБУВО «ННГАСУ». Основной руководитель: К.И. Рязанов (1958 – 1978 гг.), Н.И. Колчин (1978 – 1990 гг.). Профессиональный вклад в развитие архитектурно-реставрационной школы внесли: архитекторы И.С. Агафонова, В.М. Кагоров, Е.Л. Кармазина, А.И. Курлин, В.А. Лапин, Е.А. Окшешев, Л.И. Пименов, З.Г. Погодина, Ю.Г. Самойлов, С.Н. Столяренко, О.Е. Сундиева, Н.Н. Фролова, В.Я. Чашин, В.А. Широков и др.

ГОРЬКОВСКАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ. 1957 – 1990 ГГ.

Период 1970 – 1980-х гг.

Основные объекты: Владимирская церковь в с. Николо-Погост, Городецкий р-н. (Рис. 1); Спасо - Преображенский собор в Городец (Рис. 2); Вознесенский собор в Лыскове (Рис. 4); Макарьевский монастырь. Троицкий собор. (Рис. 5.)

Таблица 25. ЗАО ТИК «СТАРЫЙ НИЖНИЙ НОВГОРОД». НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ «ЭТНОС».

ВАЛЕРИЙ ПАВЛОВИЧ КАМАЛЬДИНОВ

В проектах мастерской принимали участие: Видманов И.Б. (гл. арх.), Зельдина, Канатов, Иняев А.А., Хвиль Т., Толкачев, Финникова Н.Г., Фалеева И.П., Жукова Е.Н., Игнатъева О.А., Гречанова и другие специалисты.

ЗАО ТИК «СТАРЫЙ НИЖНИЙ НОВГОРОД» создана в 1994 г. (ген.директор Валерий Павлович Камальдинов).

Основные объекты: Абабковский Николаевский Георгиевский женский монастырь, 2005 г. (Рис. 7,8); Главный дом Усадьбы С.М. Рукавишника на Верхне-Волжской набережной, 2007 - 2010 гг. (Рис. 1); Нижегородский кремль Казарма гарнизонного батальона, 2006 г. (Рис. 9,10); Соборная мечеть г. Н.Новгорода (Рис. 2); Феодоровская церковь Городецкого Феодоровского мужского монастыря, 2002 г. (Рис. 3,4); Зачатьевская башня Нижегородского Кремля, 2010 г. (Рис. 5,6).

Концепции (подходы): комплексный характер реставрационных работ, формирование и развитие проектно-реставрационной мастерской на базе изначально созданного производственного предприятия по восстановлению и реконструкции исторической застройки города.

Консервация

Целостная реставрация

Освобождение от поздних слоев

Аналитическая реставрация

Сохран. подлинного материала

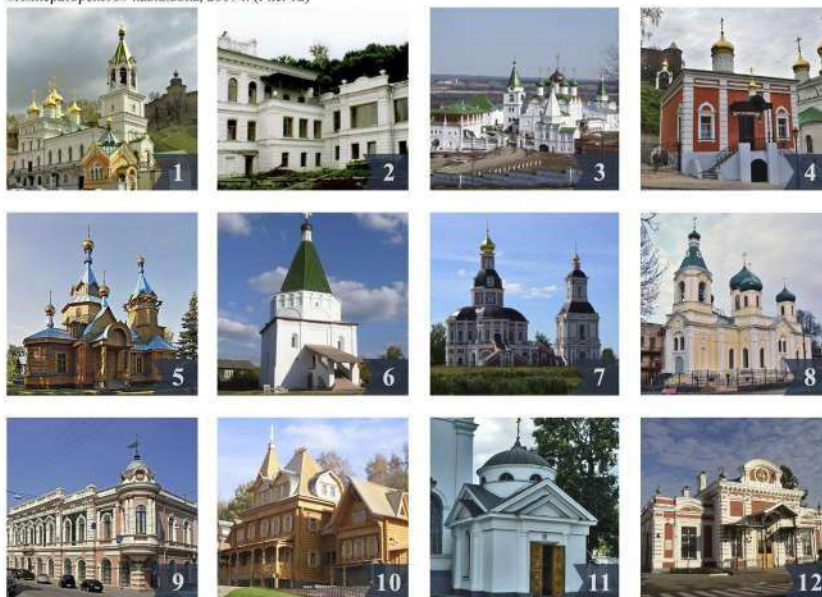

АГАФОНОВА ИРИНА СВЯТОСЛАВОВНА

главный архитектор, основано в 1990 г. на базе научно-исследовательской лаборатории прикладных историко-культурных исследований (НИЛ ПИКИ) под руководством Ф.В. Васильева (в 2000-е гг. – директор М.Ю. Пухов). В разработке проектов мастерской в различные периоды участвовали архитекторы и научные сотрудники: И. С. Агафонова (главный архитектор), А.Ю. Абросимова, Ф.В. Васильев, Е.И. Васильева, П.Ю. Трошев, О.С. Громогласова, А.И. Давыдов, А.А. Давыдова, О.В. Дегтева, С.В. Дмитриевский, Е.Д. Донская, Ю.С. Жилина, Б.П. Калашников, И.А. Калентьева, В.В. Краснов, О.Н. Кузнецова, А.В. Малышева и другие специалисты.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ «ЭТНОС» основано в 1990 г. (главный архитектор Агафонова Ирина Святославовна).

Основные объекты: Архирейские палаты Нижегородского Вознесенского Печерского Монастыря, 2004 – 2007 гг. (Рис.3); Усадьба М.П. Воловцовой – М.П. Солина в Мельничном переулке, 3 1994 г., 1999 – 2002 гг., (Рис. 2); Ансамбль церкви Иоанна Предтечи и Спасской часовни на Нижнем Посаде, 1992 – 1993 гг., 2005 г. (Рис. 1,4); Никольская церковь бывшего Покровского монастыря г. Балахна, 2006 г. (Рис. 6); церковь Иоанна Предтечи с. Хирино, 2005 г. (Рис. 7); Церковь Трех Святителей на ул. Короленко 1989 – 1990 гг., 2000 г. (Рис. 8); Церковь Иконы Божией Матери Знамение, 2005 г. (Рис. 5); Волжско-Камский банк на ул. Рождественской, 27, 2001 г. (Рис. 9); туристический комплекс Города мастеров г. Городец, 2008 г. (Рис. 10); Часовня – усыпальница над местом упокоения митрополита Нижегородского и Арзамасского Николая, 2002 г. (Рис. 11); Здание царского «Императорского» павильона, 2009 г. (Рис. 12)

Целостная реставрация

Фрагментарная реставрация

Средовой подход

Консервация

Музеефикация

Концепции (подходы): широкий круг задач, включивший, помимо научно-реставрационных работ, исследования в области этнографии Нижегородского края, концептуальные разработки в сфере музейного строительства с применением традиций народного деревянного зодчества, сохранения и реновации исторических территорий, возрождения культурного ландшафта, масштабную научно-практическую и общественную работу, в том числе, в области решения законодательных проблем охраны памятников.

Таблица 26. МАСТЕРСКАЯ НА БАЗЕ НИЖЕГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА «ННГАСУ». НИЖЕГОРОДСКИЙ НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЦЕНТР «ПРАКТИКА».

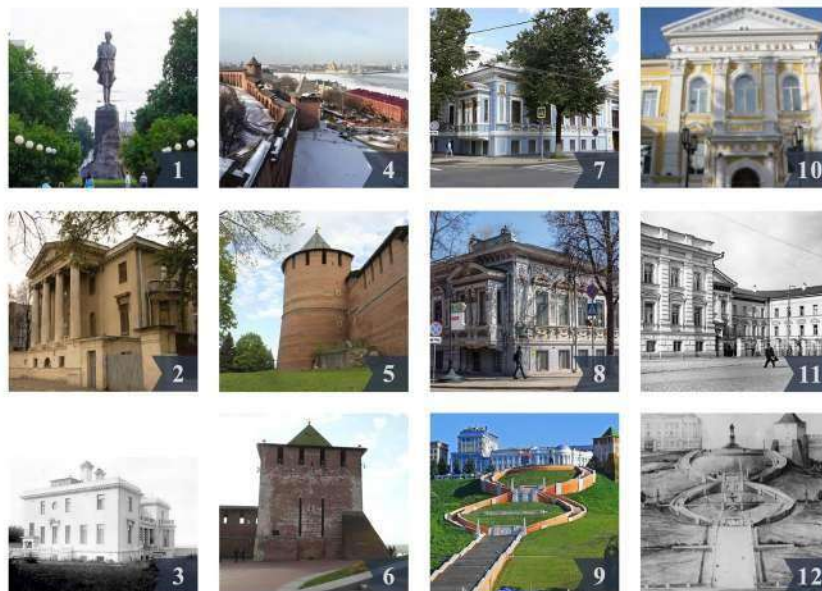

ГЕЛЬФОНД АННА ЛАЗАРЕВНА (1956) – доктор архитектуры, профессор, член-корреспондент Российской Академии архитектуры строительных наук, заведующая кафедрой архитектурного проектирования Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета (ННГАСУ), главный архитектор Архитектурной мастерской ННГАСУ. Архитектор реставратор высшей категории. Автор более 250 научных трудов. Автор более 100 проектов. Состав коллектива: Соболев И.С. Руководитель работы, Гельфонд А.Л. ГАП, Шапошников А.А. ГИП, Иванов Д.И. Архитектор, Жданов Е.С. Архитектор, Зотов Д.И. Инженер, Мартос В.В. Инженер, Будилина А.В. Инженер и др.

МАСТЕРСКАЯ НА БАЗЕ НИЖЕГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА «ННГАСУ»

ректор Лапшин А.А.

Основные объекты: Памятник Максиму Горькому, 2018 г. (Рис. 1), Особняк Каменской в Н. Новгороде, 2018 г. (Рис. 2,3); Ансамбль Нижегородского кремля: стены и башни, 2018-2020 гг. (Рис. 4,5,6); Дом Бурмистровой с интерьером в Н. Новгороде, 2019 г. (Рис. 7,8); Здание Окружного суда в Н. Новгороде, 2005 г. (Рис. 10,11); Чкаловская лестница в Н. Новгороде, 2020 г. (Рис. 9,12).

Концепции (подходы): связь и взаимодействие архитектурной науки и реставрационной практики как важный инструмент образовательного процесса; научно-исследовательские работы; комплексные реставрационные работы с применением научных разработок в области конструктивно-технических решений.

ШУМИЛКИН СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ (1952) – архитектор, доктор архитектуры, профессор ННГАСУ. Последователь архитектурной школы Московского архитектурного института по направлению «История архитектуры и градостроительства». Автор более 10 проектов реставрации памятников архитектуры в Н. Новгороде и Нижегородской области. Автор более 100 научных работ. В проектах мастерской принимали участие архитекторы В.В. Коваль, В.М. Кагоров, В.Н. Котов, В.А. Караванкин, В.В. Широков, А.С. Шумилкин, М.С. Шумилкин, С.М. Шумилкин и другие специалисты.

НИЖЕГОРОДСКИЙ НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЦЕНТР «ПРАКТИКА» основана в 1991 г. директор С.К. Забелин

Основные объекты: Летняя дача Бугрова в Володарске, 2002-2006 гг. (Рис. 1,2,3); Здание Блиновского пассажа на ул. Рождественской г. Н. Новгород, 2004 г. (Рис. 4,5); Жилой дом на ул. Ильинская г. Н. Новгород, 2018 г. (Рис. 6); Дом Петелина г. Городец, 2008 г. (Рис. 7,8); Никольская церковь в Высоковском Успенском монастыре, 1998 г., 2005 г. (Рис. 9); Гордеевская церковь г. Н. Новгород, 2006 г. (Рис. 10,11,12)

Концепции (подходы): научно-исследовательская деятельность, реставрационно-восстановительные работы на памятниках культовой и гражданской архитектуры Нижнего Новгорода и Нижегородской области, в том числе, объектах деревянной архитектуры.

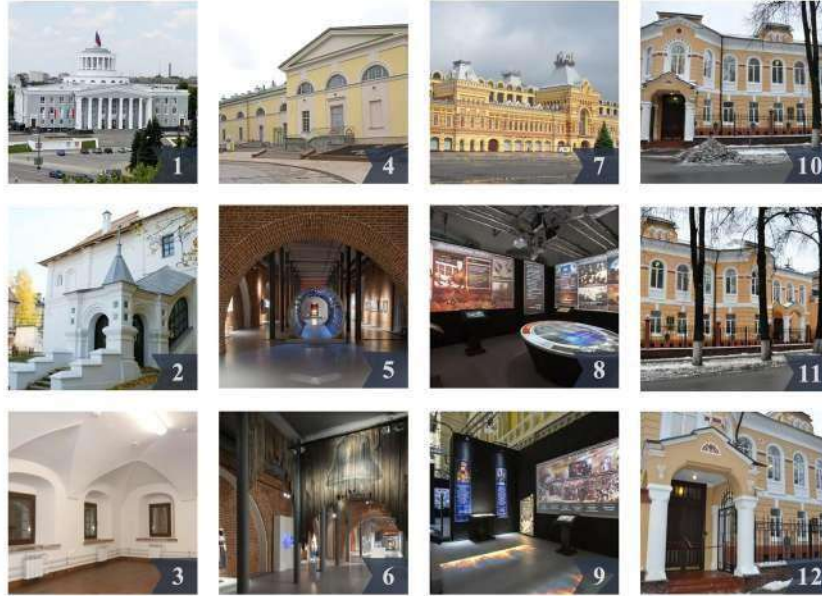
Таблица 27. ЗАКРЫТОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО «СМУ-77». АРХИТЕКТУРНОЕ БЮРО «ЭТЮД».

МОЛОКАНОВ ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ. Руководитель мастерской «СМУ-77». Член ICOMOS. Эксперт по проведению государственной историко-культурной экспертизы. Трижды Лауреат Премия города Нижнего Новгорода. Автор более 50 проектов реставрации на территории Нижегородской области. Авторский коллектив: Молоканов В.А. руководитель работ Астафьев Д.С. ГИП Пуртова В.А. ГАП

ЗАКРЫТОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО «СМУ 77» Гендиректор Молоканов Владимир Анатольевич, основан в 1991 и создано отделение НП «Росрегионреставрация»

Основные объекты: Дворец культуры химиков г. Дзержинск, 2008 г. (Рис. 1); Дом Чатыгина «Дом Петра I» г. Н. Новгород, 2017-2018 гг. (Рис. 2,3); Здание Арсенала в Нижегородском кремле г. Н. Новгород, 2007-2014 гг. (Рис. 4,5,6); Здание Главного ярмарочного дома г. Н. Новгород, 2017-2018 гг. (Рис. 7,8,9); Здание, где в 1918 - 1922 гг. размещалась Нижегородская губернская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем г. Н. Новгород, 2017 г. (Рис. 10,11,12)

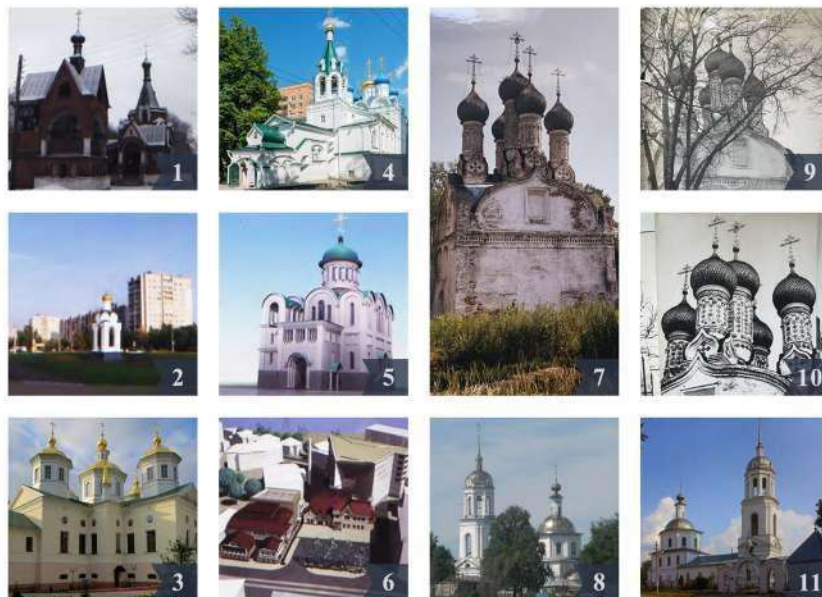
Концепции (подходы): комплексный характер производства реставрационно-восстановительных работ и работ по приспособлению для современного использования объектов культурного наследия Нижнего Новгорода.

КУДРЯШОВ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ (1971 г.) 1972-1975 г. работает архитектором в Нижегородградпроект под руководством С.А.Тимофеева и Нелюбина. С 1980 г. работает архитектором - рук. группы, гл. специалистом в отделе Новосильцева. В проектах мастерской принимали участие: В. А. Широков, А. Чельшев, Е.Н. Вандышев, А.Н. Кураин и другие специалисты.

АРХИТЕКТУРНОЕ БЮРО «ЭТЮД» Руководитель Кудряшов Николай Павлович, основано в 1995 г.

Основные объекты: Церковь всех святых в Марьиной роше г. Н. Новгород, 2004 г. (Рис. 1); Киот в г. Дзержинск, 2009 г. (Рис. 2); Крестовоздвиженский собор Крестовоздвиженского монастыря г. Н. Новгород, 2005 г. (Рис. 3); Церковь Жен Мироносиц г. Н. Новгород, 2007 г. (Рис.4); Храм Святой Троицы по ул. Фучика г. Н. Новгород, 2008 г. (Рис. 5); Усадьба Смирновой ул. Ильинская д. 44, 2008 г. (Рис. 6); Церковь Успения Крутой пер. г. Н. Новгород (Рис. 7,9,10); Троицкая церковь в р.п. Тумботино, 2007 г. (Рис. 8, 11)

Концепции (подходы): научно-исследовательские, проектно-изыскательские, реставрационно-восстановительные работы преимущественно на памятниках культовой и гражданской архитектуры Нижнего Новгорода.

Таблица 28. ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «АСГАРД». ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «АР ГРУПП».

ШУМИЛКИН АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ, 1984, кандидат архитектуры, Руководитель мастерской «АСГАРД». Архитектор-реставратор высшей категории. Член ИКОМОС. Эксперт по проведению государственной историко-культурной экспертизы. Более 60 научных трудов по проблеме становления архитектуры Н.Новгорода XVIII - XX вв. и проблеме развития российской реставрации. Доцент ФГБОУ ВО «ННГАСУ». Лауреат Премия города Нижнего Новгорода 2016 г. Автор более 50 проектов реставрации по территории России. Авторский коллектив: Ключников А.Н. руководитель работ, Шумилкин А.С. научный руководитель, Ткачева М.Л. ГИП, Макарычева Ю.В. ГАП и др.

ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «АСГАРД» основана в 2006 г. директор А.Н. Ключников

Основные объекты: Клуб Красное Знамя г. Рязань, 2013 г. (Рис. 1,2); Дом В.М. Бурмистровой с интерьером, 2018 г. (Рис. 3); Усадьбно - промышленный комплекс Баташевых. Водонапорная башня Шухова г. Выкса, 2018 г. (Рис. 4); Здание Благородного собрания г. Рязань, 2013 г. (Рис. 5,10); Театр Оперы и балета имени А.С. Пушкина г. Н. Новгород, 2018 г. (Рис. 6); Дача Бугрова г. Володарск, 2006 г. (Рис.7); Дом со шпилем г. Дзержинск, 2008 г. (Рис. 8); Водочный завод г. Рязань, 2016 г. (Рис. 9).

Концепции (подходы): преемственность основным принципам научной реставрации; научно-исследовательские работы; комплексные реставрационные работы и приспособление для современного использования объектов культурного наследия Нижнего Новгорода и Нижегородской области, а также памятников в других регионах страны; разработка оригинальных реставрационных решений.

КОВАЛЬ ВИКТОР ВИКТОРОВИЧ. Руководитель мастерской «АР-групп». Архитектор-реставратор высшей категории. Член ИКОМОС. Эксперт по проведению государственной историко-культурной экспертизы. После окончания института работал в Государственном научно-производственном Центре по охране и использованию памятников истории и культуры, затем в Комитете по охране и использованию историко-культурного наследия Нижегородской области. Авторский коллектив: Коваль В.В. руководитель работ, ГАП, Широков В.В. архитектор, Титов Э.Н. архитектор, Мочалов Д.В. инженер, Вандышев Е.Н. научный сотрудник, Кириллов А.В. инженер и др.

ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «АР ГРУПП» главный архитектор Коваль Виктор Викторович.

Основные объекты: Игуменский корпус Серафимо-Дивеевского монастыря с. Дивеево, 2008 г. (Рис. 1); Церковь Рождества Христова г. Арзамас, 2019 г. (Рис. 2); Сергиевская церковь г. Н. Новгород, 2012 г. (Рис. 3); Преображенский собор Серафимо-Дивеевского монастыря с. Дивеево, 2017 г. (Рис. 4); Трапезная церковь во имя Александра Невского Серафимо Дивеевского монастыря с. Дивеево, 2019 г. (Рис. 5); Дом Т.А. Войткевич - В.Г. Пачкунова г. Н. Новгород, 2020 г. (Рис. 7); Казанская церковь Серафимо-Дивеевского монастыря с. Дивеево, 2019 г. (Рис. 8); Воложанка Серафимо-Дивеевского монастыря с. Дивеево, 2018 г. (Рис. 9); Церковь Воскресения Христова на ул. Шевченко г. Н. Новгород, 2020 г. (Рис. 11); Собор Рождества Пресвятой Богородицы г. Н. Новгород, 2020 г. (Рис. 12)

Концепции (подходы): научно-исследовательские работы, комплексные реставрационные работы, работы по приспособлению для современного использования, воссоздание памятников Нижнего Новгорода и Нижегородской области, в том числе, объектов культовой архитектуры в составе крупных ансамблей монастырского зодчества.

Таблица 29. ТАБЛИЦА ВИДОВ, МЕТОДОВ И ПРИЕМОМ АРХИТЕКТУРНОЙ РЕСТАВРАЦИИ.

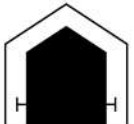

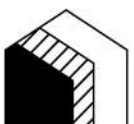

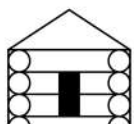
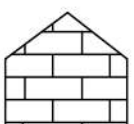

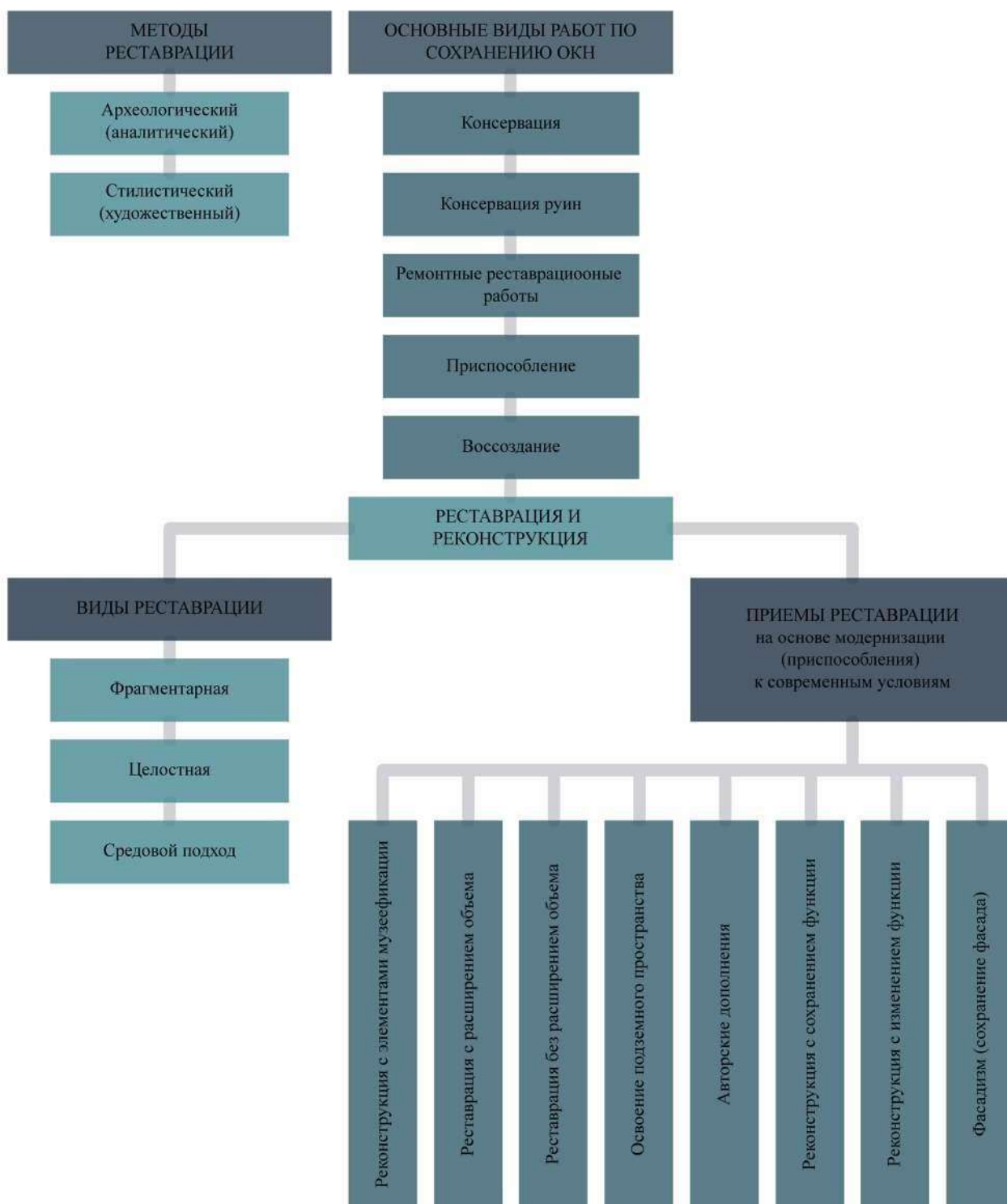
19	 <p>СТИЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСТАВРАЦИЯ</p>	 <p>СИНТЕТИЧЕСКАЯ РЕСТАВРАЦИЯ</p>	 <p>АНАЛИТИЧЕСКАЯ РЕСТАВРАЦИЯ</p>
	 <p>РЕСТАВРАЦИЯ XX ВЕКА</p>	 <p>ОТКАЗ ОТ РЕСТАВРАЦИИ НА ОПТИМ. ДАТУ</p>	 <p>КОЛЛЕГИАЛЬНОСТЬ РЕШЕНИЙ</p>
	 <p>ТОЧЕЧЕАЯ РЕСТАВРАЦИЯ</p>	 <p>ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ РЕСТАВРАЦИЯ</p>	 <p>СКАНЦЕНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕСТАВРАЦИЯ</p>
20	 <p>ВОССОЗДАНИЕ</p>	 <p>КОНСЕРВАЦИЯ</p>	 <p>ЦЕЛОСТНАЯ РЕСТАВРАЦИЯ</p>
	 <p>ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНАЛОГОВ</p>	 <p>АНСАМБЛИЕВОСТЬ</p>	 <p>ПОИСК ПУТЕЙ ПРИСПОСОБЛЕНИЯ</p>
	 <p>ВОССОЗДАНИЕ ИНТЕРЬЕРОВ</p>	 <p>ПОСЛОЙНАЯ РЕСТАВРАЦИЯ</p>	 <p>НАУЧНАЯ РЕСТАВРАЦИЯ</p>
21	 <p>РЕСТАВРАЦИЯ ДЕРЕВ. ЗОДЧЕСТВА</p>	 <p>ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРАДИЦИОН. КОНСТРУКЦИЙ</p>	 <p>СТАТИСТИЧЕСКАЯ РЕСТАВРАЦИЯ</p>

Таблица 30. МЕТОДЫ РЕСТАВРАЦИИ. ОСНОВНЫЕ ВИДЫ РАБОТ ПО СОХРАНЕНИЮ ОКН.

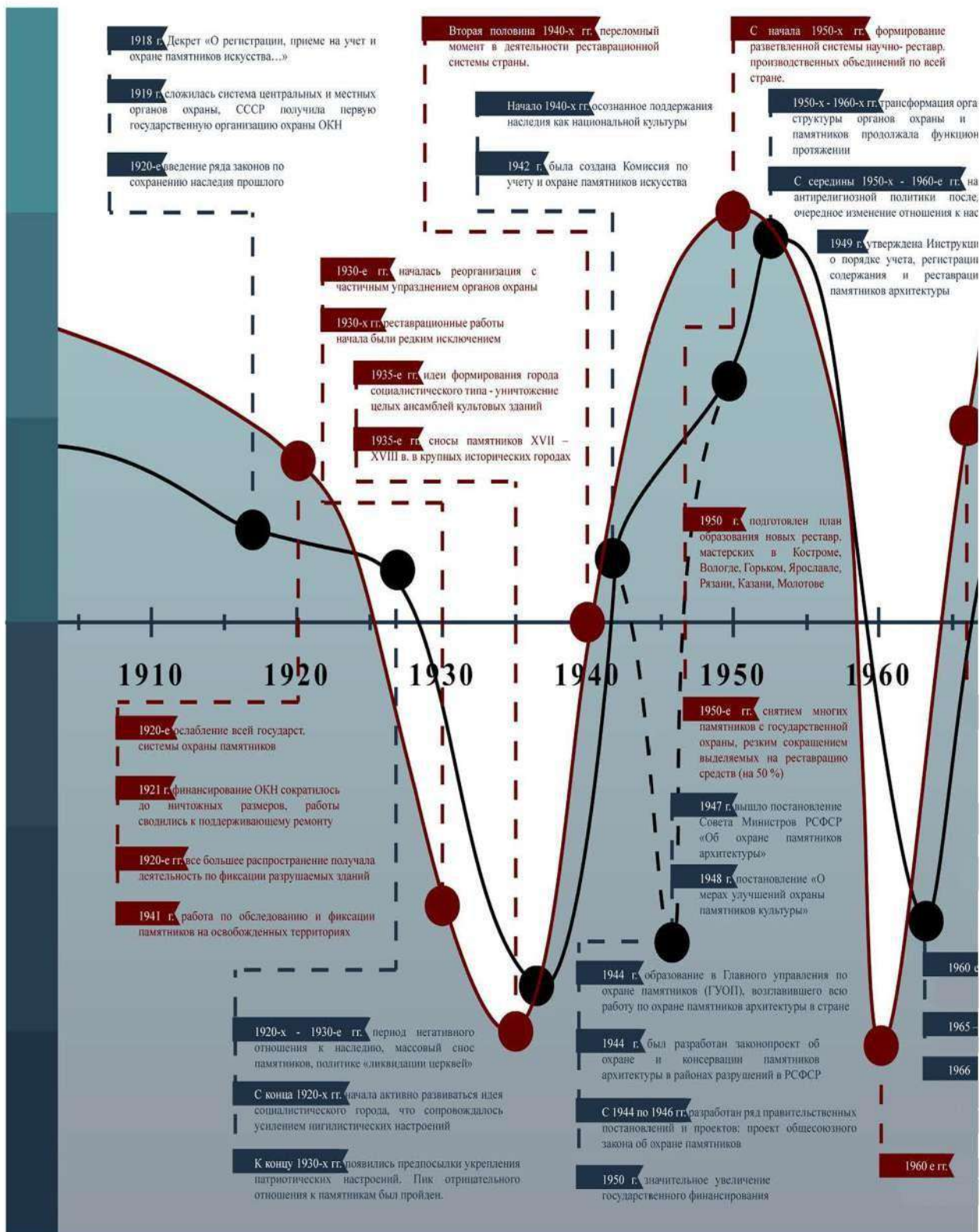
» 1970-е – 1980-е

Стал временем достижения заметных успехов в реставрации и охране наследия. Работа с памятниками в эти годы приобрела более комплексный характер.

Таблица 31. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ СОХРАНЕНИЯ И РЕСТАВРАЦИИ ОКН.

01	ПРОБЛЕМЫ государственного регулирования и функциональной организации сферы сохранения и реставрации объектов культурного наследия	Утрата сложившегося механизма сохранения культурного наследия; Утрата целостной системы научной реставрационной деятельности; Переход научной реставрации в состав строительного комплекса; Ослабление государственного контроля за сферой охраны наследия.
02	ПРОБЛЕМЫ Законодательно-правовые проблемы, нормативное обеспечение научно-реставрационного проектирования	Разрушение нормативной базы реставрации; Усложнение законодательной базы; Расхождения нормативной и правовой базы в области сохранения; Подчинение реставрационной сферы строительным нормам; Утрата понимания памятника как целостного объекта; Отсутствие актуальной сметно-нормативной базы для сохранения.
03	ПРОБЛЕМЫ Проблемы финансирования	Отсутствие регулярного планирования бюджета по сохранению; Неравномерность в распределении средств бюджета; Неэффективность конкурсной системы выбора поставщика услуг; Диктат частного заказчика при проведении реставрационных работ; Недостаточность финансирования – проблема качества работ.
04	ПРОБЛЕМЫ Методологические проблемы	Утрата фундаментальных основ реставрационной методологии; Искажение основополагающих принципов реставрационной деятельности; Ориентация на воссоздания памятника в рамках «иконографического» подхода; Формализация условия сохранения «предмета охраны»; Практика вольных дополнений и перестроек в рамках современного проектирования; Низкая степень сохранности планировок и интерьеров.
05	ПРОБЛЕМЫ Проблемы кадрово-профессионального обеспечения в сфере сохранения объектов культурного наследия	Уничтожение системы государственных реставрационных организаций; Вытеснение реставрационных организаций строительными компаниями; Утрата решения реставрационных задач профессиональным сообществом; Низкая степень владения нормами современного проектирования среди специалистов в области работы с ОКН; Проблема «вымывания» профессиональных кадров; Утрата преемственности передачи профессионального опыта и традиции.
06	ПРОБЛЕМЫ Проблемы реставрационно-производственной базы, реставрационных материалов и технологий в практике производства работ	Снижение качества производства реставрационных работ за счет снижения качества материалов, неквалифицированной рабочей силы; Конфликт требования максимального сохранения исторической достоверности конструкций; Пренебрежительное отношение к древним скрытым конструкциям деталям памятника; Отсутствие условий проведения наукоемких исследований.
07	ПРОБЛЕМЫ Проблемы содержания и использования объектов культурного наследия	Отсутствие действенного механизма контроля за сохранением и содержанием объектов культурного наследия; Проблема включения объектов культурного наследия в современный отечественный рынок (туристический рынок, рынок жилья); Проблема включения памятников в хозяйственный оборот с изменением их исторической функции.

Таблица 32. КАРТИНА ЭВОЛЮЦИИ ОТНОШЕНИЯ К СОХРАНЕНИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ В XX - НАЧАЛЕ XXI ВВ. (НАЧАЛО)

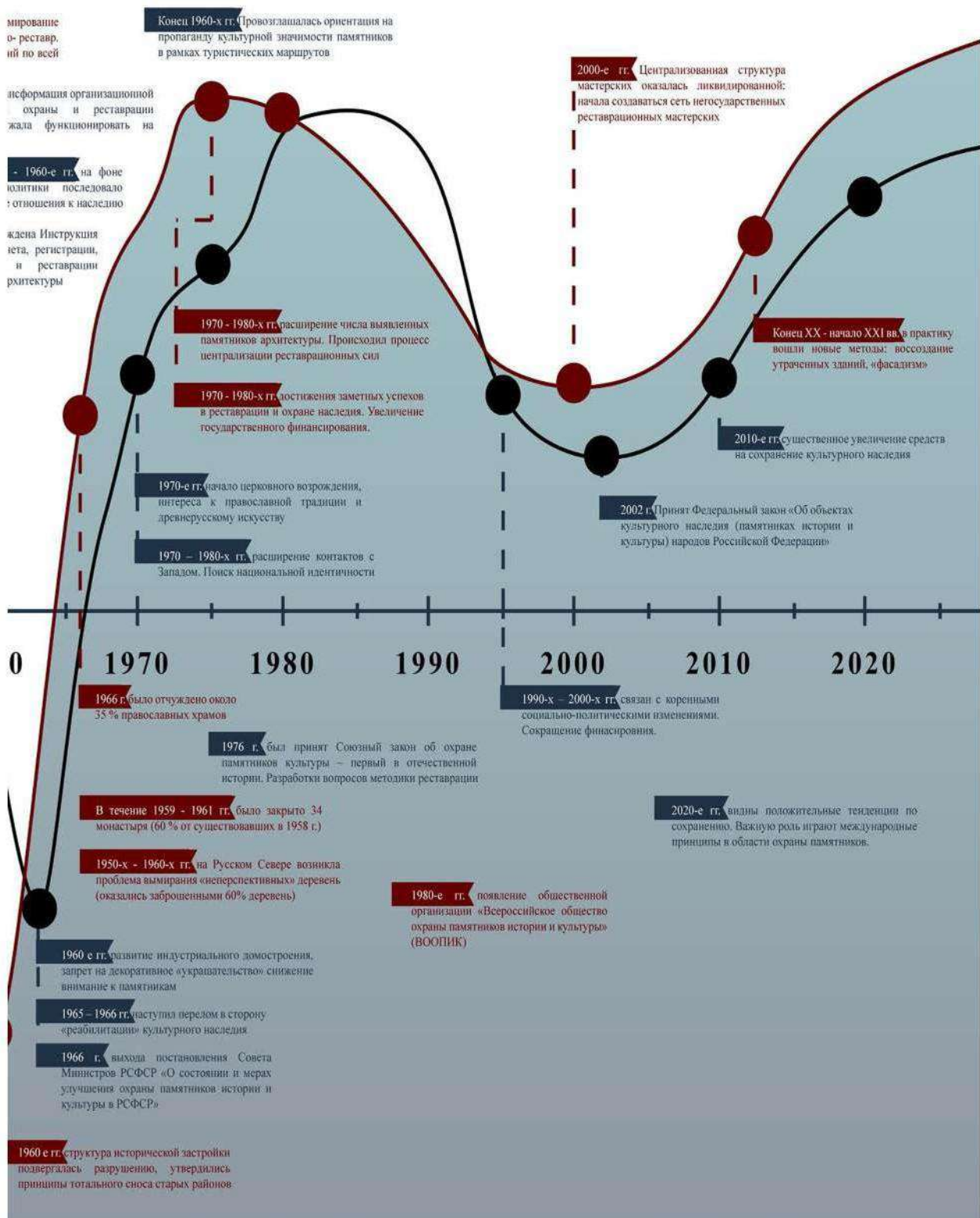
Был принят Союзный закон об охране памятников культуры – первый в отечественной истории.

» 1976

Расширение контактов с Западом. Общественные движения, связанные с поиском национальной идентичности.

» 1970-е – 1980-е

Таблица 32. КАРТИНА ЭВОЛЮЦИИ ОТНОШЕНИЯ К СОХРАНЕНИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ В XX - НАЧАЛЕ XXI ВВ. (ОКОНЧАНИЕ)

» 1990-е – 2000-е

Год связан с коренными социально-политическими изменениями. В этих условиях остро ощущалась проблема законодательного обеспечения сохранения объектов культурного наследия. Ликвидирована государственная система реставрационных мастерских.

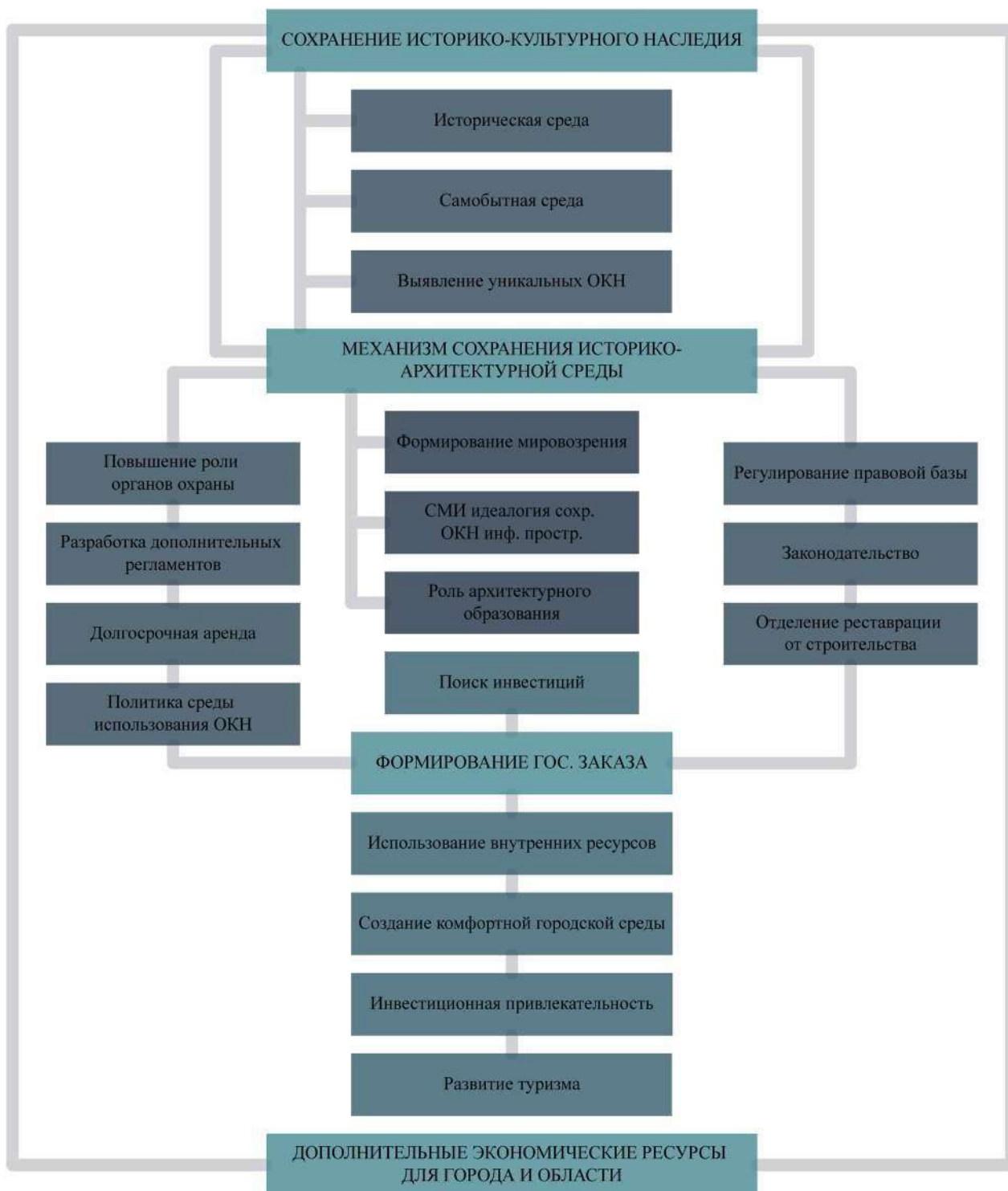
» 2002

Введен Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Таблица 33. КОНЦЕПЦИЯ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В НАЧАЛЕ XXI В.

Таблица 34. СТРАТЕГИЯ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В НАЧАЛЕ XXI В.

начало XXI вв.

Отчетливо выявляются определенные периоды смены отношения к наследию, обусловленные общей политической ситуацией в стране.

Таблица 35. ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ В СФЕРЕ СОХРАНЕНИЯ И РЕСТАВРАЦИИ ОКН.

01	ЗАДАЧИ Проработка вопросов организации сферы охраны культурного наследия и осуществления реставрационной деятельности на различных уровнях государственного управления	Важным условием вывода отрасли из кризиса является систематизация деятельности по охране и реставрации объектов культурного наследия и формирование единой согласованной государственной структуры управления. Значимой мерой восстановления фундаментальных основ реставрационной отрасли является восстановление организационной структуры Федеральным научно-методическим советом.
02	ЗАДАЧИ Комплексная проработка законодательно-правового обеспечения в сфере сохранения и использования объектов культурного наследия, формирование нормативной базы научно-рест. пр-я	Законодательно-правовая база, регулирующая охрану исторической застройки и градостроительную деятельность на федеральном уровне, нуждается в более четкой системной проработке и снабжении действенными инструментами влияния. Необходимо совершенствование системы ценообразования. Необходимо оптимизация состава документации реставрационного проектирования; адаптация условий финансирования работ к стадиям архитектурно-рест. проектирования.
03	ЗАДАЧИ Проработка финансово-экономического сектора обеспечения в сфере сохранения и использования объектов культурного наследия	Реставрационная сфера нуждается в разработке долгосрочной финансово-экономической программы с преимущественным финансированием работ по сохранению объектов культурного наследия на основе государственного заказа. Необходимо определение поставщика услуг, определение которого должно осуществляться при участии специалистов (Федерального научно-методического совета).
04	ЗАДАЧИ Комплексная разработка методологических вопросов научно-реставрационной деятельности	Важным аспектом является формирование грамотной концепции, включающей как долгосрочную, так и краткосрочную программы реставрации на основе анализа данных о состоянии памятников. Сохранение традиционной методики реставрации во многом определяется преемственностью в передаче профессионального опыта.
05	ЗАДАЧИ Формирование политики кадрово-профессионального обеспечения в сфере сохранения объектов культурного наследия	Отечественная архитектурно-реставрационная сфера сегодня нуждается в сохранении и поддержке системы профильных государственных реставрационных организаций. Одним из необходимых условий является регулирование системы государственной аттестации реставраторов.
06	ЗАДАЧИ Формирование реставрационно-производственной базы, разработка реставрационных материалов и технологий	Практика восстановительных работ на объектах культурного наследия показывает необходимость повышения качества производства реставрационных мероприятий, используемых материалов и технологий.
07	ЗАДАЧИ Разработка мер, направленных на регулирование механизмов содержания и использования объектов культурного наследия	Современная ситуация в сфере сохранения объектов культурного наследия показывает необходимость формирования механизма контроля за содержанием памятников, с учетом различных форм собственности. Требуется разработка целесообразных механизмов включения объектов культурного наследия в социально востребованное современное использование.

Шумилкин Александр Сергеевич

КОНЦЕПЦИЯ РЕСТАВРАЦИИ
АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИИ
XX - НАЧАЛА XXI ВВ.

Монография

На первой стороне обложки:

ОКН регионального значения «Покровская церковь», расположенный по адресу:
Нижегородская область, Дальнеконстантиновский район, с. Борисово-Покровское.
Проект реставрации ООО «АСГАРД», 2018 г.

На четвертой стороне обложки:

ОКН регионального значения «Церковь Святой Троицы», 1798-1810, 1862-1863 гг.,
Красноярский край, Емельяновский район, пгт. Емельяново, ул. Московская, 153,
стр.1. Проект реставрации ООО «АСГАРД», 2021 г.

Подписано к печати _____ Формат 60х90 1/8 Бумага газетная. Печать трафаретная.
Уч. изд. л. 41,0. Усл. печ. л 41,8. Тираж 500 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Нижегородский государственный архитектурно-строительный
университет» 603950, Нижний Новгород, ул. Ильинская, 65.
Полиграфический центр ННГАСУ, 603950, Н. Новгород, Ильинская, 65